

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ И ВОСТОКОВЕДНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ 2013**

**Два выдающихся востоковеда.
К 90-летию со дня рождения
И.Ф. Вардуля и Ю.А. Рубинчика**

Труды научной конференции.
Институт востоковедения РАН
20 ноября 2013 г.

Москва

2014

ББК 81(5)
П781

Рецензенты:

доктор филол. наук Борисова Елена Георгиевна
доктор филол. наук Столбова Ольга Валерьевна
канд. филол. наук Костыркин Александр Вячеславович

Проблемы общей и востоковедной лингвистики 2013.
Два выдающихся востоковеда: К 90-летию со дня рождения И.Ф. Вардуля и Ю.А. Рубинчика. Труды научной конференции, ИВ РАН 20 ноября 2013 г. / Отв. ред. З.М. Шаляпина, сост., ред. А.С. Панина / Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2014. – 312 с.
ISBN 978-5-89282-623-5

В сборнике представлены труды конференции, посвященной 90-летию со дня рождения двух выдающихся лингвистов-востоковедов, работавших в Отделе языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН. Сборник включает как статьи, описывающие жизнь и научную деятельность двух ученых, так и целый ряд работ, продолжающих и развивающих различные направления их исследований, в том числе работы по общей теории языка, а также статьи по конкретным проблемам лексикологии, лексикографии, морфологии, синтаксиса, опирающиеся на материал японского, иранских и ряда других языков.

ББК 81(5)

ISBN 978-5-89282-623-5

© А.С. Панина, З.М. Шаляпина, составление,
редактирование, 2014
© Институт востоковедения РАН, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный сборник включает в себя труды конференции, посвященной девяностолетию со дня рождения двух выдающихся лингвистов-востоковедов: Игоря Фридриховича Вардуля и Юрия Ароновича Рубинчика. Оба ученых много десятилетий трудились в Отделе языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН, где и сейчас работают их ученики и младшие коллеги. Конференция посвящена научному наследию двух ученых, которое до сих пор широко используется научным сообществом и еще долгие годы не потеряет своего значения.

Сборник включает 22 работы и состоит из четырех разделов.

В первом из них («Персоналии») собраны пять статей, непосредственно посвященных И.Ф. Вардулю и Ю.А. Рубинчику. В статье З.М. Шаляпиной дается общее описание жизни и научной деятельности этих двух ученых, а также приводятся списки основных посвященных им биобиблиографических публикаций. В двух статьях внимание авторов сосредоточено на научных достижениях И.Ф. Вардуля. В.М. Алпатов показывает специфику его общелингвистической концепции, Т.А. Розанова – значение его японистического научного наследия. Еще в двух работах предметом рассмотрения являются научные результаты Ю.А. Рубинчика. М.С. Каменева обращает внимание на его научное новаторство в области иранистики, Дж. Дорри – на его научно-организационные заслуги в деле персидской лексикографии.

В трех других разделах сборника представлены работы, продолжающие и развивающие отдельные направления исследований И.Ф. Вардуля и Ю.А. Рубинчика.

Раздел «Теория языка» содержит исследование А.А. Хамрая, в котором предлагается философское осмысление понятия грамматики и основных грамматических категорий на базе арабского языкового материала, и статью З.М. Шаляпиной, где рассматривается проблема соотношения в языковой системе разных типов лингвистических уровней.

В раздел «Лексикология и лексикография» включены шесть статей по различным аспектам указанных областей языкознания. Статья С.А. Быковой посвящена проблемам фразеологической деривации в токийском варианте японского языка, статьи Л.Р. Додыхудоевой, А.А. Кузьминой, С.М. Сейед Агаи Резаи и И.С. Якубовича – семантическим и этимологическим особенностям отдельных пластов лексики в различных языках иранской семьи. В статье А.И. Полищука обосновывается актуальность задачи создания персидско-русского и русско-персидского словарей общественно-политической лексики.

Последний раздел сборника «Морфология и синтаксис» включает девять статей, в которых на разнообразном лингвистическом материале исследуются морфологические и синтаксические характеристики языковых систем. Значительное внимание уделено здесь особенностям глагольных категорий. Е.Е. Арманд и С.Э. Талыбова исследуют их на персидском языковом материале, М. Джафари-Дехаги – на материале юго-восточных иранских диалектов, Е.К. Молчанова использует материал зороастрийского дари, К. Гадилия – материал грузинского языка. В двух статьях предметом изучения является специфика служебных единиц в иранских языках. В.Б. Иванов рассматривает связи клитик и незначительных частей речи с другими словами в персидском языке, С.В. Дёрин описывает предлоги, послелого и союзы в зороастрийском дари. Еще две статьи затрагивают вопросы типологии: в статье А.Г. Беловой выявляются типологические особенности одного из диалектов арабского языка, в статье И.Н. Комаровой дается типологическая оценка морфонологии тибетского языка.

В целом сборник отражает практически все основные области общего языкознания и, можно надеяться, будет интересен широкому кругу лингвистов, занимающихся исследованиями в этих областях, а также другим специалистам по языкам, материал которых описывается в статьях сборника.

З.М. Шаляпина

ПЕРСОНАЛИИ

©

З.М. Шаляпина
ИБ РАН (Москва)

90 лет со дня рождения И.Ф. Вардуля и Ю.А. Рубинчика

И.Ф. Вардуль (15.11.1923 – 26.02.1998) и Ю.А. Рубинчик (10.11.1923 – 16.12.2012) – двое ученых-востоковедов, чьему научному наследию была посвящена конференция, материалы которой вошли в данный сборник, – имеют между собой поразительно много общего, хотя и занимались совершенно разными языками, специализировались в разных областях лингвистики и опирались на различные методологические подходы.

Часть этой общности обусловлена их принадлежностью к одному поколению – тому, судьба которого оказалась напрямую связана с судьбой нашей страны в XX веке. Оба они сразу по окончании средней школы встретили начало Великой Отечественной войны. Оба побывали в боях – Ю.А. Рубинчик в 1941 г., И.Ф. Вардуль в 1944-1945 гг. – и имеют боевые награды. Оба учились в Военном Институте иностранных языков: И.Ф. Вардуль закончил его в 1944 г., Ю.А. Рубинчик – в 1945-м. Оба около десяти лет работали в том же Институте преподавателями, а в середине 50-х гг. перешли на работу в Институт востоковедения, в рамках которого и проходила вся их дальнейшая научная деятельность.

Но есть и другой аспект общности этих двух замечательных людей: оба отличались яркой индивидуальностью, оба были беззаветно преданы науке, оба оставили заметный след в своих областях языкознания, оба воспитали немало достойных учеников.

В сферу обширных лингвистических интересов И.Ф. Вардуля входили прежде всего исследования грамматического строя и грамматической семантики японского языка, охватывающие са-

мые разные участки его системы – от отдельных японских суффиксов, частиц и служебных слов до свойственных данному языку супрафонологических и супрасинтаксических явлений. О глубине и научной обоснованности полученных И.Ф. Вардулем конкретно-лингвистических результатов свидетельствует среди прочего то, что они были включены С. Мартином в его получивший мировую известность фундаментальный компендиум грамматических сведений о японском языке¹. Во Введении к этой работе (с. 5) автор отмечает И.Ф. Вардуля как «одного из ученых, которые своими трудами или личными советами оказали существенное влияние на ее содержание» («scholars who have influenced the content of this book, by their writings or through personal advice»), а в списке литературы приводит ссылки на ряд его научных публикаций (с. 1092).

В дальнейшем японистические исследования И.Ф. Вардуля послужили базой для изучения им общих вопросов лингвистической теории и типологии, закономерностей порядка слов, свойств и признаков морфем, а также для разработки им собственной всеобъемлющей концепции языка и образуемой им системы уровней.

Большое место в работе И.Ф. Вардуля занимала также научно-организационная деятельность: много лет он руководил сектором тюрко-монгольских языков и языков Дальнего Востока в рамках Отдела языков народов Азии и Африки, а позже длительное время успешно руководил и всем Отделом. Сотрудники Отдела до сих пор вспоминают его с уважением и благодарностью.

Ю.А. Рубинчик посвятил свою научную деятельность изучению персидского языка. Начав с исследований в области фонетики и синтаксиса этого языка, Ю.А. Рубинчик затем на долгое время погрузился в сферу персидской лексикологии и лексикографии. Ему принадлежат фундаментальные монографии по персидской лексикографии и фразеологии, под его редакцией и руководством был создан двухтомный Персидско-русский словарь, до сих пор остающийся самым полным словарем этого языка. Но за всей этой работой Ю.А. Рубинчик не оставлял и свои грамматические исследования, завершив их изданием в 2001 г. фундаментальной «Грамматики современного персидского литературного

¹ Martin, Samuel E. A Reference Grammar of Japanese. Rutland–Tokyo: Charles E Tuttle Company, Inc., 1988. 1198 p.

языка». Параллельно с конкретно-лингвистическими исследованиями, Ю.А. Рубинчик уделял значительное внимание социолингвистической проблематике: языковой ситуации и языковой политике современного Ирана, идущим в нем нормализационным процессам, взаимоотношениям персидского языка с его соседями, прежде всего с дари, таджикским и индийским-персидским языками, развитию персидской терминологической лексики и т.п.

Значительны заслуги Ю.А. Рубинчика также в области педагогической и научно-организационной деятельности. Он воспитал целую плеяду учеников-иранистов, отдал немало сил распространению в нашей стране знаний об Иране и его культуре (явившись, в частности, одним из учредителей Международного фонда иранистики в Москве), был удостоен целого ряда зарубежных и международных премий и наград.

Сейчас, когда мы отмечаем 90-летие со дня рождения И.Ф. Вардуля и Ю.А. Рубинчика, наше уважение к заслугам этих двух выдающихся востоковедов-лингвистов проявляется не только в том, чтобы чтить их память, помнить и хранить их достижения и традиции, но и в том, чтобы, продолжая работу в тех же научных областях, творчески развивать эти достижения и, не теряя преемственности, добавлять свой вклад в общую копилку научных знаний.

Публикации о жизни и трудах И.Ф. Вардуля

1. Актуальные вопросы японского и общего языкознания: Памяти И.Ф. Вардуля / Отв. ред. В.М. Алпатов, З.М. Шаляпина; Сост. А.С. Панина; Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит., 2005. 415 с.
2. Алпатов В.М., С.А. Крылов. И.Ф. Вардуль. Его жизнь и творчество // Актуальные вопросы японского и общего языкознания: Памяти И.Ф. Вардуля. М.: Вост. лит., 2005. С. 5-9.
3. Алпатов В.М. Игорь Фридрихович Вардуль // Восток. 1998, № 5. С. 216-217.
4. И.Ф. Вардуль // Библиография Японии. 1959-1973. М.: Наука, 1984. Именной указатель. С. 308. (Ссылки на 17 научных публикаций).
5. И.Ф. Вардуль // Избранная библиография научных трудов сотрудников Отдела языков народов Азии и Африки. М.: ИВ РАН, 2002. С. 34-35. (Ссылки на 29 научных публикаций).
6. Вардуль Игорь Фридрихович // Милибанд С.Д. Востоковеды России. XX – начало XXI века. Библиографический словарь. В двух книгах. Книга I. А-М. М.: Вост. лит., 2008. С. 220-221. (Перечень 24 научных публикаций).

7. Концевич Л.Р. Из воспоминаний об И.Ф. Вардуле // Актуальные вопросы японского и общего языкознания: Памяти И.Ф. Вардуля. М.: Вост. лит., 2005. С. 18-22.
8. Концевич Л.Р., С.А.Крылов. Библиография трудов И.Ф. Вардуля // Актуальные вопросы японского и общего языкознания: Памяти И.Ф. Вардуля. М.: Вост. лит., 2005. С. 10-18. (Перечень 100 научных публикаций и переводов).
9. Крылов С.А. Общелингвистическая концепция И. Ф. Вардуля // Актуальные вопросы японского и общего языкознания: Памяти И.Ф. Вардуля. М.: Вост. лит., 2005. С. 22-30.
10. Сапожников Б.Г., И.В. Шикин. Подвиг на дальневосточных рубежах. М.: Воениздат, 1975.
11. Сапожников Б.Г., Г.Л. Меклер. Востоковеды на фронте. На Дальнем Востоке // Оружием слова. 1941-1945. М., 1985. С. 137-181.
12. Сапожников Б.Г. Плечом к плечу // Оружием слова. 1941-1945. М., 1985. С. 203-207.
13. Список основных научных трудов доктора филологических наук И.Ф. Вардуля (К 60-летию со дня рождения) / Сост. С.Д. Милибанд и Л.Р. Концевич // Народы Азии и Африки. 1984, № 1. С. 215-216. (Хронологический перечень 42 книг и статей за 1953-1982 гг.).
14. Шаляпина З.М. И.Ф. Вардуль и компьютерная лингвистика // Актуальные вопросы японского и общего языкознания. Памяти И.Ф.Вардуля. М.: Вост. лит., 2005. С. 31-34
15. Vardul' I.F. // OCLC WorldCat' Identitie. [сайт]. URL: <http://orlabs.oclc.org/identities/viaf-214662175> (перечень 20 научных публикаций, представленных в международных библиотеках; дата обращения 07.10.2013).
16. 柴田武. ソ連の日本語研究--その文献目録(1) – Shibata Takeshi. Japanese Studies in Soviet Union: Bibliography of the Works of Japanese Language published in USSR 1951-1981, edited by I.F. Vardul (1) // 131号 (国語学 第百三十一集) 1982年(昭和五十七年十二月三十日) [Kokugo-gaku. 1982, Vol. 131]. P. 67-78. (Рец. Т. Сибата на указ. книгу)
17. 日本国内と海外における日本語研究動向に関する対照的研究 Trends of Studies on Japanese within and outside Japan. Research Project Number: 05301053. FY1993~FY1995. Principal Investigator: 宮島 達夫 [Miyajima, Tatsuo]. Co-Investigators: 伊藤 雅光 [Ito, Masamitsu], 江川 清 [Egawa, Kiyoshi], 西原 鈴子 [Nishihara, Suzuko], 徳川 宗賢 [Tokugawa, Munemasa], 渡辺 実 [Watababe, Minoru]. (В Аннотации к проекту И.Ф. Вардуль отмечен как основной автор российской части собранной библиографии). [сайт]. URL: <http://kaken.nii.ac.jp/d/p/05301053.en.html> (дата обращения 11.10.2013)

Публикации о жизни и трудах Ю.А. Рубинчика

1. Антадзе Ф. Памяти учителя (из Грузии с любовью) // Караван. Памяти Ю.А. Рубинчика. Специальный выпуск. Август 2013. С. 8-11.
2. Арсланбеков А.И. Слово о юбиляре // Восточное языкознание: К 80-летию Ю.А. Рубинчика / Отв. ред. В.М. Алпатов; сост. С.Э. Талыбова. М.: Вост. лит., 2003. С. 3-15.
3. Восканян Г.А. Ю.А. Рубинчик – видный ученый-иранист // Восточное языкознание: К 80-летию Ю.А. Рубинчика / Отв. ред. В.М. Алпатов; сост. С.Э. Талыбова. М.: Вост. лит., 2003. С. 16-23.
4. Восканян Г.А. Памяти Ю.А. Рубинчика – преподавателя ВИИЯ и участника парада Победы // Караван. Памяти Ю.А. Рубинчика. Специальный выпуск. Август 2013. С. 12-14.
5. Гиунашвили Дж.Ш. Памяти Юрия Ароновича Рубинчика (1923-2012) // Караван. Памяти Ю.А. Рубинчика. Специальный выпуск. Август 2013. С. 15-21.
6. Иванов В.Б. Предисловие // Караван. Памяти Ю.А. Рубинчика. Специальный выпуск. Август 2013. С. 4-6.
7. Куранбеков А. Корифей востоковедческой науки (памяти Ю.А. Рубинчика) // Караван. Памяти Ю.А. Рубинчика. Специальный выпуск. Август 2013. С. 22-25.
8. Караван. Памяти Ю.А. Рубинчика. Специальный выпуск / Культурное представительство при Посольстве Исламской Республики Иран в Российской Федерации. Август 2013. 106 с. [сайт]. URL: http://docviewer.yandex.ru/?url=ya-disk-public%3A%2F%2Fm73FwuiD7L2BWNhXOVYS2vEqr0XN3X2zvvtWT0y%2Fhk%3D&name=karavan_rubinchnik.pdf&c=524e85e4ffbc (дата обращения 04.10.2013).
9. С.Д. Милибанд. Список основных научных трудов доктора филологических наук Ю.А. Рубинчика (К 60-летию со дня рождения) // Народы Азии и Африки. 1984, № 1. С. 212–213. (Хронологический перечень 40 научных публикаций за 1951–1982 гг.).
10. Новое слово иранской филологии // Иран сегодня. Приложение к журналу «Азия и Африка сегодня». Вып. 2003 г. С. 22-25.
11. Памяти Юрия Рубинчика / Радио «Голос России». [сайт]. URL: http://rus.ruvr.ru/2012_12_26/Pamjati-Jurija-Rubinчика/ (дата обращения 11.02.2013).
12. Рассказ о Юрии Рубинчике – известном вияковском иранисте мирового уровня / Сайт выпускников ВИИЯ, ВКИМО, ВУМО // <http://www.vkimo.com/node/1855> (дата обращения 04.10. 2013).
13. Ю.А. Рубинчик // Библиография Ирана. М., 1967. С. 371. (Ссылки на 14 работ).
14. Ю.А. Рубинчик // Таджикская советская энциклопедия. Душанбе, 1986. С. 421-422 (на тадж. яз.).

15. Рубинчик Юрий Аронович // Милибанд С.Д. Востоковеды России. XX – начало XXI века. Библиографический словарь. В двух книгах. Книга II. Н-Я. М.: Вост. лит., 2008. С. 273-274. (Перечень 33 научных публикаций).
16. Ю.А. Рубинчик // Юдакин А.П. Ведущие языковеды мира. Энциклопедия. М.: Советский писатель, Ариадна, 2000.
17. Ю.А. Рубинчик // Избранная библиография научных трудов сотрудников Отдела языков народов Азии и Африки. М.: ИВ РАН, 2002. С. 55-56. (Ссылки на 22 научные публикации).
18. Рубинчик Юрий Аронович / Энциклопедия ВИИЯ // http://viiapedia.com/index.php/Рубинчик_Юрий_Аронович (дата обращения 04.10.2013).
19. Соболева А.С. Памяти учёного. Последнее интервью профессора Юрия Рубинчика // Караван. Ежемесячный электронный журнал. Культурное представительство при Посольстве Исламской Республики Иран в Российской Федерации. Декабрь 2012, № 18. С. 15-20. [сайт]. URL: http://moscow.icro.ir/uploads/karavan_18.pdf (дата обращения 04.10.2013). Перепеч. в: Караван. Памяти Ю.А. Рубинчика. Специальный выпуск. Август 2013. С. 26-31.
20. Торкаман А.Э. Упокоился выдающийся российский иранист // Караван Ежемесячный электронный журнал. Культурное представительство при Посольстве Исламской Республики Иран в Российской Федерации). Январь 2013, № 19. С. 17-21. [сайт]. URL: http://ru.moscow.icro.ir/uploads/karavan_19.pdf (дата обращения 04.10.2013). Перепеч. в: Караван. Памяти Ю.А. Рубинчика. Специальный выпуск. Август 2013. С. 32-36.
21. Шаляпина З.М. Что это значит – лингвист? // Караван. Памяти Ю.А. Рубинчика. Специальный выпуск. Август 2013. С. 37-41.

©

В.М. Алпатов
ИВ РАН, ИЯз РАН (Москва)

Лингвистическая концепция И.Ф. Вардуля

Игорь Фридрихович Вардуль в течение почти всей своей научной деятельности совмещал изучение японского языка с поисками общей лингвистической теории. Это тем более существенно, поскольку его профессиональная подготовка была далека

от теоретических проблем. И.Ф. Вардуль окончил Военный институт иностранных языков, его учителями были Н.И. Конрад и А.А. Пашковский. Из этих двух видных японистов второй, пожалуй, мог больше способствовать развитию интереса к теории: он был в основном практиком, но отличался нестандартностью и нетрадиционностью подходов, тогда как Н.И. Конрад как лингвист в целом был очень традиционен и больше интересовался культурными аспектами языка, чем его структурой. Впоследствии Игорь Фридрихович не любил свою кандидатскую диссертацию, выполненную под руководством Н.И. Конрада, и запрещал аспирантам её читать. В нашей стране, впрочем, И.Ф. Вардуль был не первым, кто совмещал японистику с теорией языка. Однако Е.Д. Поливанова он уже не застал, а с жившим в Ленинграде А.А. Холодовичем у него были лишь эпизодические контакты. В целом И.Ф. Вардуля можно назвать автодидактом, хотя на его взгляды оказало влияние само время: с середины 50-х гг. «сталинский этап» развития советской лингвистики сменился интенсивным освоением современной западной науки, а общая теоретичность заметно возросла.

Первой крупной работой И.Ф. Вардуля была книга 1964 г. «Очерки потенциального синтаксиса японского языка», где была предложена оригинальная идея о разграничении потенциального и актуального синтаксиса (впоследствии переименованных в синтаксис и супрасинтаксис), в дальнейшем вошедшая в состав более общей концепции. Далее учёный перешёл к разработке полной теории, которую строил много лет. Им было предложено несколько её промежуточных вариантов, один из которых был в 1973 г. защищён в академическом Институте языкознания в качестве докторской диссертации. В 1977 г. вышла монография «Основы описательной лингвистики. Синтаксис и супрасинтаксис» (переиздана в 2006 г.), в которой теория была изложена наиболее подробно. Далее я буду специально рассматривать именно книжный её вариант (ссылки на книгу будут даваться с указанием лишь номера страницы), хотя и позднее И.Ф. Вардуль продолжал развивать свои идеи. Сразу надо отметить, что теория разрабатывалась им совершенно самостоятельно, вне существовавших научных школ: ему так и не удалось войти в какой-либо научный коллектив или же создать его.

Теория языка у И.Ф. Вардуля представляет собой одну из наиболее последовательных попыток структурного и дедуктивного подхода к языку, развивавшую, прежде всего, идеи Л. Ельмслева и других глоссематиков (хотя по некоторым вопросам он с Л. Ельмслевом расходился). Вслед за ними он старался дать строгие определения основных понятий языка и выявить общие принципы устройства языковой системы, ограничиваясь этой проблематикой и не касаясь функционирования языка или его истории.

В связи с этим И. Ф. Вардуль писал: «В лингвистике выделяются, с одной стороны, собственно лингвистика (она же внутренняя, имманентная, или макролингвистика) и, с другой стороны, внешнелингвистические дисциплины, или внешние лингвистики, такие, как социолингвистика, психолингвистика и т.д. Собственно лингвистика изучает язык в отвлечении от... связей, в которых он функционирует» (с. 7). Это в основном соответствует разграничению внутренней и внешней лингвистики у Ф. де Соссюра. Другое же разграничение Соссюра он уточняет: «Описательная лингвистика отвлекается от исторического времени, т.е. не только от диахронии, но и от синхронии» (с. 8). Непоследовательность в соссюрловском понимании синхронии указывалась и до того; в частности, В. Брёндаль отмечал необходимость разграничения синхронии как состояния языка, связанного с его прошлым и будущим, и ахронии как системы вне «исторического времени» [Брёндаль 1960, с. 45]. В других местах книги И.Ф. Вардуль указывал: «Соссюрловскую дихотомию «синхрония – диахрония» надо дополнить дихотомией «ахрония – хрония» (с подразделением последней на синхронию и диахронию)» (с. 70-71). «С одной стороны, можно говорить о языке в непрерывном смысле.... С другой стороны, можно говорить о языке как языковой знаковой системе» (с. 60). Свои же задачи учёный последовательно ограничивал ахроническим подходом, поскольку только он изучает язык как знаковую систему.

Освобождая лингвистический анализ от всего нелингвистического, учёный исключал и «все еще сохраняющийся элемент психологизма в трактовке языка и его семантического аспекта» (с. 9). По его мнению, «остаточный психологизм находит выражение в так называемом менталистском понимании процесса пользования языком» (с. 9). И.Ф. Вардуль признавал, что «почти все, что достигнуто в лингвистике (в частности, в области семан-

тики), сделано в русле этих [менталистских] теорий» (с. 13). Однако он считал, что любой психологизм «с самого начала лишает лингвиста возможности взглянуть на язык глазами стороннего наблюдателя» (с. 9). В данном пункте его точка зрения сходилась со взглядами большинства представителей структурной лингвистики. Сам термин «ментализм» был введён Л. Блумфилдом как общее обозначение для неприемлемых концепций, объясняющих явления языка чем-либо внеязыковым. Позиция же «стороннего наблюдателя», аналогичная позиции исследователя в естественных науках, исключая интуицию и интроспекцию, предполагалась единственно правильной для структуралистов разных школ и направлений. Всё это сохранялось и в данной концепции, где в качестве объекта исследования выделялась описательная лингвистика, или дескриптика.

Об идеях Л. Блумфилда, которые тот сам называл механицизмом, И.Ф. Вардуль писал: «Механицизм, как и ментализм, находится в несомненной зависимости от экстралингвистического фактора. Только в отличие от ментализма, ищущего опоры в области психики, механицизм обращается к внеязыковой действительности» (с. 14). Это верно лишь отчасти: Л. Блумфилд в статье «Language of Ideas» (1936) писал, что предмет изучения лингвистики – «шум, производимый органами речи», а задача лингвиста – «показать, что говорящий не имеет идей, что достаточно лишь шума» (цит. по: [Белый 2012, с.14, 19]). Сравним эту формулировку с тезисом самого И.Ф. Вардуля: «Лингвист, работающий в области дескриптики, прежде всего совершает исключаяще-негативную абстракцию: отвлекается от всего, кроме событий в речевом канале связи (иначе: от всего, кроме потока высказываний, речи)» (с. 19).

Сходство позиций очевидно, хотя данная статья американского лингвиста могла Игорю Фридриховичу и не быть известна. «Собственно лингвистика» у И.Ф. Вардуля, как и у Л. Блумфилда, не изучает ни «язык мозга», ни говорение, «перекодирование... с лингвистически иррелевантной знаковой системы на естественный язык», ни слушание (обратный процесс). Для неё существенно лишь то, что происходит «в акустическом (а также графическом) канале связи» (с. 17).

В то же время вряд ли бы И.Ф. Вардуль в полной мере согласился с тем, что «говорящий не имеет идей», но и для него

сами эти идеи оказывались вне объекта изучения, важен лишь их результат – языковое значение. «Каждое высказывание, к анализу которого исследователь приступает, он воспринимает так же, как воспринял бы его нормальный носитель описываемого языка с учетом конкретной речевой ситуации и контекста. Какие средства использует лингвист, чтобы добиться такого восприятия эмпирического материала – дескриптику не интересует» (с. 19-20). То есть он, как и большинство структуралистов (кроме крайних дескриптивистов вроде З. Харриса), не отказывался от исследования семантики, прямо указывая, что «криптоанализ» в духе Харриса «неприемлем для дескриптики» (с. 21), но значение у него просто постулируется, а «конкретная речевая ситуация и контекст» для дескриптики несущественны. «Языковая интуиция нужна лингвисту лишь для полного восприятия эмпирического материала и действует за пределами его науки» (с. 21).

Главное отличие данной концепции от дескриптивизма в другом: её автор указывал, что «тормозящим фактором является неразработанность дедуктивной стороны описательной лингвистики» (с. 9). Для дескриптивистов первичен был «шум», явления которого затем исследовались на индуктивной основе, а И.Ф. Вардуль подходил к «шуму» вместе с приписанными ему значениями, имея заранее разработанную дедуктивную систему. Как раз так поступал Л. Ельмслев, к которому, как выше уже было сказано, данная концепция близка.

Язык у И.Ф. Вардуля, как и у других структуралистов, является системой знаков; в знаке, как и у Л. Ельмслева, выделяется план содержания и план выражения. «Содержанием в языке является информация в том ее понимании, которое развилось на базе теории информации» (с. 22). «Коль скоро некоторая информация закреплена за каким-то языковым знаком, она как свойство этого знака существует точно в том же смысле, что и акустические свойства. Именно поэтому информация эмпирична» (с. 24-25).

«То, к чему (семантические) языковые единицы относятся, что они означают, о чем несут (семантическую) информацию, условимся называть языковыми референтами» (с. 25). «Языковыми референтами являются не непосредственно объекты действительности, а идеальные объекты» (с. 26). «Идеальные референты отражают действительность (не всегда адекватно), знаки – передают информацию о них» (с. 29). «Для идеальных языковых референ-

тов подходит термин «значение» (с. 26), который избегается лишь из-за его многозначности.

Важным компонентом общелингвистической концепции являлось положение о том, что множество референтов едино независимо от конкретного языка. «Идеальный референт не меняется от того, произносится ли *атом* или *гэнси* (японское слово с тем же значением – В.А.). Это один и тот же референт. Слова *атом* и *гэнси* входят в состав соответственно русского и японского языка. Но их идеальный референт не принадлежит ни тому, ни другому» (с. 31). Суть дела не меняется и там, где языки имеют различия. Сравнивая русское *десять тысяч* и китайское *вань*, имеющее то же значение, но не разлагающееся на значимые компоненты, И.Ф. Вардуль пишет: «Референты <десять тысяч> и <вань> не тождественны. Первый состоит из двух элементарных референтов <десять> и <тысяча>. А <вань> сам элементарен, он не делится так, как делится <десять тысяч>. Но хотя эти референты различны, они равны, потому что десять тысяч равны одному ваню..., потому что составной референт <десять тысяч> отображает действительность точно так же, как элементарный <вань>» (с. 32-33).

Отсюда делается вывод: «Неправомерно утверждать, что разные языки конструируют разные «картины мира». Для отображения действительности безразлично, осуществляется ли оно посредством одного и того же или разных, но равных идеальных референтов» (с. 34). И.Ф. Вардуль всегда резко отрицательно относился к гипотезе Э. Сепира – Б. Уорфа, которой в его системе понятий не находилось места; об этом он говорил даже на экзаменах для своих аспирантов. Он считал, что эта гипотеза, основанная на идее о разном отражении действительности в разных языках, опровергается возможностью адекватного перевода с одного языка на другой.

Дескриптика изучает, таким образом, не только единицы языка. «Предмет собственно лингвистики (дескриптики) является двуединым по своему составу: к нему принадлежат и системы языковых единиц и системы идеальных языковых референтов» (с. 40). «Семантике должна предшествовать предсемантика – изучение идеальных языковых референтов и их систем» (с. 42). Данное положение – одно из немногих, по которому И.Ф. Вардуль прямо спорит с основателем глоссематики: «Ельмслев настаивает на

раздельном изучении формы выражения и формы содержания.... С нашей же точки зрения, раздельно (в разных дисциплинах) описываются не планы выражения и содержания (они суть совокупности разных свойств одной и той же единицы), а план единиц и план идеальных референтов» (с. 41). Предсемантика неоднократно упоминается в книге, и отдельная глава (с. 171-187) посвящена её основным понятиям, но И.Ф. Вардуть понимал, что её детальное построение – дело будущего.

Далее И.Ф. Вардуть рассматривал проблематику, связанную с языком и речью. Вместо привычной дихотомии Ф. де Соссюра «язык – речь», он принял трёхчленное разграничение «язык – дискурс – речь» (*langue – discourse – parole*), предложенное бельгийским лингвистом Э. Бюиссенсом (1900-2000); на то, что термин «дискурс» (в современной лингвистике имеющий и другие значения) взят именно оттуда, И.Ф. Вардуть прямо указывает (с. 44). О понятии дискурса у Э. Бюиссенса см. недавнюю статью [Кузнецов 2013, с.120-121].

Исходна речь, которая нам непосредственно дана: «Процессы, протекающие в речевом канале связи, и их результаты можно назвать речью» (с. 43). Для перехода от речи к следующему уровню – дискурсу «надо прибегнуть к исключаяюще-негативной абстракции – отвлечься от всей (семантической) информации, кроме языковой, и от всех акустических (или графических) свойств и отрезков речи, которые несут неязыковую информацию» (с. 44). Далее происходит «переход от сегментов дискурса к единицам (знакам) языка, или языковым единицам», который «осуществляется посредством абстракции отождествления» (с. 49). «Все, что есть в дискурсе, есть и в языке. И обратно: все, что есть в языке, должно появиться в достаточно протяженном дискурсе» (с. 50). «Язык... никогда не актуализуется как язык. Он актуализуется только в представляющем его дискурсе» (с. 51). Однако «применение абстракции отождествления позволяет вскрыть лишь неупорядоченные перечни языковых единиц», а для решения задач дескриптики нужно построить «язык-модель» (с. 52-53). «Синтагматика принадлежит языку, как и парадигматика» (с. 54).

Далее специально рассматривается вопрос о формализации в лингвистике. «Для лингвистической дескриптики метод формализации чрезвычайно важен.... Его можно положить в основу построения дескриптических моделей» (с. 74). Но использование

формального аппарата в книге довольно ограничено и не выходит за рамки элементарной математики. Этим И.Ф. Вардуль отличался, например, от Н. Хомского или от своего коллеги по Отделу языков Института востоковедения Ю.К. Лекомцева, больше напоминая старшее поколение структуралистов, в том числе Л. Ельмслева.

Однако необходимая для определённых целей «замена естественного языка (обычно его части) специально построенным формализованным языком» (с. 73) не означает того, что естественный и формализованный языки идентичны. Прежде всего, только в естественных языковых системах (ЯС) имеет место омонимия: «это, действительно, качественно важная черта естественных ЯС. Именно здесь проходит граница между неформализованными и формализованными системами, ибо назначение формализации в том и заключается, чтобы полностью избежать двусмысленности» (с. 75).

Следующая глава книги посвящена строению языковой системы, которая «слагается из систем-этажей, подобных простым знаковым системам» (с. 82). Простая знаковая система (ЗС) состоит из множества низших единиц, множества высших единиц, множества промежуточных единиц (что необязательно) и правил построения высших единиц из низших. К этому добавляются правила обозначения, указывающие, что обозначают низшие и высшие единицы, а также правила коррекции (с. 82-83). Сложная система состоит из нескольких ярусов; разные ярусы могут совпадать с теми или иными единицами, в том числе высшая единица одного яруса может быть низшей единицей другого (с. 86-87). Языковая система является сложной, многоярусной: «Знаки ЯС образуют единую иерархию» (с. 97).

И.Ф. Вардуль отталкивается от широко известного в те годы различения трёх аспектов знаковых систем – синтаксиса, семантики и прагматики, введённого Ч. Моррисом, в целом принимая его, но заменяя термин *синтаксис* ввиду его многозначности термином *тектоника*. Отмечу, что прагматика, аспект, описывающий «внешние связи ЗС с другими объектами (системами) действительности» (с. 91), включается здесь в общую систему, хотя с самого начала знаковые системы понимаются в отвлечении от такого аспекта. Однако сразу закономерно сказано: «Прагматика нас более интересовать не будет», причём упомянуто: «К линг-

вистической прагматике относятся такие дисциплины, как психоллингвистика, социоллингвистика и пр.» (с. 91).

«Под аспектом, изучаемым в... тектонике..., можно понимать внутреннее строение ЗС (а также системы языковых референтов).... В отличие от тектонического и прагматического аспектов, имеющих соответствия в незнаковых системах, аспект, изучаемый в семантике, уникален (есть только в ЗС), что объясняется уникальностью отношения между знаком и референтом. Именно семантический аспект оставляет то, что специфично для знаковых систем, что отличает их от всех иных систем» (с. 91). «Тектоника предшествует семантике» (с. 96). В то же время «тектоника и семантика не представляют собой обособленных дисциплин или обособленных отделов одной дисциплины (в отличие от прагматики, которая сама делится на ряд дисциплин)», поскольку «тектоническое исследование логически недостаточно», не затрагивая знаковость, а «описание ЗС только в семантическом аспекте (без предварительного тектонического описания) неосуществимо» (с. 92). Следовательно, это «неразрывные составляющие одной дисциплины, одного описания» (с. 92).

В то же время, согласно И.Ф. Вардулю, «нельзя исключать и возможность двойного рассмотрения ЗС – с учетом интерпретации и без учёта интерпретации» (с. 93). Эти способы рассмотрения автор книги называет (используя переосмысленные термины Л. Ельмслева) плерематикой и кенематикой (с. 93). «Плерематика предшествует кенематике» (с. 94).

Центральное место в концепции И.Ф. Вардуля занимает построение ярусной структуры языка. Здесь он указывал, что «ближе других» к ней концепция видного представителя Пражской школы Б. Трнки (с. 102), взгляды которого, как и взгляды других пражцев, резко отличались и от взглядов Л. Ельмслева, и от взглядов Л. Блумфилда. Язык понимался И.Ф. Вардулем как знаковая система, имеющая ярусное строение. «В естественных ЯС выделяется восемь ярусов: фонологический, морфонологический, супрафонологический, лексико-морфологический, морфосинтаксический, интерсинтаксический, синтаксический и супрасинтаксический» (с. 100). В фонологическом ярусе низшая единица (Н-единица) – фонема, высшая единица (В-единица) – слог. В морфонологическом ярусе Н-единица – фонема, В-единица – морфема. В лексико-грамматическом ярусе Н-единица – морфема,

В-единица – глоссема (словоформа). В супрафонологическом ярусе Н-единица – слог, В-единица – морфема или глоссема (в зависимости от строя языка). В морфосинтаксическом ярусе Н-единица – глоссема, В-единица – синтаксема (член предложения). В интерсинтаксическом ярусе Н-единица – синтаксема, В-единица – фразема (соответствует таким терминам как тема и рема). В синтаксическом ярусе Н-единица – синтаксема, В-единица – период. Наконец, в супрасинтаксическом ярусе Н-единица – фразема, В-единица – фраза (с. 100, 326).

В этой системе наряду с традиционно вычленяемыми ярусами (фонологический, морфологический, синтаксический, у ряда лингвистов и морфонологический), выделялись нестандартные, требующие пояснения. Супрафонологический ярус включает в себя ударение и другую просодику; см. его описание для японского языка в книге [Вардуль, Алпатов, Старостин 2000]. К морфосинтаксическому ярусу отнесено соединение знаменательных слов со служебными (сейчас иногда морфосинтаксисом называют, наоборот, объединение морфологии с синтаксисом в единое целое, но здесь так именуются промежуточные между ними явления).

В этом пункте на И.Ф. Вардуля явно повлиял подход, принятый в японской науке после работ Хасимото Синкити [Хасимото 1983, с. 72]. Там европейскому понятию слова соответствуют две единицы: *го* и *бунсэцу*. Первая единица – морфологическая, *го* делятся на знаменательные и служебные (в число последних попадают многие из элементов, считающихся в европейской японистике аффиксами). Вторая единица – минимальная единица синтаксиса, состоящая из знаменательного *го* со всеми относящимися к нему служебными. Глоссема, по И.Ф. Вардулю, одновременно аналог русской словоформы и японского *го*, синтаксема – аналог *бунсэцу*. Супрасинтаксический ярус охватывает явления, которые к 70-м гг. XX вв. уже было принято вслед за В. Матезиусом относить к актуальному членению. Интерсинтаксический ярус, о котором сказано менее всего, связывает синтаксис с актуальным членением: то, что традиционно называется темой и ремой, может состоять из нескольких членов предложения, в этом случае говорится, что фразема (минимальная единица супрасинтаксиса) состоит из нескольких синтаксем (с. 258-259). Отмечу также, что в качестве В-единицы синтаксического яруса рассматривается период, «самостоятельное синтаксическое построение»

(с. 220), а предложение, «предикативное единство» (с. 220) является промежуточной единицей. В частности, сложносочинённое предложение – период, состоящий из нескольких предложений.

Дальнейшая часть книги (с. 188-321) была специально посвящена описанию двух ярусов: синтаксического и супрасинтаксического, в свете общей авторской концепции. Одно из фундаментальных различий двух ярусов: «Все супрасинтаксические единицы интонационные, а все синтаксические единицы неинтонационные» (с. 241-242).

Оригинальная теория И. Ф. Вардуля была одной из последних по времени общетеоретических концепций структурной лингвистики. Однако она не оказалась востребована в современной ему и последующей лингвистике. В этом, по-видимому, роль сыграли две причины.

Во-первых, Игорь Фридрихович был исследователем-одиночкой, сформировавшимся как теоретик языка самостоятельно и не связанным с какой-либо из школ советского языкознания. Этим он отличался даже от отчасти близкого ему в ряде отношений своего коллеги Ю.К. Лекомцева: тот также работал один, но в личностном плане был связан с рядом советских структуралистов. И. Ф. Вардуль пытался заинтересовать своими идеями учеников, однако автор данной статьи, восприняв от своего учителя многое, не был всё же в такой степени склонен к построению абстрактных теорий, а более теоретичный А.Н. Барулин, в то время преданный модели «смысл↔текст», не мог совместить её с идеями, шедшими от Игоря Фридриховича, и их отношения кончились разрывом. Попыткой применить эти идеи к конкретному языку была много лет сочинявшаяся в Институте востоковедения коллективная грамматика японского языка. Её написание шло долго и трудно, прежде всего, по внутренним причинам: И.Ф. Вардуль не был удовлетворён многим в своей концепции, постоянно что-то менял, а его соавторы не слишком строго следовали его идеям. В итоге всё же «Грамматика японского языка», в которой вводный раздел и общая редакция принадлежали И.Ф. Вардулю, уже после его смерти в 2000 г. была издана. Однако это была лишь первая её часть, где более или менее в соответствии с идеями И. Ф. Вардуля были описаны три яруса: фонологический, супрафонологический (акцентуационный) и морфонологический.

Во-вторых, 1970-е гг. были периодом постепенного перехода как западной, так и отечественной лингвистики от изучения структуры языка к преимущественному изучению его функционирования, то есть как раз к тому, что Игорь Фридрихович исключал из рассмотрения. Этот процесс начался с Н. Хомского, идеи которого И.Ф. Вардуль особо рассмотрел в книге.

Отношение к Н. Хомскому в книге двойственно. Сначала его теория отвергается: «Главный аргумент в пользу своей концепции Хомский видит в так называемом «творческом» аспекте речевой деятельности.... Однако этот аргумент несостоятелен. То, что Хомский называет «творческим» аспектом, легко учитывается в негенеративной дескриптической теории. Способность говорящего строить предложения, которые ему не доводилось строить раньше, и способность слушающего понимать не слышанные ранее предложения объясняется виртуальным существованием этих предложений в той ЯС, которой владеет говорящий слушающий» (с. 137). «Распространение теории [Хомского] на семантический аспект языка сопровождается переходом на позиции ментализма.... Отсюда с неизбежностью следует вывод, подрывающий самостоятельность лингвистики как научной дисциплины: «лингвистика... есть просто составная часть психологии» (с. 138). То есть «ментализм» Н. Хомского, о котором тот сам говорил, – достаточное основание для отказа от его концепции.

Затем, однако, точка зрения И. Ф. Вардуля несколько корректируется: «Компетенция» есть не что иное, как система правил перекодирования с «языка мозга» на данный язык и обратно.... Следовательно, теория Хомского... не конкурирует с дескриптивными (таксономическими) теориями» (с. 140). То есть для нас неважно, прав или неправ Хомский, поскольку вся его проблематика не имеет отношения к дескриптике. С тезисом о том, что хомскианство – отход от изучения языка как знаковой системы в сторону моделирования психических процессов, можно согласиться. Но целью Хомского было не размежевание со структуралистами, а разрушение их «убогой и неадекватной» теории и установление системы приоритетов, во многом противоположной той, которая сохранялась у И.Ф. Вардуля.

Безусловно, развитие лингвистики в 70-е и последующие годы не сводилось к генеративизму. Однако и другие лингвисты, в том числе и в нашей стране, в частности, специалисты по се-

мантике и объяснительной типологии, двигались по-иному, но в том же направлении. Наука обратилась ко всему тому, что происходит «на самом деле», к реальным процессам порождения и восприятия речи. Вот показательное высказывание, впервые прозвучавшее ещё в начале 80-х гг., вскоре после издания книги И.Ф. Вардуля. «Адекватная модель языка должна объяснять, как он устроен «на самом деле». Что такое «язык на самом деле»? Это совокупность тех знаний, которыми располагает человек, осуществляя языковую деятельность на соответствующем языке. В отличие от метода «черного ящика» «естественное» моделирование языка должно осуществляться с учетом того, как человек реально пользуется языком, то есть как он овладевает языком, как хранит в своей памяти знания о языке, как использует эти знания в процессе говорения, слушания, познавательной деятельности, и т.д.» [Кибрик 1992, с. 20]. В числе прочего обратились и к отрицавшимся Игорем Фридриховичем картинам мира.

И. Ф. Вардуль оказался одним из завершителей традиций классического структурализма в эпоху, когда этот период развития лингвистики уже заканчивался. Его идеи нашли мало отклика у нас (второе издание вряд ли здесь что-то изменило), а за рубежом его исследования были известны только японистам. Но развитие любой науки – не поступательный процесс, а движение по спирали, и те или иные идеи могут быть в дальнейшем востребованы.

Сокращения

В-единица – высшая единица яруса

Н-единица – низшая единица яруса

ЗС – знаковая система

ЯС – языковая система

Литература

1. Белый В. Леонард Блумфилд. Арад (Израиль), 2012.
2. Брёндаль В. Структурная лингвистика // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960.
3. Вардуль И.Ф., В.М. Алпатов, С.А. Старостин. Грамматика японского языка. Введение. Фонология. Супрафонология. Морфонология. М., 2000.
4. Кибрик А.Е. Лингвистические постулаты // Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.

5. Кузнецов В.Г. Лингвистическая концепция Эрика Бюиссенса // Вопросы языкознания, 2013, №1.
6. Хасимото Синкити. Общий очерк грамматики родного языка // Языкознание в Японии. М., 1983.

©

Дж. Дорри
МГЛУ (Москва)

**Ю.А. Рубинчик –
ответственный редактор и руководитель
двухтомного персидско-русского словаря**

В 1961 году Институт востоковедения начал крайне важную для науки работу по изданию серии больших восточно-русских словарей. С этой целью в Отделе языков образовались коллективы ученых для составления японского, корейского, тибетского, турецкого и персидского словарей.

Составление словарей и подготовка их к изданию – чрезвычайно трудоемкая, кропотливая работа. Ни о каких электронных устройствах в то время не было речи – всё делалось вручную», опираясь на собственные знания и опыт. Трудность работы над персидско-русским словарем усугублялась еще и отсутствием достаточно полных справочников, которые могли бы отразить лексику современного персидского языка, характер ее употребления, ее семантическую и стилистическую дифференциацию.

Первоначально к работе над словарем были привлечены почти все иранисты института, однако многие из них под тем или иным предлогом вскоре оставили «поле боя». Мне пришлось уйти из Отдела литературы, где я занимался проблемами современной персидской поэзии. По распоряжению директора института Б.Г. Гафурова меня перевели в Отдел языков. Под руководством ответственного редактора словаря Ю.А. Рубинчика я участвовал в подготовке вспомогательной картотеки и росписи литературы. Кроме меня и самого Ю.А. Рубинчика за дело взялись также сотрудники института К.Н. Еремина, Л.Н. Киселева и Г.И. Козлов. Мы наметили для работы источники для выборочной росписи. Объектом наших исследований стали иранская

пресса, учебники и учебные пособия, некоторые персидские толковые словари, художественные произведения известных писателей современного Ирана.

Первые два года оказались самыми сложными и мучительными при подготовке словника. Никто из нас еще не имел лексикографического опыта. Большинство персидских толковых словарей далеко не полно передают значения слов и практически не отражают норм словоупотребления. При передаче значений слов составители их руководствовались вопросами этимологии. В имевшихся у нас словарях были слабо представлены разговорная лексика и фразеология. В то же время в них содержалось большое количество малоупотребительных или непонятных слов.

Наша работа была на редкость тяжелой. Помню свои бессонные ночи, когда я мысленно составлял словарную карточку, мучительно размышляя над тем, какими еще значениями или оттенками обладает то или иное слово или словосочетание, как их правильно разграничить. Помню, как одна из первых статей – слово *аб* («вода»), имеющее в персидском языке огромное количество значений и фразеологизмов, – заняла у меня больше двух месяцев, да и позже, вплоть до этапа окончательного редактирования, приходилось многое в этой, так же как и в каждой последующей статье, переставлять, исправлять и снова переписывать. Тогда у нас не было компьютеров и из-за одной буквы или знака приходилось переписывать всю статью.

Почти через три года уже на составительском этапе по приказу директора к нам подключились ещё несколько сотрудников – Г.Ю. Алиев, А.Е. Бертельс, Г.А. Галимова, М.Н. Османов и С.С. Сарычев. Наличие большого числа составителей способствовало, с одной стороны, более быстрому завершению всей работы, а с другой, создавало дополнительные трудности из-за необходимости соблюдать единообразие в подаче и распределении материала. Большую помощь ответственному редактору Ю.А. Рубинчику и составителям оказали тогда иранские консультанты А. Амирхизи, Г. Гаэмпапах, А. Нушин и А. Табатабаи.

Составительская работа над словарем была завершена в 1965 году, но Ю.А. Рубинчику потребовалось еще много времени для его редактирования, поэтому словарь увидел свет лишь в 1970 году. Издание Персидско-русского словаря было уникально и получило массу прекрасных отзывов. Словарь четырежды пере-

издавался, им продолжают пользоваться уже свыше сорока лет. Основные его составители – Д.Х. Дорри, Л.Н. Киселева, М.Н. Османов и ответственный редактор Ю.А. Рубинчик были дважды представлены Институтом востоковедения АН СССР на соискание Государственной премии СССР. К сожалению, в Комитете по Государственным премиям никто не смог должным образом представить нашу работу, поэтому премию нам так и не дали.

Словарь без нашего разрешения четырежды издавался в Иране. Ответственный редактор Ю. А. Рубинчик и составители (к сожалению, из девяти человек в живых теперь остались только двое – М.Н. Османов и я) были шокированы этим фактом. Помимо того, что с нами не заключили никакого договора об издании, иранский издатель посчитал возможным в первых двух изданиях изъять титульный лист с фамилиями всех авторов.

Когда я бывал за границей, в США или Германии, меня не раз спрашивали ученые-иранисты или студенты: «Вы как один из основных составителей большого Персидско-русского словаря, должно быть, стали миллионером?» Во всем мире именно так оценивается работа по составлению словарей. Приходилось отвечать: «А как же иначе? Все составители нашего словаря стали миллионерами».

В настоящее время Словарь силами университетских студентов под руководством профессора В.Б. Иванова перенесен на электронные носители, а его ответственный редактор и руководитель Ю.А. Рубинчик получил от иранского президента высшую государственную премию имени Фараби.

©

М.С. Каменева
ИБ РАН (Москва)

Ю.А. Рубинчик – исследователь-новатор

Имя Юрия Ароновича Рубинчика, крупного российского ученого, известного специалиста в области иранского языкознания, доктора филологических наук, профессора, широко известно не только в России, но и за ее пределами. Он внес большой вклад

в становление и развитие персидского языкознания в современных независимых государствах Центральноазиатского региона. С работами Ю.А. Рубинчика и его научными взглядами хорошо знакомы в Израиле, где уделяется большое внимание иранистике и где работают в этой области его ученики. Наконец, в самом Иране Ю.А. Рубинчик и его научные труды получили высокую оценку иранской научной общественности, свидетельством чему служит присуждение ему руководством страны международной премии имени Фараби. Эта премия является чрезвычайно престижной в ИРИ, она ориентирована на достижения в области гуманитарных наук и исламских исследований. Премия имени Фараби была учреждена в Иране в 2007 г., а уже в 2009 г. ее был удостоен Ю.А. Рубинчик за свой капитальный труд «Грамматика персидского языка», которая была переведена на персидский язык. Таким образом, он занял заслуженное место среди первых ее лауреатов – иранских ученых и представителей иностранной науки из Италии, США, Ливана и других стран [Каменева 2010, с. 167-168]. А «Персидско-русский словарь» в 2-х томах под редакцией и при участии Ю.А. Рубинчика, изданный в СССР в 1970 г. и в дальнейшем несколько раз переизданный как в нашей стране, так и в Иране, стал библиографической редкостью.

Задачей статьи не является анализ в целом научного наследия Ю.А. Рубинчика, моего учителя и наставника, которому я бесконечно благодарна за все то, что он сделал для меня в начале моего пути в иранистику, за его советы и рекомендации в дальнейшей работе. И мне известно, что такие же чувства испытывают к нему и его памяти все его многочисленные ученики. Здесь хотелось бы остановиться на удивительном таланте Ю.А. Рубинчика, исследователя-новатора, способного не только лично плодотворно разрабатывать актуальные научные направления, но выбирать и подсказывать своим ученикам (а нередко и исследовать вместе с ними) те темы для их научной работы, новизна которых сохраняется и по сей день. Надо сказать, что таких тем предложил им Ю.А. Рубинчик немало. Они охватывают разные области изучения современного персидского языка, одной из которых является сфера его социолингвистического исследования. Можно сказать, что Ю.А. Рубинчик сумел воплотить в работах своих учеников те научные замыслы, на которые у него не хватало времени и исследовательских сил.

Ю.А. Рубинчик, его коллеги-иранисты, а также ученики дали достаточно мощный импульс изучению социолингвистических проблем современного персидского языка. Одним из первых важных шагов в этой области следует считать публикацию коллективом авторов в 1986 г. в справочнике «Зарубежный Восток: Языковая ситуация и языковая политика» раздела, посвященного Ирану, где с позиции существования на карте мира Исламской Республики Иран были описаны особенности языковой ситуации в этой полиэтнической стране и основные направления проводимой стоящим у власти шиитским духовенством языковой политики, согласующейся с Указом имама Хомейни о культурной революции, принятым в 1980 г. Именно на анализ языковой политики в ИРИ было направлено основное внимание исследователей, поскольку в этой сфере были сосредоточены основные инновации.

В «Очерке» представлен сжатый экскурс в изучаемый вопрос для Ирана периода правления шаха Мохаммада Реза Пехлеви и показаны изменения в языковой политике, характерные для нового периода в развитии страны, – юридическое закрепление главенствующего положения персидского языка в Конституции ИРИ, усиление роли арабского языка в жизни иранского общества и как следствие возобновление процесса арабизации персидского языка, попытки разрешения национально-языкового вопроса и, наконец, значительное уменьшение роли западной культуры в целом и западноевропейских языков в стране [Зарубежный Восток, с. 189-199].

Эта публикация инициировала дальнейшие исследования в области персидской социолингвистики, что вылилось в публикацию ряда статей, в частности, о положении фарси в современном Иране, написанной с привлечением имеющегося в Израиле фактологического материала [Месамед 1997, с. 19-25], о роли религии в современной культурной жизни Ирана, в том числе о соотношении религиозного и языкового фактора в процессе национальной интеграции страны и о роли последнего в этом процессе [Каменева 1998, с. 46-52], а также о влиянии политики исламизации на проводимую в стране языковую политику [Каменева 1981, с. 111-116; Рубинчик 1998, с. 53-59]. Не остался в стороне и такой важный вопрос как анализ юридического статуса языков современного Ирана, являющийся чрезвычайно актуальным и острым для такой крупной многонациональной страны, поскольку речь

идет о расхождении статей Конституции, касающихся положения языков, функционирующих на территории современного Ирана, с реально существующей ситуацией [Каменева 1992, с. 93-99].

Надо сказать, что изучение социолингвистических аспектов функционирования современного персидского языка в Иране приобретает особое значение, в частности, в связи с принятым в стране в 2005 г. программным документом «Двадцатилетняя перспектива», в котором говорится, что «через 20 лет Иран станет вдохновителем исламского мира, цивилизационнообразующим государством с революционной иранской идентичностью, где важная роль отводится древнейшей иранской культуре, цементирующим элементом которой являются персидский язык и персидская литература» [IRAN.RU]. В этой связи также очень важно обращение в проведенных исследованиях к проблеме международного аспекта языковой политики ИРИ, направленной на распространение или, как часто говорится в Иране, экспорт персидского языка как важнейшего элемента иранской культуры в различные регионы мира, прежде всего в страны исламского мира. Персидский язык в контексте иранской культурной политики рассматривается как важный фактор культурной и идеологической интеграции, причем как внутри Ирана, так и за его пределами, особенно принимая во внимание величину иранской диаспоры во многих странах мира [Месамед 1997; Каменева 2001, с. 37-141; Рубинчик 2003, с. 174-181].

Изучение направлений проводимой языковой политики в ИРИ включает в себя, в том числе, исследование процессов, происходящих в самом персидском языке, прежде всего в его лексике. И в этой области Ю.А. Рубинчиком, его учениками и последователями сделано немало. Это описание и анализ деятельности трех академий языка и литературы, которые играли и играют важную роль в культурно-языковой жизни современного Ирана [Рубинчик 1998, с. 130-136]. Вопросы нормирования и кодификации литературного персидского языка, «очищение» его от иноязычных заимствований, упорядочивание и нормализация его терминологической системы, реформа персидской орфографии и многие другие – это круг вопросов, поднятых в работах, так или иначе связанных с деятельностью академий и рассмотренных в большинстве случаев на фоне анализа социально-политических, культурных и идеологических процессов, характерных для веко-

вой истории Ирана. Особое место занимают работы, посвященные изучению новых тенденций, возникших после революции 1979 года, в развитии лексической системы персидского языка, в том числе в сфере общественно-политической терминологии [Сотова 2008].

Идея Ю.А. Рубинчика о важности системного изучения так называемых формул вежливости в современном персидском литературном языке оказалась достаточно продуктивной и перспективной. И этому в значительной степени способствовал их анализ на фоне социально-стилистической дифференциации языка. Разработка проблемы функционирования формул вежливости в Иране предреволюционного периода стимулировала обращение к этому вопросу уже в настоящее время, в период существования Исламской республики, и позволила выявить некоторые общие и отличительные моменты. Как показал проведенный анализ, формулы вежливости следует относить к социально-языковым явлениям, так как, с одной стороны, они находятся в тесной взаимосвязи с достаточно четко выраженной социальной дифференциацией иранского общества и входят в той или иной степени в нормы социально-нравственного поведения иранцев. С другой стороны, они представляют собой совокупность языковых средств (грамматических, лексических, фразеологических), служащих для передачи субъективного отношения говорящего/пишущего к адресату, то есть почтительности, уважения и т.д., а также объективно существующих социальных отношений в обществе. Формулы вежливости тесно связаны с духовной культурой иранского народа и нравственными устоями иранского общества. Изменение политического строя в Иране – переход от конституционной монархии к исламской республике – также отразилось на функционировании формул вежливости в персидском языке, выразившись в определенной степени демократизации этого процесса [Узина 2012, с. 261-266].

В завершение хотелось бы отметить, что персидский язык всегда был и остается важным компонентом политической доктрины руководства Ирана. И его изучение – это приоритетное направление культурной политики в стране. Поэтому неудивительно, что в последнем Шестом пятилетнем плане, принятом в ИРИ в 2011 г., подчеркивается важность развития персидского языка в общем контексте культурного развития Ирана и продвижения в

жизнь вырабатываемых Академией языка и литературы языковых стандартов [Parliament of Islamic Republic of Iran].

Думается, что такое бережное отношение к персидскому языку в современном Иране является ярким подтверждением важности работы, проводимой Ю.А. Рубинчиком, его коллегами и учениками по изучению и пропаганде его в нашей стране.

Литература

1. Зарубежный Восток. Языковая ситуация и языковая политика // Справочник. М.: Наука, 1986. С. 189-199.
2. Каменева М.С. О вручении Ю.А.Рубинчику премии им. Фараби // Восток-Oriens. 2010. № 3. С. 167-168.
3. Каменева М.С. Роль языка и религии в национальной интеграции Ирана // Иран: эволюция исламского правления. М.: ИВ РАН, 1998. С. 46-52.
4. Каменева М.С. Политика исламизации в Иране и ее лингвистические последствия // Народы Азии и Африки. 1981. № 5. С. 111-116.
5. Каменева М.С. О юридическом статусе языков современного Ирана // Восток-Oriens. 1992. № 4. С. 93-99.
6. Каменева М.С. Персидский язык как фактор культурной интеграции // Иран: ислам и власть. М.: ИВ РАН-Крафт+, 2001. С. 137-141.
7. Месамед В.И. Фарси в Исламской Республике Иран // Восток-Oriens. М. 1997. № 5. С. 19-25.
8. Месамед В.И. Фарси как интегрирующий фактор в Исламской Республике Иран [сайт]. URL: www.iimes.ru. 11.10.2006 (дата обращения 06.11.2013).
9. Рубинчик Ю.А. Роль Академии языка и литературы ИРИ в совершенствовании терминологического состава персидского языка // Исламская Республика Иран в 90-е годы. М.: ИВ РАН, 1998. С. 130-136.
10. Рубинчик Ю.А. Некоторые особенности развития персидского языка после исламской революции // Иран: эволюция исламского правления. М.: ИВ РАН, 1998. С. 53-59.
11. Рубинчик Ю.А. Роль персидского языка в развитии и укреплении культурных, политических и экономических связей ИРИ со странами СНГ // Иран и СНГ. М.: ИВ РАН, 2003. С. 174-181.
12. Сотова О.М. Основные структурно-семантические особенности терминообразования в современном персидском языке // Автореферат дисс. на соиск. ученой степени канд. филол. наук. М.: ИВ РАН, 2008.
13. Узина (Каменева) М.С. Духовно-нравственные устои иранского общества и их отражение в современном персидском языке // Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. М.: ИВ РАН-Крафт+, 2012. С. 261-266.

14. IRAN.RU [сайт]. URL: iran.ru (дата размещения материала 13.12.2005; дата обращения 06.11.2013).
15. Parliament of Islamic Republic of Iran Website [сайт]. URL: www.majlis.ir/ (дата обращения 06.11.2013).

©

Т.А. Розанова
МГЛУ (Москва)

О практической ценности научного наследия И.Ф. Вардуля

Ценность теоретических исследований И.Ф. Вардуля не ограничивается чисто научной областью. Этот ученый был не только выдающимся лингвистом, но и прекрасным практиком – он свободно владел японским языком, занимался переводами, имел опыт преподавания практики языка. Сформулированные в работах И. Ф. Вардуля идеи, наблюдения, методики представляют собой большую ценность с практической стороны как для работы с японским текстом, так и в преподавательской деятельности.

В данной статье мы остановимся на двух прагматических аспектах научной деятельности И.Ф. Вардуля: 1) проблематика перевода и 2) функционирование в тексте связки *desu*.

С точки зрения переводческой практики особенно важно четко сформулированное И.Ф. Вардулем единство содержания и выражения синтаксических величин: «Содержание так же неотъемлемо принадлежит синтаксической величине, как и её выражение. Изоляция выражения от содержания дает в итоге лишь одну сторону синтаксической величины. Изоляция содержания вообще лишает эту величину возможности быть объектом исследования, ибо мы непосредственно воспринимаем только выраженное содержание» [Вардуль 1964, с. 5]. Не будет преувеличением сказать, что на настоящем этапе, когда наличие технических средств работы с иноязычным текстом создает обманчивое впечатление легкости и вседоступности процесса перевода, это замечание становится особенно актуальным.

Восприятие текста происходит интуитивно, мы прибегаем к анализу в том случае, когда ускользает смысл. Недоучет же се-

мантического компонента синтаксиса – той самой области, где И.Ф. Вардуль выступил как один из первых разработчиков – ведет к тому, что мы постоянно сталкиваемся с переводами, которые настолько перегружены неестественными для русского языка синтаксическими конструкциями, что установление смысловых зависимостей между фрагментами текста постоянно требует от читателя дополнительного «внутреннего» перетолкования.

На ошибочность представления об изоморфности планов содержания и выражения в разных языках указывалось еще в работах современников И.Ф. Вардуля, классиков теории перевода А.Д. Швейцера и А.В. Федорова [Федоров 1968, с. 21], которые, как известно, опирались в основном на опыт переводов с европейских языков. Активное вовлечение в сферу перевода восточных текстов самых разнообразных жанров сделало эту проблему особенно зримой. Теория И.Ф. Вардуля о наличии во всех языках двухуровневого синтаксиса – потенциального и актуального – создает лингвистическую базу, позволяющую совершенствовать подготовку профессиональных переводчиков.

Понятие супрасинтаксиса (глубинного синтаксиса) ценно для переводчика еще и тем, что оно органически включает в себя учет коммуникативной цели высказывания. Известно, что для передачи одного и того же коммуникативного намерения в каждом языке существуют свои средства, которые даже в случае совпадения могут различаться по стилистическим регистрам и в связи с этим иметь разную сферу употребления. Так, в японском языке косвенное распоряжение – речевой оборот, соответствующий русскоязычному «следует обратить внимание, чтобы...» – употребляется гораздо шире, чем в русском. Если в переводе нормативного документа «Стандарты производства строительных работ» в разделе «Рекомендации исполнителям» встречается фраза *Нужно следить, чтобы на поверхности контакта не скапливалась вода*, то очевидно, что при анализе данного фрагмента с позиций глубинного синтаксиса адекватным переводом будет: *На поверхности контакта не должна скапливаться вода*.

Как известно, ученый оставляет нам не только свою теорию, но и свой подход к материалу, методики, приемы анализа. Разрабатывая теорию потенциального синтаксиса, И.Ф. Вардуль гораздо подробнее, чем другие исследователи, рассмотрел именованное сказуемое со связкой (по авторской терминологии, субстан-

тивно вербальное, или для краткости субстантивное), проанализировал и классифицировал это сказуемое с точки зрения содержания. В частности, И.Ф. Вардуль на небольшом примере наглядно показал взаимосвязь синтаксиса и семантики: он сравнил два абсолютно одинаковых с точки зрения формального синтаксиса предложения *Kare wa Kishima desu* («Он Кисима») и *Kare wa nihonjin desu* («Он японец») и далее указал, что первое предложение допускает трансформацию в *Kare wa Kishima to iimasu* («Его называют/зовут Кисима»), а второе при такой трансформации получает иное содержание [Вардуль 1964, с. 30].

В связи с этим обращает на себя внимание функционирование в японском языке именного сказуемого со связкой. Общеизвестно, что связка *desu* «быть, являться», так же как и её стилистически сниженный вариант *da*, имеет ограниченную парадигму, почти полной глагольной парадигмой обладает вариант *de aru*, где изменению подлечит глагольная часть *aru*.

Таково описание связки, рассматриваемой «в чистом виде», изолированно от именной части. В тексте же связка содержательно неотделима от присвязочного имени. С учетом семантики именной части просматривается определенный тип сказуемого, которое функционирует не только в форме *de aru*, но и в форме *de iru*¹.

Именная часть таких сказуемых представлена слоем лексики, описывающей различные аспекты состояния человека:

いつまでもきれいな妻でいてもらうために夫がやるべきこと
Itsu made mo kireina tsuma de ite morau tame ni otto ga yaru beki
koto – Что должен делать муж, чтобы жена всегда была
красива (сайт «Житейские мудрости»).

ずっと独身でいるつもり？ Zutto dokushin de iru tsumori? –
Решила всё время оставаться одна (букв. постоянно быть не
замужем)? (название книги)

好きでいるから suki de iru kara – Потому что люблю (песня)

Остановимся подробнее на примерах сказуемого, описывающего психофизическую сферу человека. По классификации И.Ф. Вардуля, это часть группы сказуемого обладания, где «объектом обладания является отвлеченный предмет – результат психи-

¹ Пример употребления этой формы есть в [Алпатов, Аркадьев, Подлеская 2008, с. 300].

ческой деятельности субъекта бытия («мысль», «чувство» и т.д.)» [Вардунь 1964, с. 69]. Добавим также, что сказуемое этой группы имеет две формы отрицания: *de wa nai* – отрицание состояния и *wa nai* – отрицание наличия (мысли, чувства, намерения и т.д.). Валентность между связкой и именем задаётся вопросом *быть каким*, а не *быть кем*.

Приведем ряд примеров использования со связкой обоих глаголов при одном и том же имени:

- 1-a) 不況のとき、一番元気でいなければいけないのは、社長です。
Fukyo: no toki ichiban genki de inakereba ikenai no wa shacho: desu
– Во время рецессии самым бодрым должен быть глава фирмы.
- 1-б) 女性が元気でなければ、子どもも元気になれない。*Josei ga genki de nakereba, kodomo mo genki ni naremasen.* – Если женщина не здорова, не будет здоров и ребенок.
- 2-a) いつでも良い気分にいる方法がある。それは目の前の人の気分を良くすることを常に心がける。*Itsu de mo ii kibun de iru ho:ho: ga aru. Sore wa me no mae no hito no kibun o yoku suru koto o tsune ni kokorogakeru.* – Существует способ всегда быть в хорошем настроении: постоянно заботиться о том, чтобы у того, кто рядом, настроение было хорошим.
- 2-б) 朝食をすませると、九時には仕事を開始された。どんな気分であろうが、ともかく机に向かわれた。*Cho:shoku o sumaseru to, kuji ni wa shigoto o kaishi sareta. Donna kibun de aru: ga, tomokaku tsukue ni mukawareta.* – Позавтракав, в 9 часов [А. Тойнби] принимался за работу. В любом настроении он неизменно садился за стол.
- 3-a) 自分の加入している保険会社の状態に無関心でいることは、とても危険です。*Jibun no kanyu: shite iru hokengaisha no jo:tai ni mukanshin de iru koto wa totemo kiken desu.* – Безразлично относиться к состоянию своей страховой компании очень опасно.
- 3-б) 国民の相当割合を占める無関心層のご意見です。無関心である事を私は責めません。*Kokumin no so:to:wariai o shimeru mukanshinzo: no goiken desu. Mukanshin de aru koto o watashi wa sememasen.* – Таковы мнения безразличных, составляющих значительную часть населения. Я не осуждаю это безразличие (букв.: ...то, что безразличны).

Собственная лексическая семантика каждого из этих имен оказывает влияние на наиболее типичный набор грамматических конструкций сказуемого, частотность употребления. Очень активно функционирует со словоформами от *iru* сказуемое с *tsumori* «намерения, готовность, расчеты» (этот вариант зафиксирован в словарях, в том числе в финитной позиции).

4-а) 選ぶつもりでいて、その実、選ばされているのです。

Erabu tsumori de ite, sono jitsu, erabasarete iru no desu. – Собираешься выбирать, а в результате [таких действий агента] получается, что тебя вынуждают сделать выбор.

4-б) すぐ戻るつもりでいても、...お話がついつい長くなってしまくと、コンロ鍋から着火します。*Sugu modoru tsumori de ite mo, ...ohanashi ga tsuitsui nagaku natte shimau to, konronabe kara chakka shimasu.* – Вы намерены сразу вернуться (на кухню), но ...разговор незаметно затягивается, и включенная кастрюля становится источником пожара (букв.: от кастрюли возникает воспламенение).

4-в) ありがたいと思い、その気持ちを伝えるつもりであっても、忘れたり、時間を取らなかつたりすることがよくあります。

Arigatai to omoi, sono kimochi o tsutaeru tsumori de atte mo, wasuretari, jikan o toranakattari suru koto ga yoku arimasu. – Часто бывает, что вы благодарны человеку и намерены сказать ему это, но забываете или не можете выкроить время.

Как очевидно из примеров, употребление при связке обоих глаголов характерно для текстов свободных жанров – в публицистике, полемике, рекламе, обращениях к пользователям на сайтах различных организаций. В таких материалах словоформы от *iru* используются достаточно активно, причем в роли подлежащего при них может выступать не только одушевленное лицо, но и страна или организация, что нетипично для текстов официально-документального характера.

При этом в стилистически однородном тексте при одном и том же подлежащем в разных грамматических конструкциях и синтаксических позициях используются разные глаголы:

5) 我々が元氣であること(a)が、被災者を勇気づけ、いろいろな支援が出来る源となります。... 被災者の方々にも元氣になってもらうためにも我々が元氣でいなければいけない (б)と思います。 – Наша бодрость (букв.: то, что мы бодры, энер-

гичны) станет источником мужества для пострадавших, источником возможности оказать им всяческую помощь. ... Ради того, чтобы пострадавшие обрели бодрость, мы [сами] **должны быть бодрыми.**

Предварительно можно сформулировать, что разграничение употребления *de aru vs. de iru* происходит на уровне *отвлеченное vs. конкретное*. Форма *de iru* акцентирует длительность, непрерывность состояния конкретного лица в описываемой ситуации. Так мы объясняем примеры 1-а, 2-а, 3-а, 4-а,б, 5-б. Здесь при переводе на русский язык вспомогательный глагол *быть* может заменяться на *оставаться, сохранять (состояние), продолжать быть* (ср. англ. *be – stay, keep*). Форма *de aru* описывает состояние отвлеченно, это примеры 1-б (общая закономерность), 2-б (гипотетическое условие), а также 3-б, 4-в и 5-а.

Следующие два примера различаются именной частью, но конструкция сказуемого в них одинакова (двойное отрицание). 6-а – констатация общей закономерности (аналогично 1-б). 6-б – разъяснение сотруднику фирмы, как вести себя с клиентом, фраза обращена непосредственно к конкретным людям (косвенный маркер – суффикс мн. ч. *-tachi* 達 при подлежащем).

6-а) 自分がげんきでなければ、介護はできません。 *Jibun ga genki de nakereba kaigo wa dekimasen.* – Если самому не быть бодрым, не сможешь ухаживать (за слабым).

6-б) 自分達が笑顔でいなければ、他を笑顔にすることなどできない。 *Jibuntachi ga waraikao de inakereba, ta o waraikao ni suru koto nado dekinai.* – Если вы сами не будете улыбаться (букв. ...не будете улыбающимися), то не сможете сделать улыбающимися других.

С точки зрения перевода первое предложение может звучать идентично второму (*Если вы сами...*), так как в русском языке конструкция с *вы/ты/мы* применяется как адресно, так и отвлеченно. Видимо, в подобных случаях выбор между *aru* и *iru* является маркером адресности аналогично выбору инфинитив *vs.* личная форма глагола в русском языке. Так же, на наш взгляд, объясняются примеры 4-б и 4-в.

Очевидно, что анализ употребления форм *de aru* и *de iru* не может проводиться в пределах изолированно взятого предложения без учета содержательной стороны всего текста и его харак-

тера. Тем более невозможно ограничиться отдельно взятой грамматической конструкцией. Совершенно естественна фраза *いつまでも元気でいたい itsu made mo genki de itai* «Хочу всегда быть здоровым/бодрым», но тот же дезиратив 1-го л. может образовываться от *aru*, если высказывание желания связано с обобщением:

7) *美しくいたい、元気でありたいと、人間が本来希求する幸せへのファースト・ステップです。Utsukushiku itai, genki de aritai to, ningen ga honrai kiyu: suru shiawase e no fa:suto suteppu desu.* – Хочу быть красивым, хочу быть здоровым – вот первый шаг к счастью, естественному устремлению человека (лит.: Желание быть красивым, быть здоровым...)

В практическом плане представляется полезным более тщательно рассмотреть данный вопрос, выявить комплекс лингвистических факторов, влияющих на выбор глагола, их иерархию, директивность, сочетаемость. Для такого анализа требуется учет всего разнообразия факторов, о которых писал в своих работах И.Ф. Вардуль.

Источники (адреса примеров)

- 1-a) URL: <http://happy lifestyle.com/7071>
- 1-б) URL: <http://www.tbs.co.jp/blackboard/report/report05.html>
- 2-a) URL: <http://yaplog.jp/gotosyatyo/archive/421>
- 2-б) URL: <http://www.aikichi.jp/cgi-bin/weblib/weblib.cgi?mode=read&indx=&class=&word=&cond=AND&page=169&view>
- 3-a) URL: http://xn--nckg3oobb4958b10gq71e2z6c.jp/31_1.html
- 3-б) URL: <http://blogs.com/article/75527/>
- 4-a) URL: <http://osusume-house-moving.net/column/erabutsumori.html>
- 4-б) URL: <http://www.city.minoh.lg.jp/yobou/documents/touitukyanden.html>
- 4-в) URL: <https://www.lds.org/general-conference/2010/10/the-divine-gift-of-gratitude?lang=jpn>
- 5) URL: <http://www.souloftohoku.org/message/message.php?id=002>
- 6-a) URL: http://kansetsu-life.com/comm_tikn/05.html
- 6-б) URL: <http://www.enherb.jp/company/philosophy.html>
- 7) URL: <http://www.karakoto.com/message/>

Литература

1. Алпатов В. М., П. М. Аркадьев, В. И. Подлеская. Теоретическая грамматика японского языка. Кн. 1. М: Наталис. 2008.
2. Вардуль И. Ф. Очерки потенциального синтаксиса японского языка. М.: Наука. 1964.
3. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М.: 1968.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

©

А.А. Хамрай

*Институт востоковедения
НАН Украины (Киев)*

Феноменологическое измерение арабской грамматики

Настоящее исследование посвящено тем элементам грамматической системы арабского литературного языка (АЛЯ), включение которых в разнообразные парадигмы непосредственно не обусловлено нынешним состоянием этой системы, а носит феноменологический характер.

Как известно, феноменологическим в философии называют подход, состоящий в беспредпосылочном описании опыта познающего сознания и выделении сущностных черт этого опыта [Введение...1989, с. 98].

Его можно противопоставить метафизическому, или онтологическому подходу, представляющему собой учение о бытии как таковом, определяемом как полнота и единство всех видов. Онтология изучает фундаментальные принципы бытия, наиболее общие сущности и категории сущего, его принципы, структуры и закономерности [Философский... 2001, с. 395].

Оба вышеуказанных подхода предполагают достаточный уровень абстрактности суждений, что позволяет в пределах минимальной трехмерной модели языка сформировать две плоскости, – феноменологическую и онтологическую – на которые могут быть спроецированы языковые явления. В пределах предлагаемой нами модели эти плоскости пересекаются, образуя ось обобщения. При этом онтологическая плоскость образована осями обобщения и членения, а феноменологическая – осями обобщения и номинации.

И если онтологическая часть предлагаемой модели была нами описана достаточно подробно (см. [Хамрай 2010]), то феноменологическая составляющая требует пояснений.

Феноменология началась с тезиса Э. Гуссерля «Назад к самим вещам!», который противопоставляется распространённым в то время призывам «Назад к Канту!», «Назад к Гегелю!» и означает преодоление предрассудков и предвзятых мнений, освобождение от привычных установок и навязываемых предпосылок, отстранение от методологических шаблонов и клише и обращение к первичному, изначальному опыту сознания, в котором вещи предстают не как предметы уже имеющихся теорий, точек зрения, установок, а как нечто, что само раскрывается перед нами в первичном опыте [Гуссерль 2001, с. 50].

Феноменология означает также исследование «феноменов», т.е. того, что является в сознании, того, что «дано». Речь идет о том, чтобы исследовать это данное, «саму вещь», которую воспринимают, о которой мыслят, о которой говорят, не образовывая при этом никаких гипотез ни об отношении, связывающем феномен с бытием, феноменом которого он и есть, ни об отношении, объединяющем его с Я, для которого он является феноменом [Лиотар 2001, с. 7].

Наряду с этим в естествознании, в особенности в физике, термин «феноменология» используется для обозначения совокупности знаний, определяющих взаимосвязь между различными наблюдениями явлений (феноменов) в соответствии с фундаментальной теорией, но непосредственно из этой теории не следующих.

Одним из центральных понятий феноменологии Гуссерля является феноменологическая редукция, связанная с процессом освобождения сознания от натуралистической установки. Истоки этой практики можно обнаружить в радикальном сомнении Декарта. Феноменологическая редукция дословно означает редукцию вещей к феноменам и вынесение за скобки обсуждения их реального статуса.

Феноменологическая редукция производится наряду с *эпохе* — воздержанием от предварительных суждений о реальном мире и в целом является совокупностью различных редукций: феноменолого-психологической, эйдетической и трансцендентальной [Гуссерль 2001, с. 271]. Феноменолого-психологическая и эйдетическая редукции позволяют осуществить поворот от вос-

приятия мира в естественной установке к сосредоточению на самих переживаниях сознания, а затем и перейти от рассмотрения переживаний в их индивидуальности к усмотрению их сущностей. Далее трансцендентальная редукция открывает чистое сознание: эмпирические компоненты сознания выносятся за скобки, существование эмпирического субъекта и феномены его психической жизни перестают быть предметом внимания [Гуссерль 1999, с. 76].

Одной из основ философии Гуссерля является учение об идеальном и возможности его непосредственного усмотрения, созерцания сущности идеального (идеации, категориального созерцания или эйдетической интуиции). Идеация может быть положена в основу феноменологического определения ряда фундаментальных понятий, связанных с языком:

«Что́ есть „значение“, это может быть дано нам так же непосредственно, как дано нам то, что́ есть цвет и звук. Оно не поддается дальнейшим определениям, оно есть дескриптивно предельное. Всякий раз, когда мы осуществляем или понимаем выражение, оно означает для нас нечто, мы в действительности осознаём его смысл. Этот акт понимания, акт придания значения, акт осуществления смысла не есть акт слышания звучания слова или акт переживания какого-либо одновременно приходящего образа фантазии. И точно так же, как нам с очевидностью даны феноменологические различия между являющимися звуками, нам даны и различия между значениями» [Гуссерль 2011, с. 166].

С другой стороны, экзистенциальные значения и смыслы становятся фактами культуры в той степени, в какой они включаются в межличностное общение индивидов, а также – с помощью искусственной символизации – в более опосредованные отношения и более широкий контекст. Искусственная, или конвенциональная, символизация надстраивается, согласно Мерло-Понти, над уровнем спонтанного, первичного восприятия и естественной символизации.

Пользуясь методом феноменологической редукции и углубляя последнюю, Мерло-Понти вслед за Гуссерлем стремится найти самый что ни на есть естественный и в то же время целостный исходный контакт человека с миром, намеревается отыскать феномен «по ту сторону от мира объектов» как первичное открытие мира: цель философии — повествование о начале, ей надлежит выразить то, каким образом зарождается «жизненный опыт»,

изначальный контакт с миром, предшествующий любой мысли о мире. Феноменологическая редукция в таком случае означает выдвижение на первый план смысловой связи человека и мира, а интенция предстает «формулой единого поведения перед лицом Другого, Природы, времени, смерти, словом, особым способом оформления мира».

Феноменология языка, считает философ, раскрывает человеческую субъективность в самых ее «фундаментальных измерениях». Поэтому феноменология языка, в отличие от лингвистической науки, не может рассматривать язык лишь в аспекте сложившейся системы значений и устойчивых нормативных форм.

Язык в таком случае – «один из объектов, суверенно конституируемых сознанием, а его современные разновидности суть частный случай некоего возможного языка, секрет которого в том, чтобы быть системой знаков, связанных со своими значениями однозначными отношениями, которые доступны тотальному объяснению, как в своей структуре, так и в своей функции. Секрет этот хранится сознанием, и, таким образом, получается, что язык, как поставленный перед мыслью объект, может по отношению к ней играть лишь роль сопровождения, замещения, краткого справочника для памяти или вторичного средства для коммуникации» [Мерло-Понти 1994, с. 179] (цит по [Хрыкин 2005, с. 40]).

С феноменологической точки зрения, то есть для говорящего субъекта, который пользуется языком как средством коммуникации с живым сообществом, язык вновь обнаруживает свое единство: он больше не результат хаотического прошлого независимых лингвистических фактов, но система, все элементы которой конкурируют в уникальном усилии выразить нечто обращенное к настоящему или будущему и, следовательно, управляемому логикой актуальности» (Там же, с. 180).

Вместе с тем, как отмечал И.Ф. Вардуль, при субъективном взгляде на языковую коммуникацию значение языковых знаков предстает как переживание говорящего (слушающего) и должно считаться психической деятельностью, что неприемлемо для лингвистики как для науки, имеющей свои предмет, объект и методологию исследования. Ментализм ищет опору в области психики, а механицизм, противопоставляемый ментализму, обращается к внеязыковой действительности.

Следовательно, при описании такой абстрактной составляющей системы языка, как грамматика, необходимо там, где это возможно, разграничивать объективное и субъективное в суждениях о грамматических явлениях, отделять внутреннюю логику языка от логических построений, призванных упорядочить ее понимание исследователями. Одним из начальных положений «Основ описательной лингвистики» И.Ф. Вардуля является определение объективного и субъективного подходов к действительности. В основе теоретических положений, сформулированных ученым и положенных им в основу научного исследования языка, лежит четкое разграничение субъективного и объективного подходов к языку, разграничение синтагматики и парадигматики. В работе уделено внимание также роли дедукции и индукции в логических основаниях дескриптики. Это позволило исследователю создать логичную и внутренне непротиворечивую модель описания парадигматики различных ярусов языка.

И.Ф. Вардуль следует традиционному пониманию дедукции и индукции: первая рассматривается как выводение по правилам логического следования более частных положений из более общих, вторая – как выводение по правилам логического следования более общих положений из более частных [Вардуль 1977, с. 122].

Нам представляется, что при описании грамматической системы языка в контексте его исследования в пределах различных лингвистических традиций, особенно если эти исследования повлияли на сам язык, как это имело место в случае классического арабского языка (КАЯ) и арабского литературного языка (АЛЯ), отношения между индуктивными и дедуктивными методами исследования становятся несколько сложнее.

Как известно из логики, в зависимости от того, существует ли между посылками и умозаключением связь логического следования, можно выделить две разновидности умозаключений. В дедуктивном умозаключении эта связь опирается на логический закон, вследствие чего умозаключение с логической необходимостью вытекает из принятых посылок, в результате такое умозаключение, если оно сделано на основе правильных посылок, всегда приводит к правильному выводу. В индуктивном умозаключении связь посылок и вывода опирается не на закон, а на некоторые физические или психологические основания, не имеющие сугубо формального характера. В таком умозаключении вывод логиче-

ски не следует из посылок и может содержать информацию, которая в них отсутствует. Достоверность посылок не означает достоверности индуктивного утверждения, выведенного из этих посылок. Индукция дает лишь вероятные или возможные умозаключения, которые нуждаются в дальнейшей проверке [Ивин 1998, с. 111-112].

Таким образом дедукция – это получение выводов, настолько же достоверных, как и принятые посылки, индукция – вывод вероятных (возможных) выводов. К индуктивным умозаключениям принадлежат как переходы от частного к общему, так и аналогия, методы установления причинно-следственных связей, подтверждение выводов, целевое обоснование и т.д. «Дедукция дает стопроцентную гарантию успеха, а не просто обеспечивает ту или иную — быть может, и высокую — вероятность истинного заключения. Отправляясь от истинных посылок и рассуждая дедуктивно, мы обязательно во всех случаях получим достоверное знание» (Там же, с. 114). Дедуктивное умозаключение используется как для верификации, так и для фальсификации утверждений, а также для систематизации теорий или систем знания. И вдобавок, дедуктивная аргументация является универсальной, ее можно применять во всех областях знания и в любой аудитории (Там же, с. 117).

Между этими двумя методами существует тесная связь: так, индуктивное умозаключение, результатом которого является общий вывод обо всем классе предметов на основании знания лишь некоторых предметов данного класса, принято называть неполной или популярной индукцией (Там же, с. 122). Наряду с этим, полной индукцией является такая индукция, в посылках которой о каждом из предметов, входящих в рассматриваемое множество, утверждается, что он имеет определенное свойство. Следствием этого является вывод, что все предметы данного множества имеют это свойство. В полной индукции вывод с необходимостью, а не с определенной вероятностью, вытекает из посылок. Таким образом, эта индукция является разновидностью дедуктивного умозаключения (Там же, с. 125).

Как можно заметить, определение как индуктивного, так и дедуктивного методов тесно связано с понятием истинности исходных посылок, а в парадигматическое описание грамматики заложена парадокс: с одной стороны, грамматические формы «ис-

тинны», т.е. реально наличествуют в языке, с другой, стопроцентно истинно доказать связь этих форм с «эталонным», а потому и «правильным» грамматическим значением, по крайней мере в случае АЛЯ, практически невозможно. В силу этого нам представляется целесообразным исходить из определения силлогизма в логике, как особого приема, имеющего целью помочь правильному соединению предложений в рассуждение [Минто 1997, с. 172]. Тогда, абстрагируясь от истинности исходных посылок, мы можем принять определение дедуктивного доказательства как результата посредственного умозаключения, в котором одна из двух посылок более обща, чем само заключение (Там же, с. 170).

Вместе с тем, при создании парадигматического описания грамматической системы или ее фрагментов, определенная мера достоверности, точности и системности являются залогом адекватности такого описания. Поэтому лингвисты, стараясь компенсировать методологические недостатки создаваемых ими описаний, вынуждены выходить либо за пределы арабского языка (АЯ), либо за пределы лингвистических методов. Понятно, что для средневековых арабских ученых-мусульман приемлемым был только второй путь: ведь, во-первых, знание арабского языка было одним из необходимых предварительных условий познания откровения [Ковтонюк 2004, с. IX], а именно это является главной конечной целью работы мусульманского ученого, в какой бы области науки он ни работал. А во-вторых, вопреки тому, что логические построения традиционной арабской грамматики (ТАГ) и сложились под влиянием «греческих наук», АЯ, с точки зрения мусульманских ученых, репрезентует идеальную структуру человеческого языка, ведь именно на этом языке Всевышний послал свое последнее Откровение [Versteegh 2000, с. 302].

Следовательно, самый верный способ повысить надежность умозаключения, не выходя за границы АЯ, – использовать дедуктивные методы, ведь именно дедуктивный подход, как отмечалось выше, гарантирует стопроцентную правильность умозаключения. Впрочем, чтобы добиться этой правильности, необходимо иметь в основе стопроцентно верные положения. Понятно, что такой достоверности можно достичь, лишь опираясь на догмат веры, не предусматривающий сомнений или критического анализа, ведь «Имена Всевышнего Бога существуют лишь для ознакомления, а не для рационального познания» [Ковтонюк

2004, с. XIII]. При таком подходе не возникает никаких проблем, если нужно связать между собой неочевидные вещи, не вдаваясь в «излишние» детали наподобие того, как может частица чего-то «требовать» и как именно одинаковая вокализация двух разных по происхождению и сущности словоформ может определять их общие свойства. Впрочем, в случае АЯ, если эти свойства описаны в авторитетных текстах, это означает, что они на самом деле существуют, даже если с лингвистической точки зрения это и не так.

Вместе с тем, суждение по аналогии, как было сказано выше, принадлежит к числу индуктивных методов, вследствие чего арабская лингвистическая традиция (АЛТ), которая его широко применяла, была вынуждена, исходя из дедуктивной посылки (например: «некоторые частицы имеют свойства глагола») использовать индуктивные посылки в умозаключении (например: «наличие общих формальных показателей обуславливает общие грамматические свойства»). При этом не выйти за пределы лингвистических методов, привлекая для анализа языкового материала методологию сопредельных дисциплин, прежде всего логики, практически невозможно.

Современное языкознание, имеющее, бесспорно, «западное» происхождение, также основано на методологических принципах, включающих оба подхода, что обуславливает определенные трудности в отраслевом соотношении лингвистики. Так, в своей дедуктивной части языковедение может быть построено так, как логика и математика: выделяется определенное минимальное количество первичных терминов, которые не определяются, а постулируются, а через них определяются все остальные термины [Ревзин 1962, с. 8]. В этом современное языкознание мало чем отличается от традиционного арабского (в качестве примера можно привести такие концепции, как *aṣl* и *far'*), кроме, разве что, подхода к аксиоматике – в АЛТ количество аксиом не ограничивается внешними факторами относительно АЯ. Ведь он, как самый совершенный язык, является инструментом получения всех необходимых знаний, достаточных для всех «мусульманских» наук, к которым, напомним, с точки зрения АЛТ, по крайней мере, с X в., принадлежат арабские лингвистические штудии.

Основная разница между двумя лингвистическими традициями заключается, очевидно, в их индуктивной части. Действительно, оценивание достоверности вероятных или возможных

предположений относительно грамматического значения имеющихся в АЯ словоформ по-разному осуществляется в пределах двух традиций. Индукция в АЛТ базируется на вере в совершенство АЯ как языка, на котором было ниспослано откровение, а достоверность является функцией от надежности связи исследуемой формы с эталоном, имеющимся в «авторитетных» текстах.

Западная лингвистика, по крайней мере, в докартезианскую эпоху, в своей индуктивной части также основывалась на вере в «идеальный» язык, которым в Западной Европе, разумеется, была латынь. Вследствие этого «грамматичность» определялась, а при парадигматическом подходе еще и до сих пор, как это ни удивительно, часто определяется сходством грамматических категорий, имеющихся в исследуемом языке, с соответствующими латинскими [Глисон 1959, с. 183]. Причем такое сходство, как правило, имеет имплицитный характер, не является предметом анализа и основывается если не на вере в совершенство «обычной» парадигматики, то, по крайней мере, на интуитивном предположении такого совершенства. Арабская грамматика в западных исследованиях также не избежала этой участи.

Позднее, особенно начиная с XIX столетия, вследствие развития рациональных тенденций в языкознании, индуктивные посылы в работах западных языковедов начали все больше опираться на рациональные принципы построения, сложившиеся при исследовании реальных языков в пределах исторического, а позднее диахронического, статистического и других подходов, присущих современному языкознанию.

Следовательно, индуктивная часть современных западных исследований АЯ в своих парадигматических проявлениях с высокой степенью вероятности должна опираться на определения высокого уровня обобщенности, соотносящиеся с реальными языковыми фактами в силу сходства с парадигматикой языков, на материале которых сложились базовые концепции современной лингвистики.

Западная парадигматика, по крайней мере, в нашей интерпретации, для связи реальных языковых фактов с обычными для западного языковедения концепциями опирается на индуктивные методы. Для таких случаев совершенно закономерной будет, при сохранении лингвистической методологии, необходимость выхо-

да за пределы АЯ с привлечением фактов, присущих языкам, порой весьма отдаленным от арабского в типологическом отношении.

Индуктивная же часть логических построений ТАГ, прежде всего в силу специфики своей логичности, должна исходить из сходства исследуемых грамматических явлений с «эталонными» формами, устанавливаемого логическим путем.

Исходя из вышеизложенного, нам представляется целесообразным рассматривать грамматические явления АЛЯ одновременно с онтологической и феноменологической точек зрения.

При представлении сложившейся системы грамматических значений и нормативных форм в виде проекции на «онтологическую» плоскость, имеющую измерения обобщения и детализации, а систему интерпретации этих значений и форм спроецировать на «феноменологическую» плоскость, имеющую измерения обобщения и номинации, мы получаем трехмерную модель, позволяющую включать в описание грамматической системы не только сами грамматические явления, непосредственно доступные наблюдению в речи, но и особенности их интерпретации, имеющие место в контексте различных лингвистических традиций. При этом достигается «вынесение за скобки» парадигматики, существенно различающейся в случае греко-латинской и арабской лингвистических традиций описания грамматической системы АЯ – в первом случае парадигматика напоминает латинскую, а во втором – парадигмы в привычном для западной лингвистики виде вообще отсутствуют.

В предлагаемой модели «онтологическая» и «феноменологическая» плоскости имеют одно общее измерение обобщения, на которое отображается степень абстрагированности грамматических явлений и их интерпретации. При этом измерение детализации служит для отображения соотношения инвариантности/прототипности грамматического значения, а измерение номинации, присутствующее в «феноменологической» плоскости, позволяет отображать степень соотнесенности парадигматики с «реальными» грамматическими явлениями литературного арабского языка. При этом указанная соотнесенность определяется степенью феноменологической редукции, к которой необходимо прибегать при парадигматическом описании грамматической системы языка.

Такой взгляд на язык, в частности, на его грамматическую систему, уместен в случае языков с развитой литературной фор-

мой, вобравшей в себя большое количество архаических грамматических черт, каковым, безусловно, является арабский литературный язык, особенно если рассматривать его как подмножество классического.

Сокращения

АЛТ – арабская лингвистическая традиция

АЛЯ – арабский литературный язык

АЯ – арабский язык

КАЯ – классический арабский язык

ТАГ – традиционная арабская грамматика

Литература

1. Вардуль И.Ф. Основы описательной лингвистики (синтаксис и супрасинтаксис). Москва: Наука, 1977.
2. Введение в философию: Учебник для высших учебных заведений. В 2 частях. / Под общ. ред. И.Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1989.
3. Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. 456 с.
4. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. М.: ДИК, 1999. С. 76.
5. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб: Наука, 2001
6. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1: Исследования по феноменологии и теории познания / Пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Академический Проект, 2011. 565 с. (Философские технологии).
7. Ивин А.А. Логика. М.: Знание, 1998. 240 с.
8. Ковтонюк В.В. Грамматика арабского языка Антуана Ад-Дахдаха. Часть I. М.: Муравей, 2004. 280 с.
9. Лиотар Ж.-Ф. Феноменология / Перевод с англ. и послесловие Б.Г. Соколова. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2001. 160 с. (серия «Метафизические исследования. Приложение к альманаху»)
10. Мерло-Понти М. О феноменологии языка // Логос. 1994. №6. С. 179-193.
11. Минто В. Дедуктивная и индуктивная логика. Екатеринбург: «Деловая книга» – Бишкек: «Одиссей», 1997. 432 с.
12. Ревзин И.И. Модели языка. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 191 с.
13. Философский словарь. 7-е изд. М., 2001.
14. Хамрай А.А. Прототипы и инварианты в парадигматике современного арабского литературного языка // Бюллетень Общества востоковедов

ведов РАН. – Вып. 17: Труды межинститутской научной конференции «Востоковедные чтения 2008»: Москва, 8-10 октября 2008 г. М.: ИВ РАН, 2010. С. 212-237.

15. Хрыкин А.А. Понимание языка в феноменологии М. Мерло-Понти // Сумма философии. Вып. 4. Екатеринбург: Изд. Урал. Ун-та, 2005. С. 40-42.

©

З.М. Шаляпина
ИВ РАН (Москва)

Языковые уровни в их соотношении между собой

1. Система языковых уровней с учетом типов связывающих их отношений

Одним из важных аспектов теоретической концепции Игоря Фридриховича Вардуля было, как известно, исследование системы языковых уровней и соотношения этих уровней между собой.

В принципе вопрос о межуровневых соотношениях встал сразу, как только возникла сама концепция языка как системы уровней. В классической трактовке этой концепции все уровни выстраиваются в цепочку от фонетики к семантике, как на Рис. 1.

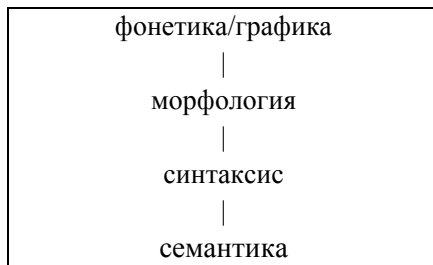

Рис. 1. Классическая цепочка языковых уровней

В результате создается впечатление, что все межуровневые отношения связаны с отношением обозначения, поскольку единицы фонетики очевидным образом соответствуют выражению, единицы семантики – содержанию, а остальные уровни распо-

жены между ними. Между тем понятно и то, что связь между морфологией и синтаксисом нельзя рассматривать безотносительно к размерности языковых единиц, к их членению на более мелкие единицы и объединению в более крупные.

Возникает очевидное противоречие, которое с самого начала обращало на себя внимание теоретиков языкознания. Аргументированная критика представления о языке как об однонаправленной иерархии уровней дается, например, в [Булыгина, Климов 1972, с. 97-101]. Предлагались и различные способы устранения данного противоречия. Так, представители Пражской лингвистической школы пытались сделать это, интерпретируя отношения членения языковых единиц как один из типов отношений обозначения (см., например, [Trnka 1966]). И.Ф. Вардуль в своей ярусной теории, напротив, отдает приоритет тектонике – т.е. отношениям членения/конструирования языковых единиц. За отношениями же обозначения он оставляет функцию подкрепления тектонических разграничений, подчеркивая, что между тектоникой и семантикой имеет место неразрывная связь, но «семантически описывать знаковые системы можно лишь в той мере, в какой они уже описаны тектонически» [Вардуль 1977, с. 92].

Нам представляется, однако, что к проблеме межуровневых отношений можно подойти и с другой стороны – рассмотреть в первую очередь не их взаимную увязанность, своего рода синкретизм – который, разумеется, отрицать не приходится, – но, напротив, их дифференцированность, противопоставленность друг другу, а взаимосвязи между уровнями исследовать уже с опорой на эту базовую их противопоставленность. Если использовать геометрическую метафору и представлять противопоставленные друг другу типы отношений как перпендикулярные друг другу координатные оси, система лингвистических уровней приобретает вид многомерного языкового пространства, где уровни, связанные между собой разными типами отношений, распределены по разным осям и каждая ось определяется своим типом отношений.

Сколько всего должно быть таких осей, вряд ли можно установить априори. Нам удастся наглядно представить себе только три базовых измерения, которыми мы здесь и ограничимся. В качестве отношений, формирующих такие базовые оси, представляется естественным принять, во-первых, отношения

обозначения, связывающие выражение и содержание языковых знаков, во-вторых, отношения *членения*, отвечающие за противопоставление *часть–целое*, и, в третьих, отношения *обобщения*, связывающие частное и общее. Тем самым формируется трехмерное пространство, показанное на Рис. 2, которое и определяет наше базовое представление о языке как системе уровней.

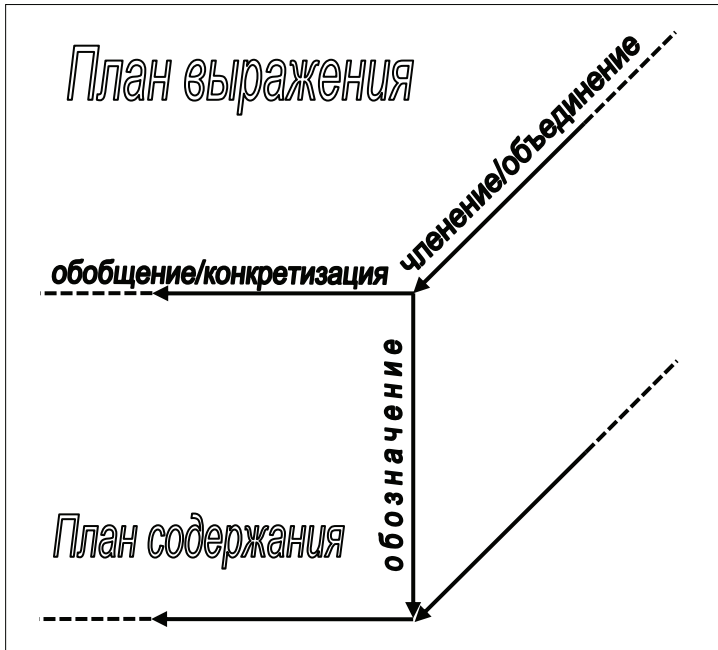

Рис. 2. Три базовые оси языкового пространства

Ось членения в получаемом пространстве отвечает за противопоставление таких, например, уровней, как морфология – синтаксис словосочетания – синтаксис предложения – сверхфразовый синтаксис – синтаксис целого текста. Используя термин И.Ф. Вардуля, мы называем такие уровни ярусами.

По оси обобщения распределяются уровни представлений лингвистических единиц, различающихся по степени обобщенности – от единиц конкретных текстов (какой бы они ни были протяженности) до максимально общих лингвистических понятий. Уровни данного типа мы называем сферами. К этой оси относит-

ся, в частности, противопоставление таких отделов языка, как лексика – грамматика – метаграмматика.

На оси обозначения разграничиваются, естественно, прежде всего планы выражения и содержания. Но кроме того здесь, как представляется, нужен еще один уровень. Ведь определенное звучание или изображение и определенный фрагмент смысла не образуют знак автоматически, просто в силу самого факта своего сосуществования. Требуется еще что-то, что их в этот знак связывает. Не являются же знаками, например, рисунки в форме букв, которые могут наблюдаться на крыльях некоторых тропических бабочек.

Наличие на оси обозначения третьего уровня, дополнительного к уровням выражения и содержания, особенно очевидно при компьютерном моделировании языка. В компьютерном описании языковая единица получает прежде всего некоторый идентификатор – например, порядковый номер в базе лингвистических знаний, – а уже при нем фиксируются сведения и о выражении данной единицы, и о ее содержании, как бы его ни описывать, и о ее синтагматических и парадигматических свойствах.

Воедино все эти сведения связываются именно тем, что они заданы при одном и том же идентификаторе – который выступает при этом как представитель языкового знака в целом, но сам этому знаку не тождествен. Это лишь тот «узелок», который возникает в результате связи определенного выражения и определенного содержания и который остается от получаемого знака, если оставить в стороне сами эти выражение и содержание и рассматривать только место этого «узелка» в общей системе таких же «узелков».

В описаниях, рассчитанных на человека, роль таких же идентификаторов выполняют более или менее мнемоничные обозначения описываемых единиц. В словарях подобные обозначения обычно строятся на основе выражения идентифицируемых ими лексических единиц, к которым в случае неоднозначности добавляется номер значения. Именно добавление такого номера и показывает, что речь не идет о выражении в собственном смысле этого термина, как компоненте данного знака в том или ином его употреблении – поскольку в реальных употреблениях неоднозначных лексических единиц в тексте номеров значений при выражении таких единиц не бывает. Но в то же время такие обозна-

чения не могут быть отнесены и к плану содержания – иначе в словарях при лексемах не требовалось бы отдельно давать их толкования.

Еще более очевидно несовпадение идентификатора языкового знака с его выражением или содержанием в грамматических описаниях, где вместо средств выражения тех или иных грамматических категорий используются более или менее условные обозначения самих категорий. Достаточно рассмотреть такие грамматические понятия, как «родительный падеж» или «множественное число». То, что они не относятся к плану выражения, доказательств не требует, поскольку при одних лексемах они имеют одно выражение, а при других – другое. Но точно так же эти понятия не относятся и к плану содержания. Конечно, родительный падеж в значительной части своих употреблений соответствует смыслу посессивности, а множественное число – смыслу множественности описываемых объектов. Тем не менее, это верно далеко не для всех случаев их употребления. И наоборот, далеко не всегда посессивность представляется в языковой системе именно родительным падежом, а множественный объект – множественным числом. Таким образом, подобные грамматические понятия не принадлежат ни плану выражения, ни плану содержания, но представляют собой единицы, обеспечивающие связь того и другого.

Можно предположить, что именно данный тип единиц подразумевал Фердинанд де Соссюр, когда вводил понятие языковых значимостей и подчеркивал, что именно «эта-то система значимостей создает действительную связь между звуковыми и психическими элементами внутри каждого знака» [Соссюр 1977, с. 153].

На оси обозначения единицам данного типа естественно сопоставить отдельный план, промежуточный между выражением и содержанием, как показано на Рис. 3.

Именно к этому плану следует, по нашему мнению, отнести утверждения Ф. де Соссюра о языке как системе чистых значимостей, где «имеются только различия без положительных членов системы» [Соссюр 1977, с. 152]. Иначе его теоретические построения пришлось бы признать противоречивыми: ведь в своем описании он сам специально останавливается на языковых сходствах, на понятии тождества, подчеркивая при этом, что «различия являются лишь оборотной стороной» тождеств [Соссюр 1977,

с. 141]. На самом деле противоречий здесь нет: тезис о том, что в языке есть только различия, касается плана языковых значимостей как единиц, «очищенных» от свойств выражения и содержания и характеризующихся только своим местом среди других таких же единиц. Напротив, сходства и тождества наблюдаются в первую очередь как раз в планах выражения и содержания.

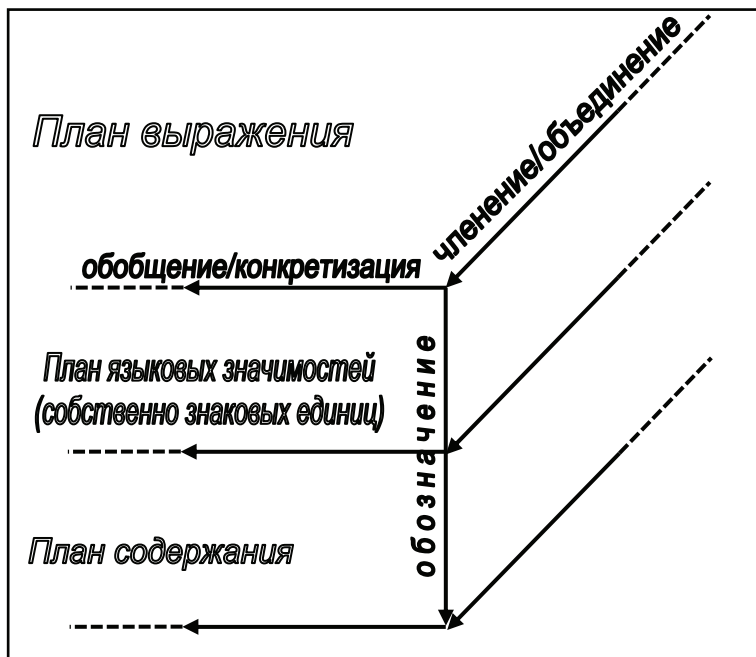

Рис. 3. Базовые оси трехмерного языкового пространства с учетом плана языковых значимостей

Фактически данный промежуточный план обозначения так или иначе признается и используется целым рядом исследователей. Он эксплицитно выделяется, например, в уже упомянутой работе Т.В. Булыгиной и Г.А. Климова, где утверждается: «наиболее общей уровневой стратификацией языка можно считать различение плана выражения и плана содержания ... и противопоставление каждого из этих планов в качестве не-знакового уровня знаковому уровню, единицы которого могут быть представлены как проекция одного плана на другой...» [Булыгина, Климов 1972, с. 102].

Единственное, что можно поставить в упрек данному утверждению, это неоднозначность определения «знаковый» в составе термина «знаковый уровень», которая несколько затемняет вводимое этим термином понятие. Дело в том, что «знак» в его общепринятом понимании – как единство выражения и содержания – должен, очевидно, включать в себя соответствующие выражение и содержание как свои компоненты, а, следовательно, не может быть им противопоставлен как единица отдельного от них уровня обозначения. Такая отдельная единица устанавливается только тогда, когда мы рассматриваем не знаковое единство в целом, но только его идентификатор, или представитель, взятый безотносительно к специфике выражения и содержания как других компонентов этого единства. Поэтому нам представляется важным терминологически разграничить два понятия: *знак в широком смысле* – как единство выражения и содержания и *знак в узком смысле*, или *собственно знаковую единицу*, – как то, что остается от знака в широком смысле при отвлечении от его выражения и содержания и определяет те его свойства, которые не могут быть целиком сведены ни к одному из этих двух его компонентов. Соответственно, мы предпочитаем говорить не о «знаковом уровне», а об уровне собственно знаковых единиц или, используя уже устоявшийся термин Ф. де Соссюра, об уровне (плане) языковых значимостей.

В теории И.Ф. Вардуля уровень языковых значимостей присутствует менее явным образом. Тем не менее, учет этого уровня в ней подразумевается – постольку, поскольку автор рассматривает свойства языковых единиц, в которых «отражается органическая двойственность знака» [Вардуль 1977, с. 92], неразрывная связь тектоники и семантики.

Если распределить языковые уровни по выделенным нами трем осям лингвистического пространства и трем планам, разграничиваемым на оси обозначения, можно получить что-то вроде картинки, представленной ниже на Рис. 4.

Предложенное принципиально дифференцированное представление базовых лингвистических уровней создает, как нам кажется, предпосылки для более четкого обоснования и более аккуратного моделирования некоторых понятий и положений языковой теории, особенно в тех их аспектах, которые связаны с соотношением различных осей языкового пространства. Покажем в

качестве примеров возможности рассмотрения с этой точки зрения таких проблем, как асимметрия языковых знаков, противопоставление двух подходов к соотношению в лингвистическом описании словаря и грамматики, виды языковой избыточности, а также вариативность языкового функционирования.

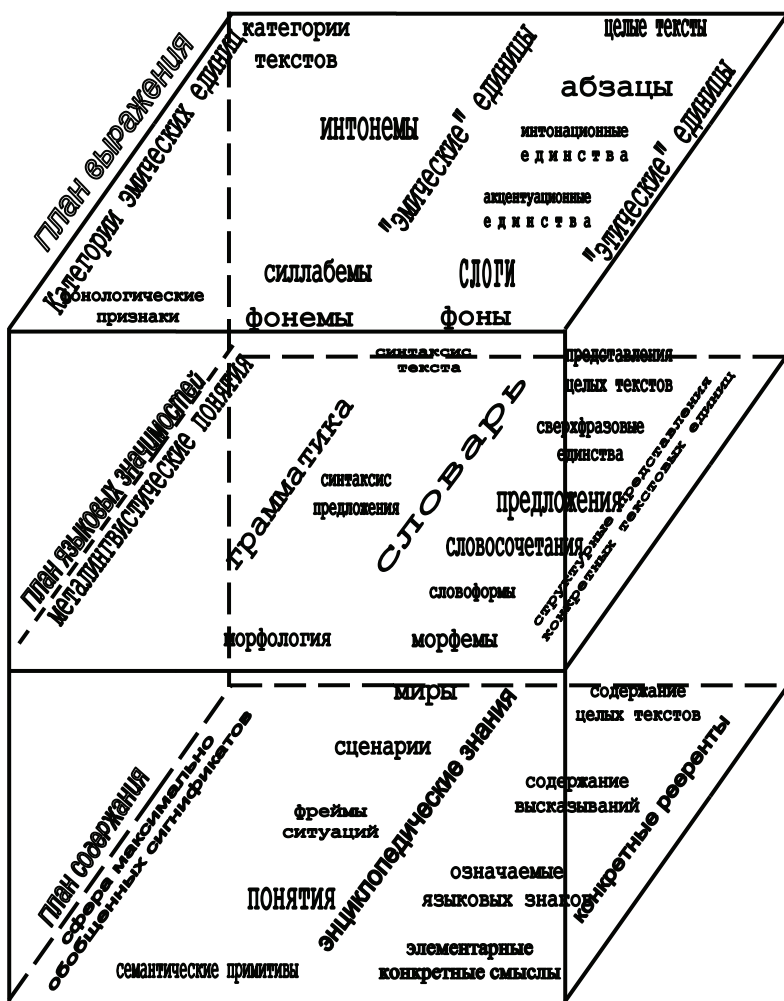
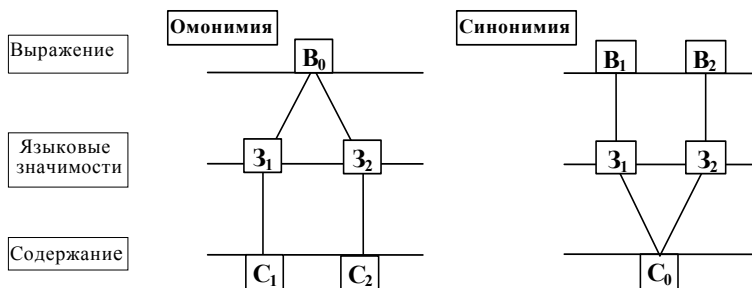

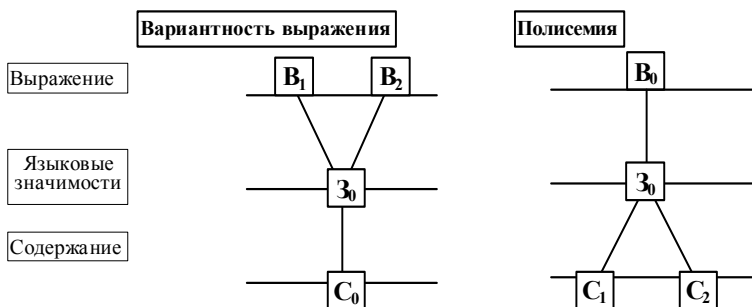
Рис. 4. Пример распределения уровней на разных осях трехмерного языкового пространства

2. Асимметрия языковых знаков с учетом трех планов оси обозначения

Для явлений асимметрии языковых знаков наиболее существенным свойством языкового пространства, как оно здесь описано, представляется трехуровневое членение оси обозначения. Некоторые из возможностей учета соотношения между собой трех планов этой оси при представлении различных случаев такой асимметрии демонстрирует приводимый ниже Рис. 5.

(5a) Омонимия и синонимия

(5б) Вариантность выражения и полисемия

Рис. 5. Асимметричность языкового знака с учетом плана языковых значимостей

В частности, на Рис. 5а показано, что омонимия и синонимия предполагают различия на уровне сразу двух планов, одним из которых обязательно является план языковых значимостей. В случае омонимии – как, например, для единиц типа *пол* (комнаты) и *пол* (живого существа) совпадение рассматриваемых знаков ограничивается планом выражения, в то время как они различны и в плане языковых значимостей, и в плане содержания. В случае

синонимии различных типов, как, скажем, для единиц *Вальтер Скотт* и автор *Веверлея* или *убедить* и *доказать свою правоту*, напротив, более или менее полное совпадение имеет место на уровне плана содержания. На уровне же языковых значимостей, как и в плане выражения, единицы, соответствующие этому общему содержанию, различаются. В том числе, как видно из последнего примера, такие единицы могут различаться и по своей размерности – т.е. по месту, занимаемому ими на оси членения.

Напротив, понятия вариантности выражения (как в случае русских форм *быстрей* vs. *быстрее* или англ. *analyse* vs. *analyze*, *I will* vs. *I'll* и т.п.) и полисемии или нерасчлененности содержания (как, скажем, для существительного *верх* в контекстах *верх шкафа* vs. *верх наглости* или для глагола *заставлять* в контекстах *Его поведение заставило всех задуматься* и *Учитель заставил ученика выполнить задание*) связаны с различиями только на уровне одного плана – гесп., плана выражения и плана содержания. Структура же языковых значимостей для соответствующих единиц остается неизменной.

Таким образом, много-многозначное соответствие двух традиционных языковых планов сводится при учете плана собственно знаковой структуры языковых единиц к суперпозиции двух (допускающих, очевидно, более простое описание) одно-многозначных соответствий между единицами этого промежуточного плана, с одной стороны, и единицами каждого из планов выражения и содержания – с другой.

3. Соотношение словаря и грамматики с точки зрения взаимосвязи членения и обобщения

Для соотношения словаря и грамматики при трехмерном представлении системы языковых уровней важнейшее значение имеет, как представляется взаимосвязь в языковом пространстве осей членения и обобщения. Исследование этой взаимосвязи позволяет выявить противопоставление двух подходов, различающихся тем, какой из этих двух осей отдается приоритет при описании синтагматики.

Примером первого подхода может служить теория Н. Хомского [Хомский 1972], где исходным для описания является максимально обобщенное представление языковых единиц, имеющих в общем случае элементарную внутреннюю структуру. У Н. Хом-

ского в функции такой единицы выступает символ предложения S. В качестве исходных для всего описания такие единицы выбираются именно в силу своей неэлементарности – т.е. наличия между их компонентами более или менее сложных синтагматических отношений. Тем самым в рамках противопоставления «сущность – отношение» данный подход ставит во главу угла понятие отношения и может быть в этом смысле назван реляционным.

Для такой исходной обобщенной единицы в рамках реляционного подхода строится грамматическое описание способов ее членения. При этом, как показано на Рис. 6, последовательно выделяются все более мелкие единицы и одновременно естественным образом снижается мощность задаваемых ими классов конкретных единиц (количество входящих в эти классы единиц), т.е. уменьшается уровень их обобщенности. Наконец, когда достигнут уровень единиц, далее нечленимых, – так наз. терминальных символов, вступает в дело словарь – лексикон, используемый для «лексического вставления». Оно обеспечивает конкретизацию этих нечленимых, хотя все еще обобщенных единиц – замену их конкретными лексемами и граммами. Таким образом, обобщение при реляционном подходе предшествует членению, которое описывается только применительно к предварительно уже обобщенным единицам.

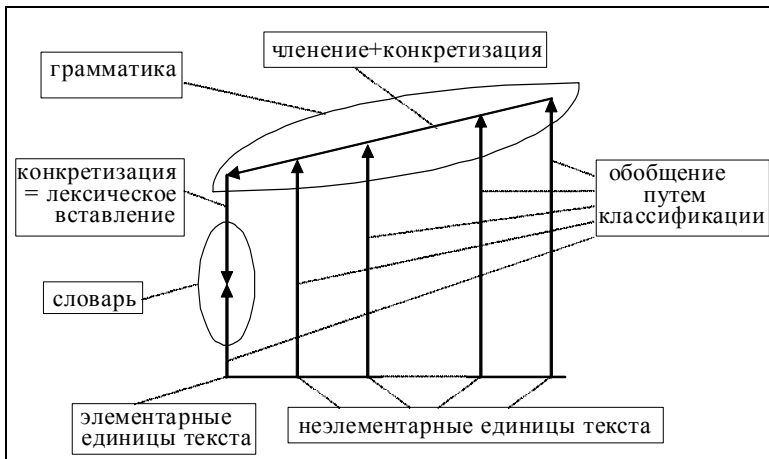

Рис. 6. Текст, словарь (лексикон) и грамматика при реляционном подходе

Следует отметить, что хотя в рассматриваемой теории это специально не оговаривается, словарь, являющийся ее обязательным компонентом, сам по себе должен представлять собой результат обобщения, хотя бы в пределах структуры элементарных (далее не членимых) единиц, поскольку любая единица словаря – это обобщение ее отдельных вхождений в текст. Таким образом, в формировании словаря здесь участвуют сразу две разнонаправленные операции, выполняемые в пределах оси обобщения: с одной стороны, собственно обобщение, с другой – конкретизация.

Одной из проблем реляционного подхода является то, что, поскольку описание языковых единиц начинается с уже готовых обобщений, их источник должен, по определению, лежать за его пределами. Таким образом, и происхождение структурно-грамматических категорий, и соотношение словаря с грамматикой не могут быть объяснены в рамках лингвистического описания как такового. Решение, предложенное для этой проблемы Н. Хомским, состоит в утверждении «врожденного» характера грамматических обобщений. Не приводя здесь подробных аргументов против этого тезиса, отметим только, что тем самым языковые знания оказываются противопоставленными знаниям других типов, в том числе знаниям о модели мира, которые формируются у ребенка в ходе его взросления и врожденными не являются.

Реляционному подходу противопоставлен подход, который мы называем сущностным. В его рамках обобщение не предшествует членению, но, напротив, опирается на него, исходит из него и описывается на его основе. Схема соотношения при этом текста, словаря и грамматики изображена ниже на Рис. 7.

Смысл сущностного подхода в том, что любая единица, способная входить в состав более крупных единиц в качестве их компонента, тем самым может служить представителем, или обобщающим признаком, всего класса таких единиц в рамках так наз. *синтагматического обобщения*.

Если при этом учитывать не только сам факт вхождения данного компонента в более крупную единицу, но и его позицию в структуре такой единицы – используя, например, расширенное понятие структурной валентности [Шаляпина 2007, с. 150 и далее], – то возникает возможность достаточно детализированно описывать организацию этих более крупных единиц в той части, в какой она связана именно с данным их более мелким компонентом.

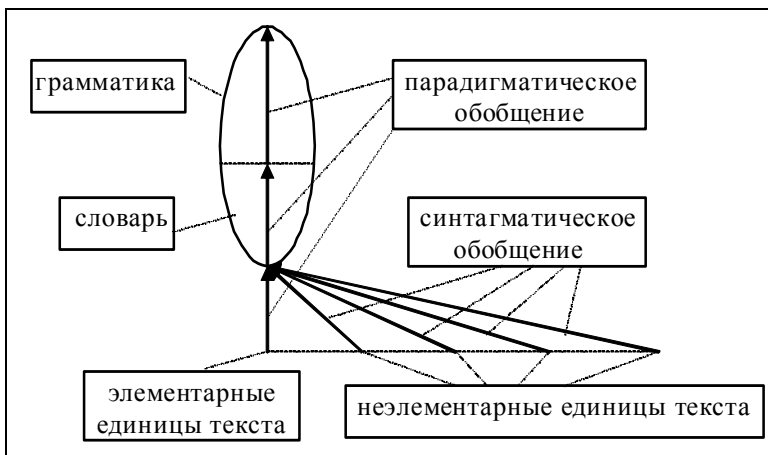

Рис. 7. Текст, словарь и грамматика при сущностном подходе

В результате на уровне минимальных, далее нечленимых лингвистических сущностей, мы, сопоставляя им такие структурные валентности, можем получить за счет этого обобщенное описание всего определяемого каждой валентностью класса единиц, которые вместе с данной элементарной сущностью формируют более крупные образования того или иного синтагматического уровня.

В указанном расширенном понимании структурные валентности предстают как универсальный аппарат для описания лингвистической синтагматики. Для плана языковых значимостей это обеспечивается среди прочего следующими двумя важными характеристиками таких валентностей. Во-первых, поскольку все единицы данного плана – как сущности, так и связывающие их в тексте синтагматические отношения – являются собственно знаковыми, т.е. принципиально двусторонними, структурные валентности как результат обобщения таких двусторонних отношений также имеют двусторонний характер. Соответственно, при таких валентностях могут описываться как варианты их текстовой реализации, так и способы их семантической интерпретации. Во-вторых, варианты текстовой реализации структурных валентностей могут быть как прямыми, так и косвенными. В случае прямой реализации структурных валентностей реализующие их отношения устанавливаются непосредственно между носителем и заполнителем реализуемой валентности. В случае косвенной ре-

лизации валентность «делегирована» от своего исходного носителя к некоторой другой единице контекста и, будучи «унаследована» этой другой единицей, реализуется уже как ее собственная валентность [Шаляпина 2001; Шаляпина 2007, с. 162-232]. В результате в терминах таких валентностей с их семантической интерпретацией и вариантами их текстовой реализации могут быть представлены любые типы возможных в тексте синтагматических отношений между представленными в нем лингвистическими сущностями [Шаляпина 2007, с. 150-162].

Для того, чтобы получить в рамках данного подхода грамматическое описание синтагматических аспектов языка, достаточно выполнить классификацию полученных минимальных языковых сущностей по наличию у них общих валентностей или общих способов реализации и интерпретации этих валентностей и вынести эту общую для всего класса информацию в описание самого класса.

Благодаря этому соотношение текста, словаря и грамматики оказывается полностью прозрачным и последовательным. Конкретные словарные единицы служат обобщением текстов, объединяя в виде своих потенциальных свойств – валентностей и способов их интерпретации и реализации – всю информацию о тех фрагментах текста, в которые могут входить отдельные употребления этих единиц и которые составляют по этому признаку единый класс. Грамматика же предстает как обобщение второго порядка: в ней в общие классы объединяются уже сами конкретные словарные единицы вместе со всей ассоциируемой с ними обобщенной информацией о допустимых с их участием более крупных текстовых образованиях, и получаемым общеграмматическим классам приписывается вся та часть этой ассоциируемой со словарными единицами информации, общность которой для единиц данного класса и служит основанием для его выделения.

Говоря кратко, при сущностном подходе словарь есть обобщение текста, грамматика – обобщение словаря. При этом для определения их соотношения не требуется выходить за пределы лингвистики как таковой: все аспекты лингвистического описания строятся по единому принципу – от частного к общему и в этом смысле вполне аналогичны другим когнитивным моделям. О врожденном же характере достаточно говорить только применительно к самой способности человека к обобщению информации, что, как представляется, сомнений не вызывает.

4. Языковая избыточность с точки зрения взаимодействия оси обобщения с другими осями трехмерного языкового пространства

Понятие языковой избыточности с позиций трехмерной организации языковых уровней может рассматриваться в связи с соотношением между собой оси обобщения и одной из двух других осей: оси обозначения или оси членения.

С осью обозначения увязывается прежде всего такое важное лингвистическое понятие, как *межплановая избыточность* естественного языка, которое тесно связано с оппозицией языкового центра и периферии. В рамках рассматриваемого подхода к системе языковых уровней центральными (= эталонными) для некоторого плана оси обозначения можно считать такие единицы данного плана, чьи свойства в нем коррелируют со свойствами в других языковых планах проекций на эти другие планы тех знаковых единств, проекциями которых в данном плане являются рассматриваемые единицы. На эту сторону противопоставления центра и периферии обращал внимание, например, И.Ш. Козинский, отмечая, что в языковом центре лексемы, входящие в один и тот же *синтаксический* класс, имеют тенденцию относиться также к общей *семантической* категории [Козинский 1979, с. 59-61]. При трехуровневом членении оси обозначения классы, в которые лексемы могут быть объединены по признаку их синтаксической общности, относятся – как и сами лексемы – к плану языковых значимостей. Семантические же категории, равно как и обобщаемые ими означаемые лексических единиц, принадлежат к плану содержания. Таким образом, приведенное утверждение можно интерпретировать в том смысле, что для центральных единиц языка категории, получаемые в результате обобщения собственно знаковых единиц, с одной стороны, и соответствующих им единиц содержания, с другой, являются коррелятами друг друга.

Подобные явления позволяют, в частности, при обобщении свойств таких, эталонных относительно оси обозначения единиц сводить эти свойства в соответствующей их части к свойствам коррелятов рассматриваемых единиц в другом плане – например, описывать сочетаемость понятий как (семантически обусловленную) сочетаемость обозначающих их лексем или наоборот. В этом и проявляется межплановая избыточность. В качестве ее источника выступает, как легко видеть, языковой центр.

При рассмотрении соотношения обобщения и членения определяются два других вида лингвистической избыточности – внутрискруктурная и межъярусная.

Внутрискруктурная избыточность характеризует соотношение компонентов неэлементарной языковой единицы в пределах ее структуры, и связана с тем, что в такой структуре в общем случае многократно представлены (разными средствами или разными вхождениями тех же средств) одни и те же категории, одни и те же компоненты, одно и то же содержание. Подобные повторы служат одним из основных средств маркировки тех отношений, которые устанавливаются внутри содержащей их структуры и конституируют формируемую тем самым единицу как единое целое. При этом каждая из сущностей или характеристик, участвующих в таких повторах, в соответствующей степени определяет вторую участвующую в данном повторе единицу. В силу этого в общем случае возникает возможность по одному из участников маркируемого таким способом структурного отношения предсказывать (прогнозировать) появление внутри данной структуры другого его участника (вместе со связывающим обоих участников отношением). Данная возможность и составляет суть внутрискруктурной избыточности.

Помимо своей непосредственной функции маркировки в тексте структурных отношений между его единицами, внутрискруктурная избыточность создает условия, например, для таких явлений, как языковой эллипсис, восстанавливаемый по контексту. На данном типе избыточности в значительной мере базируется и такой важный инструмент синтагматического обобщения, как упоминавшееся выше понятие структурной валентности.

Межъярусная избыточность возникает в рамках соотношения единиц более высоких лингвистических ярусов с входящими в их состав единицами более низких ярусов. В той части, в какой структурные отношения, формирующие некоторое неэлементарное целое, сводимы к реализации валентностей его компонентов, свойства этого целого определяются наличием и свойствами самих соответствующих компонентов. Поэтому сведения о компонентах той или иной лингвистической структуры в соответствующей части содержат в себе информацию о структуре в целом и могут рассматриваться как сведения или по меньшей мере как источник сведений о ней самой.

Отсюда следует, в частности, что при отсутствии или неполноте эксплицитных данных о структуре единицы более высокого яруса их нехватка может до некоторой степени компенсироваться сведениями о компонентах этой структуры – единицах, принадлежащих к более низким ярусам. Именно этим можно объяснить, например, возможность (пусть даже очень ограниченную) адекватного пословного перевода, когда простая замена словоформ в составе словосочетания или предложения оригинала на их словарные переводные эквиваленты оказывается достаточной для успешной передачи в переводе структуры синтаксических связей между этими словоформами. Ср.: *Always be polite* → *всегда будьте вежливы*; *The children study foreign languages* → *дети изучают иностранные языки*; *to be or not to be* → *быть или не быть*. Эффективность, как и ограниченность, такого перевода демонстрирует, например, вполне востребованная в настоящее время система Prompt [Prompt 2014].

5. Трехмерность языкового пространства как источник вариативности языкового функционирования

Предлагаемая нами трехмерная организация системы языковых уровней позволяет достаточно естественно объяснить и такое известное явление, как вариативность языкового функционирования при стабильной языковой компетенции. В самом деле, если языковая компетенция мыслится как трехмерное языковое пространство, то ее функционирование в ходе языковой деятельности может быть представлено как движение по этому пространству, начиная с тех уровней, которым соответствуют сведения, исходные для данного вида языковой деятельности, в направлении тех, которым должны соответствовать ее результаты.

Понятно, что если линейная цепочка уровней допускает только два направления движения – в модели, отображенной на Рис. 1, это направление либо от семантики к фонетике (= от смысла к тексту), либо от фонетики к семантике (= от текста к смыслу), – то уже в двумерном и тем более в трехмерном пространстве можно, не выходя из него, двигаться по любым маршрутам, при необходимости возвращаясь в уже пройденные точки и повторяя действия, выполненные при предыдущем проходе, но уже с учетом дополнительных данных, полученных к этому моменту при обходе других уровней.

При этом особое значение для объяснения множественности путей и способов языковой деятельности в рамках принципиально одной и той же языковой компетенции приобретает лингвистическая избыточность, прежде всего в ее межплановом аспекте.

Дело в том, что постольку, поскольку в центральной части языка для различных ярусов членения и сфер обобщения существуют относительно четкие межплановые корреляции, можно полагать, что «центральные» единицы разных планов имеют со своими коррелятами по оси обозначения более прямые и тесные связи, чем единицы языковой периферии, для которых аналогичные корреляции выражены в значительно меньшей степени, а то и вообще отсутствуют. Поэтому при рассмотрении сочетаемости и других свойств тех или иных единиц, относящихся к языковому «центру», можно в принципе ограничиться описанием этих свойств только в одном из трех языковых планов. Коррелирующие с ними свойства другого плана будут выводимы из полученного описания по общим правилам. В рамках же периферических участков языковой системы для единиц каждого плана требуется свое специфическое описание и свои операции.

В результате в пределах языкового центра переход от одного плана к другому упрощается за счет того, что какие-то операции здесь могут опускаться или выполняться с использованием механизмов «межплановых умолчаний». Суть этих механизмов состоит в том, что требуемые операции в полном объеме применяются к единицам только одного из трех планов обозначения, после чего полученные результаты переносятся на корреляты этих единиц в другом или других планах.

Отсюда следует вывод, что в зависимости от исходных данных лингвистическая деятельность, требующая таких переходов, может в принципе опираться в качестве основного на любой языковой план. Явления, принадлежащие к «центральной» части языка, могут обрабатываться при таком подходе в основном в пределах только этого исходного плана, без обязательного повторения аналогичной обработки для коррелирующих с ними явлений других планов. К остальным планам языка достаточно обращаться лишь для уточнения получаемых результатов с учетом периферической информации, специфической для каждого плана.

При нашем тройственном членении языкового пространства по оси обозначения это дает три противопоставленных друг

другу способа как понимания (анализа), так и порождения (синтеза) текста, разнящихся между собой тем, в каком из трех планов языка обрабатывается основная часть учитываемых лингвистических явлений, а каким отводится преимущественно вспомогательная, корректировочная роль. Выбор одного из этих трех способов в качестве наиболее должен определяться, по-видимому, прежде всего самым описываемым в конкретном случае типом языковой деятельности человека. Рассмотрим их по очереди.

5.1. Языковое функционирование на основе плана выражения

План выражения может, по-видимому, выбираться в качестве основного плана обработки текста лишь в достаточно маргинальных ситуациях.

При порождении текста такова, например, ситуация синтеза стихотворных произведений. Поскольку среди исходных данных, на которые должен опираться процесс такого синтеза, первостепенное значение имеют требования согласованности внешней формы (= выражения) лингвистических единиц (рифма, аллитерация, ритм и т.п.), можно ожидать, что какие-то из гипотез о будущих единицах поэтического текста могут формироваться именно в плане выражения, а обращение к собственно знаковому плану и плану содержания используется преимущественно для проверки, уточнения и развертывания полученных таким путем результатов.

В процесс синтеза тем самым включается переход не только от содержания к выражению, но и от выражения к содержанию: например, поиск слова или сочетания слов по заданным требованиям к его фонетическому составу или акцентуационным характеристикам; поиск для отдельных слов и словосочетаний, найденных по этому критерию, допустимой, с точки зрения общего замысла произведения, смысловой структуры, в которую они могли бы в нем быть включены и т.п.

Оценка тех единиц, которые первоначально строились с ориентацией преимущественно на план выражения, по степени их корректности относительно двух других языковых планов и окончательный отбор (или отсев) на этом основании тех или иных из них может базироваться в разных ситуациях на критериях различной степени строгости. Тем самым получает достаточно

очевидное объяснение, в частности, относительно частое появление в текстах данного типа так называемых «поэтических вольностей» – как в области грамматики, так и в области семантики.

При анализе использование плана выражения в качестве основного ограничено, как представляется, лишь ситуациями осуществления языковой деятельности в условиях неполного понимания текста. Это может происходить, например, при механическом заучивании или повторе непонятного или просто непонятого текста; при составлении словников или конкордансов по текстам на малознакомом исполнителю языке и т.п.

5.2. Языковое функционирование на основе плана содержания

Осуществление языковой деятельности с опорой прежде всего на план содержания предполагает, очевидно, прямо противоположные условия ее осуществления. Они имеют место, например, при общении в конкретных ситуациях, доступных каждому участнику в непосредственном восприятии, либо при рассмотрении ограниченной и хорошо структурированной предметной области, знания о которой опять-таки предполагаются доступными и достаточно согласованными у всех участников процесса общения.

Специфика подхода к анализу текста определяется здесь тем, что поскольку его адресату известно, о какой области и/или ситуации идет речь в этом тексте, постольку в состав исходных данных, которые он может привлекать для его обработки, включаются те (возможные) элементы его содержания, которые могут быть извлечены из имеющихся у данного адресата знаний о самой соответствующей области или ситуации. Поэтому при переходе от выражения текста к его собственно знаковой структуре в рамках данного режима анализа можно вначале выявлять лишь те минимальные фрагменты этой собственно знаковой структуры, которые позволяют «угадать», о чем в данном тексте может идти речь, и сразу «перепрыгнуть» к его содержательной стороне. Для такого «прыжка» может оказаться достаточно использовать, например, отдельные имеющиеся в тексте предметные слова, а связи между ними устанавливать затем по логике уже самой той ситуации, на которую они указывают.

Подобное «понимание с полуслова» имеет как достоинства, так и недостатки.

К достоинствам относится прежде всего то, что данный способ анализа позволяет быстрее отреагировать на сообщение. Так, если требуется внеязыковая реакция, слушателю достаточно только осознать, на какую именно ситуацию собеседник хочет обратить его внимание, после чего он, опираясь на свои о ней знания, может начать действовать сразу, не дожидаясь получения полного и грамматически правильного ее описания. Например, в сообщении типа: *Молоко! <вот-вот закипит, поэтому необходимо поскорее снять его с огня>* – достаточно уловить только первое слово.

Использование знаний об (ожидаемом) содержании текста упрощает и обработку возможных в нем случаев языковой неоднозначности, позволяя сразу сосредотачиваться на нужном значении такой единицы и не включать в рассмотрение случайные для данного текста интерпретации. Так, при восприятии фразы: *Как доказать Грузии, что мирный процесс на Кавказе требует участия России?* – слушатели не только не видят для словоформы *Грузии* варианта ее интерпретации как субъекта глагола *доказать* («кто доказывает»), но даже если им указать на этот вариант, как правило, отказываются его признавать, заявляя, что для конструкции «глагол – существительное в дательном падеже» в принципе не может быть какой-либо интерпретации, кроме адресатной. При этом когда тем же слушателям предлагается фраза: *Как доказать бедному студенту, что он знает учебный материал, если его не допускают к экзамену?* – в качестве единственно правильной воспринимается именно субъектная интерпретация.

Такие возможности «экономии усилий», которые предоставляет данный подход к анализу, делают его весьма привлекательным для моделирования в целях автоматической обработки текстов. Некоторые работающие в этой области исследователи полагают даже, что при решении некоторых ее задач можно вполне обойтись без синтаксического этапа анализа текста (см., например, [Нариньяни 1979]).

Что касается недостатков рассматриваемого способа анализа, то основным из них является достаточно высокая вероятность, что субъект анализа может не уловить той информации, возможность появления которой не предусматривается или оценивается как очень низкая в рамках его фоновых знаний. Например, если в тексте излагается изначально отсутствующая в составе этих зна-

ний ситуация или концепция, воспринимающий субъект может при этом просто заменить ее другой – более привычной, лучше вписывающейся в его представления о мире, тем самым потеряв или исказив (полностью или частично) передаваемое текстом содержание. На это в свое время обращал внимание А.Л. Пумпянский [Пумпянский 1974, с. 9], говоря об ошибках перевода научно-технических текстов специалистами в соответствующих областях знаний, если они опираются прежде всего на имеющуюся в тексте терминологию, не уделяя достаточного внимания его синтаксической организации.

При использовании плана содержания как отправной точки для порождения текста основная проблема состоит в том, что переход от данного плана к собственно знаковому плану языка из-за несимметричности имеющихся между ними соответствий не может быть осуществлен посредством более или менее однозначных процедур, но опирается на своего рода метод «проб и ошибок». Его можно представить себе следующим образом.

Вначале автор синтезируемого сообщения выделяет в требующей описания ситуации такие ее элементы, для которых в рамках имеющейся у него системы соответствий можно найти достаточно точные и непосредственные корреляты в собственном знаковом плане. Далее он рассматривает различные варианты таких коррелятов и пробует построить – уже на собственном знаковом уровне – включающую их структуру этого уровня.

Когда такая структура полностью или частично построена, должна происходить проверка, в какой мере означаемое этой структуры соответствует замыслу автора. Если означаемое, задаваемое полученной структурой, полностью совпадает с тем первоначальным фрагментом содержания, для передачи которого она строилась, по этой структуре формируется отвечающая ей цепочка единиц плана выражения, и процесс порождения текста завершается. При наличии расхождений (а они при таком режиме синтеза почти неизбежны) возможны пять вариантов дальнейших действий:

(1) признать выявленные расхождения несущественными и сформировать по имеющейся структуре окончательный текст – т.е. действовать так же, как и при полном совпадении ее означаемого с требуемым содержанием;

(2) решить, что содержание, которое передает данная структура, является в целом даже более удачным (более последовательным, более интересным, дающим большие перспективы для дальнейшего развития и т.д.), чем то, которое имелось в виду изначально, и не только использовать ее для построения окончательного текста, но и уточнить на основе этого нового содержания свои исходные знания и представления;

(3) оценить построенную структуру как в целом допустимую в качестве основы будущего текста, но при условии некоторой коррекции, приближающей ее содержание к требуемому, и попытаться выполнить эту коррекцию, обратившись к имеющимся в языке средствам перефразирования и используя то их свойство, что любые перифрастические замены (даже синонимические) влекут за собой определенные содержательные модификации;

(4) напротив, счесть сформированную структуру совершенно не отвечающей исходному замыслу и попробовать построить ее по-другому: разбить требуемое содержание на другие элементы, найти для них другой набор собственно знаковых коррелятов, установить в формируемой структуре другие типы связей и т.п.

(5) прийти к выводу, что требуемое содержание не может быть передано средствами имеющегося в данном языке инвентаря языковых значимостей и попытаться модифицировать сам этот инвентарь: ввести новые термины, употребить какие-либо из стандартных единиц нестандартным образом, использовать конструкции, заимствованные из другого языка и т.п.

Случаи (2) и (5) отражают, как легко видеть, явления взаимодействия языка и мышления – которые при данном, «содержательном» типе языковой деятельности должны, естественно, выступать наиболее рельефно. В случае (2) реализуется влияние языка на мышление, в случае (5) – напротив, влияние мышления на язык

Именно этим типом синтеза объясняются, по-видимому, так называемые «муки слова», когда субъект речи никак не может подобрать подходящие языковые средства для выражения своей мысли. На нем же лежит, очевидно, главная ответственность за различные эллиптированные и грамматически неправильные структуры в разговорной речи.

5.3. Языковое функционирование на основе плана языковых значимостей

По определению плана языковых значимостей, его единицы являются более дифференцированными и структурированными, чем единицы любого из двух других планов. В том числе одной собственно знаковой единице может соответствовать две или несколько единиц выражения или содержания, но не наоборот. Отсюда следует, что переход от собственно знакового плана как к плану выражения, так и к плану содержания в общем случае может быть обеспечен более простыми средствами, чем от любого из них – к собственно знаковому. Поэтому использовать данный план в качестве основного удобно прежде всего для языковой деятельности типа «текст ↔ текст»: перевода, редактирования, реферирования, пересказа, ответов на вопросы, извлечения логических выводов и т.п. Все эти типы языковой деятельности отличаются тем, что ее субъекту с самого начала доступны какие-то уже построенные структуры языковых значимостей, релевантные для данной ситуации.

Работа с планом выражения при анализе текста может сводиться в данном случае к построению гипотез о собственно знаковой структуре этого текста. Они формируются на основе сведений о том, какие из элементарных языковых значимостей в данном языке способны иметь в качестве своих коррелятов те единицы выражения, которые представлены в рассматриваемом тексте. Получаемые гипотезы об отдельных языковых значимостях могут при этом сразу верифицироваться в той части, в какой для этого может служить проверка, совместимы ли они, согласно их парадигматическим и синтагматическим свойствам, в пределах одной и той же структуры.

Затем каждая из получаемых альтернативных гипотетических структур может оцениваться с точки зрения ее «правдоподобия» в том смысле, в котором это понятие введено Г.С. Цейтиным [Цейтин 1979], – т.е. приемлемости этой гипотезы для имеющегося текста. Основными критериями такой оценки могут служить, по-видимому, два основных фактора: во-первых, степень допустимости и нормативности выражения данной структуры теми средствами, которые употреблены в анализируемом тексте, по сравнению с другими возможными в языке способами ее выражения, и, во-вторых, степень осмысленности и уместности переда-

ваемого ею содержания в рамках соответствующей коммуникативной ситуации.

При синтезе текста в «собственно знаковом» варианте языковой деятельности особое значение имеют средства синонимических и несинонимических преобразований структур языковых значимостей. Как и при синтезе «содержательного» типа, они служат здесь одним из инструментов взаимодействия языка и мышления. С одной стороны, соответствующие преобразования связаны, как правило, с модификацией не только самой преобразуемой собственно знаковой структуры, но и каких-то элементов того содержания, которое может быть ей сопоставлено. Поэтому переход от одной структуры к другой, даже если в основном они эквивалентны, нередко помогает автору лучше разобраться в излагаемой мысли, уточнить не только формулировку, но и само формулируемое содержание. В этом, надо полагать, состоит важнейшая задача редакторской правки – как при работе с внешним редактором, так и при саморедактировании. Если же автор (редактор) текста уделяет недостаточное внимание плану содержания или недостаточно хорошо ориентируется в предметной области, к которой относится обрабатываемый текст, «собственно знаковый» тип этой обработки может служить источником содержательных ошибок – как это и случается нередко в текстах переводов, рефератов, интервью и т.п.

6. Заключение

Мы упомянули здесь лишь некоторые из проблем, которые могут быть выявлены и тем или иным способом решены при организации системы языковых уровней как трехмерного лингвистического пространства. Думается, что сказанное отнюдь не исчерпывает те возможности, которые имеются при данном подходе для исследований в области лингвистической теории и методологии.

В том числе, например, для моделирования языковой вариативности важное значение должно иметь, по-видимому, то обстоятельство, что при осуществлении языковой деятельности человека в реальных ситуациях каждый из рассмотренных трех ее основных типов вряд ли может быть представлен в абсолютно чистом виде. Более вероятно, что имеют место разнообразные и достаточно сложные взаимные наложения этих трех типов друг

на друга и появление за счет этого многочисленных более частных вариантов языкового функционирования.

Дополнительные возможности варьирования способов языкового функционирования могут быть установлены при рассмотрении осей обобщения и членения. Различные с точки зрения этих осей способы восприятия и порождения текстов могут определяться, например, в связи с уже выделенным выше противопоставлением реляционного и сущностного подходов к синтагматическому обобщению (как, впрочем, и в рамках каждого из этих подходов). Можно предположить, в частности, что сущностный подход, имеющий преимущественно индуктивную направленность, имеет приоритет при первичном освоении языка ребенком, пока тот еще только формирует для себя различные языковые категории, как грамматические, так и семантические. В дальнейшем же, когда эти категории уже сформированы (в том числе при изучении иностранных языков на базе родного), существенную роль начинает играть реляционный – дедуктивный – подход, поскольку он позволяет работать с еще неизвестными конкретными текстовыми единицами на основе уже готовых языковых обобщений и тем самым быстрее накапливать новые лингвистические данные.

С различными вариантами взаимодействия и, возможно, пересечения отдельных осей языкового пространства, могут быть, по-видимому, связаны и такие явления, как принципиальная множественность и спорность определений ряда лингвистических понятий.

Таким образом, принципиально многомерная организация базовых лингвистических уровней может служить, как нам кажется, хорошим основанием для осмысления и моделирования языковых явлений в рамках как теоретических, так и прикладных задач. Хотелось бы надеяться, что дальнейшие исследования позволят развить некоторые из намеченных здесь направлений.

Литература

1. Булыгина Т.Н., Г.А. Климов. Глава вторая. Уровни языковой структуры // Общее языкознание. Внутренняя структура языка / ИЯз АН СССР. М.: Наука, 1972. С. 92-119.
2. Вардуль И.Ф. Основы описательной лингвистики. М.: Наука, 1977.

3. Козинский И.Ш. Некоторые грамматические универсалии в подсистемах выражения субъектно-объектных отношений. Дисс. на соиск. учен. степени канд. филологич. наук. М., 1979.
4. Нариньяни А.С. Лингвистические процессоры ЗАПСИБ (часть 1 – задачи проекта) // Препринт 199 ВЦ СО АН СССР. Новосибирск, 1979.
5. Пумпянский А.Л. Информационная роль порядка слов в научной и технической литературе. М., 1974.
6. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 31-273.
7. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М., 1972.
8. Цейтин Г.С. Система обработки текста с процедурным представлением словарной информации // Вопросы разработки прикладных систем. Н., 1979.
9. Шаляпина З.М. Структурные валентности как универсальный инструмент описания языковой синтагматики (в рамках сущностного подхода к языку // Московский лингвистический журнал. 2001. Том 5, №2. С. 35-84.
10. Шаляпина З. М. Трехмерная стратификационная модель языка и его функционирования. М.: Вост. лит., 2007.
11. Promt. Разработка решений для автоматизированного перевода // [сайт] URL: <http://www.promt.ru/>. Дата обращения 24.02.2014.
12. Trnka B. On the linguistic sign and the Multilevel Organization of Language // Travaux linguistiques de Prague. 1. L'école de Prague d'aujourd'hui. Prague: Academia, 1966. P. 33-40.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

©

С.А. Быкова
ИСАА МГУ (Москва)

Язык Токио и процесс фразеологической деривации в японском языке

Разработка теории фразеологии занимала значительное место в научно-исследовательской деятельности Ю.А. Рубинчика, свидетельством чему являются его многочисленные работы, посвященные проблематике фразеологии в иранских языках. И.Ф. Вардуль не проводил специальных исследований по этой тематике, но в его работах можно встретить замечания, имеющие отношение к описанию фразеологических единиц. Так, в известной монографии «Очерки потенциального синтаксиса японского языка», анализируя свободные и несвободные синтаксемы и фраземы японского языка, он подчёркивает, что «синтаксемы могут быть несвободными в силу их неполной знаменательности» [Вардуль 1964, с. 25]. Развивая далее этот тезис, Игорь Фридрихович указывает: «На том же основании отдельными, но несвободными синтаксемами являются части аналитических форм, а также части таких фразеологизмов как *hara ga тацу* ‘встанут внутренности’ > ‘злиться’» [Вардуль 1964, с. 26]. Фактор «неполной знаменательности», несомненно, присущ большинству фразеологизмов в различных языковых системах, в том числе и фразеологическим единицам японского языка.

Процесс фразеологической деривации в различных языковых системах подразумевает обогащение словарного состава и состава фразеологических единиц языка производными от фразеологических единиц словами, новыми фразеологическими единицами, новыми значениями фразеологических единиц. В япон-

ском языке фиксируются все указанные виды фразеологической деривации.

Прежде чем говорить о роли языка Токио в процессе фразеологической деривации в японском языке, необходимо дать определение тех единиц, которые рассматриваются как фразеологические, или устойчивые, словосочетания. Объём и характеристика подобных единиц дифференцируются в различных языковых системах при общности основных критериев их фразеологичности, или устойчивости.

Анализ фразеологических единиц японского языка позволяет сделать вывод, что для японской фразеологии нерелевантным оказывается ряд признаков, приписываемых обычно фразеологическим единицам. Так, идиоматичность, определяемая как невыводимость значения целого из значений частей, присуща лишь одному классу фразеологических единиц, или словосочетаний, – идиомам, или фразеологическим сращениям. В других же классах значение целого не выводится из значений частей, когда части или компоненты берутся в прямой номинативной функции, но легко репрезентируются компонентами, взятыми в каких-либо других функциях, например, в функции контекстуально-лексически обусловленной номинации. Значение многих фразеологических единиц обусловлено семантическим сдвигом, происходящим либо с одним из компонентов, либо с суммой компонентов, но во многих фразеологических единицах семантический сдвиг крайне незначителен.

Аналогичным образом оказываются нерелевантными признаки образности (образность присуща лишь части этих единиц, в том числе пословиц), цельности номинации (семантика многих японских фразеологических единиц выводится из значений компонентов), строгого порядка компонентов (большая часть фразеологических единиц в японском языке, действительно, характеризуется строгим порядком компонентов, но существуют и такие единицы, где компоненты довольно свободно меняются местами), невозможность появления между частями целого других элементов (пусть и ограниченно, но, за исключением единиц глобального значения, в японских фразеологических единицах между компонентами возможно появление элементов служебного или неслужебного характера).

Представляется, что релевантными для фразеологических единиц японского языка являются следующие признаки: 1) устойчивость совместного употребления компонентов; 2) воспроизводимость в готовом виде; 3) постоянное значение, не зависящее от контекста [Быкова 1985, с. 10-12]. В сущности, эти признаки характеризуют соответствующие единицы на основе критериев устойчивости, и, следовательно, правильнее использовать термин «устойчивые словосочетания».

Анализ семантики японских устойчивых словосочетаний, построенных по модели свободных словосочетаний, позволяет выявить критерии их устойчивости. Все устойчивые словосочетания японского языка основаны на детерминированности компонентов, под которой в широком смысле подразумевается взаимная или односторонняя обязательность употребления компонентов, которая необходима для выражения цельным устойчивым словосочетанием определённого лексического значения, иногда являющегося результатом переосмысления частей. Иными словами, в каждом устойчивом словосочетании обязательно присутствует некий постоянный компонент (детерминант), который выступает ограничителем в выборе переменных лексически, семантически или морфологически.

Таким образом, устойчивость подобных словосочетаний обусловлена детерминированностью компонентов, которая определяется как взаимная или односторонняя обязательность употребления компонента (компонентов), необходимая для выражения цельным устойчивым словосочетанием определённого лексического значения, иногда являющегося результатом переосмысления частей. Семантика устойчивых словосочетаний независимо от степени семантического сдвига, происходящего с каждым из компонентов по отдельности или с их суммой, не совпадает полностью со значением частей.

Все устойчивые словосочетания японского языка могут быть расположены по степени ослабления устойчивости в виде иерархической системы (пирамиды). На крайних полюсах такой иерархии тогда будут располагаться устойчивые словосочетания, наиболее близкие к слитным словосочетаниям, и устойчивые словосочетания, наиболее близкие к свободным словосочетаниям. Все другие типы устойчивых словосочетаний могут быть расположены между этими типами единиц.

Всего в японском языке при подобном подходе могут быть выделены шесть типов устойчивых словосочетаний [Быкова 1985, с. 15-29].

1. Единицы, которые стоят на самой границе между словом и устойчивым словосочетанием и представляют собой разновидность слитных именных словосочетаний. Они могут быть названы **«фразеологическими слияниями»**. Абсолютное большинство таких единиц представляет собой словосочетания, заимствованные в разное время из китайского языка на исторически значительно более ранних стадиях развития японской языковой системы. Можно утверждать, что хотя подобные единицы, в частности, поговорки, употребляются в речи современных носителей японского языка, употребительность их в письменных текстах оказывается значительно выше. Новые же словосочетания подобного типа носителями японского языка не создавались и не создаются. Следовательно, подобные единицы не только не способны участвовать в процессе фразеологической деривации в современном японском языке, тем более на основе какого-либо диалекта, но не могли также создаваться в эпоху Эдо, когда закладывались основы современного японского языка, ориентированного на восточные диалекты, т.е. на устную форму существования языка.

2. **Фразеологические сращения**, значение которых не выводимо из значений компонентов, выступающих в их составе как слова лишь по форме, а фактически лишенных значения. Компоненты подобных устойчивых словосочетаний детерминированы лексически взаимно или односторонне, т.е. роль детерминирующего члена, детерминанта, играет либо один компонент – формальное слово, «номема», либо оба компонента – «номемы».

3. Устойчивые словосочетания, построенные по модели «ономатопозитическое слово + глагол». Первый компонент таких устойчивых словосочетаний – ономатопозитическое слово, иногда обладающее лексическим значением, но реализующее его только в сочетании со строго ограниченным кругом слов, одним или несколькими глаголами. Таким образом, первый компонент подобных единиц ведёт себя аналогично лексическим детерминантам фразеологических сращений. Для наименования устойчивых словосочетаний этого типа был предложен термин **«фразеологические комплексы»**.

4. **Фразеологические единства**, компоненты которых сохраняют заметную долю своего значения в составе целого. Значение фразеологических единств равно сумме переосмысленных значений компонентов или переосмыслению суммы основных, прямых значений компонентов. Оба компонента фразеологических единств, взятые в определённом значении, являются постоянными, семантически детерминирующими членами словосочетания.

5. Устойчивые словосочетания, стоящие между фразеологическими единствами и фразеологическими сочетаниями, основанные на грамматической аномалии и построенные по архаичной грамматической модели. Это словосочетания типа «существительное в форме на *-ga* + *суру*» и некоторые другие конструкции, где один из компонентов является морфосемантическим детерминантом (существительное), употребление которого в определённом значении и в определённой форме детерминирует употребление в сочетании с ним определённого глагола (нескольких глаголов). Значение подобных словосочетаний вытекает из суммы прямых значений компонентов, и, в отличие от других типов устойчивых словосочетаний, фактором, обращающим эти словосочетания в устойчивые, служит грамматически-архаичная модель. В силу необычности своей конструкции они воспринимаются как некие смысловые объединения, поэтому для них был предложен термин «**фразеологические объединения**».

Следует отметить, что данная модель, ныне трактуемая как грамматически архаичная, существовала в значительно более ранние периоды развития японской языковой системы в стандартном языке и не имеет отношения к процессу фразеологической деривации в современном японском языке по следующим причинам.

1) Сравнительно немногочисленные устойчивые словосочетания этого типа, обозначающие, как правило, нечто, ощущаемое органами чувств, существуют в японском языке издавна, но всегда употреблялись в стандартном языке. Следовательно, их появление в японском языке не связано с первоначальным употреблением в диалектах с последующим за этим заимствованием стандартным языком. Можно предположить, что впервые эти единицы были зафиксированы в эпоху Хэйан, но точная датировка возникновения фразеологических объединений отсутствует.

2) Указанные единицы построены по грамматически архаичной модели, которая не воспроизводится в каких-либо новых словосочетаниях современного японского языка, в том числе и в территориальных диалектах.

6. Фразеологические сочетания, компоненты которых полностью сохраняют своё лексическое значение в составе устойчивого словосочетания. Они основаны лишь на ограничении в выборе переменных, обусловленном семантикой одного из компонентов. Один из компонентов, чаще глагольный, взятый в производном (переносном, окказиональном, периферийном) значении, семантический детерминант, требует употребления в сочетании с ним одного или нескольких слов, принадлежащих к одному предметно-категориальному ряду.

Таким образом, из шести вышеприведённых типов лишь два, определяемые здесь как фразеологические слияния и фразеологические объединения, не способны участвовать в процессе фразеологической деривации. Все же остальные типы устойчивых словосочетаний активно участвовали и участвуют в процессе фразеологической деривации, при этом появление и последующее закрепление устойчивых словосочетаний в современном японском языке зачастую связано с взаимодействием стандартного японского языка и территориальных диалектов японского языка, традиционных и новых.

Территориальные диалекты с давних времён играют значительную роль в процессе словообразования в стандартном японском языке, в обогащении его словарного фонда. Однако лексика, которая заимствуется стандартным или общим японским языком из диалектов, в зависимости от диалекта различается по сфере употребления, стилевой принадлежности, экспрессивности и т.д. Это обусловлено и лингвистическими, и экстралингвистическими факторами. Несомненно, что статус тех или иных диалектов в японском обществе был и остаётся неодинаковым. Одни диалекты, как, например, диалект Тохоку, всегда представляли собой не более чем территориальное образование. Более того, на протяжении многих десятилетий, в сущности, до 80-х гг. XX века, в японском обществе культивировалось негативное отношение к территориальным диалектам как к разновидности языка, характерной для провинциального общества с невысоким культурным уровнем и подлежащей искоренению в связи с повсеместным распро-

странением стандартного языка. Заимствования тех или иных лексических и грамматических форм общим языком из диалектов отмечались и в этот период, но крайне ограниченно. В современной Японии отношение к диалектам претерпело значительные изменения в сравнении с временами их игнорирования и подавления, пришло понимание того, что диалекты являются своеобразным кладом, который обогащает национальный язык. В связи с этим нельзя не обратить внимание на значительную роль так наз. «новых диалектов» как в обогащении лексического состава японского языка, так и в процессе фразеологической деривации.

Говоря о влиянии диалектов на формирование стандартного японского языка, в первую очередь подчёркивают значимость двух территориальных разновидностей японского языка, западных диалектов и языка Токио. Язык Киото, ведущий западный диалект, выполнял функции стандартного языка в далёкую эпоху Хэйан. Почтительное отношение к этому диалекту сохранялось в последующие за этим исторические периоды, хотя постепенно позиции стандартного языка переходили к языку Токио (ранее называемого Эдо). Даже в современной Японии, где стандартный язык развивается на основе языка Токио, высоко оценивается изящество, правильность и благозвучие языка Киото. Киото в эпоху Хэйан был городом, где жили аристократы и придворные, говорившие на правильном языке с широким использованием вежливых форм, в отличие от языка Эдо того времени, для которого это было нехарактерно.

Многие из этих форм, например, вежливые глаголы *ирассяру*, *оссяру* и др. были заимствованы вначале языком Эдо в период его формирования, а впоследствии и современным японским языком. Однако устойчивые словосочетания, которые возникли в Киото и затем были усвоены языком Эдо, а позже и стандартным японским языком, немногочисленны. Так, в современном японском языке сохранились устойчивые словосочетания *фу ни отиру* букв. «свалиться в кишки» – осознать; проникнуться (в эпоху Тэмпо (1830-1844 гг.) имело вид *фу-ни хаиру* букв. «войти в кишки»), *амэ о сябурасэру* (*намэсасу*, *кувасу*) – букв. «дать лизать (накормить) тянучку (тянучкой)» – «подмамливать, задабривать (также зафиксировано в речи жителей Киото в ту же эпоху с глаголом *нэбурасу*, синонимичным глаголам, ныне употребляемым в данной единице, и вышедшим с течением времени из упот-

ребления) [Кинсэй камигатаго дзитэн 1964]. Однако в целом количество устойчивых словосочетаний, заимствованных стандартным и общим языками из языка Киото, невелико в сравнении с аналогичными словосочетаниями, источником которых явилась речь эдосцев.

Главной причиной этого явления, по-видимому, является значительная стилистическая дифференциация языка Киото и Эдо. В противоположность рафинированному языку жителей Киото язык Токио всегда отличался экспрессивностью, эмоциональностью, образностью и одновременно некоторой неправильностью (стяжённые глагольные формы, эллипс членов предложения и пр.) Можно утверждать, что экспрессивность речи жителей Токио во многом объясняется влиянием языка, на котором говорило население торговых кварталов Ситамати. В эпоху Эдо в городе существовало чёткое разделение на две части – кварталы Яманотэ, населённые аристократами, самураями, позднее – интеллигенцией, и так наз. «нижнего города», Ситамати. Язык обитателей Яманотэ и Ситамати значительно дифференцировался: в кварталах Яманотэ звучала правильная речь, мало отличающаяся от языка аристократов Киото и не слишком образная. Язык же торговых кварталов, как это наблюдается и в других странах, был поистине народным – эмоционально окрашенным, образным, сочным.

Во всех языковых системах именно народная речь является одним из основных источников фразеологии, и японский язык не составляет исключения. Язык Токио, в особенности кварталов Ситамати, активно участвовал в процессе фразеологической деривации. Многие из появившихся в языке Токио ещё в эпоху Эдо новых устойчивых словосочетаний, производных от них слов и новых значений устойчивых словосочетаний закрепились в японской языковой системе и не утратили употребительности в современной Японии, пусть и с несколько изменённым в сравнении с изначальным компонентным составом. В последнем случае, как правило, наблюдается замена того или иного компонента синонимом вследствие выхода из употребления изначально употреблявшегося в данном словосочетании компонента.

В современном японском языке активно употребляется значительное количество устойчивых словосочетаний, зафиксированных в языке Токио периода Эдо. В ряде случаев оказывается

возможной датировка появления этих единиц в японской языковой системе благодаря словарям диалектальной лексики различных регионов Японии, в том числе и Токио (Эдо). Одним из наиболее полных словарей языка Эдо соответствующей эпохи является «Эдого дзитэн» («Словарь языка Эдо») [Эдого дзитэн 1991]. В словаре наряду с лексикой, употреблявшейся в языке эдосцев, приводится также несколько десятков устойчивых словосочетаний, зафиксированных в эпоху Эдо и сохранившихся в современном языке в первоначальной форме или с заменой компонентов, превратившихся в архаизмы, на синонимичные им лексические единицы современного японского языка.

Анализ эдоских устойчивых словосочетаний позволяет сделать вывод о том, что в языке Эдо были наиболее распространены устойчивые словосочетания типа фразеологических сращений, фразеологических единств и фразеологических сочетаний, реже – фразеологических комплексов. При этом в ходе исторического развития японской языковой системы компонентный состав многих устойчивых словосочетаний претерпевал изменения. Наиболее подвержены были этим изменениям устойчивые словосочетания, относящиеся к типу фразеологических единств, наименее всего – фразеологические сращения. Последнее, как можно предположить, отчасти объясняется тем, что фразеологические сращения изначально являются устойчивыми словосочетаниями глобального значения, зачастую воспроизводят ситуацию, невыполнимую в реальной действительности, и действительно воспроизводятся в готовом виде аналогично словам. Любое изменение их компонентного состава вряд ли было бы возможно, так как повлекло бы за собой утрату глобального значения, не зависящего от значений входящих в него компонентов, а, следовательно, не предполагающего возможности замены синонимами, в частности, в случае воспроизведения цельной единицей нереальной ситуации. Фразеологические единства и другие типы устойчивых словосочетаний более низкой степени устойчивости обладают семантикой, в определённой степени вытекающей из семантики компонентов, пусть даже их значение подверглось значительному семантическому сдвигу. Следовательно, в этом случае становится возможной замена компонента (-ов) синонимом.

В ряде случаев первоначально возникало новое слово или словосочетание, само по себе являвшееся устойчивым словосоче-

танием, которое позже в результате процесса фразеологической деривации входило в устойчивое словосочетание в качестве его компонента или части. Так, в начале эпохи Эдо в речи его жителей было зафиксировано слово *айсодзукаси* «невежливость, неблагодарность», которое в современном японском языке не употребляется. Позже эта лексическая единица стала компонентом устойчивого словосочетания – фразеологического единства *айсодзукаси о йу*, букв. «говорить о неблагодарности» – «стремиться поссорить; относиться недоброжелательно», которое сохранилось в современном японском языке.

Аналогичным образом первоначально было зафиксировано фразеологическое единство *хигэ но тири*, букв. «пыль на усах», – «лесть», которое в результате процесса фразеологической деривации уже на основе этого словосочетания превратилось в компонент образного устойчивого словосочетания *хигэ но тири о харау*, букв. «счищать пыль с усов», – «подхалимничать, лебезить». Компонент *хигэ но тири*, в отличие от эпохи Эдо, в современном японском языке самостоятельно не употребляется.

Во всех приведённых выше примерах один из компонентов устойчивых словосочетаний в современном японском языке не употребляется вне цельной единицы. Но наряду с устойчивыми словосочетаниями, включающими в свой состав подобные компоненты, в современном японском языке распространены устойчивые словосочетания, сохранившиеся до наших дней в «первозданном виде» либо претерпевшие крайне незначительные изменения. В эпоху Эдо впервые зафиксировано слово *танин* «чужой человек», которое в конце этого исторического периода стало употребляться в качестве компонента устойчивого словосочетания *ака но танин*, букв. «красный чужой человек», – «совершенно чужой человек». Распространённое в современном японском языке фразеологическое единство *хара га тацу*, букв. «живот встаёт», – «сердиться» в эпоху Эдо имело вид *кохара га тацу*, букв. «маленький живот встаёт» (значение то же, что и в современном японском языке).

Большинство устойчивых словосочетаний, возникших в Эдо, сохранилось в той форме, которая была им присуща изначально. Среди подобных единиц наиболее распространены словосочетания, созданные народом, жителями Эдо: *мука но аямэ*, букв. «ирисы шестого числа», – дорога ложка к обеду; *кицунэ о*

ума ни носэта [э:], букв. «(словно) посадил лису на лошадь», – «беспокойный, суетливый»; *акути мо кирэну*, букв. «не прорвались даже детские прыщи на губе», – «ребячливый»; *акия дэ бо: о фуруу*, букв. «трясти палкой в пустом доме», – «заниматься пустым делом»; *ки дэ хана о кукуру*, букв. «связывать нос деревом», – «задирать нос, важничать»; *вара о таку*, букв. «варить солому», – «злословить, плохо отзываться о ком-либо» и др.

Все приведённые единицы, созданные жителями японской столицы, получили распространение по всей стране и были усвоены общим языком. В то же время путь ряда устойчивых словосочетаний из языка Эдо в общий язык несколько отличался. В японской языковой системе также функционируют устойчивые словосочетания, впервые зафиксированные в произведениях японской литературы и закрепившиеся в японском языке благодаря последующему употреблению их обитателями Эдо. Так, создание устойчивого словосочетания *муси га ий*, букв. «насекомое хорошее», – «самонадеянный; дерзкий» приписывается поэту Басё; устойчивое словосочетание *муси га окуру*, букв. «насекомое поднимается», – «заболеть» было усвоено эдосцами из «Укиёбуро».

Подобная модель обогащения языка продолжает действовать и в современную эпоху, когда процесс фразеологической деривации развивается в основном благодаря телевидению, кино и модным литераторам. Как и в эпоху Эдо, в речи токийцев фиксируются новые устойчивые словосочетания, возникшие подобным образом. Закрепившись в языке Токио, они постепенно усваиваются общим языком. Примером может служить фразеологическое сочетание *дэнки га цуку* букв. «электричество прикрепляется» – «свет (электричество) зажигается», которое благодаря авторскому употреблению в художественной литературе 70-х гг. прошлого века приобрело значение «покраснеть (о лице)» и в этом значении стало относиться к типу фразеологических единств. Вначале единица употреблялась в Токио, а впоследствии распространилась в другие регионы Японии.

Анализ состава фразеологии современного японского языка позволяет сделать вывод о том, что язык жителей Токио продолжает играть активную роль в процессе фразеологической деривации в современном японском языке.

Литература

1. Быкова С.А. Устойчивые словосочетания в современном японском языке. М.: МГУ, 1968.
2. Вардуть И.Ф. Очерки потенциального синтаксиса. М.: «Наука», 1964.
3. Кинсэй камигатаго дзитэн. Токио: «То:кё:до:», 1964.
4. Эдого дзитэн. Токио: «Хэйбунся», 1991.

©

Л.Р. Додыхудоева
ИЯз РАН (Москва)

Лексика арабского происхождения: семантический аспект (по материалам памирских и таджикского языков)

Известно, что Ю.А. Рубинчик внёс весомый вклад не только в лексикографию и лексикологию, и особенно фразеологию, но и в изучение грамматики и синтаксиса современного персидского языка. Несмотря на то, что сферой его основных интересов всегда оставался персидский язык, он живо интересовался проблемами взаимодействия больших и малых иранских языков, исследовал их и в своих многочисленных статьях делился соображениями по этому поводу (см., например, [Рубинчик 1970]). Ученица Ю.А. Рубинчика С.В. Хушенова защитила под его руководством диссертацию по таджикской фразеологии (1971) и стояла во главе разработки фразеологии миноритарных памирских языков [Хушенова 1991; Каримова 1976].

В одной из статей, посвященных проблеме языковых контактов и взаимодействия языков, Ю.А. Рубинчик пишет об особом положении арабского языка и его влиянии на иранские языки, в частности на персидский. Как известно, особое положение арабского языка объясняется завоеванием, а также распространением новой религии – ислама. В силу этого в персидский язык вошло значительное количество арабской лексики. В первую очередь, в него проникли слова, относящиеся к сфере религии, политики и социо-экономической жизни. Со временем персидский язык,

ставший языком религии и науки для многих иранских народов, стал источником новых понятий и терминов во многих языках иранской группы. Ю.А. Рубинчик отмечает, «что влияние арабского языка на разные языки иранской группы в силу различия исторических и географических условий было неодинаковым: количество арабских слов, вошедших в эти языки различно; неодинаков характер лексики, заимствованной этими языками; неодинаковы фонетические и семантические изменения, которым подверглись арабские слова в этих языках» [Рубинчик 1976, с. 199-200].

В течение многих лет сам Ю.А. Рубинчик рассматривал проблемы арабизмов в персидском языке. Он затрагивал вопросы фонетических изменений арабских заимствований (1965), подверг анализу особенности функционирования форм арабского ломаного множественного числа (1991), разработал типы семантических изменений арабских заимствованных слов (1976)¹. По его мнению, «было бы весьма ценным глубокое изучение арабских заимствованных слов и грамматических форм в различных иранских языках» [Рубинчик 1976, с. 199].

Все это дало толчок к сравнительно-сопоставительному рассмотрению арабских заимствованных слов и грамматических форм в различных иранских языках. Вопросы арабизмов в таджикском языке одной из первых касалась А.З. Розенфельд (1961, с. 24-25). Она показала, что уже в близкородственных таджикском и персидском языках одни и те же лексемы не совпадают по значению и что для выражения одинаковых понятий используются разные арабские слова. Арабизмы в таджикском языке были подробно рассмотрены в трудах Т. Бердыевой (1971 и др.), а арабизмы в шугнанском языке разобраны в работах [Мискинзода 2002; Давлатмирова 2004а; 2004б].

¹ Были выделены четыре основных типа семантических изменений арабизмов в персидском языке: утрата арабским словом самостоятельного лексического значения и употребление его только в сочетаниях с другими словами в составе персидских устойчивых оборотов и сложных отыменных предлогов; приобретение словом нового значения, не свойственного арабскому литературному языку при сохранении всех или части арабских значений или же при полной их утрате; сохранение одного или части арабских значений; перераспределение порядка значений заимствованного многозначного арабского слова на персидской почве, связанное с частотой употребления [Рубинчик 1976].

В настоящей статье затрагиваются арабские заимствования в языках, распространенных в Бадахшане на территории Таджикистана и Афганистана. Это памирские языки – языки шугнано-рушанской группы, куда входит и сарыкольский, распространенный в Китае, а также язгулямский, ваханский и ишкашимский (вместе с сангличским, на котором говорят в Афганистане) и таджикские диалекты (такие, как бадахшанский, ванджский и дарвазский; а также зебакский диалект языка дари). Лексика данных языковых разновидностей соотносится с арабизмами современного таджикского литературного языка и языка классической таджикско-персидской литературы.

Арабский язык стал традиционным языком науки и литературы во многом благодаря роли персоязычных народов, принявших участие в продвижении арабского завоевания на восток, в результате чего в регион Центральной Азии пришла мощная волна арабского и персидского языков². Позднее здесь сформировался особый язык со своими особенностями, который стал называться таджикским. Персидско-таджикский язык распространился в регионе и стал играть важную роль в административной системе, литературе и социо-экономической жизни региона, вытеснив такие языки, как согдийский, бактрийский и др. Со временем таджикский приобрел в регионе исключительное значение в качестве языка межнационального общения. Он стал вторым языком для той части жителей, которая говорила на восточно-иранских языках, не имеющих письменной традиции (памирских, распространенных в юго-восточной части Таджикистана в Бадахшане, и ягнобском – языке населения долин Ягноб и Варзоб, в Центральном Таджикистане).

Арабский язык оказал значительное влияние на персидский, позднее таджикский язык. Вследствие этого доля арабских заимствований в таджикском языке очень высока (см. об этом, напр., [Бердыева 1971]). Доказательств прямых контактов между араб-

² По определению ЮНЕСКО (регион включает Монголию, Западный Китай, Пенджаб, Кашмир, северную Индию и северный Пакистан, северо-восточный Иран, Афганистан, районы азиатской России южнее таёжной зоны и пять бывших советских республик Средней Азии) [сайт] (URL: <http://ru.wikipedia.org>).

ским языком и памирскими языками нет. Именно поэтому представляется, что арабская лексика входила в словарь местных восточноиранских языков через посредство другого языка. Основным маршрутом, которым заимствованные арабские слова «проникали» в языки Памира, было промежуточное звено, язык-посредник, как правило, – персидский / таджикский. В настоящее время таджикский является государственным языком Республики Таджикистан. Одним из активных инструментов персидско-таджикской языковой деятельности в регионе было распространение исмаилитской религиозной традиции (по разным источникам с XI-XV в.) проповедниками исмаилизма. Существенно, что в данном регионе проповедь велась на персидском языке – языке религии.

Для определения различных хронологических срезов и топологии заимствованных слов были использованы различные словари³.

Арабизмы вошли в таджикский и памирские языки столь прочно, что воспринимаются как естественная часть словаря. Они входят в интимный фонд языков, обозначают глубинные для культуры понятия, которые не передаются иначе.

³ Это «Словарь таджикского языка» [ФЗТ], в котором лексика проиллюстрирована цитатами из известных литераторов IX-X – начала XX в., «Полный персидско-арабский-русский словарь» И.Д. Ягелло (1910), который включает арабскую и персидскую (таджикскую) лексику, используемую в Средней Азии к началу XX в., и «Таджикско-русский словарь» (1954), представляющий литературный таджикский язык и областные разговорные формы к середине XX в. Кроме того, были привлечены «Таджикско-русский диалектный словарь» А.З. Розенфельд (1982), собравший таджикскую лексику с 30-х гг. XX в., а также «Таджикский диалектный словарь» (1997), отразивший словарь второй половины XX века, и один из последних по времени составления «Таджикско-русский словарь» (2006). Указания на хронологический языковой срез задаются указанием на соответствующий словарь: [ТРС 1954], [ТРС 2006] – современный таджикский литературный язык, [ФЗТ] – язык персидско-таджикской классической литературы, [Ягелло 1910] – таджикский литературный язык региона Центральной Азии на начало XX в. Лексика памирских языков приводится в основном по соответствующим словарям, см. Литературу.

Для выделения арабизмов в памирских языках рассматривается комплекс их фонетических⁴, грамматических⁵ и семантических особенностей. В данной статье рассматриваются случаи семантической трансформации в лексике на основе всего комплекса характерных черт с учетом корреляции конкретной лексеммы по форме и/или значению в конкретных языках. На основе особенностей лексических значений в конкретном памирском языке, сходных семантических черт или типов семантического сдвига, что дополняется анализом значения слова в других языках региона, в памирских языках выделяется несколько лексико-семантических групп.

При классификации арабизмов в памирских языках учтены и характерные особенности соотношения семантики слова в памирских языках с лексикой ближних таджикских диалектов, а также таджикского литературного языка. Таджикский язык представлен несколькими хронологическими уровнями (язык классической литературы, язык литературных произведений начала XX века, современный литературный таджикский язык и его диалекты) и топологическими срезами (персоязычный регион, регион Средней/Центральной Азии, Таджикистан, Бадахшан). Данные по оттенкам лексических значений уточняются на основе материалов близкородственных восточноиранских языков.

Утрата словом самостоятельного лексического значения в памирских языках и употребление его только в сочетаниях с другими словами в составе устойчивых оборотов, принятых из классического персидско-таджикского (арабского) языка.

⁴ Фонетические процессы, которые имели место в соседних юго-восточных таджикских диалектах, представлены отчасти и в шугнано-рушанской группе и других языках Западного Памира. Это, в основном, такие процессы, как субституция одного согласного другим (ç – ħ или ħ; или ħ – y) в начальном, интервокальном и конечном положении, иногда с последующим стяжением, эпентезой и метатезой; появление протетического ħ в словах, начинающихся с гласной или замена ħ на v/w в начальном и интервокальном положении [Розенфельд 1956]. О фонетических процессах в памирских языках см. [Dodykhudoeva 2009].

⁵ О грамматических процессах в памирских языках см. [Давлатмирова 2004а; Dodykhudoeva 2010].

Слова арабского происхождения, входящие в эту группу, в основном теряют в памирских языках свое независимое лексическое значение и используются в качестве устойчивых сочетаний. В целом они стали органической частью фразеологических единиц и/или терминов или композитов. Большая часть этих слов – выражения и формулы, взятые непосредственно из арабского языка. Они сохранены в памирских языках (шугнано-рушанская группа, ишкашимский, сангличский, ваханский, язгулямский) как устойчивые фразеологические единства. Это, например ⁶:

ш. *āl(i)* < т. *ahl* ‘народ, люди’ только в сочетании: *āli xalq* ‘народ’, *āl-at awlod* ‘родственники’, руш. *āli x̄ar* ‘население города’, *āli x̄ōnā* ‘обитатели дома’, ишк. (из т.) *al-i šar* ‘жители города’, т.-юж. *a(h)l-u avlod* ‘родственники’, ср. т. ‘народ, население, люди; достойный’, т. (ар.) *ahl al-bayt* ‘люди дома, члены семьи пророка Мухаммада’.

ш. *padarnālat* сущ. ‘проклятый отцом’, *lānat tu kix̄* ‘проклятье тебе!’, *lānat čīdow* ‘проклинать’, ш.-руш. *nālat* < *lānat* < *la‘nat* ‘проклятие’, язг. *nālat: bar padari ... nālat* ‘проклятье твоему отцу’; т. *la‘nat* ‘проклятье’, т.-кл. *la‘nat* ‘проклятье, дурная молитва’ [ФЗТ].

п.я. *madad*: ш.-руш. *yō pīr madad!* ‘О святой заступник (помоги)!’, *yō Āli madad* ‘О Али, заступник (помоги)’, *mawlō Āli madad* ‘Покровитель Али, заступник (помоги)’, язг. *yō pīr, yō madad* ‘О святой заступник’; т. *madad* ‘помощь, поддержка’, *yō alloh madad kun!* ‘О Аллах, помоги’ т.-кл. *madad* ‘помощь; помощник, заступник’.

ишк. *šawq* в сочетании: *zāwq-at šawq* ‘наслаждение и развлечение’, т., т.-кл. *šavq* ‘влечение, увлечение; пристрастие, страсть; интерес, охота’ [ФЗТ].

Сохранение основного значения слова, ставшего религиозным (исмаилитским) термином, – идентичного языку классической персидско-таджикской религиозно-научной литературы.

Большинство слов арабского происхождения данной группы было освоено и получило новое терминологическое значение на ранней стадии сложения классического литературного персид-

⁶ При подаче материала на языках шугнано-рушанской группы в гласных проставляются все долготы; при подаче шугнанского материала долготы над о и е, как правило, не ставятся.

ско-таджикского языка. Памирские языки (в частности шугнано-рушанская группа) сохраняют одно или несколько значений. Большая часть слов в этой группе является исмаилитскими терминами, которые сохраняются без изменения формы и смысла:

ш.-руш. *dōyī/i, dāi*, т.-бад. *doyi* ‘член религиозной иерархии исмаилитов, религиозный глава, учитель, пропагандист’, т.-кл. *doī* ‘человек, читающий молитву; член религиозного братства, призывающий в свой толк’ [ФЗТ]. Это слово вышло из употребления и не использовалось на протяжении всего XX в., однако в конце XX в. вновь было введено в употребление в связи с введением в оборот исмаилитской литературы.

ш.-руш. *xalifā*, т.-бад. *xalifā* ‘халифá, представитель исмаилитской религиозной исполнительной власти, наместник пира в Бадахшане, имя с.м.’ < т. *xalif(á)* старое заимствование из арабского *khalīfatun* ‘халиф’, в памирские языки вошло через персидско-таджикский, ср. т.-бух. *xalifá* устар. ‘представитель религиозной исполнительной власти в Бухаре, следящий за исполнением законов шариата; представитель должностного лица; учитель’; т.-лит. *xalif(á)* ‘халиф, наместник’; т.-кл. *xalifá* ‘заместитель, наместник, халиф’ [ФЗТ].

п.я., т.-бад. *voiz* рел. ‘проповедник’, т. *voiz* рел. ‘проповедник; наставник; оратор, произносящий наставительные речи’, т.-кл. *voiz* [vā‘ez] рел. ‘оратор, произносящий наставительные речи’ [ФЗТ].

ш.-руш. *zikri* ‘благочестивая медитация; мистическое созерцание; зикр; упоминание имени Бога в знак почитания; обращение молящегося к его собственной памяти в ходе непрерывной молитвы’, ш. *zikri ċīdow* ‘возносить молитву, делать зикр’, *хидоу zikri ċīdow* ‘возносить молитву Богу, поминать Бога’, букв. «делать зикр Богу»; *Zikrak yīlgā* микротопоним: назв. летнего пастбища; т.-бад. *zikr* ‘зикр’, *Zikrak yelgo(h)* (Бадахшан) микротопоним: назв. летнего пастбища; т. *zikr* ‘зикр; упоминание; высказывание; кн. слава, молва, популярность; уст., рел. радение дровишек; моление’; т.-кл. *zikr* ‘зикр, упоминание, произнесение; особая молитва, во время которой повторяется имя Господа’ [ФЗТ]. Старое арабское заимствование через таджикский, известный суфийский термин. Значение в памирских языках отличается от значения в классическом персидском. Термин широко исполь-

зовался в Центральной Азии в средние века, так как на этой территории находилось несколько суфийских братств.

В некоторых случаях данные термины получают в исмаилитской литературе (персидско-таджикских диалектах и памирских языках) и узусе дополнительные производные значения, сохраняя при этом основное значение термина. Так, термин т. *da* 'vat-i fano' 'призыв к небытию' в усеченном виде *da*(')vat 'призыв, миссия', которым обозначается исмаилитский призыв, сохранил это значение в религиозной исмаилитской терминологии и литературе.

Во всей шугнано-рушанской группе языков *dāwat*, вах., ишк. *dawat* – старое арабское заимствование через персидско-таджикское *da* 'vat' 'призыв; приглашение' получило в исмаилитской традиции значение 'миссия'. Это важный исмаилитский термин, обозначающий конкретную религиозную церемонию, которая выполняется на третью ночь после смерти человека. При этом он был перенесен и на некоторые религиозные ритуалы и обрядовые действия, связанные с этим абстрактным понятием. В частности, он стал применяться для обозначения комплекса поминально-похоронных обрядов в исмаилитской среде, включая поминальные трапезы:

В шугнано-рушанской группе языков *dāwat* имеет значение ш. 'религиозная церемония установления свечи; поминки' [ШТС]; 'призыв, обращение; приглашение; миссия; рел. поминальная церемония памирских исмаилитов' [ШРС]; *dāwatgar* 'приглашающий'; *dāwat čīdow* 'приглашать; призывать'; *dāwat δād* 'устроить церемонию поминок'; *dāwati fano* 'призыв к небытию, религиозная церемония памирских исмаилитов'; ш. *ar-tān di mūd, arayum mēθ-ta wi dāwat dēn* 'когда некто умрет, на третий день ему устраивают поминки (букв. «церемонию “дават”»)' [ШРС], т.-бад. *dav/wat* 'призыв, обращение; приглашение; миссия; рел. похороны', а также т.-бад. *da*(')v/wati fano 'призыв к небытию' (религиозная церемония исмаилитов Бадахшана).

При сохранении терминологического значения «миссия», в памирских языках имеется и значение «приглашение», наличествующее в таджикском языке: т. *da*(')vat 'приглашение; призыв, созыв; кн. угощение, пир; рел. молитва, обращение к богу', т.-кл. *da* 'vat' 'приглашение, призыв, миссия, религиозный ритуал' [ФЗТ].

ш. *fano*, т.-бад. *fano* ‘небытие’, т. ‘небытие; тленность; брeнность; гибель, смерть’ [TPC 2006], т.-кл. *fano* ‘небытие; брeнность; бессознательное’ [ФЗТ]. В шугнанском в развитие значения в обиходной речи были добавлены такие значения, как: ш. *fano sittow* ‘быть исчерпанным, уставшим’, *fonī* ‘скоропортящийся, преходящий’.

В «Русско-шугнанском словаре» [ШРС 2005] лексемы *dāwat*, *cirow-piḍid*, *mārakā* приведены как синонимы в значении ‘поминки’ (т.е. комплекс поминальных ритуалов, включающий поминальную трапезу на третий день после погребения). Ср. ш. *cirow-piḍid* букв. ‘возжигание светильника’, *mārakā* см. ниже.

В исмаилитской традиции сложилась традиция исполнения духовных песнопений, посвященных пророку и исмаилитским имамам, в частности Али. Эта традиция восходит к персидско-арабской традиции сложения панегириков (*qasida*) в честь выдающихся личностей, правителей, героев, покровителей. Знаменательно, что в части памирских языков это название сохраняется. Так, в ваханском и ишкашимском такие духовные стихи носят название *qasida*, мн. собир. *qasoyid*, то же в т.-бад. *qasoyid* ‘касыда; панегирик; стихи, песня’ [Розенфельд 1982], ср. т., т.-кл. *qasida*, мн. *qasoyid* лит. ‘касыда; ода; панегирик’. В шугнано-рушанской группе языков это обозначение было заменено названием части касыды, непосредственно обозначающей славословие: *madh* ‘восхваление’. Такие стихи исполняли под музыкальный аккомпанемент в ходе религиозных праздников и церемоний, в частности похоронно-поминальных:

ш.-руш. *maddō(h)*, *madhiyya(t)* рел. ‘восхваление; духовная песнь в честь святого, имама; панегирик, ода’, *maddōgūy* ‘панегирист, апологет’, ср. т. *madh*, *madeh(a)*, мн. *madoeh* ‘хвала, восхваление’, *maddoh* ‘панегирист; рассказчик священных историй’, *maddohī* ‘восхваление’, т.-кл. *maddoh* ‘панегирист; рассказчик священных историй’, *maddohī* ‘восхваление’, *madh*, *madeh(a)* [madih], мн. *madoeh* [madāih], ‘хвала, восхваление’ [ФЗТ].

п.я. *ziyoraṭ* ‘паломничество’, *ziyoraṭ(go)*, ш. *ziyārat(gā)* ‘место паломничества’, т.-юж. *ziyoraṭ* ‘посещение; паломничество’, *ziyoraṭ(ak)ī* ‘паломник (в святые места)’, т. *ziyoraṭ* ‘посещение, визит; паломничество’, *ziyoraṭ(go)* ‘место паломничества’, *ziyoraṭ qabul!* ‘с приездом!’ [TPC 2006], букв. ‘(Да будет) принято па-

ломничество!» (формула приветствия возвратившегося из паломничества к святым местам человека), т.-кл. *ziyārat(gāh)* то же.

Впрочем, и в подобной лексике наблюдаются сдвиги в семантике. Так, с появлением в Горном Бадахшане представителей Ага Хана были активизированы термины ш. *imūm(ik)*, руш., хуф., б. *imōm*, вах., ишк. *imom* 'имам; статус имама' и ш. *imūmat*, пам.яз. *imō/omat*, т.бад. *imomat* 'имамат; статус имама', 'духовное руководство (имама)', 'правление (имама)', а с появлением исмаилитских офисов также 'управление, аппарат имама, имамат'. Ср. сходный процесс в персидском языке послереволюционного периода, отмеченный Ю.А. Рубинчиком: перс. *imāmat* 'должность и звание имама' – 'духовное руководство', '(у)правление' [Рубинчик 2003, с. 256].

Семантические изменения в памирских языках. Эта группа состоит в основном из примеров базовой лексики, которая вошла в повседневный язык и социальную жизнь. Здесь можно выделить группы языков или отдельный язык, в которых слова приобретают новое значение, не свойственное языку классической персидско-таджикской литературы.

Так, в качестве одного из примеров можно указать производные от ар. *tammūz*, которые во всех языках региона имеют общий круг значений «лето», «жара». В обиходе используются обозначения, необходимые в быту и связанные с народным сельскохозяйственным календарем:

ш. *tamūs* 'лето; жара', т. диал. *tamuz* 'лето; жара', т. 'летний месяц; лето; жара' [TPC 2006], ар. *tammūz* 'июль'.

Другой пример – название сезона в традиционном сельскохозяйственном календаре: ш.-руш. *fasl* 'часть года, сезон', *fasli* 'сезон(ный) (о календаре)', т. диал. *fasli*, т. *faslī* 'сезонный', т. (ар.) *fasl* 'глава, раздел, параграф, часть; время, отрезок времени; время года, сезон' [TPC 2006].

Ряд лексических параллелей связан со спецификой социальной структуры и организацией общины и особенностями ее трактовки:

ш.-руш. *jamāt*, *jamoat* 'конгрегация, община; семья, семейная ячейка; (сель)совет', южные таджикские диалекты *jamo(h)at* 'община; (сель)совет', т. *jamoat* 'группа людей; общество; община' [TPC 2006], т. *jamoat* 'сельсовет; общество; община', *jamo*

‘сельсовет; председатель сельсовета; совет сановников при эмире’ [ТРС 1954]. Ср. также применение этого термина для обозначения исмаилитской общины в английском языке и гуджарати в форме *jamat*.

ш.-руш. *mārakā* ‘собрание общины, группы по ритуальному случаю (свадьбы, похорон)’, т.-бад. *maraka* ‘собрание общины, группы по ритуальному случаю’, т. *ma‘raka* ‘(избирательная, сеноуборочная) кампания; собрание по случаю свадьбы, поминок; битва; поле битвы’ [ТРС 2006], *ma‘raka* ‘кампания; собрание по случаю свадьбы, поминок; сборище людей’ [ТРС 1954], т.-кл. ‘место атаки; нападение; квадрат’ [ФЗТ]. Ср. также известную персидскую поговорку *Sar-e piri ma‘rekegiri* ‘Седина в бороду, бес в ребро’.

ш. *taškīl čīdow* ‘создавать, организовывать’, ср. *taškilot* ‘кампания, мероприятие; организация’, *taškīli* ‘встреча, компания, вечер’, т. *taškil* ‘организация, основание’, *taškilot* ‘организация’, *taškīli* ‘организационный’ [ТРС 1954].

Группа лексики вошла в литературный таджикский язык и далее в памирские вместе с новыми социальными явлениями:

пам.я. *morif* ‘районо’; в сочетании: *wazorát-i morif* ‘министерство просвещения’.

ш. *mārūzā*, т. *ma‘ruza* ‘доклад; презентация; представление’, *ma‘ruz* ‘представленный’ [ФЗТ], т. лит. Центральной Азии *ma‘ruz*, *ma‘ruza* ‘представленный/ое; доклад’ [Ягелло 1910].

ш.-руш. *ramatnōmā*, ишк., вах. *ramatnoma* ‘похвальная грамота’, т. *rahmatnoma* ‘благодарственная грамота; благодарность’, *rahmat* ‘милость, милосердие; спасибо, благодарю’ [ТРС 2006].

Часть лексики сохраняет в памирских языках одно из значений литературного таджикского языка, например: ш.-руш. *janōzā* ‘заупокойная молитва’, т.-бад. *janoza id*, т. ‘похороны; рел. заупокойная молитва; отпевать покойника; уст. труп; покойник’ [ТРС 2006], т. ‘похороны; рел. заупокойная молитва перед похоронами’ [ТРС 1954].

В приведенной ниже группе примеров только в классическом языке отмечено разделение потомков по полу, во всех остальных языках региона слово применяется безотносительно к гендерным различиям:

ш.-руш. *awlōd*, т.-бад. *aw/vlod* ‘потомок (безотносительно к полу); род, родственники (собирательное); поколение’, сар. *awlod* ‘потомок’, ишк. *awlod* ‘потомок, род; ребенок, дитя’, т.-юж. *avlod* ‘потомки; родные’, т. *avlod* ед./мн. ‘потомки, потомство; род, поколение’, *avlodī* ‘потомственный, родственный’ [ТРС 2006], т. *avlod* ед./мн. ‘потомок, отпрыск; потомки, дети, потомство; род, поколение; родня’ [ТРС 1954], т.-кл. ед. *valad*, мн. *avlod* ‘потомок; ребенок, мальчик’ [ФЗТ].

Ср. ш. *awlōdā* ‘потомки; потомство, родственники’.

Следующее слово применяется для обозначения предмета женской одежды, предписанного принципами мусульманского нравственного кодекса для женщины, что отражено в переносном значении «нечто потребное, необходимое»:

ш.-руш. *lōzu/imi*, ишк. *lozimi*, т.-бад. *lozu/imī*, т.-юж. *lozimī* ‘женские шаровары (перен. ‘нечто нужное’); нечто нужное’, т. ‘нужный, необходимый; нижние штаны, шаровары’ [ТРС 1954], ‘нечто нужное; потребный; штаны, шаровары (женские)’, *lozima* ‘нечто нужное; потребный’ [ТРС 2006], т.-кл. *lozima* ‘нечто нужное’ [ФЗТ].

Еще одна лексема употребляется в регионе для обозначения особого рода амулета, который носят на предплечье (т. *bozuband*). Данное значение не отражено не только в классическом языке, но и в литературном таджикском:

ш. *aykal*, шб. *(y)ekal* ‘памятник; амулет’, руш., хуф., т.-бад. *aykal* ‘амулет’, т.-юж. *haykal* ‘изображение; фигура; амулет, (ту)мор’, ср. т. *haykal* ‘статуя, изваяние; памятник; скульптура; кн. тело, фигура, торс’ [ТРС 2006], т.-кл. *haykal* ‘фигура, форма; скульптура из дерева, камня; кумирня, здание’ [ФЗТ].

Часть лексики имеет в памирских языках и диалектах Бадахшана ареальные значения, отличные от литературного таджикского языка. Особенности семантических изменений данной группы слов исторически сложились в Бадахшане.

Приведем пример, где две однокоренные лексемы, значения которых достаточно близки, расходятся с присоединением суффикса:

ш.-руш. *awratīnā*, т.-кул. *avratina* ‘женщины, женский род (собир.)’, т.-юж. *avratina*, т.-Рог *arvatina* ‘сущ. женский род, пол; слабый пол; прил. женский’.

ш.-руш., вах. *awrat*, т.-кар. *av/wrat*, т.-бад. *hav/wrat*, т.-юж. *avrat*, мн. *avrato* ‘женщина; слабый пол; супруга; термин. обращение к жене при посторонних’, т. *avrat* ‘кн. срамные части тела; разг. женщина, жена’, *avratoni xona* ‘домоседки’ [ТРС 2006], ‘кн. часть тела от пупка до колен; нагота; разг. женщина’ [ТРС 1954], т.-кл. *avrat* ‘срамные части тела; женщина, жена’, *avratoni xona* ‘домоседки’ (засвидетельствовано у Руми), для второго значения имеется форма множественного числа *avrot* ‘женщина, супруга, жена’. Зафиксированная в мадаглашти (ныне на территории Пакистана) лексема *awrat* ‘женщина’ указывает на то, что уже в начале века выходцы из Зебака употребляли этот термин.

В одном примере ш.-руш. лексема *walāmat* помимо основного значения титула ‘жена религиозного чина’ получила еще и переносное значение ‘белоручка’ (о женщине).

В следующем случае в памирских языках и бадахшанских диалектах таджикского языка у населения – исмаилитов – отсутствует часть значений номенклатуры, присутствующая в общетаджикской, общемусульманской лексике:

п.я.: ш.-руш. *qōzi*, вах., ишк. *qozi* ‘уст., ист. кази(й) (судья, судивший по законам шариата)’, т. *qozī* ‘уст., ист. казий, судья (судивший по законам шариата); казий, кази (глава мусульман)’.

В другом примере из религиозной лексики, которая, как правило, традиционно сохраняет форму, в памирских языках имеется в наличии две лексемы, оттенки значений которых расходятся. Так, слово для обозначения исмаилитского обряда, термин, точно сохраняет таджикскую форму: *tawbā* ‘обряд: зажжения свечи на третий день после смерти’, и на основе этого значения с данной формой образуются два составных глагола: *tawbā nīstow* ‘принимать участие в этом ритуале’, букв. «сидеть (в) тавба», и *ar tawbā dedow* ‘принять участие в этом ритуале’, букв. «проводить тавба», и, в развитие этого значения, ‘вести благочестивую жизнь (как правило, для тех, кто принимает участие в ритуале)’. Другое шугнанское слово того же происхождения, однако оно в результате процесса стяжения фонетически адаптировано и сохраняет в качестве одного из значений «покаяние». Оно используется в обиходе: ш. *tūbā* < *tawbā* ‘покаяние; отречение; возглас удивления’, ишк. *tuba* / *tobe* ‘зарок, раскаяние’, т. *tavba* ‘покаяние; обет, обещание’ [ТРС 2006], ‘покаяние; обет, зарок’ [ТРС 1954], т.-кл. ‘id’ [ФЗТ].

Значительная группа шугнанских слов семантически довольно близка лексике таджикских диалектов, особенно распространенных в юго-восточном Таджикистане и Бадахшане. В качестве примеров приведем слова, общие для памирских языков и местных таджикских диалектов и отличные от других таджикских диалектов:

ш.-руш. *manzil* ‘могила’, т.-ван. *manzil* ‘могила’, т. *manzil* ‘место отдыха, остановки; расстояние между двумя станциями; жилье, жилище, дом’ [ТРС 1954], т.-кл. *manzil* ‘место отдыха; остановка’, *manzil-i oxirat* ‘иной мир’ [ФЗТ].

ш.-руш. *manzilgā* ‘кладбище’, т.-дарв. *manzilgo*, т. Даштиджум *manzilga* ‘кладбище’.

Ряд лексических параллелей связан со спецификой организации общинной жизни на протяжении веков, при этом ряд терминов устоялся в специфических значениях, например понятие «еда», «горячая еда» передается посредством арабской формы: ш. ед. *awqōt* ‘еда, блюдо; обед; хлеб насущный’, мн. *awqōten* собир. ‘еда; продукты, хлеб насущный’, *awqōt čīdow* ‘готовить, есть’, *awqōtwōr* ‘кормилец’, *awqōtwōri* ‘запасы продуктов’, руш., х. id, язг. *awqōt* ‘горячая еда, пища; запасы’.

т.-дарв. *auqota* ‘еда’, *awqotwori* ‘запасы продуктов’, т.-бад. (*h*)*avqot* ‘еда’, т. *avqot* II разг. ‘еда, обед’ [ТРС 1954], т. *awqoti pešin* ‘полуденная еда’, ар. *qut* ‘еда’. Возможна контаминация с ар. формой мн. *ouyāt* (ед. число *waqt* ‘время’), т. *avqot* I ‘время, времена’ [ТРС 1954], т.-кар. *ḡoti*, т.-дарв. *ḡot* ‘время, момент’ [Розенфельд 1982], т.-кл. *vaqt* ‘время’, мн. *avqot*, *avqoti hamida* ‘прекрасное время’ [ФЗТ].

Часть ареальной лексики закрепила и сохранила архаичные значения. Так, сохранились названия отдельных периодов народного сельскохозяйственного календаря, который был в ходу у местных крестьян:

ш.-руш. *ajuz(kampir)*, *kampir(-i) ajuz*, т.-бад. *ajuz* ‘старуха; период в конце зимы в народном календаре’ [Андреев 1958, с. 158-167], т. *ajuz(a)* ‘старуха’, *ajuz(a)-i fartut* ‘старый мир’, *ajuzkampir* ‘старуха; миф. баба-яга’ [ТРС 2006], *ajuz(a)* ‘старуха’, *ajuzkampir* ‘разг. название девяти последних дней периода зимних холодов в сельском счете времени’ [ТРС 1954], ср. ар. *ayūām al-‘ajuz* ‘календ. период в конце зимы’, букв. ‘дни старухи’, т.-кл. (‘)*ajuz* ‘старый; старуха’ [ФЗТ]. Ср. т.-юж. (‘)*ojiz* ‘слабый, беспо-

мощный; слепой’, (‘)ojiza ‘слепая женщина; женщина; девушка; старуха’, (‘)ojizrang ‘слабый, беспомощный’. Ср. также т., т.-кл. *ajz* ‘слабость, немощность’, т. *ojiz* ‘слабый, беспомощный, вызывающий сострадание’, перен. ‘нечто нужное’, *ojizī* ‘слабость, беспомощность; пер. покорность; разг. слепота’, *ojiza* уст. ‘дочь (так называл отец свою дочь при посторонних)’, перен. ‘слабый’ [ТРС 2006].

Старое шугнано-рушанское заимствование *šitō* сущ. ‘холод; мороз’; прил. ‘холодный’, руш., х., б. *šitō* ‘холод(ный)’, с производными руш. *šitōgay* ‘холод’, *šitōjaxgay* ‘мороз’, не сохранилось в современном таджикском языке, ср., впрочем, т. кн. *šito* ‘зима’ [ТРС 2006]⁷, т.-кл. ‘зима’ [ФЗТ]. В шугнанском эта лексема получила дополнительное метафорическое значение «невозмутимый» и «грубый»: *šito čīdow* ‘делать холодным; метаф. невозмутимый’, *šito sittow* ‘стать холодным; невозмутимым’, *kor šito* ‘поздно (о работе)’, *šito gāp* ‘холодный, грубый разговор’, *šito gāpi* ‘грубость (в разговоре)’, *šitogi, šitoyi* ‘холод, мороз’, *šito zord* ‘индифферентный’, *šito zordi* ‘невозмутимость’, *šito-rāng* ‘холодный, остывший’, т.-кл. *qalbuššito* ‘зима; вино’, *qalbi šito (zimiston) ya ‘ni otaš (tobiston)* ‘самый холод (зима), огонь (лето)’ [ФЗТ].

В некоторых случаях лексика этого круга приобретает новый оттенок значения для всех/части наречий Бадахшана и соседних районов, в ряде случаев с небольшими отличиями в семантике по языкам:

ш.-руш. *arwōhak* ‘ночная бабочка, мотылек’, ишк. *arwók* ‘мотылек, моль’, вах. *arwo(h)ək, roək id*, т.-бад. Панджшер *arvo(ha)k* ‘ночная бабочка’, т.-юж. *arvohak, avrohak* ‘бабочка’.

руш, б. *arwōgirak* ‘небольшой подарок, жертва в память о предках’.

язг., ш.-руш. *arwō*, ш. мн. *arwōgūn*, руш., хуф., б. *arwōgōn*, вах. ед. *arwo, arwa, (h)arv/wa* (собр.) ‘души мертвых предков, дух; память умерших предков’, т. *arvoh* ‘духи; души умерших (привидения, призраки)’, мн. от *ruh*, т.-кл. ед. *ruh* ‘душа; дух, жизнь’, мн. *arvoh, arvohi mujarrad* ‘свободные души’ [ФЗТ]; ягн. *arwohi guzaštagon* ‘приветствие по случаю Навруза: приветствие в честь духов предков’ [Андреев 1970], вершикское *vrwāh* ‘духи предков’, киргизское *arbak*.

⁷ В [ТРС 1954] данное слово отсутствует.

Ряд слов закрепил особенные значения в целой группе языков региона в силу новых модных явлений и тенденций, например:

ш.-руш. *aqrab(ak)* рисунок при вязке джурабов 'скорпион(чик)', ш. *aqrab* 'скорпион', т. (ар.) (*'aqrab* 'скорпион; созвездие; месяц'.

т.-дарв. *hadiya* 'добрая весть; подарок', *hadyagir, haydagir* 'вестник, приносящий добрую весть' [Розенфельд 1982], т.-юж. (*h)ayda, hadya* 'добрая весть; подарок', *haydakaš* 'сплетник, доносчик', *haydabar* '(добрый) вестник'. Ср. т. *hadiya* 'подарок, дар, милость, приношение', ср. также кирг. (*h)adie, hadya* 'материальная помощь родственников и друзей'.

В одном из примеров в Бадахшане, помимо общего значения «имущество, состояние», имеет место и значение «движимое имущество, скот», с уточнением по регионам. Вероятно, в силу бедности населения и отсутствия крупного скота в хозяйствах Бадахшана, термин стал поначалу применяться к движимому имуществу в виде мелкого рогатого скота:

п.я.: ш., руш., хуф. *mōl* 'мелкий рогатый скот; имущество; товар', *mōldor* 'владелец мелкого рогатого скота; зажиточный', *mōldori* 'скотоводство', ш. *mōl-at gōw* 'скот', ш. *mōl-at sitūr* 'рогатый скот (мелкий и крупный)', *mōl-pōyūj* 'пастух, овчар', *mōl-ziwēst* 'обряд выгона скота на летовье'; *mōli-xūnā* 'движимое имущество' (букв. 'имущество дома, хозяйства') [ШТС], ишк. *mol*, сангл. *māl* 'мелкий рогатый скот; имущество', вах. *mol* 'стадо мелкого рогатого скота; имущество', *moldor* 'владелец скота; погонщик; пастух; скотовод' [Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976], т.-бад. *mol* 'имущество; товар; мелкий рогатый скот' [Розенфельд 1982].

При этом уже в части южных таджикских диалектов за пределами Бадахшана встречается значение «крупный рогатый скот» с уточнением «рогатый»: т.-юж. *mol* 'имущество, собственность', *mol-i šoxdor* 'крупный рогатый скот', т. *mol* 'вещь; продукция; товар; имущество, собственность, добро; состояние; скот; живность', т. *amvol* (мн. от *mol*) 'товары; имущество, состояние; богатство', *mol-i šoxdor* 'крупный рогатый скот', *mol kardan* ист. 'определять размер налога на посевную площадь' [ТРС 2006], *mol* 'имущество, собственность; товар; скот; при выраж. принадлежности', *moliya* 'финансы' [ТРС 1954]. В другом более западном

регионе распространения иранских языков значение этого слова сходно со значением в таджикском языке, ср., например, курманджи *māl* ‘крупный рогатый скот’.

Кроме того, имеется ряд примеров, когда в памирских языках арабизм, который считается устаревшим книжным термином в таджикском литературном языке, широко используется в обиходной речи; например, в шугнанском: т. *jald* ‘проворный, расторопный, быстрый’ [ГРС 1954], ш. *jald* ‘быстрый; быстро’.

Отличия по значению в лексике отдельных памирских языков. Специфические значения может приобретать и лексика некоторых конкретных памирских языков.

ш. *wām* ‘эпилепсия’, *woymā* ‘злой дух; припадок (эпилептический)’, *woymador* ‘одержимый, подверженный (страху)’, т.-дарв. *voima* ‘страх, кошмар; злой дух’ [ЭСВЯ, с. 377], т. *vohima* ‘испуг, ужас’, ар. *wahama* ‘запугивать’.

ишк. *maftul* ‘коса (женская)’, т.-кар. ‘обычай перевязывания веревочкой ноги новорожденного ягненка’, т.-юж. ‘крепко связанный’, т. *maftul* ‘кн. закрученный; кручёный, витой, завитой’, т.-кл. (ар.) *maftul* ‘скрученный, свитый’ [ФЗТ].

ишк. *anoli* ‘признанный, узаконенный, дозволенный’ [Пахалина 1959], ср. пам. я. *alo/ōl* ‘дозволенный, допускаемый’.

ишк. *ayšīnayš kəñīk* ‘развлекаться, наслаждаться’ [Пахалина 1959], т. *ayš* ‘наслаждение, удовольствие; веселье; редко жизнь, существование’ [ГРС 2006].

ш. *zūm čīdow* ‘упрямый’, перс. (ар.) *zamm, zumum* ‘укор; упрёк; ругань; злословие’, язг. *zūm* ‘молчаливый’, вах. *zum* ‘зло(бный)’ [ЭСВЯ, с. 439], т. *zāmim* ‘отвратительный, отталкивающий’, *zāmima* ‘приложение (к напечатанному); добавление, прилавка’, т.-кл. (ар.) *zāmim* ‘отвратительный, плохой’ [ФЗТ].

Предварительные результаты исследований

В заключение можно отметить, что документирование лексики арабского происхождения в памирских языках и таджикских диалектах Бадахшана и соотнесение ее с данными литературного таджикского языка позволяет полнее показать языковой ландшафт региона – восточноиранские (памирские) языки и таджикские диалекты.

В некоторых случаях семантические особенности позволяют наметить динамику процесса вхождения заимствованных слов

в памирские языки и таджикские диалекты, т.е. определить конкретный исторический маршрут вхождения слова в определенный язык/диалект, круг языков. Так, в XI-XV веках с пропагандой исмаилизма в памирские языки и таджикские диалекты региона вошла исмаилитская терминология. В двадцатые годы прошлого века – годы появления Советской власти – в памирские языки и таджикские диалекты Таджикистана вошли такие новые значения, как *firqā* ‘партия (коммунистическая)’, *fidoyi* ‘красная косынка комсомолок’ (ш., т. *fido* ‘жертва’ – ш. *fidoyi*, т. *fidoyī* ‘воин (жертвующий собой)’), *jamoat* ‘(сель)совет’ и т.п.

Кроме того, можно отметить как значительный объем общей лексики с близкими по семантике словоформами, зафиксированный в местных таджикских диалектах и памирских языках, так и отличные по значению заимствования, вошедшие в памирские языки (в первую очередь шугнанский) напрямую из литературного таджикского языка, минуя его бадахшанские и др. диалекты. При этом прочие языки шугнано-рушанской группы, ишкашимский или ваханский могут хранить исходные формы, сохранившие специфические значения.

Сокращения

- ар. – арабский язык
- б. – бартангский язык
- вах. – ваханский язык
- ишк. – ишкашимский язык
- кирг. – киргизский язык
- кн. – книжное употребление
- мдгл. – персидско-таджикский говор селения Мадаглашт (Читрал, Пакистан)
- п.я., пам.я(з). – памирские языки
- пер. – переносное значение
- перс. – персидский язык
- руш. – рушанский язык
- сангл. – сангличский язык
- сар. – сарыкольский язык
- т., т. лит. – современный таджикский литературный язык
- т. диал. – диалект таджикского языка
 - т.-бад. – бадахшанский диалект таджикского языка
 - т.-бух. – бухарский диалект таджикского языка
 - т.-ван. – ванджский диалект таджикского языка
 - т.-дарв. – дарвазский диалект таджикского языка

т.-кар. – каратегинский диалект таджикского языка
т.-рог – рогский говор таджикского языка
т.-юж. – южные диалекты таджикского языка
т.-кл. – язык персидско-таджикской классической литературы:
т. лит. [Ягелло 1910] – таджикский литературный язык региона Центральной Азии на начало XX в.
х., хуф. – хуфский язык
ш. – шугнанский язык
ш.-руш. – шугнано-рушанская группа языков
ягн. – ягнобский язык
язг. – язгулямский язык

Источники

ТРС 1954 – Таджикско-русский словарь. М., 1954.
ТРС 2006 – Таджикско-русский словарь. Душанбе, 2006
ФЗТ – Фарханги забони тоҷикӣ (Словарь таджикского языка). М, 1969
ШРС – Карамшоев Д. Шугнанско-русский словарь. М., 1988, 1991, 1999;
Русско-шугнанский словарь. Душанбе: Дониш, 2005.
ШТС – Зарубин И.И. Шугнанские тексты и словарь. М.-Л., 1960.
ЭСВЯ – Стеблин-Каменский И.М. Этимологический словарь ваханского языка. СПб., 1999.

Литература

1. Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Сталинабад, I – 1953. II – 1958.
2. Андреев М.С. Материалы по этнографии Ягноба. Душанбе, 1970.
3. Бердыева Т. Лингвистические и экстралингвистические причины арабских заимствований (по материалам прессы 20-х годов). Душанбе: Ирфон, 1971.
4. Грюнберг А.Л., И.М. Стеблин-Каменский. Языки Восточного Гиндукуша: Ваханский язык. М., 1976.
5. Давлатмирова М.Б. Особенности арабских заимствованных слов в языках шугнано-рушанской группы в сравнительно-сопоставительном освещении. Душанбе, 2004(а).
6. Давлатмирова М.Б. Особенности арабских заимствованных слов в языках шугнано-рушанской группы в сравнительно-сопоставительном освещении. Автореферат дисс. на соиск. степени кандидата филологических наук. Душанбе, 2004(б).
7. Зарубин И.И. Бартангские тексты и словарь. М.-Л., 1937.
8. Зарубин И.И. Шугнанские тексты и словарь. М.-Л., 1960.
9. Карамшоев Д. Шугнанско-русский словарь. М., 1988, 1991, 1999;
Русско-шугнанский словарь. Душанбе: Дониш, 2005.

10. Каримова А. Ибораҳои фразеології забони рушонӣ дар муқоиса бо тоҷикӣ {Фразеологические обороты рушанского языка в сравнении с таджикскими} // Забоншиносии тоҷик. Душанбе: Дониш, 1976.
11. Мискинзода Г. Проблема арабизмов в шугнанском языке. Курсовая работа. М., 1999.
12. Пахалина Т.Н. Сарыкольско-русский словарь. М., 1971.
13. Розенфельд А.З. К вопросу о памирско-таджикских языковых отношениях // Труды ИЯз СССР. 6. М., 1956.
14. Розенфельд А.З. Таджикско-персидские языковые отношения (по материалам лексики) // Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук. 1961 (12), № 294.
15. Розенфельд А.З. Таджикско-русский диалектный словарь (юго-восточный Таджикистан). Л., 1982
16. Рубинчик Ю.А. О характере фонетических изменений арабских заимствований в персидском языке // Семитские языки. Выпуск 2 (ч. 2). М., 1965.
17. Рубинчик Ю.А. Языковые проблемы современного Ирана // Проблемы изучения языковой ситуации и языковой вопрос в странах Азии и Северной Африки. М., 1970.
18. Рубинчик Ю.А. Типы семантических изменений арабских заимствований в персидском языке // Иранское языкознание. История, этимология, типология: (К 75-летию профессора В.И. Абаева). М., 1976.
19. Рубинчик Ю.А. Основы фразеологии персидского языка. М., 1981.
20. Рубинчик Ю.А. Особенности функционирования форм арабского ломаного множественного числа в современном персидском языке // Ирано-афразийские языковые контакты. Вып. 2. М., 1991.
21. Рубинчик Ю.А. Структурные типы арабских заимствований в персидском языке // Общее и восточное языкознание. Сборник научных трудов, посвященных 70-летию члена-корреспондента РАН В.М. Солнцева. М., 1999.
22. Рубинчик Ю.А. Проблемы дальнейшего изучения персидского языка // Восточное языкознание. К 80-летию В.А. Рубинчика. М., 2003.
23. Рубинчик Ю.А. и др. Персидско-русский словарь / под ред. Ю.А. Рубинчика. М.: Русский язык, 1970. В 2-х томах.
24. Стеблин-Каменский И.М. Этимологический словарь ваханского языка. СПб., 1999.
25. Таджикский диалектный словарь. Часть 1: А-О. Душанбе, 1997.
26. Таджикско-русский словарь. М., 1954; Душанбе, 2006.
27. Фарҳанги забони тоҷикӣ (Словарь таджикского языка). М., 1969.
28. Хушенова С.В. Изафетные фразеологические единицы таджикского языка. Душанбе: Дониш, 1971.

29. Хушенова С.В. Лексемный состав памирских фразеологизмов как отражение языковых контактов // Ирано-афразийские языковые контакты. 2. М., 1991.
30. Эдельман Д.И. Язгулямско-русский словарь. М., 1971.
31. Ягелло И.Д. Полный персидско-арабско-русский словарь. Ташкент, 1910.
32. Dodykhudoeva L.R. Lexis of Arabic origin in Iranian languages of Tajikistan: Tajik dialects and Pamiri languages // Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология. М., 2009.
33. Dodykhudoeva L.R. Lexis of Arabic origin in Iranian Languages of Tajikistan: Tajik dialects and Pamir languages // Язык и общество в современной России и других странах. Международная конференция. Москва, 21-24 июня 2010 г. Доклады и сообщения. М., 2010. С. 438-444.

©

А.А. Кузьмина
ИБ РАН (Москва)

Персидские фамилии (на материалах 2-й половины XX века)¹

Фамилии² относятся к самому молодому типу именованя личности в Иране. Начало всеобщей паспортизации населения и регистрации фамилий относится к середине 20-х годов XX века³. Введение фамильных имен шло в русле широких социально-политических реформ, осуществлённых в стране за десять – пятнад-

¹ В первом варианте данная работа была опубликована в электронном журнале «Караван», выпускаемом Культурным представительством при Посольстве Исламской Республики Иран в Российской Федерации (Караван, 2013, № 27, с. 20-39; № 28, с. 18-60).

² Слово «фамилия» по-персидски означает: а) *nām-e xānevādegi*, или б) *esm-e fāmil*, или в) *šohrat*.

³ По данным журнала “*Ettelāāt-e hāftegi*” от 24 фарвардина 1358 года (11 апреля 1979 года), первый паспорт в Иране был выдан в 1918 году на имя директора Школы юридических и политических наук – *Valiollah Nasr*. В этом же году было основано Главное Управление статистики и записи актов гражданского состояния в Тегеране и его филиалы в шахристанах.

цать лет и имевших своей целью усиление центральной власти, секуляризацию и европеизацию страны.

В 1925 году иранский меджлис принимает закон о регистрации актов гражданского состояния. Закон гласил: «Каждый человек должен выбрать себе только ему принадлежащее имя. Этим именем, называемым семейным именем, должны именоваться: его супруга, его дети и внуки мужского и женского пола⁴. На основании вышесказанного именование каждой личности должно включать в себя семейное имя и личное имя. Например: Jraǰ-e Kāvos, где Jraǰ является личным, а Kāvos – семейным именем»⁵. За месяц до принятия этого закона меджлис принял закон об аннулировании всех существовавших в то время военных и гражданских лакабов и титулов. Закон запрещал употреблять лакабы и титулы вместе с личным именем и присваивать их в дальнейшем⁶.

Введение паспортов и фамилий на первых порах проходило с определенными трудностями. Население, особенно в деревнях, не понимало необходимость такого нововведения и зачастую просто игнорировало его. Чиновники из местных отделов ЗАГСов в отместку могли дать таким уклонявшимся насмешливые или даже уничижительные фамильные имена⁷. В 1928 году закон о введении и регистрации фамилий был принят повторно⁸. Только к концу 30-х годов XX века паспортизация населения в целом была завершена.

⁴ Это был единственный раз, когда супруга получила фамилию мужа. В дальнейшем в паспорте женщины, вышедшей замуж, ставилась печать с именем и фамилией мужа, но ее фамилия не менялась. Обычно в обществе она становилась известной под фамилией мужа.

⁵ Закон от 14 хордада 1304 года (4 июня 1925 г.) (Сборник законов и постановлений, утвержденных меджлисом 5-го созыва. 2-е издание. Тегеран, 1946. С. 201-202).

⁶ Закон от 15 ордибехешта 1304 года (5 мая 1925 г.) (Там же). Традиция использования лакабов в именовании личности на протяжении веков оказалась весьма прочной. Отмененные лакабы не только не исчезли, но стали использоваться для формирования фамильных имен, о которых в законе не упоминалось.

⁷ См., например, Hoseyn-e Naḫa'i. Nāmnāme. Tehran, 1335. С.7-8.

⁸ Закон от 20 мордада 1307 г. (11 августа 1928 г.) (Сборник законов, постановлений и распоряжений, утвержденных Иранским парламентом. Тегеран, 1939 г. С. 258).

Итак, фамилия как «наследуемое официальное именование, указывающее на принадлежность человека к определенной семье»⁹, появилась в Иране относительно недавно. Тем не менее, именованья по принадлежности к тому или иному роду или семейству были известны в Иране с древнейших времен. В Авесте и в древнеперсидском языке есть упоминания о лицах, обладавших помимо личного и семейным именем, а также имена, принадлежащие известным в те времена родам или семействам. Вот несколько примеров¹⁰: ав. *Spitāma* – < **Spitamanah* – букв. «обладающий добрыми помыслами» – имя предка Заратуштры и фамильное имя Заратуштры; ав. *Hvova* – семейное имя зятя Заратуштры; ав. *Dānaupa* – имя семейства, упомянутого в Авесте; ав. *Fruāna*¹¹ – имя одного благочестивого семейства из Турана.

Возможно, что древнеперсидские патронимы с суффиксом *-āna или *-āupa не только указывали на имя отца, но и на имена предков, т.е. служили семейными именами для нескольких поколений, например: др.-перс. *-*Kaušāna* – потомок *-*Kauša*’, др.-перс. *-*Taxmāna* – потомок *-*Taxma*’.

В памятниках среднеиранской языковой эпохи засвидетельствованы как имена отдельных лиц, так и имена семейств и родов, известных, как правило, своим знатным происхождением, богатством или близостью к власти. Такие семейные или родовые имена имели или форму личного имени, как, например, имена известных семейств: ср.-перс. *Varāz*, ср.-перс. *Zik*, парф. *Kāgēn*, парф. *Sūrēn*, или форму: личное имя плюс патронимические суффиксы -ān или -akān/-agān, например: ср.-перс. *Kavōsakān* (из рода *Kavōs*’a, родовое имя правителей Демавенда), ср.-перс. *Vindātakān* (родовое имя персидского наместника в Армении), парф. *Kāmsarakān* (родовое имя парфянского семейства, к которому принадлежала мать Мани, ср.-перс. *Mānī*).

⁹ Н.В. Подольская. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. С.140.

¹⁰ Здесь и далее примеры древнеиранских и среднеиранских личных имен, имен семейств или родов, а также их этимологизация взяты из работ, список которых приведен в конце статьи.

¹¹ ав. *Frua* – «любимый», «друг».

Личное имя соединялось с патронимом относительной частицей *i/ī* например, ср.-перс. *Mazdak i Bāmdātān* «Маздак, сын Бамдада»¹², ср.-перс. *Zik i Zaparakān* «Зик из рода Запаракан».

Описательная форма патронима отмечена в памятниках всех трех периодов развития персидского языка.

В древнеперсидском языке имя отца стояло в родительно-дательном падеже и предшествовало слову *puθra* – «сын», например, в надписи Дария I (VI-V вв. до н.э.): др.-перс. *...«*adam Dārayava^hu[š] ... Vⁱštaspa^hya puθra*»... «Я, Дарий, ... сын Виштаспы...»

В среднеперсидском языке слова *pus* «сын» или *duxt* «дочь» соединялись посредством относительной частицы *i/ī* с именем отца. Примеры именованний, относящихся к эпохе царствования династии Сасанидов (III-VII в.н.э.): ср.-перс. **Narsah ... pus i Sāsān* «Нарсе, сын Сасана», ср.-перс. **Pāpak pus i Artaxšēr* «Папак, сын Ардешира», ср.-перс. **Anōšak duxt i Narsah* «Анушак, дочь Нарсе».

После завоевания Ирана арабами и исламизации страны (с середины VII века) персы заимствовали арабскую антропонимическую систему, которая включала в себя восемь типов личного именованния, в том числе:

1. Имя личное, дававшееся при рождении (*ism 'alam*);
2. *Kunyaḥ* (кунья) – именование по именам детей с компонентами *abu* «отец» или *umt* «мать»;
3. *Nasab* (насаб) – генеалогическое именование по отцу или предкам (патроним) с компонентами *ibn/bin* «сын» или *bint* «дочь»;
4. *Lagab* (Лакаб) – прозвище или титул, в основном почетные;
5. *Nisbah* (нисба) – именование по месту рождения, происхождению или этническому признаку.

Первые пять типов именованния следовали в следующем порядке: лакаб, кунья, имя, насаб и нисба. Наиболее обязательными были три: кунья, личное имя и насаб¹³. Насаб с компонентами

¹² Некоторые авторы считают, что: 1) *Mazdak* было не личным именем, а религиозным титулом; 2) имя *Маздака*, как и имя его отца, было *Bāmdād*. См.: 1) [Грантовский 1970, с. 257]; 2) [Sepehrām 1962, p. 597].

¹³ Caetani L., Gabrieli G. *Onomasticon arabicum*. Roma, 1915, V. I. С. 74-230.

н.-перс. *ebn/ben* «сын» и н.-перс. *bent* «дочь» применялся в Иране на протяжении веков вплоть до начала XX века¹⁴.

Например, в именовании губернаторов Шираза: *Samsāmoddoule ben Azodeddoule* – X в., *Amir Pir Hoseyn ebn-e Amir Šeyx Mahmud* – XIV в., *Mirzā Mohammad Hādi ebn-e Mirzā Moineddin* – XVII в.

Среди зороастрийских священнослужителей и ученых, носивших, как правило, имена иранского происхождения, также использовался *насаб*. Например: *Parastār ben Xoršid*, *Soruš ben Keyvān ben Kāmkār* – XVI-XVII вв.; **Soltān Baxt Āqā bent Amir Xosrou Šāh* – XIV в.¹⁵

Примеры именовании с *ebn/ben* у ширазских купцов в конце XIX в.: *Mirzā Āqā ebn-e Mirzā Mohammad Hasan ebn-e Hāji Xalil*; *Mirzā Mohammad Hoseyn ebn-e Hāji Mirzā Zeynolābedin*.

Помимо элементов *ebn/ben* и *bent* *насаб* иногда выражался посредством таких лексем, как *valad* «сын», *xalaf* «сын; наследник», *farzand* «сын», *doxtar* «дочь», например: *Amirzāde Omar Šeyx ... valad-e Amir Teymur* – XIV в., *Hasan farzand-e Ali farzand-e Osmān* – XV в., *Ebrāhim xān-e Zolqadr valad-e Kajal Beyk* – XVI в., *Āqā Mohammad Kāzem xalaf-e Hāji Mohammad Ebrāhim* – XIX в., *Tuti Xānom doxtar-e Hāji Bahman Mirzā-ye Bahā'eddoule ben Fathali Šah* – XIX в.¹⁶

Патронимические отношения могли быть выражены в новоперсидском языке и изафетной связью: имя отца следовало за именем сына¹⁷: *Abu Said-e Abi-al-Xeyr* (=Abolxeyr) – суфий и поэт, X-XI вв., *Hakim Nāser ben Xosrov-e Qobādiyāni* – поэт, мыс-

¹⁴ Каджарский принц *Soleymān Mirzā*, который был лидером Демократической партии и занимал пост главы Комитета обороны в 1915 г., был также известен под именем *Soleymān ben Mohsen* [Sepehr 1336, p. 291].

¹⁵ Надпись на могильном камне в одной из мечетей Исфагана, сделана на арабском языке.

¹⁶ Следует отметить, что устаревшее имя существительное *ruḡ* (< парф. *ruhr* < ир. *ruḡra-*) «сын» не зафиксировано в составе *насаба* (патронима) в новоперсидском языке. Однако элемент *ruḡ* активен в функции производящей основы в словообразовании личных имен и особенно фамилий.

¹⁷ Вместо личного имени могли использовать кунью или лакаб. Значение куньи на персидской почве постепенно модифицировалось, и примерно с XVI-XVII вв. кунья стала использоваться как личное имя, даваемое при рождении, хотя в титулатуре шахов кунья существовала вплоть до XX в.

литель, путешественник, чаще именовался как Nāser-e Xosrov, – XI в.; историограф некоторых султанов государства Ак-Коюнлу был известен как Fazlollāh ben Ruzbehān и как Fazlollāh-e Ruzbehān – XV-XVI вв.¹⁸

В ряде случаев обязательное расположение насаба после имени не соблюдалось. Например, некоторые историографы XVIII в. именовались так: ebn-e Mohammad Amin Abolhasan-e Golestāne или ebn-e Abdolkarim Ali Rezā-ye Širazi, т.е. их имена: Abolhasan и Ali Rezā – стоят после насаба.

Насаб могли поставить даже после нисбы. Например, автор исторического труда «Tārix-e Nāderiyye» записан так: Mirzā Mohammad Mehdi-ye Astarābādi ebn-e Mohammad Nasir (XVIII в.).

В новоперсидский период нисбы некоторых известных семейств или родов могли передаваться следующим поколениям¹⁹. Во время регистрации фамилий нисбы членов подобных семейств по их желанию регистрировались в качестве их семейных имен. Речь идет прежде всего о лицах, считающих себя: потомками соплеменников пророка Мухаммеда, который происходит из племени qoreyš и рода hāšemi; потомками его сподвижников из Медины (ansār), потомками имама Али (alavi), потомками шиитских имамов – Хасана (hasani), Хусейна (hoseyni), потомками ветви сеидов tabātabāyi²⁰ и т.п.

¹⁸ В именовании лиц, избравших в качестве фамилии имя отца или предка, как бы сохраняется одна из форм патронима: имя + изафетная частица + имя отца или предка, например: Hasan-e Musā «Хасан, сын Мусы», Ardešir-e Mas'ud «Ардешир, сын Масуда», Minā-ye Amir «Мина, дочь Амира.

¹⁹ У одного именуемого могло быть до четырех-пяти нисб. Нисба сына могла отличаться от нисбы отца. Например, отец: Seyyed-e Ašraf Jahāngir-e Semnāni. Seyyed-e Ašraf означает, что он является потомком как имама Хасана, так и имама Хусейна. Сын: Abdorazzāq-e Hasani-ye Hoseyni-ye Semnāni-ye Gilāni. Нисба Hasani-ye Hoseyni «расшифровывает» синтагму Seyyed-e Ašraf (букв. «наиблагороднейший сеид» – XV в.).

²⁰ В картотеке автора отмечены следующие фамилии и количество их носителей: Qoreyši (75), Hāšemi (306), Ansāri (148), Alavi (136), Hoseyni (397), Hasani (86), Tabātabāyi (179). Нисба Tabātabāyi восходит к прозвищу праправнука имама Али – Исмаила, который произносил звук “q” как “t” – tabā вместо qabā (Forsat M.N. Āsār-e Ajam. Bombei, 1934. С. 329).

Нисба Вармаки (от имени Вармак²¹ – основателя семейства) принадлежала богатым и знатым иранским землевладельцам, известным своей щедростью и меценатством. Их представители в течение нескольких поколений занимали высокие министерские посты при Аббасидских халифах (2-я половина VIII в.н.э.)²².

Лакабы некоторых известных в свое время лиц также могли передаваться от отца к сыну, особенно, если сын занимал должность отца. Так, губернатор Шираза уже в пятом поколении носил лакаб Qavām-ol-molk (букв. «опора государства») – начало XX в. Лакаб премьер-министра Ирана в 1914 г. таким же образом перешел к нему от его прадеда – Mostoufi-ol-mamālek (букв. «сборщик налогов по всей стране»).

Исследователи в области иранистики отмечают, что персидская антропонимия на протяжении тысячелетий постоянно воспроизводит одни и те же типы личных имен с аналогичной морфологической и смысловой структурой. С глубокой древности в Иране существовали имена с простой основой, имена, снабженные суффиксами, имена двусоставные, имена-словосочетания. Отмечены имена, посвященные религиозной тематике (теофорные), имена, данные по названиям зверей и птиц (зоофорные), по названию племен (этнофорные), имена, образованные от терминов родства, имена по обозначению цвета и т.д. [Абаев 1967, с. 291-293; Грантовский 1970, с. 130, 173, 181; Грантовский 1971, с. 295-296].

Все перечисленные типы личных имен сохранились и функционируют в новоперсидском языке. В данной работе рассматриваются в различных аспектах персидские фамильные имена, во многом повторяющие строение и внутреннюю форму личных имен. На примерах показана связь фамилий с теми типами именованной личности, которые на протяжении многих веков применялись в Иране до введения фамилий.

В словообразовании персидских фамилий задействованы (с различной продуктивностью) все части речи персидского языка. Наиболее активную роль в фамилиеобразовании играют имена существительные и прилагательные. Тесная связь персидских

²¹ Точнее говоря, Вармак не имя, а прозвище или второе имя человека по имени Ja'far.

²² Отмечены имя Вармак и фамилия Вармак, а также фамилия Вармаки у более чем полутора десятков человек. По всей видимости, здесь имеют место меморативы.

антропонимов, в частности фамильных имен, с нарицательной и адъективной лексикой проявляется в следующем:

1. Подавляющая часть персидских фамилий представляет собой мотивированные имена, т.е. имена, обладающие определенной смысловой структурой.

2. Морфологическая структура персидских антропонимов, в частности фамилий, аналогична морфологической структуре апеллятивной и адъективной лексики. Зафиксированы фамилии: простые, аффиксальные, полуаффиксальные, сложные, сложно-производные, статус-конструктивные. Отмечены также фамилии – изафетные словосочетания и фамилии – фразеологизмы.

3. Способы фамилиеобразования повторяют способы словообразования имен существительных и прилагательных, а именно: аффиксация, полуаффиксация, словосложение, лексикализация словосочетаний; широко представлена транспозиция – переход именных частей речи в семейные имена.

Кроме этого, модели основосложения в фамилиеобразовании нередко повторяют модели основосложения имен нарицательных и прилагательных; в словообразовании фамилий в качестве деривационных средств задействована значительная часть аффиксальных морфем персидского языка.

Простые фамилии

В картотеке автора собрано две тысячи сто семьдесят (2170) простых персидских фамилий, т.е. фамилий, в основе которых лежат не разложимые на морфемы слова, относящиеся к различным лексико-грамматическим классам²³. Ниже приводятся данные о выявленных нами категориях простых слов, участвующих в фамилиеобразовании, и их процентном соотношении:

²³ Указанные фамилии извлечены из списков, охватывающих более 230 тысяч человек и включающих в себя: списки лиц из телефонных справочников, списки, публиковавшиеся в газетах «Эттелаат» и «Кейхан», например, списки принятых в Тегеранский университет, список прошедших первый тур конкурса в Высшее училище санитарии и гигиены из 17 городов страны, список принятых на работу водителей грузовиков из 20 останов, список зачисленных в резервный состав полиции, список принятых в Свободный исламский университет, список очередников на приобретение машины «Пейкан» и т.д. (50-е – 90-е гг. XX в.).

Имена существительные, в том числе этнонимы	1197	(55,16%)
Имена прилагательные	460	(21,2%)
Личные имена	363	(16,7%)
Топонимы	72	(3,3%)
Астрономы	26	(1,2%)
Основы настоящего и прошедшего времени глаголов	29	(1,3%)
Местоимения, наречия, вводные слова, предлоги, союзы, междометия	15	(0,69%)
Имена числительные	8	(0,37%)
Всего 2170 фамилий		(~100%)

Простые персидские фамилии, таким образом, получены транспозицией в двух видах:

а) антропонимизацией, означающей переход простых имен существительных, прилагательных и других частей речи в семейные имена, и

б) трансонимизацией, то есть использованием других онимов, в данном случае – простых личных имен, топонимов и астрономов в качестве семейных имен.

Рассмотрим лексику, лежащую в основе простых персидских фамилий, с различных точек зрения, прежде всего в этимологическом аспекте.

Из общего количества простых фамилий (2170) одна тысяча шестьсот пятьдесят семь фамилий содержат в своей основе простые имена существительные и прилагательные:

Арабского происхождения	1110	(67%) ²⁴
Иранского происхождения	515	(31%)
Французского происхождения	22	(1,33%)
Тюрко-монгольского происхождения	13	(0,7%)
Всего		1657 (100%)

²⁴ Цифры произведенного нами подсчета находятся в рамках общепризнанных данных о количестве слов арабского происхождения в персидском языке, которые колеблются от 60% до 80%.

Простые имена существительные иранского происхождения в основе персидских фамилий

Простые иранские имена существительные, лежащие в основе персидских фамилий, представляют собой как современные, употребительные имена, так и имена книжного стиля и даже имена архаичные, вышедшие из употребления²⁵. Среди имен существительных, формирующих фамилии, можно выделить: а) имена абстрактные, б) имена предметные, в) имена действующего и г) имена, обозначающие вещества. Примеры фамилий²⁶:

а) В основе фамилии имена существительные, обозначающие абстрактные понятия: Āzmun «испытание», Panāh «покровительство», Pādāš «вознаграждение», Darmān «лечение», Bedrud «расставание», Navid «доброе известие», Honar «искусство», Jerang «бряцание», Niru «энергия», Serešt «творение», Olkā «страна», «царство», Āam «грациозность».

Примеры имен абстрактных книжного стиля или архаичных в основе фамилий: Āvand «аргумент», Oulanj «интеллект», Bāsti «смирение», Tivāy «отвага», Āamrās «знамение», Xanj «упоеание», Darvāx «выздоровление», Samrād «фантазия», Rāstād «жалование», Šiyān «воздаяние», Farzbud «мудрость», Fartāš «существование», Setahā «вселенная», Hāmun «пустыня».

б) В основе фамилии имена существительные, обозначающие предметы быта, орудия. Примеры: Xadang «стрела», Pargār «циркуль», Afšun «деревянные вилы», Tiše «тесак», Sāqar «чаша», Kupāl «палица», Tabar «топор», Deylam «лом», Farasb «главная балка», Mangane «тиски».

В основе – имена существительные предметные устаревшие или вышедшие из употребления: Balārak «индийская сабля», Tumāj «кошелек», Kāčār «домашняя утварь», Vāšām «чадра», Peuqāle «пиала». В фамилии Dil представлена среднеперсидская

²⁵ Для выявления подобных книжных, устаревших или вышедших из употребления имен существительных и прилагательных в основе простых фамилий использовались: Персидско-русский словарь. В 2-х томах / под ред. Ю.А. Рубинчика. М.: Русский язык, 1970; F. Steingass. Persian-English dictionary. London, 1947; Farhang-e Amid. Tehran, 1340; и другие словари.

²⁶ Здесь и далее дается буквальный перевод лексического значения основы фамилий.

форма имени существительного *del* «сердце» <ср.-перс. *dil*. Представляет интерес фамилия *Damiyā*. В основе ее лежит арамейское слово **damiā* «кровь». Это слово в среднеперсидских комментариях к Авесте использовалось как идеограмма, которая прочитывалась: ср.-перс. *xōn* «кровь».

в) В основе фамилий имена существительные, обозначающие деятеля. Примеры фамилий: *Timsār* «его превосходительство», *Pezešk* «врач», *Dehqān* «крестьянин», *Čupān* «пастух», *Semsār* «старьевщик», *Darviš* «дервиш», «странник», *Šāh* «шах, монарх», *Nāxodā* «капитан судна», *Malvān* «матрос», *Pišvā* «вождь», *Julā* «вязальщик», *Pāgū* «пария»²⁷.

Примеры фамилий, в основе которых имена деятеля редкие, книжные или архаичные: *Āsim* «сановник», *Bornā* и *Bornāk* «юноша», *Pād* «защитник», *Žin* «друг», *Rāyekā* «возлюбленный», *Xodiš* «государь; хозяин дома», *Xāvand* «Бог», «Владыка», *Kiyā* «властелин, король», *Nubān* «принц», *Sālār* «вождь», *Kātuzi* «аскет, жрец», *Neysāri* «воин», *Vošāq* «юноша», *Bāstār* «некто», *Kutvāl* «комендант форта», *Xāje* «господин», «старец», *Dāguce* «квартильный», *Dādu* «старый слуга, дядька», *Tarfān* «краснобай» (сокр. от *tarzabān* или *tarzafān*).

г) Основа фамилий – имена существительные, обозначающие вещества, названия тканей, кожи. Примеры: *Abrišam* «шелк», *Āb* и *Āv* «вода», *Dibā* «парча», *Qadak* «бязь, хлопок», *Minā* «эмаль», *Žand* «кремень», *Sang* «камень», *Xāze* «раствор глины».

Следующие фамилии образованы от имен существительных устаревших или вышедших из употребления: *Parand* «узорчатый шелк», *Parniyān* «китайский шелк», *Parandāx* «кожа из козлиной шкуры», *Sāvis* «прочесанный хлопок».

В основе некоторых фамилий лежат имена иранского происхождения, подвергшиеся арабизации. Например, фамилии: *Firuzej* и *Dibāj* (*firuze* «бирюза» и *dibā* «парча»). Попытку «деарабизации» наблюдаем в фамилиях *Dibāž* и *Āmāž* (*āmāj* «цель»), в которых звонкий шипящий [ž], отсутствующий в арабском языке, заменил аффрикату [j]. Аналогичную «попытку» можно видеть в фамилиях *Āraġin* и *Parvardin*: звук [f] заменен на [p], не существ-

²⁷ Фамилию *Pāgū* следует отнести к пейоративам, о них см. ниже (*pāgū* «обездоленный», «бесправный человек»).

вующий в арабском. Должно быть: Āfarin «браво» и Farvardin «фарвардин» – 1-й месяц иранского года.

Характерной особенностью персидских антропонимов является отсутствие у них явного пейоративного значения. Тем не менее, отмечены фамильные имена (в частности, простые фамилии) несущие в себе некий неодобрительный смысл, например: Leylāj «шулер», Āz «алчность»²⁸, Parvās «боязнь, испуг», Tārāj «грабеж», Xaduk «огорчение, раздражение», Fažm «бедствие, страдание, нужда», Āžang «морщины на лице от гнева или старости», Faqān «стон, рыдание», Timār «горечь, печаль».

Простые иранские имена прилагательные в основе персидских фамилий

Имена прилагательные иранского происхождения, лежащие в основе простых фамилий, представляют собой качественные прилагательные преимущественно мелиоративного значения. Примеры: Āgāh «сознательный», Āzād «свободный», Bāstān «древний», Peydā «очевидный», Jāvid «вечный», Xoḡam «радостный», Хошну и Хошnud «довольный», Xāmuš «молчаливый», Delir «отважный», Diz «темно-серый», Вур «рыжий», «русый», Zīrak «смышлёный», Zerang «шустрый», Rād «великодушный», Sāde «наивный», Qašang «миловидный», Kohan «пожилой», Gerām «уважаемый», Nomāyun «счастливый», Hoveydā «явный».

В фамилиях, приведенных ниже, использованы имена прилагательные книжного стиля, редко употребляемые или вышедшие из употребления: Āдах «благословенный», Ostovān «устойчивый», Bubāš «вечный», Pedrām «красивый», Pakne «толстый и короткий», Tāž «элегантный», Xonšā «удачливый», Xastu «признающийся в проступке», Nušah «счастливый», Hirād «красивый», «приветливый».

К числу пейоративов можно отнести следующие семейные имена: Pažum «презренный», Fartut «дряхлый», Dežam «злой; свирепый», Raškeh «завистливый», Nežand «унылый».

В заключение следует отметить, что образование личных имен от имен прилагательных практиковалось еще в древнем Иране. Например, в работах исследователей приводятся следующие

²⁸ Словоформа āz является также основой настоящего времени глагола āxtan «обнажать саблю».

древнеперсидские имена: Bardiya «высокий», *Taxma- «храбрый», *Nava- «новый», *Suxra- «красный».

Основы прошедшего времени и основы настоящего времени простых глаголов в функции персидских фамилий

Личные формы глагола практически не участвуют в формировании персидских антропонимов. Глагольность антропонимов проявляется в том, что для образования небольшой части имен и фамилий задействованы основы прошедшего времени (ОПВ) и основы настоящего времени (ОНВ) некоторых простых глаголов.

В среднеперсидском языке ОПВ переходных глаголов в составе двухкомпонентных личных имен имели значение пассивного причастия от этих глаголов. Например, в таких среднеперсидских именах, как: *Sēbōxt – «спасенный тремя», т.е. благодаря трем основам зороастризма: «добрые помыслы», «доброе слово», «добрые деяния»; *Hōrmazdāfrīd «сотворенный Ахура Маздой»; Zurvāndād «дар Вечного времени»; Yazdkart «созданный Богом»; Vehzād «рождённый (быть) лучшим»²⁹.

В современном персидском отмечено немало сложных личных имен и фамилий со вторым компонентом – ОПВ глаголов dādan «давать», «дарить» и zādan «рождать, рождаться», причем глагольные составляющие «сохраняют» пассивное значение, как это было в среднеперсидских именах. Например, фамилии: Xāleqdād «дар Создателя», Sepehrdād «дар неба», Axtarzād «рожденный звездой», Irānzād «дитя Ирана». В среднеперсидском языке ОПВ некоторых глаголов употреблялись и в качестве самостоятельных имен. Так, имя Zād носил губернатор одной из провинций при Хосрове Парвизе Сасаниде (VI-VII вв. н.э.). В новоперсидском периоде именем Dād звался некий зороастрийский жрец (XV в.)³⁰.

Зафиксировано всего десять фамилий, образованных от ОПВ простых глаголов, причем четыре из них – это транспониро-

²⁹ Ср.-перс. глаголы: bōxtan «спасать, избавлять», āfrīdan «творить»; «поклоняться», dādan «дарить, давать», kartan «делать, создавать», zādan «рождать».

³⁰ Возможно, что имена Zād и Dād были сокращенными формами двусоставных имен.

ванные основы глаголов, вышедших из употребления, а именно глаголов: āvidan «крутить, «сучить», «изнурять», oužandan «бросать», «опрокидывать», pandidan «советовать», «советоваться», šāhidan «царствовать», «проявлять царскую власть». Фамилии с ОПВ перечисленных глаголов в основе: Āvid – Oužand – Pandid – Šāhid.

Остальные фамилии образованы от ОПВ таких употребительных глаголов, как: palāsīdan «вянуть», puīdan «искать», «исследовать», gerīstan «плакать», dādan «давать», «дарить», zādan «рождать», «рождаться», āvixtan «вешать», «висеть». Соответствующие фамилии: Palāsīd – Puīd³¹ – Gerīst – Dād – Zād³² – Āvix³³.

Основы настоящего времени глаголов также могли входить в состав двухкомпонентных личных имен в среднеперсидском языке.

Например, мужские имена: ср.-перс. *Miθrāfrīn «поклоняющийся Митре (богу Солнца)», ср.-перс. *Māhāfrīn «прославляющий бога Луны», ср.-перс. *Gurtāfrīn «творящий богатырей» (среднеперсидский глагол āfrīdan имел два значения: 1) «прославлять», 2) «творить»).

Основы настоящего времени некоторых среднеперсидских глаголов использовались как личные имена, например, женское имя Afrōz (ср.-перс. глагол afruxtān «воспламенять», «зажигать») ³⁴, мужское имя Āsā (ср.-перс. глагол āsānēnītan «отдыхать») ³⁵. Подобные «отглагольные» имена получили относительно распространение и в новоперсидском языке. Зафиксировано десять личных (преимущественно женских) имен и около двадцати фамильных имен, образованных от основ настоящего времени

³¹ Словоформы oužand, pandid, šāhid, palāsīd и puīd относятся к числу простых антропооснов, поскольку содержащаяся в них словоизменятельная морфема -id/-d не принадлежит к числу антропоформантов.

³² Фамилию Zād с буквой «ze» не следует смешивать с фамилией Zād с буквой «zād», образованной от названия 18-ой буквы персидского алфавита – «zād».

³³ Фамилия Āvix является, по видимому, сокращением от āvixt – ОПВ глагола āvixtan.

³⁴ В современном персидском отмечены женское имя Afruz и фамилия Afruz.

³⁵ Отмечена фамилия Āsā.

простых глаголов, как современных, так и глаголов устаревших или вышедших из употребления.

Примеры фамилий и аналогичных женских имен, образованных от основ настоящего времени употребительных глаголов³⁶: Ārā (ārāstan «украшать», «приводить в порядок»), Āzmā (āzmudan «испытывать», «проверять»), Afšān (afšāndan «рассыпать», «сеять»), Foruz (foruxtān «воспламенять», «зажигать»), Pirā (pirāstan «украшать», «наряжать»), Negār (negāštan «писать», «сочинять»), Āšub (āšoftān «волновать(ся)», «возмущать(ся)»).

Примеры фамильных имен, образованных от ОНВ употребительных глаголов: Āvij³⁷ (āvixtan «вешать», «висеть»), Anduz (anduxtān «накапливать», «копить»), Parvar (parvardān «воспитывать», «пестовать»), Pažuh (pažuhidan «исследовать», «искать»), Tavān (tavānestān «мочь», «быть в состоянии»).

В основе следующих фамилий – ОНВ устаревших глаголов: Afrand (afrandidān «украшать»), Āz³⁸ (āxtān «обнажать» (саблю)), Āmiq (āmiqdan «смешивать»)³⁹.

Итак, вышеприведенные фамилии с ОНВ глаголов в основе: Ārā – Āzmā – Afšān – Foruz – Pirā – Negār – Āšub – Āvij – Anduz – Parvar – Pažuh – Tavān – Afrand – Āz – Āmiq.

Фамилию Āfarin можно считать образованной от ОНВ глагола āfarīdan «творить», «создавать» или от междометия, выражающего похвалу: āfarin! «браво!», «молодец!».

Имена арабского происхождения в основе простых персидских фамилий

В словообразовании простых персидских фамилий задействованы в подавляющем большинстве арабские имена существительные и прилагательные.

³⁶ Некоторые ОНВ приводимых глаголов имеют значение имен существительных.

³⁷ Avij = aviz, ОНВ глагола āvixtan.

³⁸ Словоформа āz в функции имени существительного означает «алчность», «страсть». Кроме того, Āz в среднеперсидском языке было именем некоего демона.

³⁹ Глагол āmiqdan – малоупотребительный фонетический вариант глагола āmixtan «смешивать(ся)». Некоторые словари дают значение слова āmiq еще и как «истина».

Арабские имена существительные в основе персидских фамилий

Арабские имена существительные как основа фамилий реализованы в следующих формах:

- 1) в форме масдаров (отглагольных имен) I – X пород,
- 2) в форме причастий I – X пород, имеющих в персидском языке значение имен существительных,
- 3) в форме арабских абстрактных или конкретных имен существительных,
- 4) в форме имени профессии,
- 5) в различных формах имени деятеля,
- 6) в форме имени места или орудия,
- 7) в форме арабских имен прилагательных в значении имен существительных,
- 8) в формах арабского ломаного множественного числа.

1) Фамилии, образованные по моделям масдаров I–X пород, несут в себе абстрактное лексическое значение. Примеры фамилий ⁴⁰: Xolus «искренность», Nešāt «радость», Fekr «мысль»; Taqdir «признательность», Tahzib «улучшение», Toufiq «успех»; Mobāhāt «гордость», Moāvenat «содействие», Mosāvāt «равенство»; Eqrār «признание», Ehyā «возрождение», Emdād «помощь»; Tašakkor «благодарность», Tabarrā «отречение», Tabarrok «благословение», Tajarrod «уединенность», Taraffo' «высокомерие»; Takāmol «совершенствование», Tarāzi «взаимное согласие», Tavāzo' «скромность»; Enqetā «пресечение», Enzevā «уединение»; Ehterāz «воздержание», Ehtiuyār «свобода выбора», Eqtedār «могущество»; Esteqlāl «независимость», Esteqāmat «прочность», Estefāze «изобилие».

2) В основе простых фамилий – причастные формы I–X пород, имеющие значение имени деятеля, или реже – абстрактных существительных. Примеры фамилий: Dāi «проповедник», Nādi «глашатай», Šāfe' «заступник», Fāzel «ученый», Qāed «вождь», Rāheb «монах», Kāteb «писарь», Kāšef «исследователь», Mālek «землевладелец», Maqsud «намерение», Mahsul «урожай»; Moqavvem «оценщик», Moalleg «автор», Monajjem «астролог», Mobaššer «добрый вестник», Moħaqeq «исследователь», Moazzen «муэдзин», Mohaddes «знаток хадисов»; Moāven «заместитель»,

⁴⁰ Дается буквальное значение основ фамилий.

Mosāfer «путешественник», Mohājer «эмигрант», Mosāheb «собеседник», Mobādi «зачинатель», Mojāhed «борец за веру», Moxāteb «оратор»; Mošir «советник», Moxber «корреспондент», Modir «директор», Mosleh «реформатор»; Motaxasses «специалист», Motasaddi «управляющий»; Monzavi «аскет»; Moxtare' «изобретатель», Mojtahed «законовед-шиит», Mo'takef «отшельник»; Mostašār «советник», Mostoufi «счетовод» (уст), Mostašfi «пациент».

3) Основа фамилий – арабские имена существительные конкретные, а также имена абстрактного значения. Примеры фамилий: Nur «сияние», Ofoq «горизонт», Zolāl «прозрачная вода», Dahnā «пустыня», Eksir «эликсир», Qamgām «океан» (уст.), Qāmus «словарь», Koukab «звезда», Lojje «морская пучина», Halāvat «услуга», Sadāgat «искренность», Āfiyat «здоровье», Fotovvat «юность», Fazilat «ученость», Qanāat «удовлетворенность», Kiyāsat «проницательность», Kefāyat «способность», Liyāqat «достоинство», Nemmat «усердие», Nabid «вино» (уст.).

4) В основе фамилий – имена существительные в форме арабского имени профессии. Примеры фамилий: Šammās «огнепоклонник» (уст.), Tabbāx «повар», Bazzāz «мануфактурщик», Jarrāh «хирург», Haddād «кузнец», Hakkāk «гравёр», Хаууāt «портной», Хattāt «каллиграф», Dallāl «маклер», Rassām «рисовальщик», Sabbāq «красильщик», Sahnāf «переплетчик», Sayyād «охотник», Attār «аптекарь» (уст.), Fallāh «крестьянин», Massāh «землемер», Maddāh «панегирист», Laffāz «фразёр», Navvāb «набоб», Naqqāš «живописец», Dayyān «Верховный судья», Harfāf «краснобай», Kaffāš «сапожник».

5) Основа фамилий – различные формы арабских существительных, имеющих значение имени деятеля. Примеры фамилий: Ногг «благородный человек», Allāme «эрудит», Tarjomān «переводчик», Хalifē «наместник», «халиф», Хебре «эксперт», Janāb «превосходительство», Moulānā «наш господин», Mortāz «отшельник», «факир», Qayyem «опекун».

6) Основа фамилий – арабские формы имени места или орудия. Примеры фамилий: Ма'dan «рудник», Majma' «ассамблея», Mafrāš «чемодан» (уст.), Maš'al «факел», Mer'āt «зеркало», Mehvar «ось», Meftāh «ключ», Mesbāh «светильник», Mehrāz «мортира».

7) В основе фамилий – имена существительные в форме арабского имени прилагательного. Примеры фамилий: Adīb «литератор», Nakīm «мудрец», Xatīb «проповедник», Rafīq «товарищ», Rais «начальник», Sahīm «акционер», Kafīl «заместитель», Nadīm «наперсник», Vakil «адвокат», Fatī «юноша».

8) Основа фамилий – различные формы арабского ломаного множественного числа имен существительных. Примеры фамилий: Abade «отшельники», Ayādi «помощники», Rohbān «монахи», Hokkām «судьи», Zovvār «паломники», Haqāyeq «истины», Mašāyeḫ «шейхи», Makārem «достоинства», Maāref «познания», Omanā «доверенные», Bodalā «заменители», Nojabā «аристократы», Jonud «войска», Zonun «подозрения», Konuz «сокровища», Vozaḡā «министры», Rofaḡā «товарищи», Šoyuḫ «шейхи», Šogakā «компаньоны», Qozāt «кадии», Molakā «цари», Tojār «купцы», Sādāt «сеиды», Ebād «рабы», Ansār «ансары», Xorsān «немые», Abdāl «святые», Abrār «праведники», Arkān «столпы», Ouliyā «правители», Aʿrāb «арабы», Aʿjām «персы», Ouzār «грехи; бремя», Avān «времена», Vanān «пальцы»⁴¹.

Форма фамилии Vāfēq идентична форме действительного арабского причастия 1-й породы. Однако в основе этой фамилии лежит арабская глагольная форма 3-й породы. Имя подобной модели от корня va-fa-qa не фиксируется словарями.

В фамилиях Nābeq и Āʿel, по-видимому, взяты за основу арабские существительные ар. nābīq «гений» и ар. ʿāʿil «кормилец». В персидском языке употребляются лишь формы nābeqe «гений» и āʿele в значении «семья».

Некоторые простые фамилии содержат в основе арабские имена существительные, не употребляющиеся в персидском языке. Например, к такого рода фамилиям можно отнести следующие: Hedvat «подкова», Hente «пшеница», Teuāb «северный ветер», Vākef «дождь», Xedn «друг», Balāt «бульжник»; «дворец», Tanāvoš «начало схватки с врагом», Ahdovvat «песня погонщика верблюдов», Farazdaq «круглый хлеб».

Имена прилагательные арабского происхождения в основе простых персидских фамилий

Арабские прилагательные в основе простых персидских фамилий включают в себя следующие формы:

⁴¹ Эта фамилия может быть прочитана и как Vanpān «торговец кофе».

- 1) формы прилагательных в положительной степени;
- 2) формы прилагательных в превосходной степени;
- 3) причастные формы I–X пород действительного и страдательного залога, имеющие в персидском языке значение имен прилагательных;
- 4) разные модели арабских имен прилагательных.

1) Арабские прилагательные в положительной степени в основе простых персидских фамилий. Примеры фамилий ⁴²: Basir «прозорливый», Basim «улыбающийся» (кн.), Baliq «красноречивый», Samin «драгоценный» (кн.), Xaliq «приветливый» (кн.), Xatir «достойный», Afif «целомудренный», Latif «ласковый», Rafi' «высокий», «важный», Atiq «античный», Šafiq «сострада- тельный», Lami' «блестящий» (уст.), Mani' «недоступный» (кн.), Malih «изящный», Nafis «драгоценный», Nazif «опрятный», Nabil «благородный» (кн.), Najib «знатный», Vahid «единый», Fatin «догадливый», Zarif «миловидный».

2) В основе фамилий – арабские прилагательные в превос- ходной степени. Примеры: As'ad «самый счастливый», A'lam «наиучёнейший», Amlah «красивейший», Afxam «наипочтенней- ший», Aqsā «наиболее отдаленный», Arfa' «высочайший», «важ- нейший». Некоторые арабские прилагательные подобной модели не несут в себе значение превосходности и употребляются как имена прилагательные в положительной степени. От таких при- лагательных образовано несколько фамилий, например: Asbaq «бывший», «предыдущий», Ousat «средний», Ahmar «красный», Adham «чёрный». Форма фамилии Arja' (арабский корень ga-ja-'a) совпадает с формой прилагательного в превосходной сте- пени, однако в действительности в основу фамилии положен мас- дар IV породы. Имя подобной модели не отмечается в словарях.

3) В основе фамилий – арабские причастные формы I–X пород действительного или страдательного залога, имеющие в персидском языке значение имен прилагательных ⁴³. Примеры фамилий: Bāser «зрячий», Sāqeb «пронзающий», Jāzeb «привлека- тельный», Rāšed «праведный», Ādel «справедливый», Qāne'

⁴² Дается буквальный перевод основы фамилии.

⁴³ Более, чем половина рассматриваемых простых фамилий, образован- ных от арабских имен прилагательных, содержит в основе формы араб- ских причастий I–X пород.

«неприхотливый», Lāyeq «достойный», Māher «искусный», Nāsi «забывчивый» (кн.); Majbur «вынужденный», Mahzuf «упраздненный», Maskut «безмолвный», Ma'qul «благоразумный», Mamduh «похвальный», Mouzun «гармоничный», Mamnun «благодарный»; Mosaddeq «подтверждающий», Mošavveq «поощряющий», Mobasser «прозорливый», Moraffah «благоденствующий», Moayyan «определенный», Moaddab «воспитанный», Moattar «благоухающий»; Moālej «лечащий», Mosāed «благоприятный», Mojāver «соседний», Moxālef «несогласный»; Moqbel «счастливый», Mofid «полезный», Mohebb «любящий», Moheqq «имеющий право», Mosbat «позитивный», Modrak «познаваемый»; Motaabbed «набожный», Motamadden «цивилизованный», Motana'em «состоятельный», Motarassed «наблюдающий», Motafakker «задумчивый»; Motavāze «скромный»; Monqate' «отрезанный», Monfared «одинокий», Mon'akes «отраженный»; Moxtār «имеющий свободу выбора», Mohtašam «великолепный», Mohtāj «неимущий», Mo'tabar «авторитетный», Montazer «ожидающий», Montaser «побеждающий»; Mostaedd «талантливый», Mostafid «получающий выгоду», Mostahkam «прочный», Mostaqell «независимый», Mostahsan «похвальный», Mostadām «вечный», Mostaqni «обеспеченный».

4) Основа фамилий – другие различные модели арабских прилагательных. Примеры фамилий: Iman «безопасный», Sa'b «тяжкий», Šojā' «отважный», Науу «живой», Qoddus «безгрешный», Alan «явный», Fouq «верхний», Moša'sa' «блестящий», Ra'uf «милосердный», Šakur «благодарный», Sabur «выносливый», Qayur «смелый», Fakur «вдумчивый», Vadud «любвеобильный», Vālā «высокий», «великий», Mobarhan «доказанный», Nehāyi «окончательный», Ruhāni «духовный», Rabbāni «божественный», Haqqāni «истинный», Lāmakān «вездесущий», «не имеющий постоянного места жительства», Tāmm «полный», «совершенный».

Фамилии Motayyer и Monjazez образованы от арабских причастий (2-ой и 7-ой пород соответственно), не употребляющихся в персидском языке: motayyer «гоняющий (голубей)», monjazez «пришедший в экстаз»⁴⁴.

⁴⁴ К числу малоупотребительных причастий в персидском языке можно отнести и арабское причастие 1-ой породы marsus «уплотненный», «компактный», которое легло в основу фамилии Marsus.

Как видно из приведённых примеров простых персидских фамилий, созданных на основе лексики арабского происхождения, их семантическая структура носит мелиоративный или нейтральный характер. Фамилий с пренебрежительным или уничижительным значением основы отмечено немного. Вот примеры: Āsem «отступник», Xāef «трусливый», Lāšey «ничтожный», Mazlum «угнетённый», Rāši «дающий взятку», Ahqar «самый презренный», Neqār «ссора», «вражда», Qottā' «грабитель» (уст.), Āsi «непокорный»; «грешный», Jāber «тиран», Manfi «отрицательный»; «изгнанный» (уст.), Tofeyl «тунеедец», «паразит».

Простые персидские фамилии французского происхождения

Французская лексика начала активно проникать в персидский язык в конце XIX – начале XX в. в связи с расширением торгово-экономических, политических и культурных связей Ирана с европейскими странами, в первую очередь – с Францией.

Отмечено двадцать две фамилии, в основе которых лежат имена существительные или, реже, прилагательные французского происхождения. Имена существительные представлены как абстрактными и конкретными, так и именами действующего лица.

Примеры фамилий: Elekrisite «электричество», Ekonomi «экономика», Reform «реформа», Kompāni «компания», Bānk «банк», Maqāze «магазин», Kāndidā «кандидат», Šārmān «очаровательный», Senā «сенат», Šāns «шанс», Māmān «мама», Šik «элегантный», Fāmil «семья», «фамилия».

Фамилии Lord и Kont содержат в основе имена существительные английского происхождения: lord «лорд» и count «граф».

Имена существительные тюрко-монгольского происхождения в основе простых персидских фамилий

Это имена, вошедшие в персидский язык в результате многовековых контактов с тюркскими и монгольскими племенами. Примеры фамилий: Āqā «господин», Atābak «атабек», опекун наследников престола, Beuk (вар. Beug) бек, глава племени, Xāqān «хакан» – титул монгольских и турецких правителей, «властелин», Ojāq «очаг», Yarāq «сбруя», «позумент», Yāsā «фирман»; «наказание», Bātmanqelij «большая сабля», «большой меч», Šamxāl «мушкет», Šiše «стекло», «бутыль».

Этнонимы в основе простых персидских фамилий

Большинство антропонимистов относят названия любого этноса (национальности, народа, племени) к именам нарицательным, поскольку такие названия несут в себе определенную коннотацию в отличие от имен собственных.

Как отмечают исследователи, использование этнических названий в качестве личных имен было известно в Иране с давних времен. В Авесте, в памятниках на древнеперсидском языке есть упоминания лиц, носивших имена, которые были даны им по названию племен. Например: ав. *Tūga* – «туранец»; имя отца, а также сына Кира II Великого – др.-перс. *Ka^mbujiya*, происходит от названия племени *kamboja* (в древней Арахосии); древнеперсидское имя *Āgiya* «ариец»⁴⁵ принадлежало командующему армией во времена Кира II. Существовали также такие древнеперсидские имена как **Pārsa* – «перс», **Sugda* – «согдиец», **Muzgiya* – «египтянин», **Saka* – «скиф», **Hindu* – «индус». В среднеперсидском языке отмечены мужские имена *Tur* «туранец», *Turk* «турок».

Древняя традиция сохранилась и получила дальнейшее распространение и в новоперсидскую эпоху. Отмечены такие личные имена как *Afšār* «афшары» (тюркоязычное племя в Иранском Азербайджане), *Tājik* «таджик», *Gorji* «грузинка» и др. Особенно широко представлены этнические названия в фамилиях, в частности, в простых персидских фамилиях. Засвидетельствовано около пятидесяти подобных фамилий, которые можно распределить по следующим группам:

1. Фамилии, данные по названиям ираноязычных народностей, проживающих в Иране. Примеры фамилий: *Afqān* «афганец», *Tājik* «таджик», *Tāleš* «талыш», *Tāt* «тат», *Gilak* «гилянец», *Valuč* «белудж», *Kord* «курд».

2. Фамилии, данные по названиям ираноязычных племен, обитающих в Иране⁴⁶.

1) В основе фамилий названия курдских племен. Примеры фамилий: *Kalhor*, *Zangane*, *Mokri*, *Lak*⁴⁷, *Pāzuki*.

⁴⁵ Общее имя *Āgiya* восходит к ав. *agiya*- «ариец», «арийский», первому компоненту многих древнеиранских имен-композигов, таких, например, как др.-перс. *Āgiyāgāmna* – «приносящий арийцам покой».

⁴⁶ Некоторые племена и роды в Иране носят одинаковые названия. Приводится, как правило, название только одного из них.

2) В основе фамилий – названия лурских племен. Примеры: Čegini, Māfi, Feyli, Lor.

Некоторые фамилии образованы от устаревших этнических названий, например: Pārs «перс», Zangi «негр», «занзибарец»; фамилия Zand образована от исторического названия одного из курдских племен⁴⁸.

3. Фамилии, данные по названиям тюркоязычных племен, проживающих в Иране, или их представителей. Примеры фамилий: Qašqāyi «кашкаец», Qājār «каджар», Toḡkamān «туркмен», Toḡk «турок»⁴⁹, Tātār «татарин», Afšār – общее название двадцати тюркоязычных племен, Bayāt – название оседлого кашкайского рода, Moqaddam – одно из каджарских племен, Vāyandur – название рода в одном из туркменских племен, Nafar – одно из шахсевенских племен; Arab – название одного из бахтиярских племён, а также название рода в одном из кашкайских племён. Arab – арабы живут в Хузистане и на побережье Персидского залива.

В заключение можно привести фамилии, в основе которых лежат названия национальностей, относящихся к другим странам: Majār «мадьяр», «венгр», Bolqār «болгарин», Lazgi «лезгин», Čarkas «черкес», «кавказец».

Семантика апеллятивных основ простых персидских фамилий

Для простых персидских фамилий, образованных транспозицией простых имен существительных, характерно значительное разнообразие смысловой структуры. Абстрактные, конкретные имена, имена действителя, а также имена, обозначающие вещества в основе фамилий, могут быть распределены по нескольким тематическим группам, а именно⁵⁰:

- 1) имена, относящиеся к исламу, а также к другим религиям;
- 2) имена, обозначающие родственные отношения, т.е. термины родства;

⁴⁷ Слово lak имеет несколько значений, в том числе «сто тысяч» (уст).

⁴⁸ Zand означает также «комментарий к Авесте на среднеперсидском языке».

⁴⁹ Toḡk является также названием города на северо-западе Ирана.

⁵⁰ Примеры имен существительных, лежащих в основе фамилий, даются без указания на книжные или устаревшие.

3) имена, обозначающие названия животных, т.е. зоофорные имена;

4) имена, обозначающие название растений, т.е. фитофорные имена;

5) имена, обозначающие названия драгоценных металлов, а также названия веществ;

6) имена, обозначающие названия месяцев лунного календаря, а также названия месяцев и дней иранского солнечного календаря, названия мелодий, музыкальных инструментов, названия букв персидского алфавита.

1) В основе фамилий – слова религиозного содержания: названия религий, религиозных представлений, обрядов, атрибутов, названия деятелей духовенства, служителей религиозного культа и т.п.

Примеры фамилий: Eslām «ислам», «правоверность», Šariat «шариат», «мусульманское право», Erfān «познание Бога», «мистика», Tariqat «путь духовного совершенствования (у суфиев)», Zahādat «аскетизм», Taqvā «набожность», Tadauyon «благочестие», Taqaddos «святость», Hodā «путь истинной веры», Tāat «исполнение религиозных обрядов», Qiyāmat «Страшный суд», Kousar «райский источник», Tavāf «ритуальное хождение вокруг Каабы», Oqbā «загробный мир», Adn «эдем», «рай», Eram «рай», «райский сад», Sure «сура», «глава Корана», Āye «стих Корана», Tāhā «название 20-й суры Корана», Qeble «кибла», «сторона, куда мусульмане обращаются во время молитвы», Sajde «земной поклон» (во время молитвы); Emām «имам», «духовный глава шиитов», Mofti «муфтий», «толкователь шариата», Faqih «факих», «знаток мусульманского права», Qāri «чтец Корана», Sajjād «истово молящийся»; Mazdayasnā «маздеизм», Avestā, Abestā, Vestā «Авеста – священная книга зороастрийцев, Pāzand, Zand «комментарий к среднеперсидскому переводу Авесты», Ardam «большой раздел Zand'а», Mazdā «Премудрый», «Бог», «Творец» (у зороастрийцев), Jzad «Бог», Yazdān «Бог», «ангел», Vaxšur «пророк» (у зороастрийцев), Dostur «главный жрец у зороастрийцев».

Сакральность была свойственна многим личным именам в древности. Например, существовали следующие теофорные имена: ав. Ātārəpāta «защищенный (священным) огнём», ав. Ātərə'ciθra «из рода (священного) огня», ав. Spentōdāta «данный священным духом», ав. Fravaši – имя ангела, зовущего человека к

совершенству, ав. *Arəta* – имя божества правды и справедливости, др.-перс. *Miθra-dāta* «дар божества Солнца», др.-перс. *Vaga-dāta* «дар Бога», др.-перс. *Vaga-farnah* «осененный божественным фарром», др.-перс. *Mazdayazna* «поклоняющийся Мазде, т.е. Богу».

Отмечено несколько фамилий, лексическое значение основы которых связано с другими верованиями, например: *Šēlirā* «крест», *Varahman*, *Varahmand* «брахман» (представитель древнего сословия индийских жрецов).

2) Основа фамилий – термины родства.

В Иране с древнейших времен могли использовать в качестве личных имен слова, обозначающие родственные отношения. Например, к эпохе древнеиранской общности относится мужское имя – скиф. *Rāpā* – «отец». В древнеперсидском языке существовало имя **Puθga* – «сын». К древнеперсидскому и среднеиранскому периодам относятся соответственно имена **Rāpaka-* и *Rāpak* (суф. ир. **-ka-* > ср.-перс. *-ak* к *Rāpā*). В среднеперсидском языке слова *pus* «сын» и *duxt* «дочь» входили в состав имен-композигов, например: ср.-перс. *Pusfarroḡ*, *Pusānveh*, *Duxtnōš*, *Yazdānduxt*, *Āzarmikduxt*.

Традиция использовать термины родства для наречения детей получила дальнейшее развитие в новоперсидской период. Отмечены личные имена; *Māmāk* «мама»⁵¹), *Bābā* «отец», «дед», *Dādāš* «братец», *Kākā* «старший брат». Наиболее широко представлены термины родства в качестве основ для простых семейных имен.

Засвидетельствовано около двух десятков подобных фамилий, а именно: *Pedar* «отец», *Bābā* «отец», «дед», *Rāpā* «папа», *Niyā* «дед», *Niyāk* «дед» (среднеперсидская форма), *Omm* «Мать», *Māmān* «мама», «мать», *Dāyī* «дядя» (со стороны матери), *Kāku* (диал.) «дядя» (со стороны матери)⁵², *Vanī* «сыновья», *Veldān* «сыновья», *Xalaf* «сын», «наследник», *Navāde* «внук», «правнук», *Sebt* «внук», *Varādar* «брат», *Axavi* «мой брат», *Eḡvān* «братья», *Dādāš* «брат», *Dāmād* «зять».

3) Основа фамилий – названия животных. Имена древних иранцев могли образовываться от названий животных, например,

⁵¹ Дается лишь одно значение основы, т.е. значение родства.

⁵² Лексемы *amī* «дядя со стороны отца» и *amte* «тетка со стороны отца» зафиксированы в составе сложных фамилий.

мужское имя ав. *Varāza* – «вепрь», или содержать названия таких животных, как ав. **aspa* – «конь», ав. **uštra* – «верблюд», ав. **gav* – «вол», и др., например: ав. *Pouruśaspa* – «владеющий серыми конями», ав. *Fraśaoštra* – «владелец впереди идущего верблюда», ав. *Vīdat – gav* – «владеющий частью (стада) коров», ав. *Syāvāršan* – «владеющий вороным жеребцом».

Характерной чертой персидских современных зоофорных имен и фамилий является то, что они не образуются от названий домашних животных⁵³, а также от названий таких животных, как «медведь», «лиса», «заяц» и другие.

Отмечено три десятка простых фамилий, в основе которых лежат названия зверей и птиц, олицетворяющих такие понятия как сила, свобода, красота и т.д. Примеры: *Palang* «леопард», *Gorg* «волк», *Šir* «лев», *Hožabr* «лев», *Zarqām* «лев», *Āhu* «антилопа», *Samandar* «саламандра», *Sārang* «скворец», *Tāvus* «павлин», *Dorğāj* «фазан», *Tazarv* «фазан», *Tuti* «попугай», *Zāq* «ворона», *Fāxte* «горлица», *Qanāri* «канарейка», *Andalib* «соловей», *Bubog* «соловей», *Parastu* «ласточка». В качестве основ задействованы также названия мифических животных и птиц. Отмечены такие фамилии, как *Aždahā* «дракон», *Simorg* «симуург» (сказочная птица), *Anqā*⁷ (мифическая птица, жившая на горе *Qāf*). Одно из лексических значений фамилии *Parmuz* – «пчела».

4) В основе простых фамилий – названия представителей растительного мира: деревьев, кустарников, травянистых растений, овощей, плодов, цветов. Примеры: *Noužan* «сосна», *Sarv* «кипарис», *Arfā* «клен», *Nārvān* «вяз», *Nāj* «сосна», *Šemšād* «самшит», *Safīne* «можжевельник», *Bodāq* «калина», *Rāsan* «девясил», *Xuz* «сахарный тростник», *Nastaran* «шиповник», *Pāžand* «огурец бешеный», *Basal* «репчатый лук», *Rivand* «ревень», *Selq* «турнепс», *Farāsiyun* «черемша», *Jerjir* «кресс-салат», *Balāl* «кукуруза», *Esparam* «базилик», *Najvān* «шафран», *Lāle* «тюльпан», *Yāsamin* «жасмин», *Lādan* «настурция», *Čavāle* «вид розы», *Nasrin* «нарцисс». Фамилия *Bābun* представляет собой апокопированную форму от названия цветка *bābune* «ромашка».

5) В основе фамилий – названия драгоценных камней, веществ. Примеры фамилий: *Negin* «драгоценный камень»,

⁵³ Исключением является фамилия *Varzā*, в ее основе лежит подвергшееся опрощению сложное существительное *varzgāv* «рабочий бык».

Morvārid «жемчуг», Bahramān «красный яхонт», Falāmak «мелкие алмазы», Dorre «жемчужина», Zomorrod «изумруд», Zabarjad «хризолит», Zar «золото», Fezze «серебро», Firuze «бирюза», Gouhar «жемчуг», La'l «яхонт»; Bolur «хрусталь», Mārūni «маронит», Ramās «мастика», Pust «кожа», «шкура», «мех», Tutiyā «купорос», Simān «цемент», Berelyān «бриллиант».

б) Основа фамилий – названия месяцев лунного календаря, а также названия месяцев и дней иранского солнечного календаря, названия мелодий, музыкальных инструментов, названия букв персидского алфавита. Примеры фамилий: Ordibehešt, Ābān, Bahman – названия соответственно второго, восьмого и одиннадцатого месяцев иранского солнечного календаря; Safar, Rajab, Ramazān – названия соответственно второго, седьмого и девятого месяцев лунного календаря; Xor, Rām, Din⁵⁴, Ārād, Zāmyād, Anirān⁵⁵ – названия соответственно одиннадцатого, двадцать первого, двадцать четвертого, двадцать пятого, двадцать восьмого и тридцатого дня каждого месяца солнечного года по древнеиранскому календарю.

Yaldā – название самой длинной зимней ночи, Setār – «сатар», трехструнный музыкальный инструмент⁵⁶, Qānun – «канун», род гуслей⁵⁷, Rahāvi – название одной из мелодий иранской классической музыки, Mobarqā' – название древней иранской мелодии; Alef – название первой буквы персидского алфавита⁵⁸, Zād – название восемнадцатой буквы персидского алфавита, Eup – название двадцать первой буквы персидского алфавита⁵⁹, Ut – «август», Avri'l «апрель» по европейскому календарю.

⁵⁴ Фамилия Din имеет еще другое лексическое значение: «религия», «вера».

⁵⁵ Другое значение Anirān – «не Иран», т.е. «территории, захваченные в войнах». По другим данным, 30-й день каждого месяца – anagrān.

⁵⁶ Фамилия Setār может быть прочитана в арабской графике и как Sattār «скрывающий».

⁵⁷ Фамилия Qānun имеет также лексическое значение «закон».

⁵⁸ Фамилия Alef в арабской графике может быть прочитана и как Alf «тысяча».

⁵⁹ Фамилия Eup имеет еще лексические значения «око», «источник», «суть» и др.; отмечена еще фамилия Mimi, в основе которой лежит название двадцать восьмой буквы персидского алфавита – mim (+ формант -i).

Личные имена в основе простых персидских фамилий

Среди личных имен, формирующих простые персидские фамилии, процент иранских имен значительно выше, чем среди фамилий, образованных от имен существительных и прилагательных⁶⁰.

По нашим подсчетам, личные имена, лежащие в основе зафиксированных трехсот шестидесяти трех фамилий, в этимологическом отношении распределяются следующим образом:

Имена арабского происхождения	172	(47,38%)
Имена иранского происхождения	164	(45,2%)
Имена тюрко-монгольского происхождения	13	(3,57%)
Имена, заимствованные из греческого и латинского языков	8	(2,2%)
Имена западноевропейского происхождения	6	(1,65%)
Всего	363	(100%)

Рассмотрим каждую группу подробно.

Личные имена арабского происхождения в основе простых персидских фамилий⁶¹

1. Это прежде всего имена, восходящие к именам исторических лиц первых веков ислама, а именно:

1) Имена или лакабы (прозвища): а) пророка Мухаммеда, б) его родственников и ближайших соратников:

а) Moḥammad «восхваляемый»⁶², Maḥmud «прославляемый», Aḥmad «похвальный», Mostafā «избранный», Rasuḥ «пророк», «посланник»⁶³.

б) Adnān – имя предка Мухаммеда, Namze – имя дяди Мухаммеда, Abbās – имя дяди Мухаммеда, Tayyeb – имя сына

⁶⁰ Фамилии, образованные от иранских имен существительных и прилагательных составляют 31 %, от соответствующих арабских имен – 67%.

⁶¹ К именам арабского происхождения мы относим не только имена, непосредственно заимствованные из арабской антропонимии, но и имена, созданные из арабской апеллятивной и адъективной лексики на персидской почве, а также имена, восходящие к именам эпохи семитской общности.

⁶² Здесь и далее дается буквальный перевод основы имен и фамилий.

⁶³ Куныя Мухаммеда: ар. Abu al-Qāsim > н.-перс. Abolqāsem относится к числу статус-конструктивных имен.

Мухаммеда, умершего в детстве, Belāl – имя первого муэдзина, назначенного Мухаммедом, Salmān – имя одного перса из числа близких сахабов пророка.

Фамилии, в основе которых лежат перечисленные личные имена: Mohammad – Mahmud – Ahmad – Mostafā – Rasul – Adnān – Hamze – Abbās – Tayyeb – Belāl – Salmān.

2) имена или лакабы шиитских имамов: Ali «высокий» – имя двоюродного брата пророка Мухаммеда, четвертого халифа и первого шиитского имама; Mortazā «избранный» – лакаб имама Ali; Heydar «лев» – лакаб имама Ali; Hasan «прекрасный» – имя внука пророка Мухаммеда, 2-го шиитского имама; Mojtabā «избранный» – лакаб 2-го шиитского имама; Hoseyn «хорошенький» – имя внука пророка Мухаммеда, 3-го шиитского имама; Bāqer «вскрывающий (глубины знаний)» – лакаб 5-го шиитского имама по имени Mohammad⁶⁴; Ja'far «ручей» – имя 6-го шиитского имама; Sādeq «правдивый» – лакаб 6-го имама по имени Ja'far; Musā – имя 7-го шиитского имама; Kāzem «молчаливый» – лакаб 7-го шиитского имама по имени Musā; Rezā «одобрение» – лакаб 8-го шиитского имама по имени Ali; Javād «щедрый» – лакаб 9-го шиитского имама по имени Mohammad; Taqī «благочестивый» – лакаб 9-го шиитского имама по имени Mohammad; Naqī «чистый» – лакаб 10-го шиитского имама по имени Ali⁶⁵; Mehdi «ведомый (Аллахом)» – лакаб 12-го шиитского (скрытого) имама; Bohlul «герой, витязь» (уст.) – имя одного из учеников 6-го шиитского имама.

Фамилии, в основе которых вышеперечисленные имена или лакабы: Ali – Mortazā – Heydar – Hasan – Mojtabā – Hoseyn – Bāqer – Ja'far – Sādeq – Musā – Kāzem – Rezā – Javād – Taqī – Naqī – Mehdi – Bohlul.

2. Имена, относящиеся к числу эпитетов Аллаха, например: Azim «великий», Jalāl «величие», Rahmān «милосердный», Rahim «милостливый», Qaffār «всепрощающий», Jalil «славный». Отмеченные фамилии на основе вышеуказанных имен: Azim – Jalāl – Rahmān – Rahim – Qaffār – Jalil.

3. Имена, восходящие к именам библейских персонажей и ветхозаветных пророков. Эти имена проникли в новоперсидский язык в арабизованной форме через Коран и древние арабские пре-

⁶⁴ Имя четвертого шиитского имама – Ali.

⁶⁵ Имя 11-го имама – Hasan.

дания: Ādam (библ. Адам), Havvā (библ. Ева), Ebrāhim (библ. Авраам), Esmāil (библ. Исмаил), Jabrāil (библ. Гавриил), Dāniyāl (библ. Даниил), Dāud (библ. Давид), Soleymān (библ. Соломон), Musā (библ. Моисей), Šoʿeyb (имя тестя библ. Моисея), Hārun (библ. Аарон), Yaqub (библ. Иаков), Yahyā (библ. Иоанн), Yunos (библ. Иона), Yusef (библ. Иосиф), Masih (библ. Мессия, Иисус Христос), Eliyās (библ. Илия); Jerjis (Святой Георгий).

Фамилии, в основе которых упомянутые имена: Ādam – Havvā – Ebrāhim – Esmāil – Jabrāil – Dāniyāl – Dāud – Soleymān – Musā – Šoʿeyb – Harun – Yaqub – Yahyā – Yunos – Yusef – Masih – Eliyās, Jerjis.

4. Имена, созданные из арабской нарицательной лексики.

Как уже упоминалось, многие арабские имена существительные и причастные формы вошли в персидскую антропонию в качестве личных имен. Например, такие мужские имена, как Šāhed «свидетель», Maʿsum «безгрешный», Morovvat «отвага», Qorbān «жертва», Bayuāz «белизна», Ziyā «свет», «сияние», Mohit «среда», «атмосфера», Motlaq «абсолютный», и такие женские имена, как Esmat «целомудрие», Āfāq «горизонты», Farah «радость», Tubā «блаженство» (кн.), а также общие имена Soltān «султан», «власть» и Moulud «день рождения Мухаммеда» – легли в основу соответствующих фамилий: Šāhed – Maʿsum – Morovvat – Qorbān – Bayuāz – Ziyā – Mohit – Motlaq – Esmat – Āfāq – Farah – Tubā – Soltān – Moulud.

Представляют интерес фамилии: Zeynal, Abdol и Abdus, в основе которых усеченные формы статус-конструктивных имен: Zeynal < Zeynolābedin «украшение молящихся» (лакаб 4-го шиитского имама); Abdol может быть усечением от имени Abdollāh «раб Аллаха» или от другого статус-конструктивного имени, второй компонент которого не ассимилирует звук «l» в артикле, например, от имени Abdoljalāl «раб воплощения Величия», т.е. Аллаха. Возможно, что имя Abdus – также усеченная форма имени, второй компонент которого начинается с солнечной буквы sin или sād, ассимилирующих «l» в артикле, например, от имени Abdossamad «раб Вечного, т.е. Аллаха», или Abdossamī «раб Всеслышащего».

Арабское личное имя Fāgūq послужило основой для персидской фамилии Fāgūq «распознающий добро и зло»; имя Qāgūn «богач», «крез» зафиксировано в качестве фамилии Qāgūn; имя

древнего арабского мудреца и баснописца ар. Luqmān легло в основу фамилии Loqmān. Фамилии Senemmāg и (вариант) Semnāg образованы от имени легендарного архитектора, построившего дворец Xavarnaq (< ав. x^varənah «великолепие», «величественный»?)⁶⁶.

Личные имена иранского происхождения в основе простых фамилий

Простые лично-собственные имена иранского происхождения, отмеченные в функции фамилий, включают в себя имена, восходящие к именам трех языковых эпох – древнеиранской, среднеиранской и новоперсидской. Имена, относящиеся к древнеиранской и среднеиранской эпохам, имеют прямые соответствия с антропонимическим материалом в памятниках тех эпох, т.е. в древнейшем памятнике ираноязычных народов Авесте, в древнеперсидских клинописях и наскальных надписях и письменных памятниках на среднеперсидском и парфянском языках.

Примеры простых мужских имен, восходящих к древнеиранским именам: Zardošt (вар.Zartošt) < ав. Zarduštra – «ведущий верблюдов», «пророк Заратуштра», создатель зороастрийской религии⁶⁷; Purušašb < ав. Pourušašpa – «владеющий серыми жеребцами» – имя отца Заратуштры; Jam < ав. Yima – имя легендарного царя; Aršām < ав. Aršāma – «обладающий огромной силой»; Bahman < ав. Uohumananh – «обладающий добрыми помыслами»; Arjāšb < ав. Arəjat.aspa – «владелец дорогих коней»; Fereydun < ав. Əraētaona – «обладающий тремя силами» (имеются в виду три сына); Qābus (арабизованная форма имени Kāvus) < ав. Kava usan «могущественный киянид»; Geršāšb < ав. Keresāšpa – «владеющий, стройными конями»; Kiyumars < ав. Gayo mareta «смертная жизнь»; Хаšāyār < др.-перс. Xšayāršan – «могущественный властелин»; Goštāšb < др.-перс. Vištāšpa – «владелец боевых коней»; Sātrāp < др.-иран. *xšaθrapāna – «хранитель власти».

⁶⁶ Легенда гласит, что архитектор по завершении строительства бросился головой вниз с высоты этого дворца, дабы не создать ничего подобного или более прекрасного [Steingass 1947, p. 704].

⁶⁷ Здесь и далее дается буквальный перевод лексического значения основ личных имен.

Примеры мужских имен, восходящих к именам древнеперсидских царей из династии Ахеменидов ⁶⁸: Kuroš (вар. Kuros, Sirus ⁶⁹) < др.-перс. Kuru[š] «молодой самец», «герой»; Dāryuš (вар. Dārāb) < др.-перс. Dārayava^hu[š] «державший добро»; Kāmbiz < др.-перс. Ka^mbužiya «из племени камбоджа»; Ardešir < др.-перс. Artaxšaθra «тот, чье царствование соответствует Арте (справедливости)»).

Соответствующие фамильные имена: Zardošt – Zartošt – Purušasb – Jam – Āršām – Bahman – Arjāsb – Fereydun – Qābus – Geršāsb – Kiyumars – Хаšāyār – Goštāsb – Sātrāp – Kuroš – Kuros – Sirus – Dāryuš – Dārāb – Kāmbiz – Ardešir.

К числу женских имен, возводимых к именам древнеиранской эпохи, можно отнести, например, следующие имена: Ārtā < ав. Arəta – «священное право»; имя богини справедливости; Roušan – прототип этого имени засвидетельствован на древнегреческом: Ρωσάνη, восходит к ав. gaoxšna – «светлая»; Farin < ав. Frənaу (имя старшей дочери Заратуштры). Имена Vidā и Āzar восходят соответственно к первым компонентам (или сокращенным формам) двусоставных имен типа ав. Viđat.xvarənah – «тот, кто обрел фарр», и ав. Ātərəciθra – «из рода (священного) огня»; Āzarbād (вар. Āzarbā) < ав. Ātərə'pāta – «защищенный (священным) огнем» ⁷⁰.

К числу общих имен, образующих фамилии, следует отнести имя Soguš < ав. Sraoša- «послушание» (имя доброго духа, охраняющего человека от зла). Соответствующие фамильные имена: Ārtā – Roušan – Farin – Vidā – Āzar – Āzarbād – Āzarbā – Soguš.

Фонемный состав некоторых имен «приближен» к их древним формам. Например, мужское имя Espantemān ⁷¹, по-видимому, образовано либо от семейного имени Заратуштры: ав. *Spitamanah – «обладающий добрыми помыслами», либо от ав. *spəntō mainyuš «священный дух». Мужское имя Serantā может быть сопоставлено с ав. *spəntō «священный». В мужском имени Fravaši «воссоздан» фонемный состав имени ангела в зороастриз-

⁶⁸ Ахемениды – VI-IV вв. до н.э.

⁶⁹ Имя Sirus представляет собой латинизированную форму имени Kuros.

⁷⁰ О других женских именах в основе фамилий см. в разделе «Астронимы в основе простых фамилий».

⁷¹ Вариант Esfantemān – арабизованная форма (?).

ме: ав. Fravaši. Современные формы этого имени Foruhar или Farvahaг также легли в основу фамилий.

Женское имя Āgūānā включает в себя мужское имя: др.-перс. *Agiya – и древнеиранский патронимический суффикс женского рода *-ānā, что придает имени Āgūānā значение «дочь Арьи».

Отмеченные фамилии, в основе которых приведенные выше личные имена: Espantemān – Efantemān – Sepantā – Fravaši – Foruhar – Farvahaг – Āgūānā.

Примеры личных имен, восходящих к именам, засвидетельствованным в среднеиранскую языковую эпоху: Māni < парф., ср.-перс. Mānī (Мани – основоположник манихейства); Bižan < ср.-перс. Vēžan «воинственный»; Zarvān < парф., ср.-перс. Zurvān «Вечное время»; Zik < ср.-перс. Zīk; Parhām – имя библейского Авраама в комментариях к среднеперсидскому переводу Авесты; Buzarjomehr – арабизованная форма среднеперсидского имени Vazurgmiθr «Великий Митра», которое носил министр царя Хосрова I; Farгох < парф., ср.-перс. Farrax^V/Farгох «счастливый»; парф. Farnag – имя одной из царских дочерей эпохи Аршакидов⁷²; Mazdak < ср.-перс. Mazdak⁷³ (Маздак – вождь народного движения маздакизма); Āzidahāk < ср.-перс. Ažidahāk «блеклый дракон»⁷⁴).

Отмеченные фамилии, в основе которых вышеназванные имена: Māni – Bižan – Zarvān – Zik – Parhām – Buzarjomehr – Farгох – Farnag – Mazdak – Āzidahāk.

Мужские имена, возводимые к именам царей из династии Аршакидов: Farhād < парф. Frahāt «разумный»; Balāš < парф. Valaxš; Ardavān < парф. Arđavān < др.-перс. artāvan «праведный, приверженный Арте, т.е. справедливости»; Goudarz < парф. Gōtarz (правитель Гиркании).

Соответствующие фамильные имена: Farhād – Balāš – Ardavān – Goudarz.

Мужские имена, восходящие к именам или прозвищам царей из династии Сасанидов (III – VII вв.): Sāsān < ср.-перс. Sāsān

⁷² Аршакиды: сер. III в. до н.э. – 226 г. н.э.

⁷³ Среднеперсидское имя Mazdak содержит ср.-перс. суффикс -ak > н.-перс. -ak, приведено в разделе простых имен условно.

⁷⁴ В поэме Фирдоуси «Шахнаме» имени Āžidahāk соответствует имя царя-узурпатора Zāhhāk.

– дед основателя сасанидской династии, эпоним династии Сасанидов; Šāpur < ср.-перс. Šāhpūhr «сын шаха»; Bahrām < ср.-перс. Varahrān/Vahrām < ав. Vəṛθraǵna – «победивший демона Веретру», «победоносный»; Piruz < ср.-перс. Pērōz «победоносный»; Qobād – арабизованная форма иранского ср.-перс. имени Kavāt < ав. Kavāta – «любимец Киянидов», Xosrou ⁷⁵ < ср.-перс. Husrav «доброславный»; Anušīrvān (вар. Nušīrvān) < ср.-перс. Anōšak.ruvan «с бессмертной душой» ⁷⁶; Hormozd (вар. Hormoz) < ср.-перс. Ōhrmazd < ав. Ahura Mazda – «Владыка Мудрость»; Parviz < ср.-перс. Aparvēz «победоносный», прозвище Хосрова II.

Фамильные имена на основе вышеприведенных личных имен: Sāsān – Šāpur – Bahrām – Piruz – Qobād – Xosrou – Kesrā – Anušīrvān – Nušīrvān – Hormozd – Hozmoz – Parviz.

Возможно, что фонемный состав фамилии Āparviz искусственно приближен к своему прототипу – ср.-перс. имени Aparvēz ⁷⁷.

Принятие персами арабской системы именования личности (с середины VII в.) обусловило количественное превосходство арабских личных имен в новоперсидском языке на протяжении последующих столетий. Тем не менее, определенная часть исконно иранских имен не исчезла из употребления. Такие подвергнувшиеся опрощению иранские имена продолжали существовать наряду с арабскими именами и вновь появлявшимися именами иранского происхождения в новоперсидском языке. Иранские лично-собственные имена употреблялись не только в зороастрийской среде, не принявшей ислам. В этой связи, например, небезынтересны данные о наличии имен иранского происхождения среди представителей правящего сословия, в частности, среди правителей Ширази или всего Ирана (или их родственников) в течение периода, охватывающего двенадцать веков – со второй половины VIII и по начало XX в. ⁷⁸.

⁷⁵ Под влиянием арабского языка имя Xosrou приобрело вариант Kesrā.

⁷⁶ Anōšak.ruvan было прозвищем Хосрова I.

⁷⁷ Не исключено, однако, что фамилия Āparviz – это синкопированная форма сложной фамилии *Āqāparviz; так, наряду с фамилией Āqārašid, засвидетельствована и фамилия Ārašid.

⁷⁸ Приводимые ниже данные взяты из: 1) Mohammad Nasir-e Forsat-e Širāzi. Āsār-e Ajam. Bombei, 1934. P. 575-589; 2) M. Sepehr. Irān dar jang-e bozorg. Tehrān, 1957. P. 345, 370.

Barmak – дед правителя Ширази – VIII в.⁷⁹; Buye – отец правителя Ширази, эпоним династии Буидов – X в.; Fulādsotun – правитель Ширази – XI в.; Pulād – правитель Ширази – XI в.; Turānšāh – правитель Ширази – XI в.; Keuxosrou – правитель Ширази – XIV в.; Jahāngir – сын эмира Тимура – XIV в.; Rostam – правитель Ширази – XIV в.; Šāhroх – правитель Ирана – XV в.; Jahānšāh – правитель Ширази – XV в.⁸⁰; Tahmāsp I – шах Ирана – XVI в.; Vonyād – правитель Ширази – XVI в.; Yādgar – правитель Ширази – XVI в.; Tahmāsp II – шах Ирана – XVIII в.; Āzād – правитель Ирана – XVIII в.; Xosrou – правитель Ширази – XVIII в.; Rostam – правитель Ширази – XVIII в.; Fereydun, Farhād, Bahrām, Firuz, Tahmāsp, Farhād – все последовательно правители Ширази – XIX в.; Bahrām, Kāmīrān – каджарские принцы – XIX – начало XX в.⁸¹

На протяжении более чем тысячелетнего периода существования новоперсидского языка антропонимикон Ирана постоянно пополнялся новыми именами. Пополнение шло как за счет притока имен иноязычного происхождения, так и благодаря созданию иранских имен. Источниками пополнения были преимущественно имена существительные и прилагательные иранского происхождения. Например, такие современные имена, как Marzbān «пограничник», Вахтияр «счастливый», Šahriyār «монарх», Сирān «пастух», Nouruz «ноуруз» и другие были известны еще в X–XIV вв.⁸² Из числа простых имен можно упомянуть мужское имя Tutī «попугай» (XII в.), с конца XIX в. Tutī считается женским именем. Имя существительное gouhar «перл», «жемчуг» издавна входило в состав мужских и женских имен. В современной антропонимии Gouhar – женское имя.

По-видимому, большая часть иранских личных имен была создана на волне пуристических тенденций в 20-х – 30-х гг. XX

⁷⁹ Куни, лакабы и нисбы приводимых лиц, а также лексическое значение основ имен опущены из соображений краткости.

⁸⁰ Компонент jahān в составе имён Jahāngir и Jahānšāh является арабизованной формой иранского существительного keyhān < ср.-перс. gehān «мир», «вселенная».

⁸¹ Согласно приведённым данным, из двухсот тридцати двух (232) представителей власти (или их родственников) 25 человек носили имена иранского происхождения (10,8%), 38 правителей было с тюрко-монгольскими именами (16,4%) и 169 человек носили арабские имена (72,8%).

⁸² Все перечисленные мужские имена отмечены и как фамилии.

столетия. Например, к числу новых имен можно отнести такие женские имена, как Axtar «звезда», Partou «луч, сияние», Panāh «убежище, защита», Minu «небо», «рай», а также такие общие имена, как Ārmān «мечта», Peymān «клятва», «обет».

Нередко для создания имен использовалась устаревшая лексика. Например, основы следующих имен – это архаичные имена существительные или прилагательные: мужские имена Niv «богатырь», «отважный», Pašang «лом», Hožabr «лев», «смелый»; женские имена: Parmun «украшение из золота и драгоценных камней», Setahā «мир, вселенная», Āzarang «страдание»⁸³. Фамилии, в основе которых перечисленные выше личные имена: Tuti – Gouhar – Axtar – Partou – Panāh – Minu – Ārmān – Peymān – Niv – Pašang – Hožabr – Parmun – Setahā – Āzarang.

Некоторые простые имена образовались вследствие опрошения сложных имен. Так, женское имя Māšid и мужское имя Māvandād возникли в результате выпадения фарингального «h» в именах *Māhšid «сияние Луны» и *Māhvandād. Мужское имя Māzyār возникло вследствие дестимологизации сложного имени *Māhizadyār «друг божества Луны»⁸⁴. Фамилии, в основе которых упомянутые имена: Māšid – Māvandād – Māzyār.

Среди отмеченных личных имен с различной морфологией, используемых в функции фамилий, выделяются имена с элементом far(r) < др.-перс. farnah – < ав. xvaṛənah – «небесная благодать; нимб; сияние, великолепие». Лексема far в антропонимном словообразовании многофункциональна, а именно:

1) в качестве антропоосновы образует простую фамилию Far(r);

2) в качестве составляющих формирует антропонимные композиты – имена и фамилии, например: Faršid и Šidfar, Faršād и Šādfar (šid «свет», «сияние», šād «радостный»), Farniyā (niyā «дед»), Farnou (nou «новый»), Māhfar (māh «луна»);

⁸³ Приведенные личные имена могли быть даны в качестве примера среди имен существительных или прилагательных, составивших основу фамилий. Дело в том, что мотив номинации неизвестен, т.е. неизвестно, что было взято за основу фамилий: устаревшее имя существительное или прилагательное или образованное от них личное имя.

⁸⁴ Имена Vandād и Māzyār были известны еще в VIII – IX вв. Имя Vandād, возможно, восходит к названию одной из частей Авесты: Vandidād (?).

3) Входит в соединение с ОНВ глаголов, образуя фамилии полуаффиксального типа, например: Farbin «видящий сияние», Farxāh «стремящийся к небесной благодати»;

4) соединяясь с аффиксами, образует фамилии аффиксального типа, например: Farbod, Farmand, Farvar;

5) Помимо этого элемент far- отмечен в функции полуаффикса в фамилиеобразовании, например: Abrišamifar, Kāšānifar (abrišami «шелковый», kāšāni «кашанец», «кашанский»); Fargoudarzi, Fereydunfar, Kāmyābfar (Goudarz, Fereydun, Kāmyāb – мужские имена).

Элемент far- присутствует в качестве первого слога и в простых личных именах, часть из которых возводится к своим прототипам, например, мужские имена: Farvahar (вар. Foruhar) < др.-перс. Fravarti – < ав. Fravaši – имя ангела, зовущего человека к совершенству; Farhād < парф., ср.-перс. Frāhāt < др.-перс. *Frāhāta «разумный»; общее имя Farгох < парф., ср.-перс. Farraх^v < др.-перс. *Farna(h)va «обретший фарр», «благословенный»; женские имена: Farxonde < ср.-перс. x^varrahōmand < ав. x^varənahvaiti «блестящая» (название одной реки); Fardīn – синкопированная форма женского имени Farvardīn «фарвардин» – 1-й месяц иранского солнечного года и 19-е число каждого месяца.

Другая часть имен с первым элементом far- представляет собой антропонимизованные имена существительные (реже – прилагательные) книжного стиля или редко употребляемые и не поддающиеся морфологической членимости. Их прототипы неизвестны⁸⁵. Примеры подобных имен: Farsād «мудрец», «философ»; Farzān «знание», «мудрость»; Farzīn «ферзь», «королева»; Farzām «достойный», «заслуженный»; Farjād «ученый муж», «знающий»; Farjud «чудо», «нечто невероятное»; Farhud «праведник», «верующий».

⁸⁵ Возможно, что имя существительное far(r) и элемент far- в простых личных именах являются этимологическими омонимами, и последний восходит к неотделимому от основы префиксу: ср.-перс. *fra- < ир. *fra-, как это имеет место в следующих словах: ср.-перс. framān «приказ» > н.-перс. farmān «приказ», ср.-перс. frahang «знание» > н.-перс. farhang «просвещение», ср.-перс. frazand «сын», «дитя» > н.-перс. farzand «дитя», «ребенок». Примеры взяты из [Расторгуева, Молчанова, с. 54].

Остается неясной смысловая структура женских имен: Farzim, Farvid и Farhid⁸⁶.

Фамилии, в основе которых упомянутые личные имена: Farvahaḡ – Farhād – Farroḡ – Farxonde – Fardin – Farsād – Farzān – Farzin – Farzām – Farjād – Farjud – Farhud – Farzim – Farvid – Farhid.

Из числа простых иранских имен, функционирующих в новоперсидском языке, можно выделить некую группу имен-меморативов, т.е. имен, которые могли быть даны в память об исторических или легендарных личностях⁸⁷, а также имен, выбранных в честь литературных персонажей. Примеры подобных имен: Budā «Будда», основатель буддизма (VI – V вв. до н.э.); Behrun – имя (прозвище?) Александра Македонского (IV в. до н.э.) [Steingass 1947, p. 211]; Nekisā – имя музыканта – исполнителя на чанге при дворе Сасанида Хосрова II (VI – VII вв. н.э.); Sinā – имя прапрадеда Ибн Сины (Авиценны) (X – XI вв.); Afšin – династическое имя иранского принца, чей род правил в Междуречье; Afšin вначале поддержал восстание Бабека, но потом выступил против него (IX в.); Māzyār – вождь крестьянского восстания в Табаристане (IX в.); Sanjar «мистик»; «охотничий сокол» – имя султана «Великого Сельджукида» (XII в.); Takaš – «виноградная косточка», имя хорезмшаха, подчинившего себе Хорасан и Западный Иран (XII в.); Manu – имя легендарного богатыря; Āraš – имя героя и лучника; по легенде Āraš выстрелом стрелой из лука установил границу между Ираном и Тураном [Nurbaxš 1360, p. 30]; Našvād – имя одного туранского героя.

Простые фамилии, в основе которых перечисленные имена: Budā – Behrun – Nekisā – Sinā – Afšin – Māzyār – Sanjar – Takaš – Manu – Āraš – Našvād.

Сохранению и распространению исконно иранских имен, имеющих прототипы в памятниках древнеиранской и среднеиранской языковых эпох, в значительной степени способствовала, на наш взгляд, классическая поэзия Ирана. В частности, несомненное влияние в этом плане продолжает оказывать великая эпопея Фирдоуси «Шахнаме». На протяжении целого тысячелетия

⁸⁶ Имя Farhid могло появиться «в противовес» известному мужскому имени Farhād. Так, в иранской семье Mašhun брат и одна из сестер носят имена: Farhād и Farhid.

⁸⁷ К ним могут быть также отнесены уже упоминавшиеся имена царей и основателей религий.

события, описанные в поэме, и ее герои живут в народной памяти, являясь источником гордости и вдохновения для многих поколений. Имена большинства персонажей из мифологической и богатырской частей поэмы прочно вошли в современный антропонимикон страны. С введением фамилий значительная часть подобных имен была зафиксирована и в качестве фамильных имен. Например, имена иранских и туранских царей и царевичей поэмы легли в основу следующих простых персидских фамилий⁸⁸: Kiyumars – Siyāmak – Āb(e)tin – Fereydun – Hušang – Geršāsb – Siyāvoš – Lohrāsb – Goštāsb – Esfandiyār – Bahman – Fariborz – Pašang – Afrāsiyāb.

От простых по форме имен иранских и туранских героев и богатырей поэмы образованы следующие фамилии: Kāve – Sām – Zāl – Dastān – Rostam – Farāmarz – Kešvād – Aškbus – Goudarz – Hojir – Giv – Bahrām – Farhād – Rohhām – Bižan – Sohrāb – Human – Humān – Barmān – Farud.

Личные имена тюрко-монгольского происхождения в основе персидских фамилий

Отмечено тринадцать простых фамилий, образованных от мужских имен тюрко-монгольского происхождения. Примеры имен: Aslān (вар. Arsalān) «лев», Toqrol «сокол», Baygām «праздник», Boyuk «большой», Aysin «светлый», Bahādor «богатырь», Теумур < тюрк. demir «железо», Tārverdi < тюрк. Tanri verdi «Бог дал». Имена Qoli и Bāši (< тюрк. kul «раб», bāš «голова») включают в себя тюркский суффикс принадлежности -i.

Соответствующие фамильные имена: Aslān – Arsalān – Toqrol – Baygām – Boyuk – Aysin – Bahādor – Теумур – Tārverdi – Qoli – Bāši.

Имена греко-римского происхождения в основе простых персидских фамилий

Имена греческого происхождения⁸⁹, образовавшие фамилии, восходят к именам известных древнегреческих исторических

⁸⁸ Имена, приводимые в примерах, могли быть упомянуты в других тематических разделах.

⁸⁹ Имена греческого происхождения проникли в персидскую антропонию в послеисламский период из арабских научных трудов.

лиц, ученых, например: Arastu (вар. Arastā) < гр. Aristotélēs «Аристотель», Eflātun (вар. Felātun) < гр. Plátōn «Платон», Soqrāt < гр. Sōkrátēs «Сократ», Eskandar < гр. Aléxandros «Александр».

Из латинского языка, также через арабский, были заимствованы следующие мужские имена: Jālinus < лат. Galenus «Гален» (древнеримский врач), Qeysar < лат. Caesar «Цезарь», Daqyānus < лат. Decius «Деций» (римский император).

Фамилии, в основу которых положены перечисленные имена: Arastu – Arastā – Eflātun – Felātun – Soqrāt – Eskandar – Jālinus – Qeysar – Daqyānus.

Засвидетельствовано несколько фамилий, в основе которых лежат мужские имена западноевропейского происхождения: Ārmand (вар. Armand) < фр. Armand, Rišārd < фр. Richard, Fernān < фр. Fernand, Nāpleon < фр. Napoléon. Мужское имя Adolf отмечено в составе фамилии – изафетного словосочетания: Adolf-e Šāhgeldiyān (имя носителя фамилии – Yusef). Фамилия Vāšengton «повторяет» фамилию 1-го американского президента Джорджа Вашингтона (Washington).

Топонимы в составе простых персидских фамилий

Традиция использования названий географических объектов в качестве личных имен существовала в Иране с древности. Так, название высочайшей вершины и потухшего вулкана Damāvand (< ср.-перс. Dabavand) во времена царствования Шапура II Сасанида было именем известного полководца, принадлежавшего к роду Киянидов; название северо-восточной провинции Ирана – Хорāsān (< ср.-перс. Xurāsān) служило личным именем одному знаменитому сепახбоду при царе Хосрове II Сасаниде. В период царствования Сасанидов один из комментаторов Авесты носил имя: ср.-перс. Nišāpuhr (> н.-перс. Nišāpur), образованное от названия города в Хорасане. В новоперсидском языке мужское имя Alborz восходит к названию горного хребта Alborz (< ср.-перс. Harburz) и веками использовалось в Иране.

Зафиксировано семьдесят две фамилии, в основе которых – непроизводные по своей структуре названия географических объектов⁹⁰, в частности, названия стран, провинций, названия

⁹⁰ Для сравнения: по нашим данным, личных имен, образованных от простых топонимов, отмечено в шесть раз меньше.

городов, селений, горных хребтов, рек и т.д., расположенных не только в Иране, но и за его пределами.

Помимо современных географических названий для образования семейных имен выбирались также названия древних городов и провинций, названия исторических областей, устаревшие названия рек, городов и т.д.

Примеры названий стран, провинций, городов и селений, сформировавших фамилии: *Iḡān* «Иран»; *Torkiye* «Турция»; *Berme* «Бирма»; *Farang* «Европа», «Франция»⁹¹; *Āzarbāyjān* «Азербайджан» – провинция на северо-западе Ирана; *Fārs* «Фарс» – провинция на юге Ирана; *Kermān* «Керман» – провинция и город на юго-востоке страны; *Ardalān* – область на северо-западе Ирана, населённая в основном курдами; *Afje* «Афдже»; *Arāk* «Арак»; *Rašt* «Решт»; *Zābol* «Заболь»; *Bojnurd* «Боджнурд»; *Nur* «Нур»; *Šuš* «Шуш»; *Dezful* «Дизфуль»; *Fasā* «Феса»; *Širvān* «Ширван», *Hazāve* «Хазаве» – города в Иране; *Farmad* «Фармад» – деревня близ г. Туса; *Zargande* «Заргянде» и *Šemirān* «Шимран» – пригороды Тегерана, в настоящее время входят в состав города; *Basre* «Басра», *Najaf* «Неджеф», *Kufe* «Куфа» – города в Ираке; *Kābol* «Кабул» – столица Афганистана; *Najd* «Нежд» – область в Саудовской Аравии; *Хеубар* «Хайбар» – город в Саудовской Аравии; *Karāči* «Карачи» – город в Пакистане; *Yāfā* «Яффа» – город, в настоящее время часть Тель-Авива; *Viyan* «Вена» – столица Австрии.

Соответствующие фамильные имена: *Iḡān* – *Torkiye* – *Berme* – *Farang* – *Āzarbāyjān* – *Fārs* – *Kermān* – *Ardalān* – *Afje* – *Arāk* – *Rašt* – *Bojnurd* – *Nur* – *Šuš* – *Dezful* – *Fasā* – *Širvān* – *Hazāve* – *Farmad* – *Zargande* – *Šemirān*; *Basre* – *Najaf* – *Kufe* – *Kābol* – *Najd* – *Хеубар* – *Karāči* – *Yāfā* – *Viyan*.

Названия некоторых гор, рек, озер в основе простых фамилий: *Alborz* – Эльбурс, горный хребет в Иране; *Alvand* – Эльванд, горный массив около г. Хамадана; *Zāgros* – Загрос, горный хребет в Иране; *Orumiye* – озеро Урмия и город Урмия на северо-западе Ирана; *Jeyhun* – река «Амударья»; *Seyhun* – река Сырдарья; *Forāt* – река Евфрат; *Arvand*⁹² – река Тигр; *Zamzam* «земзем» – название источника в Мекке.

⁹¹ *Farang* в арабской графике может читаться и как *Farnag* (имя аршакидской принцессы).

⁹² *Arvand* помимо других значений является также фонетическим вариантом упомянутой горы *Alvand*.

Соответствующие фамилии: Alborz – Alvand – Zāgros – Orumiye – Jeyhun – Seyhun – Forāt – Arvand – Zamzam.

Примеры древних и исторических названий городов и областей в основе простых фамилий: Āzarbād(e)gān < ср.-перс. Ātūrpātikān – древнее название Азербайджана; Ārum – среднеперсидская форма названия Греции, Рима; Estaxr – древний Персеполис; Badaḫš – историческая местность Бадахшан в Таджикистане; Pāzārgād и Pāsārgād – Пасаргады, ранняя столица царя Кира в Древнем Иране; Turān – Туран, историческая область; Čāč – Чач, историческая область в Средней Азии; Kan’ān – Ханаан, библейский город, земля обетованная; Jarun – старое название островного города в Персидском заливе.

Соответствующие фамильные имена: Āzarbādgān – Ārum – Estaxr – Badaḫš – Pāzārgād – Pāsārgād – Turān – Čāč – Kan’ān – Jarun.

Астронимы и космонимы в основе простых персидских фамилий

Названия небесных тел – планет, звезд, созвездий, подобно названиям географических объектов, с древнейших времен использовались в Иране и как собственные имена людей. Например, имя богини воды и планеты Венеры: ав. Anāhitā – «безупречная», «незапятнанная» > н.-перс. Nāhid носила супруга царя Дария I и мать царя Дария II – царей из династии Ахеменидов.

Младшего сына пророка Заратуштры звали ав. Hvarə.čīθra «из рода бога Солнца». Именем Māh < др.-перс. māha – «луна, месяц», звалась дочь ахеменидского царя Ардашира I. Māh < ср.-перс. māh было именем одного из авторов комментария к Авесте на среднеперсидском языке. Имя бога войны и планеты Марс – Bahrām (< ср.-перс. Vahrām) принадлежало пяти царям из династии Сасанидов. В среднеиранскую языковую эпоху существовали также мужские имена X^varšēt (> н.-перс. Xoršid) «солнце» и Māh X^varšēt «луна-солнце». Имя X^varšēt принадлежало, например, казначею сасанидского царя Хосрова II Ануширвана (VI в.н.э.). В XVI в. среди зороастрийцев были нередки мужские имена Xoršid и Keuvān < ср.-перс. Kēvān «Сатурн».

В антропонимии Ирана 2-ой половины XX века отмечены как личные, так и фамильные имена, в основе которых лежат простые астронимы и космонимы, причем по нашим данным

количество подобных фамильных имен в два раза превышает количество аналогичных личных имен.

В современном персидском некоторые небесные объекты имеют по несколько названий, в том числе названия книжные или устаревшие. Подобные астрономические синонимы существуют, в частности, для планет: Венера, Юпитер, Марс и некоторых других объектов.

Планета Венера помимо распространённых названий *Nāhid* и *Zohre* имеет еще названия *Bealdoxt* и *Zāvar*. Названия *Nāhid* и *Zohre* лежат в основе как личных, так и фамильных имен. От двух других названий образованы фамилии: *Bealdoxt* и *Zāvar*. Фамилии *Anāhid* и *Ānāhid* – это фонетические варианты, приближенные по своему фонемному составу к ср.-перс. *Anāhit* «Венера».

От пяти названий планеты Юпитер образованы следующие мужские имена и фамилии: *Moštari* и *Berjis* – имена и фамилии, *Rāvaš* и *Zāvaš* – зафиксированы лишь как фамилии. Фамилия *Foguzad* «Юпитер» (букв. «он озаряет, он освещает») представляет собой исключение в персидской антропонимии, поскольку личные формы глагола в индикативе практически не используются для создания лично-собственных имен и фамилий⁹³.

Два названия для планеты Марс – *Bahrām* и *Mergix* отмечены как мужские имена и как фамилии. Устаревшее и книжное названия Солнца *Xog* и *Hug* легли в основу фамилий *Xog* и *Hug*.

Мужские имена и фамилии *Keuvān* и *Otāred* содержат в основе названия планет: *Keuvān* «Сатурн», *Otāred* «Меркурий». Женское имя *Parvin* восходит к ав. *Paōiγaēini* «Плеяды». Отмечена и фамилия *Parvin*. Значение созвездия Плеяды содержит в себе также женское имя и фамилия *Sogaūā*. Смысловая структура фамилии *Paḡan* допускает два возможных толкования: «Плеяды» и «узорчатый шелк». Фонемный состав женского имени и фамилии *Mitrā* искусственно приближен к др.-перс. имени божества Солнца – *Mītra*. Современная форма этого имени – *Mehr* «любовь», «солнце». От

⁹³ Отмечена ещё фамилия *Tānad* (сокращённая форма от индикатива *tavānad* «он может; это возможно») и несколько имен, образованных от личных форм глагола, в повелительном, сослагательном и желательном наклонениях, а именно: имена *Bemān* «останься» (т.е. «выживи») и *Bemāni* «чтобы ты остался» и фамилия *Mobārakbād* «да будет благословен».

названий созвездий *Sombole* «Дева» и *Rāmi* «Стрелец» образованы женское имя и фамилия *Sombole* и фамилия *Rāmi*⁹⁴.

Названия звезд также использовались при выборе фамильных имен. Например, зафиксированы следующие фамилии: *Soheyl* – Каноус, звезда Южного полушария; *Sohā* – Алькор, звезда в Большой Медведице; *Farqadān* – название двух ярких звезд в Малой Медведице; *Jodey* – Полярная звезда⁹⁵.

Как исключение в данный раздел включены фамилии *Šāyvard* и *Šehāb*, в основе которых лежат нарицательные существительные: *šāyvard* «гало вокруг Луны»⁹⁶ и *šehāb* «яркая звезда, болид».

Итак, фамильные имена в данном разделе: *Nāhid* – *Zohre* – *Beydoxt* – *Zāvar* – *Anāhid* – *Ānāhid* – *Moštari* – *Berjis* – *Rāvaš* – *Zāvaš* – *Foruzad* – *Bahrām* – *Merrix* – *Xor* – *Hur* – *Keyvān* – *Otāred* – *Parvin* – *Sorayyā* – *Paran* – *Mitrā* – *Sombole* – *Rāmi* – *Soheyl* – *Sohā* – *Farqadān* – *Jodey* (или *Jady*) – *Šāyvard* – *Šehāb*.

Имена числительные, местоимения, наречия, союзы, предлоги, междометия и др. в основе простых персидских фамилий

Перечисленные части речи играют незначительную роль в фамилиеобразовании.

Имена числительные в функции личных имен самостоятельно или в составе сложных имен существовали в древнеиранскую и среднеиранскую языковые эпохи. Например, для имени второй дочери пророка Заратуштры было выбрано порядковое числительное женского рода: ав. *Θriti* – «третья». Аналогичное мужское имя отличалось окончанием: ав. *Θrita* – «третий». Количественные числительные входили в состав двухкомпонентных имен в среднеперсидском языке, например, мужское имя: ср.-перс. *Panjboxt* «спасенный пятью гимнами пророка Заратуштры» или уже упоминавшееся имя ср.-перс. **Sēboxt*, «тот, кого спасли три

⁹⁴ Не исключено, что фамилия *Rāmi* содержит антропоморфанта -i, наращенный к мужскому имени *Rām* или прилагательному *rām* «смирный», «послушный».

⁹⁵ Фамилия *Jodey* в арабской графике может быть прочитана и как *Jady*, и в таком случае ее лексическое значение будет «Козерог» (зодиакальное созвездие).

⁹⁶ *Šāyvard* – опрошенная форма имени существительного *šāhvard* «прекраснейшая роза».

предписания зороастризма». В древнеперсидском языке, имена *Parvuyāna- и *Parvua-ka содержат в основе числительное *parvua «первый».

В современном персидском имена числительные чаще входят в состав аффиксальных или сложных антропонимов. Фамильных имен, образованных от простых числительных, немного. Зафиксировано менее десяти фамилий, в основе которых лежат простые имена числительные, как количественные, так и порядковые, а именно: Noxost «первый»⁹⁷, Sāni «второй», Sāles «третий», Salās «три», Āšer «десятый», Sad «сто», Hezār «тысяча», Alf «тысяча»⁹⁸.

Засвидетельствованы следующие простые фамилии, в основе которых лежат различные части речи:

1) В основе фамилий – простые местоимения: Šomā «вы», «Вы», Išān «Они» (вежливая форма, чаще об одном человеке); Vāgxi «некоторые»⁹⁹;

2) В основе фамилии – устаревшее наречие: Namāgā «всегда», «постоянно»;

3) В основе фамилии союз: Lāken «но», «однако» (противительный союз lāken);

4) В основе фамилий – вводные слова: Mersi «спасибо», Eyduṅ «так», «таким образом»;

5) Основа фамилий – частицы: Āgi «да» (утвердительная частица āgi), Navim (ограничительная частица navim «лишь», «только»).

Фамилия Араг представляет собой искусственно воссозданную форму среднеперсидского предлога: ср.-перс. arag- > н.-перс. var- «на», «над»; для создания фамилии Vod использован малопродуктивный суффикс -bod < ср.-перс. -pat.

Междометия положены в основу следующих четырех зафиксированных фамилий: Ānt «браво», «молодец» (< ān to rā!),

⁹⁷ Отмечено личное имя Noxostin (noxost + суф. -in), которое могут дать первенцу, как мальчику, так и девочке.

⁹⁸ Фамилия Alf в арабской графике может быть прочитана и как Alef – название первой буквы персидского алфавита.

⁹⁹ Словоформа varxi с ударением на последнем слоге varxi' означает «жертва» (уст.).

Ajab «ну и ну», «удивительно», Āfarin «браво», «похвально»¹⁰⁰, Xahi «прекрасно», «браво» (уст.).

Фамилии, представленные в этом разделе: Noxost – Sāni – Sāles – Salās – Āšer – Sad – Hezār – Alf; Šoma – Išān – Barxi – Hamārā – Lāken – Mersi – Eydun – Āri – Navim – Apar – Bod – Ānt – Ajab – Āfarin – Xahi.

Выводы

В образовании простых персидских фамилий, как было показано, задействованы все части речи персидского языка. Наибольшая роль отведена именам существительным и прилагательным, часть из которых – устаревшие или вышедшие из употребления слова.

В этимологическом отношении имена арабского происхождения – как имена существительные и прилагательные, так и (в меньшей степени) лично – собственные имена, лежащие в основе простых фамилий, – сохраняют количественное превосходство.

Семантика апеллятивных основ простых персидских фамилий отличается значительным разнообразием: имена, связанные с религиозной тематикой, названия представителей животного и растительного мира, термины родства, названия праздников, месяцев и дней и т.д. – все это нашло свое отражение в смысловой структуре простых фамильных имен.

Лично-собственные имена играют немаловажную роль в создании простых персидских фамилий. Иранские имена, восходящие к своим прототипам, а также имена, непосредственно заимствованные из арабской антропонимии, лежат в основе многих персидских фамилий. Неясность возникает тогда, когда в основе фамилий находятся личные имена, созданные в новоперсидском языке из лексики иранского или арабского происхождения. В таких случаях возникает вопрос: что считать основой фамилии, нарицательную лексику или личные имена, не так давно образованные от этой лексики? Проблема эта касается вопросов мотивации и, по-видимому, может быть решена лишь путем полевых исследований.

Топонимы и астрономы. Их роль в формировании простых персидских фамилий невелика, но отличается характерными осо-

¹⁰⁰ Фамилию Āfarin можно считать образованной и от ОНВ глагола āfaridan «творить», «создавать».

бенностями. Географические названия в основе простых фамилий – это не только названия современных стран и городов. Это названия, хранящие память о древних городах и территориях, об исторических событиях в далеком прошлом. Фамилии, образованные от названий астрономических объектов, могут (как вариант) свидетельствовать об интересе к данной теме у носителей подобных семейных имен.

Глагольность простых персидских фамилий проявляется в использовании для их создания основ настоящего и основ прошедшего времени некоторых простых глаголов. Участие личных форм глагола в создании имен и фамилий не характерно для современной персидской антропонимии.

Фамилии, в основе которых лежат предлоги, союзы, суффиксы или междометия, могут считаться курьезами, но если подобные фамилии существуют и внесены в документы – их следует учитывать.

Литература

1. Абаев В.И. О древнеперсидских личных именах // IV Всесоюзная научная конференция по иранской филологии. Ташкент, 1964. С.3.
2. Абаев В.И. К этимологии древнеперсидских имен Kuruš, Kambujija, Šišriš // Этимология, 1965. М., 1967. С. 286-295.
3. Абаев В.И. Из иранской ономастики // История Иранского государства и культуры. М., 1971. С. 262-276.
4. Абрамян Р. Пехлевийско-персидско-армяно-русско-английский словарь. Ереван, 1965. 337с.
5. Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970. 394 с.
6. Грантовский Э.А. О распространении иранских племен на территории Ирана // История иранского государства и культуры. М., 1971. С. 286-327.
7. История Ирана. М.: Издательство МГУ, 1977.
8. Луконин В.Г. Иран в III веке. М., 1979. 173 с.
9. Оранский И.М. Введение в иранскую филологию. М., 1960, 490 с.
10. Пейсиков Л.С. Очерки по словообразованию персидского языка. М., 1973. 196 с.
11. Пейсиков Л.С. Лексикология современного персидского языка. М.: МГУ, 1975. 207 с.
12. Периханян А.Г. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М., 1983. 381 с.
13. Петрушевский И.П. Ислам в Иране. Л., 1966. 399 с.

14. Расторгуева В.С., Е.М. Молчанова. Среднеперсидский язык, Парфянский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981. С. 6-232.
15. Рубинчик Ю.А. Фразеология персидского языка. АДД. М.: ИВ РАН, 1975.
16. Современный Иран. Справочник. М., 1957. С.26-29, 682-716.
17. Соколов С.Н. Древнеперсидский язык // Основы иранского языкознания. Кн. 1. М., 1979. С. 234-271.
18. Соколов С.Н. Язык Авесты // Основы иранского языкознания. Кн. 1 М., 1979. С. 234-271.
19. Abbāsi M. Farhang-e nāmā-ye irāni. Tehrān, 1978. 215 p.
20. Bartholomae Ch. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904. 2000 kol.
21. Benveniste E. Titres et noms propres en iranien ancien. Paris, 1966. 133 p.
22. Benveniste E. et Renou L. Vrta et Vrθragna. Paris, 1934. 207 p.
23. Forsat-e Hoseyni-ye Širāzi M.N. Āsār-e Ajam. Bambeyi, 1934. 596 p.
24. Goštāspūr-e Pārsi M. Ganjine-ye nāmā-ye irāni. Tehrān, 1971. 291 p.
25. Hesābi M. Nām-nāme. Tehrān, 1940. 72 p.
26. Horn P. Grundriss der neupersischen Etimologie. Strassburg, 1893. 386 p.
27. Horn P. Neupersische Schriftsprache // Grundriss der Iranischen Philologie. Bd.1. Strassburg, 1898-1901. P.1-200.
28. Justi F. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895. 526 p.
29. Kent R.G. Old Persian Grammar. Texts. Lexicon. New Haven, 1950. 216 p.
30. Mackenzie D. N. A concise Pahlavi dictionary. London, 1971. 258 p.
31. Majalle-ye dāneškade-ye adabiyāt. Tehrān, 1333-1337.
32. Mayrhofer M. Aus der Namenwelt Alt-Irans. Die zentrale Rolle der Namenforschung in der Linguistik des Alt-Iranischen // Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft. Vorträge 3. Innsbruck, 1971. P. 5-23.
33. Mayrhofer M. Onomastica Persepolitana. Wien, 1973. 258 p.
34. Mayrhofer M. Zum Namengut des Avesta. Bd. 308, Abh. 3-5. Wien, 1977. P. 7-68.
35. Moin M. Loqāt-e fārsi-ye ebn-e Sinā va ta'sir-e ānhā dar adabiyāt // Majalle-ye dāneškade – ye adabiyāt. 1333, № 2. P. 1-38.
36. Nafisi S. Elal-e enqerāz-e tamaddon-e Sāsāni // Payām-e novin. 1958. № 2, 3. P. 1-16, 65-74.
37. Nafisi S. Sarčašme-ye tasavvof dar Iran. Tehran, 1966. 275 p.
38. Naxa'i H. Nām-nāme. Tehrān, 1956. 132 p.
39. Nöldeke Th. Persische Studien // Sitzungsberichte, CXVI / Kaiserliche Akademie der Wissenschaften in Wien. Wien: Tempsky, 1888. S. 387-423.
40. Nurbaxš H. Farhang-e nāmā-ye irāni va eslāmi. Tehrān, 1981. 253 p.
41. Saleman C. Mittelpersisch // Grundriss der Iranischen Philologie. Bd. 1, Abt. 1. Strassburg, 1895-1901. P. 249-332.

42. Sepahram A.M. Tārix-e bargozidegān. Tehrān, 1962. 624 p.
43. Sepehr, Movarrexoddoule. Irān dar jang-e bozorg. Tehrān, 1336. 512 p.
44. Steingass F. Persian-English Dictionary. London, 1947.

©

А.И. Полищук
ИБ РАН (Москва)

О необходимости создания персидско-русского и русско-персидского словаря общественно-политической лексики

Необходимость создания персидско-русского и русско-персидского словаря общественно-политической лексики достаточно очевидна, он нужен переводчикам, дипломатам и всем изучающим персидский язык. Не совсем ясно, кто отважится на эту работу? Но сейчас можно констатировать, что такие смелые и болеющие за эту тему специалисты уже есть.

Прежде всего, можно отметить вышедший совсем недавно словарь Е.Д. Островенко «Русско-персидский словарь дипломатической лексики» [Островенко 2013], который содержит около 10 тысяч слов и словосочетаний на русском, персидском и дари языках. К сожалению, словарь вышел очень небольшим тиражом, всего 150 экз. и, видимо, скоро станет библиографической редкостью, как словарь дипломатической лексики Э.М. Алиева [Алиев 1976]. Наши коллеги в странах СНГ выпустили два словаря по интересующей нас тематике, а именно: в 2006 г. в Таджикистане вышел русско-таджикский словарь С. Назарзода [Назарзода 2006]; а в Казахстане в 2010 г. вышел в свет «Персидско-русский и русско-персидский международно-экономический и общественно-политический словарь» С. Абдулло [Абдулло 2010].

Следует отметить, что только в Москве существует 5-6 вузов, которые были бы заинтересованы в приобретении указанного в заглавии словаря в свои библиотеки, для студентов и преподавателей. Например, только в МГЛУ в настоящее время изучают персидский язык 40 студентов, а кроме этого, наверняка, есть желающие приобрести словарь в МИД-е, в МГИМО и дру-

гих вузах и организациях. Однако издательская политика, в частности, ведомственная, или узко вузовская, не учитывает возможности рынка с точки зрения перспектив реализации печатной продукции по иранистике, в том числе словарей, как в России, так и в Иране и в странах СНГ.

На наш взгляд, пальма первенства в словарной работе, и в том числе по общественно-политической лексике, принадлежит в настоящее время МГИМО и Военному университету.

Прежде всего, это касается создания глоссариев (или поурочных словарей) в учебных пособиях по общественно-политической тематике и переводу, которые могут быть использованы для создания собственно словарей. В частности, Сафар Абдулло указывает, что при составлении своего словаря он использовал словники пособий Е.Л. Гладковой. В этой связи необходимо отметить, что словники в учебных пособиях по общему переводу А.И. Арсланбекова [Арсланбеков 2003] и в ряде учебных пособий Е.Л. Гладковой [Гладкова 2007] и её коллег Е.В. Семеновой и Н.В. Мелёхиной [Гладкова 2008; Гладкова, Семёнова, Мелёхина 2010] являются хорошей базой для создания базовых словарей. Все учебные пособия МГИМО снабжены русско-персидскими и персидско-русскими словарями, отражающими лексику изучаемых тем и текстов.

Е.Л. Гладкова и Е.В. Семёнова проделали кропотливую и трудоёмкую работу по подготовке упомянутого словаря Е.Д. Островенко к изданию. Словарь Е.Д. Островенко на сегодняшний день является наиболее полным словарём не только дипломатической, но и общественно-политической лексики, что непосредственно вытекает из его внешнеполитической направленности. По утверждению Е.Д. Островенко, «Словарь имеет ... сугубо прагматическую задачу: помочь в переводе на персидский язык устоявшейся русской дипломатической лексики» (дипломатическая практика, протокол, работа посольств, консульская служба и частично международное право), а также некоторых других, наиболее тесно примыкающих к ней слов, словосочетаний и терминов общеполитического, страноведческого и исторического характера» [Островенко 2013, с. 3].

Словарь Е.Д. Островенко, безусловно, является очень ценным с точки зрения объёма и разнообразия представленной в нём лексики. В то же время лексикографическая часть (способ подачи

словарных статей) больше похожа на глоссарий, что несколько не умаляет ценность словаря, но несколько затрудняет пользование им.

Нам представляется наиболее оптимальной система построения словарных статей, примененная в «Русско-персидском словаре» Г.А. Восканяна [Восканян 2013]. Первое издание словаря Г.А. Восканяна [Восканян 1986] вышло в свет в 1986 г. В предисловии к новому, второму изданию словаря, Г.А. Восканян отмечает, что «Новое издание, несомненно, будет полезным для переводчиков обоих языков, работающих в различных сферах экономического и культурного сотрудничества двух стран, а также для иранских специалистов в области русской художественной и политической литературы» [Восканян 2013, с. VII]. Словарь Г.А. Восканяна содержит большой массив общественно-политической лексики (всего в словаре более 32 тыс. слов) и является надёжным лексическим источником.

Необходимо подчеркнуть, что разработка русской части словаря общественно-политической лексики, если такой будет создаваться в будущем, является очень важной и сложной задачей, и работа, проделанная ранее составителями близких по тематике словарей могла бы стать хорошей базой для словаря общественно-политической лексики.

На практике при составлении глоссариев и словарей авторы в большинстве случаев идут по пути росписи персидских текстов и предлагают их оптимальные переводы, что является вполне оправданным, но крайне трудоёмким процессом, тем более что часто для терминов на русском языке не существует персидских эквивалентов. Составители упомянутых словарей указывают, что персидская лексика находится в процессе становления, и поэтому приходится давать толкование русских терминов, точных аналогов которым в персидском языке пока нет.

Проблема становления общественно-политической лексики в персидском языке подробно и глубоко исследована в монографии Е.Л. Gladkoy «Пути развития общественно-политической лексики современного персидского языка» [Гладкова 2013] и даёт фундаментальную теоретическую и практическую базу для лексикографической работы над персидской лексикой.

Процесс обновления языка идет беспрерывно. Мы все являемся свидетелями постоянного процесса формирования новой лексики в персидском языке, в том числе и общественно-полити-

ческой. Словари не всегда успевают за этим процессом. Практика требует от нас держать руку на пульсе и подходить к слову так же бережно, как учили нас наши корифеи, в том числе Ю.А. Рубинчик и работавшие под его руководством блестящие знатоки персидского языка и соавторы двухтомного «Персидско-русского словаря», выпущенного двумя изданиями: первое – в 1970 г. и второе – в 1983 г., дополненное, исправленное с приложением новых слов. Над словарём работали такие известные учёные, как М.Н. Османов, Д.Х. Дорри, Л.Н. Киселёва, С.С. Сарычев, К.Н. Еремина, Г.Д. Галимова, Г.Ю. Алиев, Л.Н. Муравьёва, Г.И. Казимов.

При составлении нового общественно-политического русско-персидского словаря, с точки зрения практической пользы, мы полагаем вполне оправданной идею Е.Д. Островенко о включении в словарь лексики дари. Это связано с тем, что выпускникам советских и российских вузов и практическим работникам приходилось и приходится работать, как правило, и в Иране, и в Афганистане.

Можно напомнить успешный опыт работы с персидско-русским военным словарём Г.Г. Алиева под редакцией А.М. Шойтова [Алиев 1972], где, наряду с персидскими, приводились термины на дари. Перевод русских терминов на языке дари (фарси-кабули) в этом словаре был выполнен А.И. Арсланбековым, А.В. Перегудиным и М.Ф. Слинкиным.

Что касается русской части, то хороший общий словник был предложен в двуязычном русско-пушту-дари словаре К.А. Лебедева, Л.С. Яцевич и М.А. Коноваровского, который является автором части словаря на языке дари [Лебедев, Яцевич, Коноваровский 1983].

Автор данной статьи также занимался составлением учебного «Русско-дари и дари-русского словаря-минимума по общественно-политической тематике» [Полищук 1988]. Словарь насчитывал до 2000 слов в каждой части и явился попыткой обобщить общественно-политическую лексику, подлежащую усвоению на 4-6 семестрах обучения и отобранную на основе росписи текстов, которые изучались в 80-е гг. на краткосрочных курсах подготовки специалистов для работы в Афганистане.

В итоге можно отметить, что советскими и российскими лексикографами проделана большая работа по составлению русско-персидских (дари) словарей, что позволяет надеяться на раз-

работку в будущем специализированного словаря по общественно-политической тематике, отвечающего реалиям сегодняшнего дня с учетом критического осмысления и анализа того, что уже сделано в этой области.

Литература

1. Абдулло С. Персидско-русский / русско-персидский международно-экономический и общественно-политический словарь. Алматы: Изд-во «Бастау», 2010. 512 с.
2. Алиев Э.М. Русско-персидский дипломатический словарь (с фразеологией). М., 1976.
3. Алиев Г.Г (составитель) Персидско-русский и русско-персидский военный словарь. Под ред. Шойтова А.М. М.: Воениздат, 1972. 655 с.
4. Арсланбеков А.И. Общий перевод. Персидский язык. Учебное пособие для 3-го курса. М.: МГЛУ, 2003. 230 с.
5. Восканян Г.А. Русско-персидский словарь. Под ред. Шоджаи. Тегеран: Из-во Farhang Moaser, 2013. 1258 с.
6. Восканян Г.А. Русско-персидский словарь. Ок. 30 000 слов. М.: Русский язык, 1986. 832 с.
7. Восканян Г.А. Русско-персидский словарь. Под ред. Шоджаи. Тегеран: Из-во Farhang Moaser. 2013. С.VII.
8. Гладкова Е.Л. Персидский язык. Общественно-политический перевод. Ч. 1. (для старших курсов и магистратуры). М.: МГИМО. Университет, 2007. 219 с.
9. Гладкова Е.Л. Персидский язык для экономистов международников. М.: МГИМО. Университет, 2008. 299 с.
10. Гладкова Е.Л., Е.В. Семёнова, Н.В. Мелёхина. Персидский язык. Общественно-политический перевод. Учебно-методический комплекс // Уровень бакалавриат. М.: МГИМО. Университет, 2010. 447 с.
11. Гладкова Е.Л. Пути развития общественно-политической лексики персидского языка. М.: МГИМО, Университет. 2013.
12. Лебедев К.А., Л.С. Яцевич, М.А. Конаровский. Русско-пушту-дари словарь. М.: Русский язык, 1983. 768 с.
13. Назарзода С. Фарханги мухтасари истилохоти ичтимои ва сиёси. Душанбе: Академияи илмҳои Чумхурии Тоҷикистон, 2006. 192 с.
14. Островенко Е.Д. Русско-Персидский словарь дипломатической лексики. М.: МГИМО, Университет, 2013. 502 с.
15. Персидско-русский словарь. Издание второе, стереотипное, с приложением новых слов / Под ред. Ю.А. Рубинчика. М.: Русский язык, 1983. Т. I – 800 с. Т. II – 864 с.
16. Полищук А.И. Русско-дари и дари-русский словарь-минимум по общественно-политической тематике. Для 2-го года обучения. М., 1988. 61 с.

К названиям рыб в мазандеранском языке: русские заимствования

Обзор истории изучения прикаспийских языков

Прикаспийские языки – языки иранских народностей, живущих вдоль южного и юго-западного побережья Каспийского моря. В Иране это гилянский и мазандеранский (мазендеранский, мазандаранский) языки и их диалекты и говоры, в прикаспийскую подгруппу входят, по определению В.С. Расторгуевой, также велатру и шамерзади [Расторгуева 1982, с. 447]. В ряде случаев к ним присоединяют и семнанский. В северо-западную группу иранских языков входят также талышский, который распространен как в Иране, так и в Азербайджане, и родственный тати (регион распространения Зенджан, Казвин, Халхал, Ардебиль), а также ряд уже исчезнувших языков. И.М. Оранский в своей книге «Иранские языки» разделяет прикаспийские языки на две подгруппы: мазандеранскую и гилянскую, и указывает регион распространения северозападных языков в Курдистане, Азербайджане и на побережье Каспийского моря. Далее автор перечисляет языки и диалекты, на которых говорят в этом регионе: курдский язык и его диалекты (куда входит и заза), талышский, ряд говоров и диалектов, свойственных западному Ирану, и гилянский и мазандеранский языки [Оранский 1378 (1999), с. 141, 163-164].

Первое упоминание о гилянском языке и несколько гиланских слов мы находим в трудах русского ученого-натуралиста и этнографа С.Г. Гмелина (1775), который посетил Гилян во второй половине XVIII столетия. Будучи натуралистом, он записал немало названий рыб, животных, птиц и растений, зарегистрировав приблизительно 200 местных наименований. Данные по мазандеранскому языку впервые были опубликованы акад. Дорном в 1860 г. Он издал на мазандеранском языке более 49 рассказов, записанных на персидском языке Болдыревым, и ряд поэтических отрывков. В следующем году он совершил экспедицию в Гилян и

Мазандеран и собрал там обширный материал. На основе полевых сборов он составил грамматические очерки обоих языков. Данные по семнанскому языку были впервые собраны Н.В. Ханыковым в 1861 г. Позднее, в 1912-1914 гг., этим языком занимался В.А. Жуковский. Оба они полагали, что семнанский язык особенно близок с мазандеранским. В.А. Жуковский к семнанскому относил и говоры Сангесара и Шамерзада. Новые данные по семнанскому языку и диалектам были собраны В.С. Соколовой и Т.Н. Пахалиной (работы 1950-1999 гг.).

Географическое положение края и соседство Прикаспийского района Ирана с Россией, а также экономические, торговые и политические связи, существовавшие с давних пор между этими регионами, послужили тому, что мазандеранский язык, как и гилянский, активно взаимодействовал с русским. В силу этого в мазандеранском языке имеется значительный слой русских заимствований.

Периодизация контактов населения Ирана с русским языком и его носителями

Разносторонние связи России с населением северных районов Ирана нашли отражение во многих исторических источниках. Помимо военных отношений¹, в русско-персидских взаимоотно-

¹ В правление древнерусского князя Игоря (912-945 гг.) имел место третий поход русских в Иран, и, в первую очередь, в район Каспийского побережья. Русские заняли Гилян, Табаристан (средневековое название Мазандерана), Дейлам (горная часть Гиляна и Табаристана у юго-западного побережья Каспийского моря), Баку и Ширван (из городов Азербайджанской Республики) [Джамалзаде 1384/ 2005, с. 30]. Историческая связь между Россией и Ираном прервалась в период монголо-татарского нашествия в 13 в., но после распада золотой орды в 15 в. была восстановлена (там же, с. 90). В 1468 г. русский купец и путешественник Афанасий Никитин совершил свое знаменитое путешествие из Твери в Индию через Каспий и Персию. Он был автором знаменитых путевых записей, известных под названием «Хождение за три моря». Это же произведение послужило стимулом для Петра Великого начать завоевание региона [Кулагина 1390/2011, с. 216]. В 1668-1669 гг. имел место поход Степана Разина по Каспийскому морю к берегам Персии. Были разграблены персидские города Рашт, Астрабад, Дербент, разбит персидский флот из 70 кораблей, оснащенных пушками [Мельгунов 1376/1997, с. 99]. В итоге в 1723 г. часть Гиляна с городом Раштом была завоевана Петром Ве-

шениях имел место ряд исторических событий экономического характера. Так, в 1885 г. была построена закаспийская железная дорога, которая закрыла ворота северных городов Ирана для нерусских торговцев. В том же году русская компания открыла первое коммерческое отделение в Барфоруше (ныне г. Баболь). При этом в устье реки Баболь, недалеко от Барфоруша, была создана стоянка Мешхедсар (нынешний порт г. Бабольсар), куда подходили русские суда. В 1853 г. начались рыбохозяйственные исследования на Каспии и в реках, впадающих в него.

Как известно, в 1867 г. русский купец Лианозов получил концессию на рыбные промыслы на южном, персидском, побережье Каспия. С этого времени в России монополия на рыбную ловлю в Каспийском море и реках в прилегающих районах вплоть до Октябрьской революции 1917 г. принадлежала Лианозову [Садеги 1384/2005, с. 40]. С падением царской власти и проникновением социал-демократической идеологии в среду иранских рабочих число трудовых мигрантов с севера Ирана в Россию

ликим. По договору, заключенному в том же году, Персия уступила России также Мазандеран и Астрабад [Бартольд 1973, VII, с. 220]. В 1729 г. Россия официально отказалась от последних двух регионов. В 1735 между Россией и Персией был заключен Гянджинский договор «вечного союза». Русские войска были отведены с завоеванных территорий за реку Терек. По этому договору к Персии отошли Баку, Дербент и управление Дагестаном. По указанию Петра I была составлена первая точная карта Каспийского моря [Зонн 1384/2005]. На основе заключенного в 1715 г. при Петре I договора Иран и Россия завязали официальные коммерческие отношения, в результате Бендер-Энзели (Иран) и Астрахань (Россия) превратились в большие торговые центры [Садеги 1384/2005, с. 5]. В 1796 г., в ходе русско-персидской войны, граф В.А. Зубов совершил поход из Астрахани через Каспийское море в Персию. Он занял Дербент, Кубу, Баку, Гянджу. В 1797 г. русские войска были выведены из Персии и добровольно оставили Грузию и Азербайджан [Зонн 1384/2005]. В результате Гюлистанского договора, заключенного после Русско-персидской войны 1804-1813 гг., Персия признала переход к России Дагестана, Картли, Кахети, Мегрелии, Имеретии, Гурии, Абхазии и части современного Азербайджана, а также Карабаха и Ширвана. В 1828 году был заключен Туркманчайский договор, завершивший вторую русско-персидскую войну (1826-1828 гг.). Статья VIII этого договора утверждала исключительное право России иметь флот на Каспийском море [Хомаюн 1380/2001, с. 79-82].

значительно выросло, в результате значительное количество ма-зандеранских и гилянских рабочих стало проводить в России как минимум один рабочий сезон/год [Садеги 1384/2005, с. 10].

Развитие икорного бизнеса Ирана началось в XX в. – во многом благодаря Советской инициативе². В октябре 1927 г. в Москве был подписан советско-иранский договор о гарантии и нейтралитете. Он сопровождался соглашением об эксплуатации рыбных промыслов южного побережья Каспийского моря. По этому договору Россия получала права на добычу рыбных ресурсов, включая осетровых, в южной части Каспийского моря. Именно тогда создается крупнейшее рыбное хозяйство Ирана «Шилат», основанное на базе существовавшей в 1920-1940 гг. Российско-Персидской компании. Впрочем, многие иранские специалисты по разведению рыбы и производству икры учились своей профессии у русских мастеров икрянщиков [Шадрин 2007]. В 1959 г. был создан Центр проблем Каспийского моря при Институте географии АН Азербайджанской ССР.

В 1995 г. Парламент Исламской республики Иран принял решение о создании центра по исследованию Каспийского моря «Хазар». Примерно в это время в России начал издаваться журнал «Вестник Каспия» (в 1996 г. вышло 6 номеров), который рассматривал вопросы, связанные с Каспийским морем. В 1996 г. в Раште, Иран, был создан Международный институт изучения осетровых рыб. Уже в начале XXI в., в 2003 г., пять прикаспийских государств подписали Рамочную конвенцию по защите морской среды Каспийского моря. В 2006 г. в Астрахани прошла международная конференция «Современное состояние и пути совершенствования научных исследований в Каспийском бассейне». В этом же году в Тегеране состоялся второй саммит президентов прикаспийских стран [Зонн 1384/2005].

² В 1921 г. в Москве был подписан договор между РСФСР и Персией, установивший принципы равноправия в качестве основы двусторонних отношений между двумя государствами. Были аннулированы все прежние долги Персии и России. Россия объявила ранее заключенные двусторонние договоры недействительными. Каспий был объявлен российско-персидским (иранским) регионом. Оба государства обязались соблюдать границу по решению Разграничительной комиссии 1881 г. [Зонн 1384/2005].

Все эти контакты обогащали языки жителей северных районов Ирана – мазандеранский, гилянский, талышский и др. русской лексикой. Взаимоотношения между двумя странами носили и культурный характер. Так, именно российский исследователь Ходзько в 1842 году опубликовал стихи мазандеранского поэта Шейхи Табарси (Амири), а в 1860-1866 годах академик Дорн издал собрание стихотворных произведений на мазандеранском языке [Расторгуева 1990, с. 14]. Многие русские путешественники, побывав на Каспии, оставили описание географического положения, естественных ресурсов и промыслов, сопроводив свои заметки словарями, глоссариями местных терминов в разных областях.

В 1970-1990-е годы в Москве вышли «Гилянский язык», «Гилянско-русский словарь» (1974; 1980), а также том, посвященный прикаспийским языкам в «Основах иранского языкознания» («Мазандеранский язык» и «Гилянский язык») (1980) и ряд других публикаций по этим языкам.

Все эти связи и обоюдный интерес способствовали тому, что в языках непосредственной зоны контакта – талышском, гилянском, мазандеранском – наблюдается особенно много русских заимствований, ставших во многих случаях историческими.

В данной статье мы рассматриваем лексику, связанную с названиями рыб, которые водятся в Каспийском море, и приводим ряд заимствованных из русского языка наименований³. В связи с тем, что рыболовство в Каспийском море в течение продолжительного времени находилось в руках России и под ее влиянием, число заимствованных слов в этой области в целом велико.

Для работы и сбора конкретных примеров нами было использовано несколько словарей мазандеранского языка: «Словарь табари» («*Farhang-e vāzhenāme-ye tabari*») Дж. Насри Ашрафи, «Словарь мазандеранского (языка)» («*Vāzhenāme-ye māzenderāni*») М.-Б. Наджафзаде Барфоруша, «Словарь табари» («*Vāzhenāme-ye tabari*») С. Кия, «Гилянский говор» («*Gile gar*») Ф. Нозада, «Гилянский словарь» («*Farhange gilaki*») М. Сотуде, «Гилянский диалектный словарь с индексом терминов и списком пословиц» («*Vāzhenāme-ye guyesh-e gilaki be enzmām-e estlāhāt va zarbolmasalhā-ye gilaki*») А. Мараша. При сборе лексики мы бесе-

³ См. также [Сейед Агаи Резаи 2013, с. 118-120].

довали с широким кругом носителей мазандеранского языка, особенно лицами, занимающимися рыбным хозяйством и имеющими соответствующие навыки в данной области – местными крестьянами, рыбаками, владельцами судов и торговцами рыбой.

Для изучения проблемы русских заимствований мы пользовались «Этимологическим словарем русского языка» М. Фасмера, а также рядом толковых словарей русского языка. Таким образом, был составлен список русских заимствований в мазандеранском языке.

Сходные заимствования известны и в нормативном персидском языке и в различных его диалектах. Поскольку эта лексика неоднократно рассматривалась и анализировалась⁴, здесь мы сосредоточим внимание на анализе русских заимствований в мазандеранском языке, а также рассмотрим те заимствования в персидском языке, которые имеют особенности в употреблении.

1. Белуга

Регион распространения термина: Бехшехр, Баболь, Амоль *bulkə* /بولکه/.

Мазандеранское *bulkə* (بولکه) – (лат. *Huso huso* Linnaeus, 1758)⁵.

Данная рыба распространена в Каспийском море. Для нереста в настоящее время она идет главным образом в Волгу. Встречается также по иранскому побережью южного Каспия, в период нереста идет в р. Горган.

Другое наименование этой рыбы в северных районах Ирана (Гиляне и Мазандеране) – *sagmāhi* (سگ ماهی) [Насри 1381/2002, с. 1375]. По правилам шариата рыба без чешуи, а также осетровые рыбы были запрещены (*haram*) к еде. Поэтому рыболовы называли их *sagmāhi* سگ ماهی и вылавливали очень редко. На севере Ирана в целом различные виды осетровых рыб рыбаки называют *sagmāhi* (سگ ماهی) [Ширзади 1381, с. 2426]. В г. Бабольсар эта рыба известна еще и как *biblukə* ببیلوکه.

⁴ [Садеги 1384/2005; Мохаммади 1385/2006; Аскари 1385/2006; Мошири 1371/ 1992; Абдолтаджедини 1390/ 2011].

⁵ В целом белуги (лат. *Huso*) – род рыб семейства осетровых, сюда включаются два вида: белуга (*Huso huso*) – европейский вид, и калуга (*Huso dauricus*) – дальневосточный вид [Кардовани 1374/1995, с.138].

Название *kāluga* (کالوگا) вошло в персидский из русского языка, данная рыба не имеет персидского названия [Кардовани 1374/1995, с. 138]. С точки зрения фонетики переход «г» в «к» весьма вероятен и может считаться распространенным фонетическим явлением, так как эти согласные близки по месту и по способу образования.

2. Кефаль

В 1930-1934 гг. в Советском Союзе была предпринята попытка переселения черноморских кефалей в Каспийское море. В этом водоеме прижились остронос (*Liza aurata* Risso, 1810) и сингиль (*Liza saliens* Risso, 1810), которые быстро размножились. Уже в 1937 г. они дали возможность начать промысловый лов. В настоящее время на юге преобладает остронос, а кефали сингиль (виды рода *Mugil*) ушли в средний Каспий.

В мазандеранский язык вошел воспринятый из русского термин *kafāl* (کفال), обозначающий один из видов этой промысловой рыбы. Другое ее местное наименование в Мазандеране – *sangin jiger-dār* (سنگین جیگردار) [Насри 1381/ 2002, с. 1655], букв. «имеющая тяжелую печень».

3. Килька

Регион распространения термина: Восточный Астрабад, Бехшахр, Сари, Баболь, Амоль, Гаемшахр *kilkā* (کیلکا).

Каспийская килька (обыкновенная, анчоусовидная и большеглазая) *kilkā* (کیلکا), тюлька (лат. *Clupeonella*) включает 4 вида мелких сельдевых рыб, обитающих в Каспийском море и его бассейне (а также на Черном и Азовском морях). Каспийская обыкновенная килька (лат. *Clupeonella delicatula caspia*), анчоусовидная килька (*C. engrauliformis*) и большеглазая килька (*C. macrophthalma*) обитают в Южном и Среднем Каспии, заходя на север Каспийского моря и его бассейн.

В мазандеранском языке это слово обозначает местную небольшую промысловую рыбу семейства сельдевых. В этом значении термин *kilkā* (کیلکا) зафиксирован и в персидском словаре Х. Анвари, однако его происхождение не указано: *kilkā* (کیلکا) ‘небольшая рыба, обитающая в Каспийском море’ [Анвары 1382/2003, VI, с. 6050].

Исконное название этой рыбы в Мазандеране *rizzā kuli* (ریزه کولی), букв. ‘мелкая рыбка’ [Баримани 1335/1956, с. 223]. Ср.

гил. *rizə-kuli* ‘мелкая рыбка’, а также *siya-kuli* ‘рыбец, сырть’ (лат. *Vimba vimba*) – рыба из семейства карповых. Обитает в бассейне Каспийского моря [Жеримова и др. 1980].

Добыча этой рыбы началась в России в начале XX века, а в Иране во второй его половине. Данный вид рыбы, обитающий на юге Каспийского моря и имеющий местное название, широко распространен на севере Ирана. В силу этого можно полагать, что новое дополнительное название рыбы в языке, сходное с русским «килька», заимствовано из русского языка, но с переносом ударения (*kilkā*).

По Фасмеру, русское *килька*, также *килец* (*Clupea latulus*), заимствовано из эстонского *kilu* или финского *kilo*, а прибалтийско-финские слова происходят из германского названия *киля*, потому что рыба характеризуется наличием в нижней части тела яркого выраженного киля [Фасмер 1986, т. II, с. 233].

4. Осётр

Крупная промысловая рыба семейства осетровых, ценная своим мясом и икрой (лат. *Acipenser*). Эта рыба встречается в бассейнах Черного, Каспийского и Азовского морей и разделяется на два типа: русский (лат. *Acipenser gueldenstaedtii*) и персидский (лат. *Acipenser persicus*).

Данное слово не зафиксировано в словарях, но широко известно среди тех, кто связан с рыбным промыслом, в формах *āstrā* (استرا) и *sətrə* (سِتر). Мы обнаружили и впервые записали этот термин в районе Бабольсара. Оба варианта претерпели фонетические изменения в силу стечения согласных в русском языке и трудностей в произношении, возникающих в связи с этим в мазандеранском языке. В связи с первым можно указать на известную статью Дж. Ш. Гиунашвили о происхождении персидского слова «стакан» и разработку фонетических особенностей при передаче заимствований [Гиунашвили 1976].

Другое название, употребляемое в Мазандеране для обозначения русского осетра, – *čālbāš* (چالباش) [Сотуде 1332/1953, с. 48].

В Гиляне эта рыба известна как *tāsmāhi* (تاس ماهی), кроме того, она носит еще название *əstor rusi* (استور روسی), букв. ‘русский осётр’. У Мараши находим: «*tāsmāhi* (تاس ماهی): از انواع استورها، این ماهی را استور روسی هم میگویند» ‘рыба из семейства осетровых, она еще называется «русский осётр», лат. *Acipenser gueldenstaedtii*» [Мараши 1363/1984, с. 131].

5. Севрюга

Севрюга (лат. *Acipenser stellatus*) – исчезающий вид семейства осетровых, широко распространенный в бассейнах Черного, Каспийского и Азовского морей.

В целом, местное наименование этой рыбы, распространенное среди мазандеранцев, описательное – *nuk derāz* (نوڪ دراز), букв. ‘с длинным рылом’. Рыба получила такое наименование, так как у нее очень длинное, узкое и уплощенное рыло, его длина составляет 59-65% длины головы [Надери, Абдоли 1383/2004, с. 5]. Можно добавить, что некоторые заимствованные слова (региональные заимствования или слова, вошедшие в язык устным/письменным путем) обозначают такие явления или предметы, которые до этого уже имели исконное наименование⁶.

В ходе наших полевых сборов 2012-2013 мы обнаружили название этой рыбы, не зафиксированное в словарях мазандеранского языка в целом. Однако, поскольку ее ловят в районе г. Бабольсар, среди местных рыбаков она известна как *sibluka* (سيبلوڪه)⁷ и *sebergə* (سيبرگه)⁸. Представляется, что обе указанных формы являются заимствованиями из русского языка. Знаменательно, что эти названия в ходу в основном среди старых и опытных рыболовов.

Другие наименования данной рыбы, зафиксированные в табари – *uzun-borun* (زون برون) и *bakrə* (بكره) [Насри 1381/ 2002: 174, 297]. В гилянском языке эта рыба носит название *uzun-burun* (زون برون). А. Мараша приводит такие формы и значения, как: *əstor* (استور), *derāz puzə* (دراز پوزه), букв. ‘имеющая длинное рыло’ [Мараша 1363/1984, с. 73]. Вероятно, *əstor* (استور) в гилянском

⁶ Так, например, вошло в русский язык заимствованное «репортаж» из французского при исконно русском «рассказ» для уточнения и детализация соответствующего понятия [Введенская 1987, с. 60-61].

⁷ К рус. диалектным формам, ср. *себель*, *сибиль* ж. южн. ‘рыбка *Alburnus lucidus*’, *сибиль* ж. орл. ‘мелкая рыбишка, мальга, малявка снетки’ [Даль], *себёлик*, м. ‘рыба уклеяйка’ [Словарь русских народных говоров 2003, с. 37].

⁸ Ср. рус. говорное: *северюга*, ж. ‘рыба севрюга’: *У северюги нос толстый*. Параб. Том., 1964; *севрюга* ж. ‘шеврюга, красная (хрящевая) рыба / *Acipenser stellatus*, похожая на осетра, а еще более на шипа, долгорылая’, южн. ‘пестрюга’; *севрюжий лов*; *севрюжий клей*, *икра*; *севрюжина* ж. ‘мясо севрюги’ [Словарь русских народных говоров 2003, с. 37].

имеет русское происхождение. По мнению М. Сотуде, слово *uzun-burun* (انزون برون) вошло в гилянский из одного из тюркских языков [Сотуде 1332/1953, с. 15].

Для русского языка В.И. Даль зафиксировал это слово как диалектное, наряду с *шеврога* и южн. *перстрюга*. М. Фасмер отмечает, что оно присутствует уже в «Хожении» Ф.А. Котова [Котов 1625, с. 112], и считает, что оно восходит к татарскому *söirök* (таранчинско-кульджинский говор центрального диалекта уйгурского языка *sürük*) из *söwrük* ‘острый’ [Сотуде 1332/1953, с. 15].

Можно предположить, что две формы, которые отмечены в мазандеранском языке были заимствованы из разных говоров или диалектов.

6. Сельдь, селёдка

В русском языке каспийская сельдь (разновидности: царская, залом (бешенка, черноспинка), пузанковая) – это небольшая морская рыба семейства сельдевых (лат. *Clupeidae*), употребляемая в пищу обычно в соленом, маринованном или копченом виде.

В мазандеранских словарях это слово зафиксировано без указания на конкретный вид рыбы – *soludkā* (سولودکا) (так произносится в городе Ношахре).

В гилянском словаре А. Мараша оно дано в слегка отличном фонетически облике *suletkā* (سولتک) или *salitkā* (سلیتکا) с указанием, что это русское заимствование. Там же приведено сложносоставное слово, образованное на его основе – *suletkā-mārenyār* (سولتکامار نیار), известный продукт Организации рыболовства и рыбоводства «Шилат» Ирана (на севере Ирана), представляющий собой консервированный посол сельди в маринаде из лаврового листа, индийских специй, корицы и уксуса⁹. При этом отмечается, что главными потребителями этого продукта являются русские, живущие в Иране [Мараша 1363/1984, с. 268]. Наличие этого слова в гилянском языке и указание на заимствование в гилянском из русского языка подтверждают предположение, что население северных районов Ирана позаимствовало это слово у северных соседей. См., например, «Русско-персидский словарь»

⁹ В России с конца XIX в. была выработана особая техника посола, отличная от заграничных способов соления морской сельди (URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Астраханская_сельдь).

И.К. Овчинниковой, где *селёдка* зафиксирована в значении ‘засоленная рыба’.

В мазандеранском и гилянском языках рыбы из семейства сельдевых называются обычно *šag* (شگ) или *zālon* (زان) [Надери 1383/2004, с. 8-11]. Так что весьма вероятно, что русское *залом* (лат. *Alosa kessleri*) вошло в языки северного Ирана. По произношению русская и мазандеранская формы очень близки и отличаются только последним согласным «м» – «н». Одним из распространенных фонетических явлений в связи с русскими заимствованными словами в мазандеранском языке является переход гласного «ё/о» в «у», как в слове *селёдка* → *soludkā*.

7. Шип

Шип (лат. *Acipenser nudiventris*) – вид осетровых рыб, обитающих в Каспийском море преимущественно в южной части, откуда на икрометание идет обычно в Куру, а в иранской части в Сефидруд. Название этой рыбы вошло и в гилянский, мазандеранский и персидский языки в форме – *šip* (شيب) [Надери 1383/2004, с. 3]. В гилянском диалектном словаре зафиксировано слово в форме *šib* (شيب). Оглушение конечного согласного является распространенным фонетическим явлением, кроме того, по месту и способу образования «п» и «б» сходны (оба согласных принадлежат к губно-губному и взрывному разрядам).

8. Щука

Регион распространения термина: Бехшахр, Сари, Баболь, Амоль → /čəkāb/; Гаемшахр, Аббас-Абад → /čekāb/

В мазандеранском языке *چکا* (*čekā*) обозначает хищную пресноводную рыбу щуку (лат. *Esox lucius*). Это рыба отряда лососеобразных, семейства щуковых. В Мазандеране бытует и другое название этой рыбы, возможно, исконное, /buk tək/ *بوک تک*, букв. ‘рыло как утиный клюв’ [Ширзади 1381/2002, с. 2423]. С. Кия отмечает, что в книге Аболбага Камалодина Дамири «Свойства животных» («*Xavās-ol-heyvān*») (742-808 г. лунной хиджры / 1404-1470), переведенной по приказу Шах-Аббаса, одного из шахов Ирана династии Сефевидов, с арабского языка на персидский, название этой рыбы зафиксировано в виде *šakāb* (شکاب) [Кия 1327/1948, с. 107].

Русское заимствованное слово *щука* в гилянском языке употребляется в форме *šuk* (شوک) или *urdək-māyi* (اوردک مایي). По-

видимому, последнее заимствовано из персидского языка. М. Сотуде дает другое название этой рыбы – *qorsəkamar* (قرص کمر), букв. ‘таблетка от поясницы’, что восходит к поверью, что употребление мяса шуки в пищу помогает укреплению поясницы [Сотуде 1332/1953, с. 7].

Фонетический переход «щ» в «ш»/«ч» в мазандеранском языке можно отнести за счет сходства согласных по месту образования (так как оба согласных принадлежат к переднеязычным, небо-зубным), а также отсутствия в иранских языках звука «щ»¹⁰.

У А.А. Садеги форма *šukā* (شوکا) с тем же значением зафиксирована как русское заимствование в персидском языке (1384/2005, с. 39).

Кроме данных глубоко укорененных названий рыб в прикаспийских языках можно упомянуть ряд наименований, которые сохранились только в научной литературе. Это связано с тем, что работы по акклиматизации рыб в Каспийском море были проведены в 1902 г. русскими специалистами. Этот опыт не дал ожидаемого результата. Акклиматизация кефалей, камбалы (лат. *Pleuropectes flesus*), хамсы (лат. *Engraulis engraulis*), султанки (лат. *Mullus barbatus*) была повторена в 30-е годы XX в. [Баримани 1355/1956, с. 260]. Султанка (барабулька) в Каспии не привилась, так же как и азовская хамса (анчоус). Было даже выдвинуто предложение о вселении в Каспийское море других рыб, таких как сарган (лат. *Belone belone*), лобан (лат. *Mugil cephalus*), салака (лат. *Clupea harengus membras*), которое не было реализовано.

В результате русские названия этих рыб остались лишь в персидских научных трудах, принадлежащих тому периоду, см., например: *خامسا xāmsā*, *باربولکا bārbulkā* или *سولتانکا sultānkā* или *باربول bārbul*, *سارگان sārgān*, *لوبان lubān*, *سالاکا sālākā* [Баримани 1335, с. 266, 271]. Кроме того, проводилась акклиматизация растительных рыб – белого амура, обитающего в бассейне Амура, в водоемах Средней Азии и юга европейской части СССР в 60-х гг. XX в. Впервые эти рыбы были вселены в водоемы Ирана (Бендер-Энзели) в 1343 г.х. В настоящее время они обитают в большинстве водоемов Ирана [Надери 1383, с. 36]. Белый амур исключительно травоядная рыба, питающаяся водорослями. Название

¹⁰ При этом интересно, что в мазандеранском есть слово, близкое по произношению, но с отличным значением: *šukā* (شوکا) «вид лани».

этой рыбы вошло из русского в персидский, гилянский и мазандеранский языки в форме *ātur* (آمور), так как сама рыба была введена в Каспийское море русскими специалистами. Таким образом, и это слово можно считать русским заимствованием.

Заключение

Итак, в силу экономических, политических, культурных контактов в мазандеранском языке появился ряд заимствованных слов. Новые слова вливались в мазандеранский язык из русского в силу внедрения в жизнь реалий, новых для мазандеранцев. Анализ рассмотренной лексики позволяет сделать следующие выводы:

1. В общественно-бытовой сфере жизни населения севера Ирана отмечен значительный слой русской заимствованной лексики. Это особенно касается деятельности, связанной с морем, рыбными промыслами, торговлей рыбой, а также названий рыб.

2. Многие названия по фонетическому облику и значению лишь незначительно отличаются от их русского эквивалента (*белуга, осётр, севрюга, сельдька*).

Некоторые заимствования сохраняют русское произношение и не имеют фонетических отклонений (впрочем, иногда ударение по правилам мазандеранского языка падает на последний слог слова, например, в слове *kilkā*). В других случаях в связи с русскими заимствованными словами в мазандеранском языке наблюдается закономерный переход, например переход гласного «ё/о» в «у» в слове *сельдька* → *soludkā*.

Литература

1. Бартольд В.В. Собрание сочинений: в 9 томах. М.: Наука, 1963-1977.
2. Введенская Л.А. Русское слово. М.: Просвещение, 1987. 143 с.
3. Гиунашвили Дж.Ш. О происхождении персидского слова «стакан» // Иранское языкознание. М., 1976.
4. Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. СПб., 1775.
5. Даль В.И. *Толковый словарь* живого великорусского языка. В 4 т. II издание (1880-1882 гг.) [сайт]. URL: <http://vidahl.agava.ru>.
6. Керимова А.А., А.К. Мамед-заде, В.С. Расторгуева. Гилянско-русский словарь. М.: Наука, 1980.
7. Расторгуева В.С. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки // Основы Иранского языкознания. М.: Наука, 1982.

8. Расторгуева В.С. Сравнительно-историческая грамматика западно-иранских языков. М.: Наука, 1990.
9. Словарь русских народных говоров. СПб., 2003.
10. Сейед Агаи Резаи С.М. Рассмотрение русских заимствованных слов в мазандеранском диалекте в сфере рыбной промышленности // Национально-культурный компонент в тексте и языке. Материалы V Международной юбилейной научной конференции. Минск, 2013. С. 118-120.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачёва. В 4-х томах (2-е изд.). М.: Прогресс, 1986.
12. Шадрина Е. Большая каспийская икра // Индекс безопасности. 2007. № 1. С. 95.

На персидском языке

13. Абдолтаджедини Н. Вамважеха-йе руси дар забан-е фарси (Русские заимствованные слова в персидском языке). Университет «Тарбиат Модарес», Тегеран, 1390/ 2011.
14. Анвари Хасан. Фарханг-е бозорг-е Сохан {Большой словарь Сохан}. В 8 томах. Тегеран: Сохан, 1382/2003.
15. Аскари Л. Важеха-йедахил-е фарси дар руси (Персидские слова в русском языке) // Наме-йефархангестан. Тегеран. 1385/ 2006. 8, № 1.
16. Баримани Ахмад. Дарйа-йе Мазандаран {Каспийское море}. Тегеран: Изд-во Тегеранского университета, 1355/1956.
17. Деххода Али Акбар. Логатнаме-йе Деххода {Словарь Деххода}. В 14 томах. Тегеран: Изд-во Тегеранского университета, 1377/1998.
18. Джамалзаде Мохаммад Али. Тарих-е равабет-е Иран ва Рус {История отношений между Россией и Ираном}. Тегеран: Сохан, 1384/2005.
19. Зонн Е.С. Хазар дар се гарн: селселе-йе руйдадха дар гарн-е 18, 19 ва 20 {Каспий в период трех веков: события XVIII, XIX и XX веков} / пер. Али Шамси. Minister of Energy, Water Research Institutes, National Center for Caspian Studies, 1384/2005.
20. Кардовани Парвиз. Экосистемха-йе аби-йе Иран: Дарйа-йе Мазандаран {Водная экосистема Ирана: Каспийское море}. Тегеран: Гомес, 1374/1995.
21. Кия Садег. Важенаме-йе табари {Словарь табари}. Тегеран: Изд-во Тегеранского университета, 1327/1948.
22. Кия Садег. Важенаме-йе 67 гуйеш-е ирани {Словарь 67 диалектов Ирана}. Тегеран: Пажухешгах-е олум-е энсани ва моталеат-е фарханги, 1390/2011.
23. Кулагина Людмила. Талхис ва моарефи-йе кетаб-е ираншенаси дар Русийе {Обзор трудов и введение в иранистику в России} // Маджалле-йе ираншенаси. I. М., 1390/2011. С. 215-234.

24. Кулайан Дарвиш Али. Мазандарани ва санскрит-е келасик: Равайат-е важеха {Мазандеранский (язык) и классический санскрит}. Тегеран: Чешме, 1387/2008.
25. Мараша А. Важенаме-йе гуйеш-е гилаки бе энземам-е естелакхат ва зарболмасалха-йе гилаки {Гилянский диалектный словарь с индексом терминов и списком пословиц}. Рашт: Таати, 1363/1984.
26. Мельгунов Г.В. Каранеха-йе джонуби-йе дарйа-йе Хазар {Южное побережье Каспийского моря} / пер. Амир Хушанг Амини. Тегеран: Кетабсара, 1376/1997.
27. Моин Мохаммад. Фарханг-е фарси {Персидский словарь}. В 6 томах. Тегеран: Амир Кабир, 1362/1983.
28. Мохаммади М. Важеган-е руси дар фарси: тагйир-е вижеги-е маанаи-е анха {Русские слова в персидском: изменение их лексических особенностей} // Моассесе-йефарханги-е моталеати-е Русие, Асия-е марказиваГафгаз. 1385/ 2006. 1, № 2.
29. Мошири Махшид. Фарханг-е важеха-йе орупай дар фарси {Словарь европейских слов в персидском языке}. Тегеран: Нашр-е Алборз, 1371/ 1992.
30. Надери М., Абдоли А. Атлас-е махийан-е хоузе-йе джонуби-йе дарйа-йе Хазар: Абха-йе Иран {Атлас рыб южного бассейна Каспийского моря: Иранские воды}. Тегеран: Моассесе-йе тахигат-е шилат-е Иран, 1383/ 2004.
31. Наджаф-заде Барфоруш М.Б. Важенаме-йе Мазандарани {Мазандеранский словарь}. Тегеран: Бонйад-е Нейшабур, 1368/1989.
32. Насри Ашрафи Джахангир. Фарханг-е важеган-е табари {Словарь табари}. В 5 томах. Тегеран: Ехйа-йе кетаб, 1381/2002.
33. Нозад Ферейдун. Гиле гап {Гиле Гап}. Рашт: Университет Гиляна, 1381/2002.
34. Оранский И.М. Забанха-йе ирани {Иранские языки} / пер. А.А. Садеги. Тегеран: Сохан, 1378/1999.
35. Садеги А.А. Каламат-е руси дар забан-е фарси {Русские слова в персидском языке} // Забаншенаси. 1384/2005. 20, № 2.
36. Сотудех Манучехр. Фарханг-е гилаки {Гилянский словарь}. Тегеран: Изд-во Общества Ираншенаси, 1332/1953.
37. Хомайун Насер. Саргозашт-е дарйа-йе Мазандаран {История Каспийского моря}. Тегеран: Дафтаре пажухешха-йе фарханги. 1380/2001.
38. Ширзади Ахудашти Али. Нам-е важеган-е махийан ва абзийан-е дарйа-йе Хазар {Названия рыб и экосистема Каспийского моря} // Насри Ашрафи Джахангир. Фарханг-е важеган-е табари. Тегеран: Ехйа-йе кетаб, 1381/2002.

К этимологии персидского *dāstur*

Согласно персидско-русскому словарю Ю.А. Рубинчика, существительное *dāstur* имеет следующие значения: (1) 'инструкция, предписание; указание, директива; (2) правила, порядок; (3) грамматика; (4) разрешение, дозволение; пропуск, допуск (уст.)'. Согласно тому же источнику, квазиомонимичная лексема *dāstur* / *dostur* имеет значения 'министр, главный жрец у зороастрийцев' [Рубинчик 1970, I, с. 639b]. Нет никакого сомнения в генетическом родстве обоих существительных, непосредственно восходящих к среднеперсидскому термину *dastwar* 'authority, priest minister' [Mackenzie 1971, с. 25]. Однако дальнейшая этимология данного термина является предметом дискуссии среди иранистов.

Все согласны с тем, что этот композит следует реконструировать как **dastV-bara-* на общеиранском уровне, и что второй его компонент восходит к ир. $\sqrt{\text{bar}}$ 'нести', но происхождение элемента **dastV-* является дискуссионным. Большинство исследователей принимают его связь с ир. $\sqrt{\text{danh}}$ 'учить', чьи финитные формы засвидетельствованы лишь в авестийском языке [Cheung 2007, с. 56-57]. В числе работ, соглашающихся с этой этимологией, можно назвать [Horn 1893, #568], [Bartholomae 1904, с. 745], [Bailey 1945, с. 8], [Nyberg 1974, с. 59], [Perikhanian 1997, с. 348] и [Расторгуева, Эдельман 2000-2007, т. II, с. 328]. С другой стороны, Вернер Зундерман в ряде своих работ ([Kudara, Sundermann 1987, с. 344, сноска 34], [Sundermann 1992, с. 79, сноска 55] и [Sundermann 1994, с. 321, сноска 40]) приводит веские доводы в пользу связи этого элемента с существительным **dasta-* 'рука', опираясь на тексты из Турфана, и, в частности, на согдийские источники, не оспаривая при этом прямо традиционную этимологию. Я полагаю, что аргументы Зундермана представляют собой шаг в правильном направлении, но для того, чтобы сделать из них должные выводы, требуется более полное и систематическое представление среднеиранского материала.

Контексты, приводимые ниже, призваны уточнить основные значения лексемы *dastwar* в книжном пехлеви:

- (1) Ardā-Virāz Nāmag (H6) 2 4–7 (P), [Vahman 1986, с. 79]
 pas az ān mardōm-ān ī Ērān-šahr ēk abar did āšōb ud
 после от то народ-PL IZF Иран-царство один на другой смятение и
 pahikār būd ciyōn=išān xwadāy ud dahibed ud sālār ud **dastwar**
 бой быть.3SG.PST ибо=они.OBL господин и правитель и вождь и авторитет
 ī dēn-āgāh nē būd ud pad tis ī yazad-ān <andar> gumān
 IZF вера-сведущий не быть.3SG и о дело IZF бог-PL в сомнение
 būd hēnd
 быть.PST AUX.PRF.3SG

После этого для народа Ирана настали смятения и взаимные междоусобицы, и поскольку не было меж ними господина, правителя, вождя или **авторитета**, сведущего в делах религии, они были в сомнении относительно того, что касалось богов.

- (2) Hazār Dādestān 5 9–11 (P), [Macuch 1988, с. 181]
 ka pēšēmar pad ēn ku xwāstag man xwēš ud abadišāyīhā
 когда истец о это COMP вещь я.GEN свой и незаконно
 pasēmar dār-ēd pasēmar hamēmar, pasēmar nē xwēšīh
 ответчик иметь-3SG.PRES ответчик противник ответчик не собственность
 pēšēmar pad tāšt gōw-ēd, pas ō zaman ō
 истец при уверенность(?) говорить-3SG.PRES тогда DAT время DAT
dastwar xwāh-ēd
 податель требовать-3SG.PRES

Когда истец спорит с ответчиком: «Эта вещь моя и ответчик владеет ей незаконно», а ответчик решительно (?) говорит «(это) не собственность истца», то он требует (тем самым) присутствия **подателя** (как удостоверяющего лица).

- (3) Dādestān ī dēnīg 2 17 (P), [Jaafari-Dehaghi 1998, с. 46–47]
 ēd se wehīh ī ōšmurd parwastag andar dō rāh ī pēšēnīg-ān
 это три добродетель IZF перечисленный объятый в два путь IZF древний-PL
 guft ī ast dānišnīg grift-an <ud> dānišnīg hišt-an.
 сказанный IZF быть.3SG.PRES мудро получать-INF и мудро оставлять-INF
 ī=š abzārīh xrad <ud> frārōn tuxšāgīh. u=š **dastwar**
 REL=он.OBJ орудие разум и честный усердие. и=он.OBJ наставление
 ān ī rāyēnidārīh (ān abāg dēn ī yazad-ān rāstīhā dāšt-an). u=š
 то IZF *rāyēnidārīh* то с вера IZF язад-PL правильно держать-INF и=он.OBJ
 bun abēzag-menišnīh ī rāstīhā pad wahmanīgīhā wēhīh
 основа чистый-медитация IZF правильно по по.вахмановски милость

Эти три вышеперечисленные добродетели сводятся к двум путям, указанным древними, то есть мудрому обретению и мудрому остав-

лению. Их оружие – это разум и надлежащее усердие, их **наставление** – это *rāyēnīdārīh* (то есть вести себя правильно с точки зрения религии язатов), их основа – это чистая правильная медитация по милости Вахмана.

На основании этих примеров можно убедиться, что среднеперсидское *dastwar*, подобно русскому слову ‘авторитет’, может указывать как на человека, так и на его характерную функцию. В конкретном значении, эта лексема может указывать на авторитетное лицо в широком (например, религиозном) смысле (1) или являться юридическим термином (2). Как показала Мария Мацух, *dastwar* употребляется в пехлевийских юридических текстах как эквивалент термина *auctor* римского права, то есть по отношению к предыдущему распорядителю собственности, обязанному подтвердить акт ее передачи в случае имущественных претензий, возникающих по отношению к ее новому владельцу [Macuch 1988] ¹. В абстрактном значении ср.-перс. *dastwar* значило скорее не ‘авторитет’, а ‘задача, наставление’ (3). Среднеперсидское производное *dastwarīh* могло использоваться также в значении ‘разрешение’ (ср., например, [Williams 1990, I, с. 295]). В классическом персидском языке лексема *dastūr* стала употребляться как титул главного зороастрийского жреца, сохранив при этом свое абстрактное значение ‘правило, разрешение’.

Если ограничиться рассмотрением пехлевийских данных, деривация *dastwar* из ир. √ *danh* ‘учить’ кажется вполне правдоподобной. Этот композит формально возводим к **dastu-bara-* или **dasti-bara-*, и, в зависимости от того, интерпретируется ли его вторая часть как *nomen agentis* или *nomen actionis*, он мог бы означать *‘тот, кто дает инструкции’ или *‘давание инструкций’. Хотя ни **dastu-*, ни **dasti-* прямо не засвидетельствовано в древнеиранских языках, ав. *dastuuā-* ‘учение, доктрина’ является вероятной *vrddhi*-зацией **dastu-*. Производные ир. √ *danh* также выделяются в парф. *dst* ‘способный’, ср.-перс. *dstn* ‘могучий, способный’ [Durkin-Meisterernst 2004, с. 142b] и хот. *dašta-* ‘искусный’ [Bailey 1979, с. 53-54], которые обычно возводятся к причастию прошедшего времени **dasta-*.

¹ Полное определение понятия *auctor* римского права можно найти в словаре [Berger 1953, с. 368].

Это объяснение, однако, теряет значительную долю своей привлекательности, если обратиться к среднеперсидским манихейским текстам из Турфана. Уместно начать анализ со следующей посвячительной формулы:

- (4) Berl. M 1 / Mahrnāmag 8–14 (M), [Müller 1912, с. 9]
 nywš'g 'y hwrw'n 'y tngryyδ' xwt bwlmys 'lp bylg'h 'wygwr
 послушник IZF благочестивый Ай Тенгрида Кут Булмыш Алп Билге уйгур
 xng'n **dštwr** 'y prystg-'n prwr'g 'y 'rd'w-'n p'k-'n
 каган покровитель IZF апостол-PL опекун IZF праведник-PL чистый -PL

Благочестивому послушнику, Ай Тенгрида Кут Булмыш Алп Биле, кагану уйгуров, **покровителю** апостолов, опекуну пречистых праведников (*electi*)...

Очевидно, что турфанские манихеи не могли считать уйгурского кагана, имевшего скромный ранг послушника (*auditor*), своим духовным лидером. Отношения между тюркскими правителями княжества Кочо и местной манихейской общиной носили характер светского патронажа. Семантическое развитие 'учитель' > 'авторитет' > 'покровитель' > 'гарант' является вполне допустимым, но развитие в противоположном направлении также не менее естественно. Чтобы реконструировать семантическую историю ср.-перс. *dastwar*, следует рассмотреть близкородственные лексемы в других среднеиранских языках. Древнейший случай употребления родственного композита обнаруживается в бактрийском брачном контракте IV века н. э.

- (5) A 3–5, [Sims-Williams 2000, с. 33]
 кѝдо і ѡνдо лиβо ζав-ivдо тадо аβо μ-аско пѝдоаμуо
 кто IZF данный документ заверять-3PL.PRS итак на ART-выше подпись
 воβѝхт-iv-ivдо одо кѝдо і ѡνдо лиβо ваζав-ivдо
 писать-PRF-3PL и кто IZF данный документ не-заверять-3PL.PRS
 тадо=иηво аβо μо vηуо **листо-βаро кѝрдо**
 итак=он.PL.OBL на ART другой рука-приложение делать.PST

Те, кто заверяют настоящий документ, поставили на нем подписи, а те, кто не заверяют настоящий документ, **приложили руку** к другому².

² Иначе Симс-Уильямс (*loc. cit.*): "... and those, who do not witness the present document, put (their signatures) on the other manuscript". Этот перевод опирается на сравнение бактр. *листоβаро* и согд. *δst(w)βry* 'руко-

Прагматику этой юридической формулы можно реконструировать следующим образом. Условия брачного контракта были отражены в двух документах или в двух копиях одного и того же документа. К их заверению были привлечены две различные группы свидетелей со сходными функциями. Если моя реконструкция является правильной, то выражения *αβο μασκο πιδονααυο νοβιχτιυυδο* ‘поставили на нем подписи’ и *λιστοβαρο κιρδο* являются синонимичными. Это предположение подтверждается внутренней формой композита *λιστοβαρο*, который можно перевести поморфемно как ‘руко-несение’. Выражение *приложить руку* в значении ‘подписать, завизировать’ хорошо известно из канцелярского языка Российского царства³.

Бактр. *λιστοβαρο* позволяет лучше понять употребление ср.-перс. *dastwar* в юридических текстах в значении ‘*auctor*’. Хотя *dastwar* в примере (2) не является свидетелем, предполагается, что он «приложил руку» к акту передачи оспариваемого имущества, поручившись тем самым за его правомочность⁴. Поскольку уйгурский каган в примере (24) очевидным образом являлся гарантом благосостояния манихейской общины, здесь можно видеть переносное употребление того же юридического термина.

пись’, но употребление *κιρδο* ‘сделано’ в качестве грамматического глагола, отражающего сочинительное сокращение VP подобно англ. *did*, не находит параллелей в известных мне бактрийских текстах. Исправленный и дополненный бактрийский глоссарий Симс-Уильямса [Sims-Williams 2007, с. 180-286] признает возможность настоящего перевода *λιστοβαρο*, впервые предложенного в работе [Yakubovich 2004].

³ Ср. следующую цитату из инаугурационной декларации Джорджа Буша младшего: “In witness thereof, I have hereunto set my hand this twentieth day of January, in the year of our Lord two thousand one”. В качестве примера лексикализации «приложения руки» в юридическом контексте, ср. лат. *manumissio* ‘отпущение на волю (раба)’.

⁴ Помимо прямого значения ‘рука’, бактр. *λιστο* имеет также переносное значение ‘поручение’, которое устанавливается в контексте T 14–15 *σπασο σπισο οδο ιανο οδο αγαλγο χωζο ασο μαναγγο λιστο οδο ασο μαν[αγγ]ο πορο ο[δ]ασο βαρηδαγανιο μαρδο* ‘служи службу и обращайся с молитвами и просьбами (к богу Камирду) по моему поручению, и моего сына, и людей рода Бредага’ (иначе [Sims-Williams 2000, p. 102]. Ср. также согдийскую идиому *pr dstw wn-* (C) ‘поручать’ [Gershevitch 1954, § 1141; Provasi 2005, с. 117].

Анализ приведенных выше примеров позволяет осторожно выдвинуть гипотезу о существовании термина **dastabara-* ‘приложение руки; тот, кто прикладывает руку’ в ахеменидском бюрократическом аргоне, который был унаследован в среднеперсидском и заимствован в бактрийский. Это предположение может быть подвергнуто дальнейшей проверке на согдийском материале.

Согдийский композит /*δastβārē*/, имевший конкретное значение ‘палка’ и более абстрактное значение ‘инструмент, средство’, следует отличать от формы /*δastuβārē*/ ‘манускрипт’ [Benveniste 1955, с. 315-316; Kudara, Sundermann 1987, с. 344, сноска 34]⁵. Сюда же следует добавить *dstbry* (C) ‘handiwork’ в переводе Псалма 19.1 [Schwartz 1974, с. 260] и *dstwb'ry* (C) ‘id.’ в рукописи манускрипта C 2 [Sims-Williams 1985, с. 210]. Семантика этих форм не оставляет сомнения, что они образованы сочетанием **dasta-* ‘рука’ и $\sqrt{\text{bar}}$ ‘нести, (в *композициях*) производить’, но здесь мы возможно имеем дело с недавними образованиями, поскольку они не находят параллелей в данных значениях вне согдийского. Большой интерес представляет идиома **δastβar (niy)ās-* ‘завладеть, наложить руку’. Слово сочетание *ny 'st dstbr* (C) ‘не завладевает’ встречается в пока не опубликованной рукописи манускрипта C 3 [Sundermann 1992, с. 79, сноска 55], но другие два примера, соответственно принадлежащие буддийской и манихейской традиции, достаточны для иллюстрации значения этого идиоматического оборота.

(6) SCE 374–376 (S), [MacKenzie 1970, с. 22]

xwnx	mrt'y	ZKZY	'xt'w	βw-t		''z-βr'y		rty	'w
тот	человек	REL	судья	статья-3SG.PRES	жадность-несущий.М	CONN	ART	ACC	
'nyw	хурδ	γr'm'y		δstβ'r		''s-t		rty	'YK'
другой	свой	имущество	рука-наложение	взять-3SG.PRS	CONN	как			
мур-ty	'wyH	y't'k-myn-c	γr'	tm-yH	'np-t				
умирать-3SG.PRS	ART	LOC	мяс-ной-F	гора-NOM	ад-LOC	попадать-3SG.PRS			

Тот человек, который является корыстолюбивым судьей и **накладывает руку** на чужое имущество, когда умирает, попадает в ад «гора из мяса».

⁵ Кудара и Зундерман (*op. cit.*) восстанавливают этот композит как **δastβārē*, но его засвидетельствованные формы *δstwβry* (S) и *δst'wβry* (S) говорят в пользу сохранения окончания винительного падежа в элементе *δastu-*, указывая тем самым на поздний характер словосложения.

- (7) Berl. M 129 R 8–11 (M), [Sundermann 1994, с. 318–319]
 су-(wy)ḏḏ ’’γт kw mrtxmyy-тt s’r ’ty ’hw’yy **ḏst-βry**
 от-тот.OBJ прийти.3SG.PST к человек-PL PSTP и Ева рука-наложение
nyy’s p’rty=šy tmb’r t’wnd-yu ’ty gwxšn-yu wm’t
 взять.3SG.IMPF ибо=он.GEN тело сильный-М и светлый-М быть.3SG.PST

Затем он (Иисус) пришел к людям и **завладел** Евой, ибо тело ее было сильным и полным света.

С формальной стороны следует заметить, что три транслитерации **ḏastβar* в обсуждаемой идиоме не сводимы к одной транскрипции. Христианскую форму нужно интерпретировать как легкую основу без окончания /ḏastβar/, буддийская форма, скорее всего, является тяжелой основой /ḏastβār/⁶, а манихейская форма, вероятно, представляет собой производную основу /ḏastβar-ē/. Одним из возможных объяснений этого разнообразия форм является заимствование согд. **ḏastβar* из некоего средне-иранского языка без именного склонения, такого как бактрийский или парфянский. В этом случае /ḏastβar/ – это архаичная форма, а /ḏastβār/ и /ḏastβar-ē/ – это два различных способа ее адаптации к требованиям ритмического закона. С семантической точки зрения, мы явно имеем дело с метафорическим употреблением **ḏastβar* как в (6), так и в (7): судье не нужно действовать своими руками, чтобы завладеть чужим имуществом, и манихейский Иисус едва ли завладел Евой при помощи рук. В обоих случаях **ḏastβar* выступает в функции обстоятельсва образа действия, модифицирующего предикат (*niy*)ās- ‘брать, хватать’ и придающего ему более официальный оттенок. Это хорошо согласуется с гипотезой о том, что **dasta-bara-* ‘приложение руки’ первоначально принадлежало языку ахеменидских канцелярий.

Существуют, однако, также и такие примеры, где рефлекс **dasta-bara-* в согдийском близки по своей семантике к средне-

⁶ Разумеется, в буддийских текстах иногда возможно *scriptio plene*, то есть написание алефа для обозначения краткого [a] [Лившиц, Хромов 1981, с. 372; Sims-Williams 1989, с. 177]. При такой интерпретации, однако, мы имели бы дело с формой, не подчиняющейся согдийскому ритмическому закону (наиболее полную формулировку которого можно найти в работе [Sims-Williams 1984]).

персидскому *dastwar* и классическому персидскому *dastūr*. Так, например, *δstwβ/r* /y/ (S) употребляется в синонимической паре с *frm'nw* ‘приказ’ в манихейском письме Bez A 19 [Yoshida, Moriyasu 2000, с. 145]. Для наших целей, однако, наиболее интересны контексты, которые релевантны для анализа внутренней формы рассматриваемого композита.

- (8) Berl. So 18196 9–13 (S), [Sundermann 1992, с. 78–79]

βγ-yšt-y **δst-βry** 'δw' [šyr]w 'yrznw frnxwnt
 бог-PL-OBL рука-приложение два очень достойный славный
 pδ-y 'xš'wn-δ'r βγ-y 'wywγr 'xšywny
 племя(?) GEN власть-обладатель господин-NOM уйгур царь

Обладатель мандата богов, господин, повелевающий двумя очень славными и достойными племенами (?), царь уйгуров...

- (9) Mуг В-4 R 21 – V 3 (S), [Лившиц 1962, с. 57]

ZY ms cw MLK' dyw'st[y]c ZKn xwβ wnyk'm δ't-y
 и далее если царь Деваштич ART.GEN.M князь чиновник закон-OBL

δst-β'r **kwn-t** 'PZY š=n' m'y-δ 'rtkw 'spwrnw
 рука-приложение делать-3SG.SBJV чтобы он.OBJ=бы этот.OBJ мука полностью

prwyδ-t rt=šw wysp-w m'xy'n 'M BRy 'M pδ
 искать-3SG.SBJV CONN=он.ACC весь-ACC Махйан с сын с род

βr-t ZY twyz-t
 нести-3SG.SBJV и платить.3SG.SBJV

И кроме того, если царь Деваштич **поручит** своим указом царскому чиновнику, чтобы (тот) взыскал сполна эту муку, то Махйан с сыновьями и семьей пусть отнесет и отдаст ее целиком.

Уйгурская титулатура примера (8), скорее всего, отражает влияние китайского концепта «небесного мандата» на официальную идеологию царства Кочо, но с точки зрения лексикографии его следует рассматривать вместе со среднеперсидским примером (4). Подобно тому, как боги выступают гарантами стабильности царской власти, царь может гарантировать привилегированный статус религиозной общины. Метафорическое употребление “приложения руки” в значении патронажа находит параллель в семантике англ. *endorse* ‘подписать, завизировать (*документ*); поддержать (*кандидата, предложение*)’. Пример (9) можно сравнить с классической персидской идиомой *dastūr kardān* ‘дать команду, поручить’, но выражение *δ'ty δstβ'r kwn't*, досл. ‘совер-

шить приложение руки к указу⁷, позволяет восстановить этимологию этой идиомы. Возможно, она исходно указывала на ситуацию, когда указы и другие государственные документы должны были скрепляться личной печатью царя или другого высокопоставленного лица, но уже в мугских документах она скорее всего употреблялась метафорически.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что среднеперсидский композит *dastwar* имеет лексические параллели в бактрийском и согдийском, причем их семантика прямо указывает на связь с **dasta-* ‘рука’. Особенно показательны согдийские данные, поскольку они позволяют проследить переход от более конкретных к более абстрактным значениям в одном и том же языке. Если согд. *ḍiβ'r* ‘поручение, мандат’ доказательно возводимо к **dastabara-* ‘приложение руки’, то наиболее экономичным решением является принятие той же этимологии для ср.-перс. *dastwar* ‘задача, наставление, разрешение’. Хотя ряд других значений ср.-перс. *dastwar* не имеет прямых параллелей в других среднеиранских языках, эти значения объяснимы как результат семантического развития внутри персидского. Так, например, значение ‘*auctor*’ можно интерпретировать как рефлекс *nomen agentis* **dastabara-* ‘тот, кто прикладывает руку’ или как результат метафорического развития *abstractum pro concreto* внутри среднеперсидского (*‘гарантия’ > ‘гарант’). В качестве типологической параллели к происхождению зороастрийского титула *dostur* можно упомянуть современный шиитский титул *hojjät-ol-eslâm*, досл. ‘доказательство ислама’⁷.

Гипотеза о связи современного персидского существительного *dästur* и ср.-перс. *dastwar* с ир. \sqrt{danh} ‘учить’ возникла в те годы, когда единственным известным иранским языком был среднеперсидский и, безусловно, имела право на существование в тот период. Однако привлечение восточноиранского материала делает ее неприемлемой. Даже привлечение корня \sqrt{danh} как источника контаминации, повлиявшего на семантическое развитие *dastwar*, представляется излишним.

Предположение о существовании ахеменидского юридического термина **dastabara-* может помочь в объяснении фонологических особенностей слова для ‘руки’ (*‘hand’*) в средне- и ново-

⁷ Я обязан этой параллелию личному сообщению Р. Шакахи (Берлин).

иранском. Хорошо известно, что парф. *dst*, бактр. *лсто*, согд. *δst-*, хот. *dasta-* и хор. *δst* ‘руки’, а также родственные слова в подавляющем большинстве новоиранских языков (кроме юго-западной группы), не соответствуют вед. *hásta-*, ав. *zasta-* ‘рука’ < и.-е. (виртуальное) **g’hes-to-*, а восходят к незасвидетельствованной праформе **dasta-*. Предположение о том, что др.-перс. *dasta-* ‘рука’ (регулярный рефлекс **g’hes-to-*) было прямо заимствовано в более поздние иранские языки, плохо согласуется с принципом устойчивости базисной лексики⁸, а реконструкция общеиранского **dasta-* через диссимиляцию **zasta-* или контаминацию этой формы с другими лексемами [Расторгуева, Эдельман 2000-2007, II, с. 371] не объясняет сама по себе, почему эти процессы не затронули Ав. *zasta-*. Справедливое замечание Моргенстьерне: “Persian influence may have contributed to the complete victory of the dissimilatory tendency in this case” [Morgenstierne 1927, с. 39], – может быть теперь дополнено указанием на вероятный источник этого влияния. Это могло быть **dastabara-*, а также возможно другие композиты с первым элементом **dasta-*, принадлежавшие к официальному жаргону ахеменидских канцелярий и поэтому легко заимствуемые в другие иранские языки.

Литература

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л.: Наука, 1958-1995.
2. Лившиц В.А. Юридические документы и письма (Согдийские документы с горы Муг, т. 2). М.: Издательство вост. лит-ры, 1962.
3. Лившиц В.А. и А.Л. Хромов. Согдийский язык // Основы иранского языкознания: Среднеиранские языки. Под ред. В.И. Абаева и др. М.: Наука, 1981. С. 347–514.
4. Рубинчик Ю.А. и др. Персидско-русский словарь. В 2 томах / под ред. Ю.А. Рубинчика. М: Русский язык, 1970.
5. Расторгуева В.С. и Д.И. Эдельман. Этимологический словарь иранских языков. Т. I (a-ā): 2000, Т. II (b-d): 2003, Т. III (f-h): 2007. М.: Наука, 2000-2007.

⁸ Это, разумеется, не означает, что возможность заимствования слова со значением ‘рука’ полностью исключена. Относительно заимствования слова с данным значением из нахских языков в осетинский см. [Абаев 1958-1995, I, с. 644] и [Manaster-Ramer 1992, p. 136-137].

6. Bailey, Harold W. *Asica* // Transactions of the Philological Society. 1945 (publ. 1946). P. 1–38.
7. Bailey, Harold W. *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
8. Bartholomae, Christian. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg, 1904. Reprint – Berlin: Walter de Gruyter, 1961.
9. Benveniste, Emile. *Études sur quelques textes sogdiens chrétiens (I)* // Journal Asiatique. 1955, 243. P. 298–335.
10. Berger, Adolphe. *Encyclopedic dictionary of Roman Law*. Philadelphia: American Philosophical Society, 1953.
11. Cheung, Johnny. *Etymological Dictionary of the Iranian Verb*. Leiden: Brill, 2007.
12. Durkin-Meisterernst, Desmond. *Dictionary of Manichaean Middle Persian and Parthian* // Dictionary of Manichaean Texts III/I. Turnhout, Belgium: Brepols, 2004.
13. Gershevitch, Ilya. *A grammar of Manichaean Sogdian*. Oxford: Blackwell, 1954.
14. Horn, Paul. *Grundriss der Neupersischen Etymologie*. Strassburg: Trübner, 1893.
15. Jaafari-Dehaghi, Mahmoud. *Dādestān-ī Dēnīg: Translation, transcription and commentary*. Paris: Association pour l' avancement des études iraniennes, 1998.
16. Kudara, Kogi and W. Sundermann. *Zwei Fragmenten einer Sammelhandschrift Buddhistischer Sūtras in soghdischer Sprache* // *Altorientalische Forschungen*. 1987. 14. S. 334–349.
17. MacKenzie, David. N. *The “Sutra of the causes and effects of actions” in Sogdian*. Oxford: Oxford University Press, 1970.
18. MacKenzie, David. N. *A Concise Pahlavi Dictionary*. Oxford: Oxford University Press, 1971.
19. Macuch, Maria. *Der dastwar ‘auctor’ im Sassanidischen Zivilprozess* // *Archäologische Mitteilungen aus Iran*. 1988. 21. S. 177-188.
20. Manaster-Ramer, Alexis. *On Anecdotal Universals in Historical Linguistics* // *Diachronica*. 1992. 9/1. P. 135–137.
21. Morgenstierne, Georg. *An etymological vocabulary of Pashto*. Oslo: Dybwad, 1927.
22. Muller F.W.K. *Ein Doppelblatt aus einem manichäischen Hymnenbuch (Māhrnāmāg)* // *APAW* 1912. 5. Reprinted in *Ergebnisse der Deutschen Turfanforschung*. Vol. 3. Leipzig: Zentralantiquariat, 1985. P. 151-190.
23. Nyberg, Henrik S. *Vol II: Ideograms, Glossary, Abbreviations, Index, Grammatical Survey, Corrigenda to Part I*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1974.
24. Perikhanian, Anahit. *The Book of a Thousand Judgements (A Sasanian Law-book)*. Costa Mesa: Mazda Publishers, 1997.

25. Provasi, Elio. Sogdian Lexicography // Middle Iranian Lexicography: Proceedings of the Conference held in Rome, 9–11 April 2001. Ed. C.G. Cereti and M. Maggi. Rome: Istituto Italiano per l’Africa e l’Oriente, 2005. P. 101-146.
26. Schwartz, Martin. Sogdian Fragments of the Book of Psalms // *Altorientalische Forschungen*. 1974. 1. S. 257-261.
27. Sims-Williams, Nicholas. The Sogdian “Rhythmic Law” // Middle Iranian Studies: Proceedings of the International Symposium Organized by the Katholieke Universiteit Leuven from the 17th to the 20th of May 1982 / Ed. W. Skalmowski and A. van Tongerloo. Leuven: Peeters, 1984. P. 203-215.
28. Sims-Williams, Nicholas. The Christian Sogdian Manuscript C2. Berlin: Akademie Verlag, 1985.
29. Sims-Williams, Nicholas. Sogdian // *Compendium Linguarum Iranicarum*. Ed. R. Schmitt. Wiesbaden: Reichert, 1989. P. 173-192.
30. Sims-Williams, Nicholas. Bactrian Documents from Northern Afghanistan. I : Legal and Economic Documents. *Corpus Inscriptionum Iranicarum*, 2.3.1. Oxford: Oxford University Press, 2000.
31. Sims-Williams, Nicholas. Bactrian Documents from Northern Afghanistan. II : Letters and Buddhist Texts. *Corpus Inscriptionum Iranicarum*, 2.3.2. London: Azimuth, 2007.
32. Sundermann, Werner. Iranian Manichaean Turfan texts concerning the Turfan Region // *Turfan and Tun-Huang: the texts. Encounter of Civilizations on the Silk Roads* / Ed. A. Cadonna. Florence, 1992.
33. Sundermann, Werner. *Eva Illuminatrix* // *Gnosisforschung und Religionsgeschichte: Festschrift für Kurt Rudolph*. Ed. H. Preissler. Marburg, 1994. P. 317-327.
34. Vahman, Fereydu. *Ardā-Wirāz Nāmāg: the Iranian ‘Divina Commedia’*. London: Curzon Press, 1986.
35. Williams, A.V. *The Pahlavi Rivāyat Accompanying the Dādestān-ī Dēnīg*. Copenhagen: Royal Danish Academy of Sciences and Letters, 1990.
36. Yakubovich, Ilya S. *Nugae Sogdicae II // Turfan Revisited – The First Century of Research into the Arts and Cultures of the Silk Road* / Ed. D. Durkin-Meisterernst et al. Berlin: Reimer, 2004. P. 393–400.
37. Yoshida, Yutaka and T. Moriyasu. Manichaean Sogdian and Uighur Letters Recently Unearthed in Bezeklik, Turfan // *Studies on the Inner Asian Languages*. 2000. XV. P. 135-178. [In Japanese].

МОРФОЛОГИЯ И СИНТАКСИС

©

Е.Е. Арманд
РГГУ (Москва)

Выражение аспекта в современном персидском языке

Глагольная категория времени тесно связана с категорией аспекта. Аспект определяет ситуацию с точки зрения характера ее протекания во времени, т.е. длительности, повторяемости, наличия результата действия и т.п. Иными словами: категорией аспекта называется такая категория, элементы которой характеризуют временную протяженность данного факта [Мельчук 1998, с. 102; Плунгян 2000, с. 292-294].

Мы полагаем, что есть некоторые основания пересмотреть традиционную концепцию системы глагольных времен и выражения ими аспектуальных значений в современном персидском языке.

Для системы глагольных форм прошедшего времени в современном персидском языке категория аспекта реализуется следующим образом:

1) длительное или повторяющееся действие в прошлом выражается формой **прошедшего длительного** с формообразующим префиксом *mi-*:

در میانه هزاره اول پیش از میلاد مسیح قبیله های ژرمنی در شمال آلمان و جنوب اسکانديناوی زندگی می کردند.

[dar miyāne-ye hezāre-ye avval piš az milād-e masih qabilehā-ye žermani dar šemāl-e ālmān va janub-e eskāndināvi **zandegi mi-kardand**] (здесь и далее все примеры приводятся из [دکتر محسن] (ابو القاسمی تاریخ زبان فارسی с указанием номера страницы после перевода).

В середине первого тысячелетия до нашей эры германские племена **проживали** на севере Германии и юге Скандинавии (с. 7).

در اوایل سده بیستم میلادی زبانشناسان انگلیسی، اصطلاح "زبانهای آریایی" را به جای "زبانهای هند و اروپایی" به کار می بردند.

[dar avayel-e sade-ye bistom-e milādi zabānšenāsān-e englisi estelāh-e zabānhā-ye āryāyi-rā be jā-ye zabānhā-ye hend-o orupāyi **be kār mi-bordand**]

В начале двадцатого века английские лингвисты **использовали** термин «арийские языки» вместо «индоевропейские языки» (с. 11).

هخامنشیان از زبان خود، فارسی (که امروزه فارسی باستانی نامیده می شود)، و زبانهای اکدی و علامی و یونانی هم استفاده می کردند.

[haxāmanešiyān az zabān-e xod fārsi ke emruze fārsi-ye bāstāni nāmide mi-šavad va zabānhā-ye akadi-vo elāmi-vo yunāni ham **estefāde mi-kardand**]

Ахемениды **пользовались** своим собственным персидским языком (который в настоящее время называется древнеперсидским), аккадским, эламским, а также греческим (с. 14).

Для данной формы важна именно протяженность протекания действия во времени, возможно, многократное повторение ситуации, а не его завершенность – незавершенность, т.е. действие мыслится как отрезок на временной оси или несколько точек на отрезке прошлого; и действие никак не соотносится с моментом речи, мыслится говорящим давно завершенным.

2) **Перфект** обозначает завершенное действие (традиционно эта временная форма интерпретируется как прошедше-настоящее время, т.е. имеющее актуальность к моменту речи, аналогично английскому перфекту):

قدیمی ترین اثر شاخه هندی سنسکریت و ودایی است که "ریگ ودا" تقریباً از حدود هزاره اول پیش از میلاد مسیح، بدان نوشته شده است.

[qadimitarin asar-e šāxe-ye hendi saneskrit-o vedāyi-st ke rigvedā taqriban az hodud-e hezāre-ye avval piš az milād-e masih bedān **nevešte šode-ast**]

Самый древний памятник индийской языковой ветви «Риг-веда» **написан** на ведийском санскрите приблизительно в первом тысячелетии до нашей эры (с. 6).

تا سده هجدهم میلادی کسی نمی دانست که زبانی به نام هند و اروپایی وجود داشته است و از آن زبان، زبانهای فارسی و آلمانی و انگلیسی و روسی منشعب شده اند.

[tā sade-ye hejdahom-e milādi kas-i nemi-dānest ke zabān-i be nām-e hend-o orupāyi vojūd dāšte-ast va az ān zabān zabānhā-ye fārsi-vo ālmāni-vo engliši-vo rusi **monša'eb šode-and**]

До восемнадцатого века нашей эры никто не знал, что существовал индоевропейский язык и что от этого языка произошли персидский, немецкий, английский, русский (досл. из этого языка выделились) (с. 9).

بخشهای دیگر اوستا در دوره های مختلف از سده ششم پیش از میلاد مسیح تا سده سوم میلادی تألیف شده اند.

[baxšhā-ye digar-e avestā dar dourehā-ye moxtalef az sade-ye šešom piš az milād-e masih tā sade-ye sevom-e milādi tā'alif šode-and]

Другие части Авесты составлялись в канон в разные периоды – с шестого века до н.э. до третьего века н.э. (с. 20).

این خط تا پایان شاهنشاهی هخامنشی به کار می رفته، اما پس از آن از رواج افتاده و بعدها خواندن آن فراموش شده است.

[in xat tā pāyān-e šāhanšāhi-ye haxāmanesi be kār mi-rafte ammā pas az ān **az ravāj oftāde** va ba'dhā xāndan-e ān **farāmuš šode-ast**]

Этой письменностью пользовались до конца эпохи правления Ахеменидов, однако затем она вышла из обращения, а позже – была забыта (досл. чтение ее было забыто) (с. 35).

По данным примерам видно, что эту глагольную форму даже с большим трудом нельзя назвать «прошедше-настоящим» временем, как это часто встречается в грамматиках, например, [Рубинчик 2001, с. 246]. Эти формы обозначают в первую очередь – действие, которое было завершено в прошлом, без актуальности к настоящему, т.е. к моменту речи.

Традиционно в грамматических описаниях современного персидского языка говорится о том, что особую группу составляют так называемые глаголы «состояния»: **نشستن** [nešastan] ‘сидеть’, **ایستادن** [istādan] ‘стоять’, **خوابیدن** [xābidan] ‘лежать, спать’. В значении «пребывать в состоянии» они употребляются в форме перфекта, если действие относится к настоящему, или в форме преждепрошедшего времени, если действие относится к прошлому.

Именно эта группа глаголов употребляется как настоящее-прошедшее время, т.е. 'сел и нахожусь в состоянии сидения до сих пор':

دو نفر پشت سر داریوش ایستاده اند.

[do nafar pošt-e sar-e dāryuš istāde-and]

Два человека стоят за Дарием (с. 18).

3) Так называемый «длительный перфект» обозначает длительное или многократно повторяющееся действие в прошлом, эта форма образуется из перфекта и формообразующего префикса *mi-* (эта форма чрезвычайно редко встречается в текстах, поэтому ее описанию в грамматиках не уделяется большого внимания):

نشانه های میخی شکلی که برای نوشتن فارسی باستان به کار می رفته تلفظ لغات را به درستی نشان نمی داده است.

[nešānehā-ye mixi-šekl-i ke barāy-e neveštan-e fārsi-ye bāstān be kār mi-rafte talafoz-e loqat-rā be dorosti **nešān nemi-dāde-ast**]

Клинописные знаки, которые **использовались** для записи древнеперсидского языка, **не показывали** верного произношения слова (с. 36).

زبان رسمی این منطقه وسیع آرامی بوده که با خط الفبایی نوشته می شده است.

[zabān-e rasmi-ye in mantaqe-ye vasi' ārāmi bude ke bā hatt-e alefbāyi **nevešte mi-šode-ast**]

Официальным языком на этой огромной территории был арамейский, который **записывался** алфавитным письмом (с. 14).

هرگاه صامتهای خیشومی پیش از صامتهای دیگری می آمده اند، نوشته نمی شده اند.

[hargāh sāmethā-ye xeyšumi piš az sāmethā-ye digar-i **mi-āmade-and nevešte nemi-šode-and**]

Если носовые / назализованные согласные **шли** перед другими согласными, они **не выписывались** (с. 40).

بیشتر ایرانشناسان برآنند که زردشت در هزاره اول پیش از میلاد مسیح می زیسته است.

[bištar irānšenāsān bar ān-and ke zardošt dar hazāre-ye avval piš az milād-e masih **mi-ziste-ast**]

Большинство иранистов сходятся в том, что Заратуштра **жил** в первом тысячелетии до н.э. (с. 20).

زبان و خط سومری: زبانی است مستقل که در هزاره سوم پیش از میلاد مسیح در سومر، جنوب عراق امروزی، رواج داشته و خط میخی، که ظاهراً اختراعات بوده، نوشته می شده است.

[zabān-o xatt-e sumeri zabān-i-st mostaqel ke dar hazāre-ye sevom piš az milād-e masih dar sumer janub-e erāq-e emruzi ravāj dāšte va xatt-e mixi ke zāheran exterā'āt bude **nevešte mi-šode-ast**]

Шумерский язык и письменность: язык-изолят, который был распространен в третьем тысячелетии до нашей эры в Шумере, на юге современного Ирака, и записывался специально изобретенной клинописью (с. 45).

L^a و Z^a در نوشتن لغات بیگانه ای که Z و L داشته اند، به کار برده می شده اند.
[L^a va Z^a dar neveštan-e loqāt-e bigāne-i ke L va Z dāšte-and **be kār borde mi-šode-and**]

L^a و Z^a *использовались* для записи заимствованных слов, в которых были Z и L (с. 40).

Данная глагольная форма используется для передачи законченного действия в прошлом, многократно повторявшегося, но в какой-то момент прекратившегося (так писали, язык/письменность прекратили свое существование – и больше действие не повторялось), т.е. существуют некоторые временные рамки действия, здесь важны и длительность, и завершенность.

Некоторые исследователи так объясняют значение этой формы: говорящий не был свидетелем этого действия, знает о нем из других источников [Kamyar, Emrani, с. 42-43]. Даже если в значение этой формы вмещается другая грамматическая категория, так называемая «заглазность», это никак не влияет на значение аспекта. Эти же авторы объясняют употребление простого перфекта аналогичным образом, однако это означает запрет на первое и второе лицо. Формы длительного перфекта не встречаются в первом и во втором лице (в имеющихся у нас текстах), но перфект очень часто употребляется и в первом, и во втором лице. Для перфекта категория «заглазности» не может считаться актуальной.

4) Форма **простого прошедшего времени** (претерит) нейтральна, она служит для простой констатации факта действия, аспект грамматически не выражается; эта форма сочетается с обстоятельствами времени, которые могут выражать и длительность / многократность, и завершенность действия (традиционно

эта временная форма интерпретируется как завершённое действие, такое понимание объясняется ее происхождением – из древнего *ta*-причастия, т.е. страдательного причастия прошедшего времени).

Оно может означать однократное действие в прошлом:

در سال ۱۸۱۶ فرانتس بوپ کتاب «صرف فعل سنسکریت در مقایسه با یونانی و لاتینی و فارسی و ژرمنی» را منتشر ساخت.

[dar sāl-e yek hazār-o hašt sad-o šānzdah ferānts bop ketāb sarf-e fe'l-e sans-karit dar moqāyše bā yunāni-vo lātini-vo fārsi-vo žermāni-rā **montašer sāxt**]

В 1816 году Франц Бопп издал книгу «О системе спряжений санскрита в сравнении с таковым в греческом, латинском, персидском и германском языках» (с. 9).

Может означать завершённое действие:

دولت هخامنشی را در سال ۳۳۱ پیش از میلاد مسیح اسکندر مقدونی سرنگون کرد.

[doulāt-e haxāmaneši-rā dar sāl-e se sad-o si-vo yek piš az milād-e masih eskandar-e maqduni **sarnegun kard**]

В 331 году до н.э. Александр Македонский уничтожил государство Ахеменидов (с. 14).

В сочетании с соответствующими обстоятельствами времени эта форма может означать и длительное действие или процесс, растянувшийся на довольно долгое время:

در سده های ۷ و ۶ پیش از میلاد مسیح، آرامی به تدریج جای زبان بابلی را گرفت.

[dar sadehā-ye haft-o šeš piš az milād-e masih ārāmi be tadrīj jā-ye zabān-e bāboli-rā **gereft**]

В седьмом – шестом веке до н.э. арамейский постепенно **занял место** аккадского языка (с. 45).

Даже если это длительный процесс, на первый план выходит факт его свершения, при этом говорящий никак не связывает это действие с настоящим моментом, ему важно подчеркнуть наличие этого действия и соотнести его с настоящим моментом – это действие было до, а не сейчас и не после, т.е. данная глагольная форма нейтральна к длительности протекания действия.

Таким образом, в современном персидском языке есть два аспектуальных признака: длительность и завершённость действия. Для простого прошедшего времени оба эти признака не имеют

актуальности, а для длительного перфекта, наоборот, важны и длительность, и завершенность:

	простое прошедшее	прошедшее длительное	перфект	длительный перфект
длительность / многократность	-	+	-	+
завершенность	-	-	+	+

Литература

1. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. 2. Москва-Вена, 1998.
2. Плулгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.
3. Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского языка. М., 2001.
4. دکتر تقی وحیدیان کامیار با همکاری غلامرضا عمرانی. دستور زبان فارسی (۱). تهران، ۱۳۸۶. [Persian Grammar (1) Taghi Vahidian Kamyar PhD, Gholam Reza Emrani. Tehran, 2007].
5. دکتر محسن ابوالقاسمی. تاریخ زبان فارسی. تهران ۱۳۷۳. (Dr. M. Abolghassemi. A History of The Persian Language. Tehran, 1994).

©

А.Г. Белова
ИБ РАН (Москва)

К вопросу о типологии иракского диалекта арабского языка (багдадский диалект)

Во второй половине XX-го века в отечественной арабистике активно развивается новое направление арабского языкознания – арабская диалектология. Выходит серия описательных работ по фонетике и грамматике отдельных территориальных диалектов, соответствующих государственным границам арабских стран (см. основные работы в списке литературы). Дескриптивная диалектология развивается аналогично таковой, принятой в зарубежной арабистике. Наряду с описанием арабских диалектов в синхронном плане, отечественные лингвисты обращаются к таким теоретическим вопросам языкознания, как определение позиции современных арабских диалектов в истории

арабского языка и соотношение устно-разговорных форм с литературной формой арабского языка, а также – к проблеме структурно-типологической характеристики современных арабских диалектов (см. работы Г.Ш. Шарбатова, Ю.Н. Завадовского, Э.Н. Мишукова и др. в списке литературы)¹. Естественно, по объективным, экстралингвистическим, причинам не все из основных территориальных диалектов были одинаково доступны отечественным учёным.

В данной статье мы обращаем внимание на некоторые типологические особенности «койнезированной» формы иракского диалекта, а именно – особенности столичного багдадского диалекта (далее – сокр. БД). Как известно, статус территориального койне определяется не лингвистическими, а социальными условиями престижа и функционирования столичного диалекта [Типы наддиалектных форм... Введение, с. 16-17]. БД выходит далеко за пределы одного города и в настоящее время представляет наиболее распространённую наддиалектную форму устного общения в пределах Ирака. Исторически БД формировался на базе северо-арабских диалектов кочевого типа [Abu Haidar 2006, с. 222; Jastrow 2007, с. 414]. К типовым признакам кочевого типа в данном случае можно отнести: а) сохранение ларингального, сохранение интердентального ряда согласных, палатализация и аффрикатизация среднеязычных и заднеязычных смычных согласных, развитие сильного ударения и, соответственно – развитие подвижной слоговой структуры слова; б) в парадигме имперфектных глагольных основ отсутствует инновационная префиксация.

Ниже мы рассмотрим типологические особенности грамматического строя БД в сопоставлении с соответствующими особенностями других арабских диалектов (далее – сокр. АДД) и арабского литературного языка (далее – сокр. АЛЯ).

1. Категория числа.

По сравнению с парадигмой АЛЯ происходит падение подкатегории двойственного числа во всех частях речи: в личных местоимениях, личных формах глагола, именных частях речи (со-

¹ В статье, наряду с зарубежными исследованиями, учтены и использованы работы сотрудников Отдела языков Института востоковедения, работы бывших аспирантов Отдела языков, работы учёных, связанных с отечественной школой арабистики (см. в списке литературы).

храняются реликтовые формы для парных предметов, отрезков времени и в некоторых отдельных случаях). Это явление характерно не только для БД, но и для всех известных нам современных арабских диалектов.

2. Категория рода.

По сравнению с парадигмой АЛЯ категория рода сохраняется в БД во всех частях речи, однако в парадигме личных местоимений (как самостоятельных, так и в клитиках) отмечается редукция категории рода в подпарадигме множественного числа: формы множ. числа 2-го и 3-го лица не различаются по роду. Редукция обнаруживается при сопоставлении с соответствующей парадигмой личных местоимений в АЛЯ и с соответствующими парадигмами личных местоимений в АДД кочевого типа. К такому можно отнести диалекты центральных и северо-восточных районов Аравийского полуострова, центральных и восточных районов Йемена, диалекты Судана, а также – диалекты кочевников других регионов арабоязычного ареала и «островные» арабские диалекты Средней Азии [Ахвледзиани 1985, с. 51; Насыров 1976, с. 55; Каримов 1973, с. 9-10; Чиковани 2009, с. 38; Behnstedt 1985, с. 71-77; Jastrow 2007, с. 418; Johnstone 1967, vol. I, sec. III, A].

В парадигме личных местоимений АЛЯ и АДД кочевого типа последовательно различаются показатели рода как для местоимений 2-го и 3-го лица ед. числа, так и для 2-го и 3-го лица множ. числа. Таким образом, количественное соотношение парадигматических форм можно выразить в цифровой форме: количество членов парадигмы ед. числа = 5; количество членов парадигмы множ. числа = 5. Условно назовём эту парадигму «полной» парадигмой (5/5).

2.1. Сравнительно с «полной» парадигмой личных местоимений в АЛЯ и кочевых АДД парадигма личных местоимений в БД [Abu Naidar 2006, с. 226; Jastrow 2007, с. 418] представляет соотношение 5/3, то есть количество членов подпарадигмы множ. числа 2-го и 3-го лица сокращается до трёх членов, которые не различаются по категории рода. Назовём парадигму 5/3 «неполной» парадигмой. Ср. ниже схематическую таблицу личных самостоятельных местоимений:

БД		АЛЯ	
Sg.	Pl.	Sg.	Pl.
1. āni	əḥna	ʿanā	naḥnu
2m. ənta	əntu	ʿanta	ʿantum
2f. ənti		ʿanti	ʿantunna
3m. huwwa	humma	huwa	hum
3f. hiyya		hiya	hunna

2.2. Сопоставление с материалом основных диалектов городского типа ² свидетельствует о том, что БД входит в тип городских диалектов с «неполной» парадигмой лица. По другим диалектам см. данные в [Васильев 1997, с.18; Завадовский 1979, с. 70; Кадлух 1984, с. 12; Кямилев 1968, с. 91; Маляров, Мишкуроев 1980, с. 85; Мишкуроев 1982, с. 82-83; Насыров 1976, с. 55; Ghanem 1958, с. 4; Lentin 2006, с. 548; Woidich 2006, с. 326; Zaborski 1982, с. 136].

2.3. Парадигма личных глагольных форм и категория рода.

По сравнению с «полной» парадигмой личных глагольных форм в АЛЯ и АДД кочевого типа [Ахвледиани 1985, с. 64; Насыров 1976, с. 55; Чиковани 2009, с. 40; Johnstone 1967, III.A] парадигма личных глагольных форм в БД представляет «неполную» парадигму [Abu Haidar 2006, с. 228; Jastrow 2007, с. 421]. См. схематическую таблицу:

	БД				АЛЯ			
	Perfect		Imperfect		Perfect		Imperfect	
	Sg.	Pl.	Sg.	Pl.	Sg.	Pl.	Sg.	Pl.
1.	-ət	-na	a---Ø	ni---Ø	-tu	-nā	ʿa---u	na---u
2m.	-ət	} -tu	ti---Ø	} ti---ūn	-ta	-tum	ta---u	ta---ūna
2f.	-ti		ti---īn		-ti	-tunna	ta---īna	ta---na
3m.	-Ø	} -aw	yi---Ø	} yi---ūn	-a	-ū	ya---u	ya---ūna
3f.	-at		ti---Ø		-at	-na	ta---u	ya---na

² «Городской» тип было бы неправомерно отождествлять с термином «осёдлый». Полевые диалектологические исследования свидетельствуют о том, что некоторые сельские диалекты сохраняют «полную» парадигму лица (см. о диалектах сельских районов северного и центрального Ирака [Jastrow 2007, с. 418; Salonen, 1980], а также – о расхождении западных и северо-западных диалектов Йемена (Каримов 1973, с. 9-10; Behnstedt 1985, с. 71-77).

Сопоставление багдадской парадигмы с материалом основных диалектов городского типа свидетельствует о том, что БД входит в тип городских диалектов с «неполной» парадигмой рода в подпарадигме личных глагольных форм множ. числа, а именно – 5/3. По другим диалектам см. данные в [Завадовский 1979, с. 70; Завадовский 1981, с. 51; Каддух 1984, с. 9; Каримов 1973, с. 4-5; Кямилиев 1968, с. 37; Маляров, Мишкурков 1980, с. 81; Мишкурков 1982, с. 65-66; Насыров 1976, с. 54-58; Ghanem 1958, с. 110-111; Lentin 2006, с. 551; Woidich 2006, с. 329-330; Zaborski 1982, с. 162].

2.4. Сравнительный анализ парадигмы личных глагольных форм с парадигмами личных местоимений в БД, АЛЯ и в других арабских диалектах свидетельствует о том, что категория лица как грамматическая категория является единой как для парадигмы личных местоимений, так и для парадигмы финитных глагольных форм во всех современных функциональных формах арабского языка. «Полнота» (5/5) или «неполнота» (5/3) парадигмы личных местоимений регулярно отражается в соответствующих парадигмах личных глагольных форм.

Нейтрализация по роду в системе классического арабского языка по известным данным уже существовала для личных форм первого лица ед. и множ. числа. Более поздняя нейтрализация по роду происходит уже в подкатегории множ. числа 2-го и 3-го лица местоимений и финитных глагольных форм. «Неполная» парадигма личных местоимений регулярно соответствует «неполной» парадигме личных глагольных форм.

В экстралингвистическом аспекте распределение «полной / неполной» парадигмы в центральной зоне арабоязычного ареала представляет не столько территориальное, сколько социальное явление: диалекты городов Багдада и Мосула характеризуются «неполной» парадигмой, но диалекты сельских районов Ирака характеризуются «полной» парадигмой. Аналогичная картина наблюдается при сопоставлении городских и сельских диалектов Сирии [Behnstedt 2009, с. 403-404, 406-407], Йемена [Ghanem 1958, с. 8, 110-111], кочевых диалектов Центральной Аравии и диалекта города Мекка [Abu-Mansour 2008, с. 182, 184-185]. Однако в таких периферийных АДД, как диалекты Хадрамаута (Южная Аравия), арабские диалекты сельского населения Бухарского оазиса и Кашкадарьинского районов (Узбекистан), даже «койнезирванный» диалект Судана, можно обнаружить «полную»

парадигму [Редькин 2003, с. 85,100-101; Чиковани 2009, с. 38,40; Насыров 1976, с. 55; Кауе 1976, с. 47].

2.5. В стройной системе зависимостей между парадигмами личных местоимений и финитных глагольных форм современных АДД следует отметить «нарушения» в некоторых периферийных диалектах.

2.5.1. В диалектах западного Йемена [Behnstedt 1985, с. 71], в городском диалекте Адена [Ghanem 1958, с. 3], в Хадрамауте [Редькин 2003, с. 100-101] можно обнаружить дифференциацию по роду в подкатегории самостоятельного местоимения 1-го лица ед. числа: *ʿana (m) – ʿani/l* «я». Однако в парадигме слитных личных местоимений и в глагольной парадигме соответствующая дифференциация не обнаруживается. При этом западные диалекты Йемена, как говорилось выше, характеризуются «неполной» парадигмой. Явление может быть интерпретировано как инновация или как реликт древнего субстрата.

2.5.2. В диалекте Мавритании (хассания) можно обнаружить вторичную дифференциацию по роду в подкатегории самостоятельных местоимений 2-го и 3-го лица множ. числа: 2 pl. *ntūma (m) – ntumāti (f)*; 3 pl. *hūmā (m) – hūmāti (f)* [Завадовский 1981, с. 51; Taine-Cheikh 2007, с. 241-242]. Инновационные формы для жен. рода множ. числа самостоятельных местоимений образуются от местоименных основ муж. рода по аналогии с суффиксальным образованием множ. числа от имён жен. рода, замещающая первичные общеарабские формы самостоятельных личных местоимений жен. рода множ. числа (см. парадигму форм АЛЯ в п. 2.1). Так же, как и в п. 2.5.1, инновационная парадигма самостоятельных личных местоимений не находит соответствия в «неполной» парадигме слитных местоимений и в «неполной» глагольной парадигме (ср. у тех же авторов соответствующие парадигмы – с. 51; с. 245-246).

2.5.3. В западной части арабоязычного ареала на основании данных отечественных и зарубежных диалектологов можно заключить, что диалект Ливии [Маляров, Мишкурлов 1980, с. 81, 85], диалект Алжира [Мишкурлов 1982, с. 65-66, 82-83], диалект Мавритании (хассания) характеризуются «неполной» парадигмой по всем рассматриваемым парадигматическим формам. В диалекте Марокко следует отметить редукцию количества форм в парадиг-

ме местоименных клитик, где 2-ое лицо ед. числа имеет одну форму для муж. и жен. рода [Кямилев 1968, с. 91; Caubet 2008, с. 282]. Наиболее редуцированной оказывается парадигма лица как в системе личных местоимений, так и в глагольной системе в диалекте Туниса [Завадовский 1979, с. 70; Gibson 2009, с. 566, 568]: различие по роду полностью утрачивают все формы 2-го лица ед. числа в системе личных местоимений и в системе глагольных форм. Количественно парадигма лица как для местоимений, так и для глагольной парадигмы представляется как 4/3 и 4/3.

Традиционно мальтийский язык рассматривается в арабской диалектологии наряду с другими АДД, не имеющими, подобно первому, нормированной письменно-литературной формы и статуса национального и государственного языка. В нашем сравнительном анализе мальтийский язык твёрдо входит в группу АДД «неполной» парадигмы, причём парадигма личных местоимений и глагольная парадигма оказываются ещё более редуцированными также за счёт утраты одного из членов подпарадигмы ед. числа личных местоимений – 2-ого лица ед. числа жен. рода. Таким образом, общая парадигма сводится к 4/3 или – к 7-ми членам. Этой парадигме полностью соответствуют парадигмы слитных местоимений и личных глагольных форм (ср. [Богомолов 1992, с. 9, 12-13; Kaye/Rosenhouse 1997, с. 287, 292-293]). Таким образом, тунисский диалект и мальтийский язык представляют наиболее «крайнюю» степень редукции парадигмы лица в континууме известных нам арабских диалектов и языков.

2.6. Сравнительное рассмотрение одного из грамматических признаков багдадского диалекта свидетельствует о том, что в диахроническом плане, наряду с категорией двойственного числа, наиболее «слабым» звеном грамматической системы личных местоимений и личных глагольных форм является категория рода. Сохраняя большое количество признаков диалекта кочевого типа в области фонетики и морфологии,

БД по другим категориальным признакам входит в группу диалектов городского типа.

3. Содержательные категории синтаксической конструкции. Изафет³ и категория посессива.

Если в АЛЯ изафет можно определить как вид генитивной конструкции, то в современных АДД в связи с падением категории падежа такой термин теряет своё категориальное значение. Однако сама конструкция продолжает функционировать и с точки зрения синтаксической структуры может соответствовать национальному термину «изафет».

В БД наряду с унаследованным (позиционным) изафетом развивается так наз. «аналитический изафет» [Мишкуроев 1985, с. 22-23; Мишкуроев 2004, с. 242-243]. Показателем синтаксической связи является именная основа *māl* (m), *malt* (f), *malāt* (pl). Показатель занимает позицию между определяемым и несогласованным определением.

3.1. Аналитический изафет и грамматические категории. Согласование по роду с определяемым (первым членом изафета) отмечается часто (но не регулярно), ср.: *aṭ-tēṛ* (m) *māl* (m) *əs-sultān* «сокол (m) султана», *əl-faras* (f) *mālat* (f) *ḥuttār-ī* «лошадь (f) моего гостя», согласование по числу – редко (в корпусе текстов начала 20-го века отмечен один случай в диалекте сельского типа): *əs-sbā'a* (pl) *mālāt* (pl)-a «лвы (pl) его» [Белова 1964, с.157-158]; ср. также у другого информанта: *əl-faras* (f) *māl* (m) *Abū-n-Nuwās* «лошадь (f) Абу Нуваса» (там же). В полевых записях речи багдадских информантов второй половины 20-го века согласование по роду также нерегулярно, ср.: *əs-sayyāra* (f) *malt* (f) *əl-ḥukūma* «автомашина (f) правительства (правительственная машина)», но: *ḡunṭa* (f) *māl* (m) *īd* «сумка (f) руки (ручная сумка)», *'arba'a rūlāt* (f pl) *māl* (m) *posta* «четыре марки (f pl) почты (почтовые марки)» [Белова 1964, с. 157-158].

3.2. Старый и новый изафет – наблюдается ли функциональное распределение? Оба способа синтаксической связи обнаруживаются в одинаковых контекстах или же в употреблении одного информанта, ср.: в одном тексте (1) *hal birče malt aṭ-timmen* «это – блюдо [malt] с рисом» и (2) *wīya l-qūzi birče-t aṭ-timmen* (показатель «старого» изафета в определяемом имени жен. рода) «рядом с ягнёнком – блюдо с рисом»; багдадский информант: (1)

³ Сочетание определяемого имени с постпозитивным несогласованным определением.

pūlāt māl posta «марки [mal] почты»; (2) biṭāqtēn sīnemā «билеты кино» [Белова 1964, с. 157, 166]. Возможно, дальнейшие полевые исследования покажут, зависит ли выбор способа связи слов с экстралингвистической ситуацией и коммуникативной функцией высказывания.

3.3. Синтаксические «последствия» появления нового изафета. Аналитический изафет позволяет «оторвать» несогласованное определение от определяемого и вынести его за рамки синтаксической конструкции. Ср. в диалоге: ‘ind-ak nukta t’allim-na fī-hā? – na‘am, ‘ind-i māl ḡuḥa «нет ли у тебя какой-нибудь истории рассказать нам? – да, у меня – про Джуху⁴»; или: ihnak madrastēn – bass māl šibyān, wi ‘ugub sawwō māl banāt «там две школы, [одна была] только для мальчиков, а потом сделали и для девочек». В приведённых примерах во вторых фразах первые члены изафета («история», «школа») не повторяются, показатель māl свидетельствует о функции и синтаксической позиции зависимого имени.

Аналитический изафет позволяет «оторвать» местоименную клитику (слитное местоимение) от определяемого, ср.: əṣ-ṣundūḡ – huwwa – māl-ī «этот сундук – он – мой!».

3.4. В п. 3.2. были рассмотрены случаи сосуществования старого и нового изафета. Эти случаи обнаруживаются в словосочетаниях, выражающих значения принадлежности, отношение между содержащим и содержимым («блюдо риса», «кувшин воды»), отношение назначения («почтовая марка», «мешок для одежды»), материального качества («блюдо из золота», «железная кровать») и т.п.

Вместе с тем старый изафет (в АЛЯ – генитивное словосочетание) равно передаёт и отношение между действием/состоянием и его субъектом/объектом («сочинение поэмы», «болезнь ребёнка», «возвращение конницы» и т.п.). Анализ доступных материалов БД показывает, что словосочетания типа «имя действия» + «субъект/объект» строятся по старому изафету: ziyārat əṣ-ṣadīḡ «посещение друга», ‘arāk əl-ḡihhāl «драка детей», ḥōft il-ḥayya (i)mn-il-‘agrab «страх змеи перед скорпионом» [Белова 1964, с. 161]. Субстантивация имени действия в БД может изменить способ изафетной связи слов. Ср. в тексте багдадского информан-

⁴ Персонаж народных историй типа Ходжи Насреддина.

та: *ṭilbaw b-taqlīl sa‘āt əl-‘amal u ziyādat əl-‘uḡūr* «они требовали сокращения рабочего дня и увеличения зарплаты», однако далее: *‘ittiḥād māl niqābāt* «союз профсоюзов» конструируется по новому изафету, так как «союз» уже утрачивает глагольное значение «объединяться» и приобретает субстантивное значение конкретной организации [Белова 1964, с. 161].

Проведённые наблюдения позволяют предположить, что в БД намечается функциональная дифференциация старого и нового изафетов: за новым (аналитическим) изафетом закрепляется ограниченная функция выражения значения принадлежности (в широком смысле); за старым как будто остаются все функции, но косвенным образом закрепляется особая функция выражения отношения между действием и его субъектом/объектом.

Новый, аналитический изафет становится не только признаком и элементом структурной типологии БД, но также признаком формирования новой содержательной категории посессива, которая в АЛЯ не имела своего особого выражения.

Сокращения

АДД – другие диалекты арабского языка (исключая багдадский диалект)

АЛЯ – арабский литературный язык

БД – багдадский диалект

EALL – *Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics*. Gen.ed. Kees Versteegh. Vol. I-V. Leiden-Boston, Brill, 2006-2009.

Литература

1. Антонов Н.М. Некоторые особенности синтаксиса простого предложения в иракском диалекте арабского языка // Семитские языки. Вып. 3, М.: Наука, ГРВЛ, 1976.
2. Ахвледиани В.Г. Бухарский арабский диалект. Тбилиси: Мецниереба, 1985.
3. Белова А.Г. Формообразование имён в арабском языке (сравнительный анализ материала иракского диалекта и литературного языка). Дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М.: Ин-т народов Азии АН СССР, 1964.
4. Богомолов А.В. Мальтийский язык. Автореф. канд. дисс. М.: ИВ РАН, 1992.
5. Васильев Г.А. Дамасский разговорный язык (лексико-грамматический очерк). Автореф. канд. дисс. М.: ИВ РАН, 1997.
6. Завадовский Ю.Н. Тунисский диалект арабского языка. М.: Наука, ГРВЛ, 1979.

7. Завадовский Ю.Н. Мавританский диалект арабского языка (хассания). М.: Наука, ГРВЛ, 1981.
8. Каддух Мохаммад. Ливанский диалект арабского языка. Автореф. канд. дисс. М.: ИВ АН СССР, 1984.
9. Каримов А.У. Йеменский диалект арабского языка. Автореф. канд. дисс. М.: ИВ АН СССР, 1973.
10. Кямилиев С.Х. Марокканский диалект арабского языка. М.: Наука, ГРВЛ, 1968.
11. Маляров Ю.И., Э.Н.Мишкуров. Учебник арабского диалектного языка Ливии. М.: Изд. Воен. Краснознам. Ин-та МО СССР, 1980.
12. Мишкуров Э.Н. Алжирский диалект арабского языка. М.: Наука, ГРВЛ, 1982.
13. Мишкуров Э.Н. Типология диалектного и литературного грамматического строя современного арабского языка. Автореф. докт. дисс. М.: Изд. Воен. Краснознам. Ин-та МО СССР, 1985.
14. Мишкуров Э.Н. Теоретическая грамматика // Теоретический курс арабского языка. Раздел 4. М.: Изд. Воен. Ун-та МО РФ, 2004. С. 194-312.
15. Мишкуров Э.Н., А.Г. Рауфова. Актуальные заметки об арабском литературном и диалектном изафете // Восточное языкознание. Ташкент: Изд. Ташкентского. Гос. Ун-та, 1987. С. 114-118.
16. Насыров, Кобил. Чадский диалект арабского языка. Автореф. канд. дисс. М.: ИВ АН СССР, 1975.
17. Насыров, Кобил. Местоимения в чадском диалекте арабского языка // Восточное языкознание. М.: Наука, ГРВЛ, 1976. С. 54-58.
18. Редькин О.И. Аравийские периферийные диалекты (Диалект Хадрамаута). СПб.: Изд. СПбГУ, 2003.
19. Романов Б.В. Суданский диалект арабского языка (лексико-грамматический очерк). Автореф. канд. дисс. М., 1981.
20. Типы наддиалектных форм языка. Колл. моногр. / ИЯ АН СССР. М.: Наука, 1981.
21. Чиковани Г.Г. Бухарский диалект арабского языка. Тбилиси, 2009.
22. Шарбатов Г.Ш. Соотношение арабского литературного языка и современных арабских диалектов. М.: Наука, ГРВЛ, 1966.
23. Шарбатов Г.Ш. О трёхкомпонентной функциональной парадигме арабского языка и статусе арабских региональных обиходно-разговорных языков // Проблемы арабской культуры. Памяти акад. И.Ю. Крачковского. М.: Наука, ГРВЛ, 1987. С. 200-206.
24. Шарбатов Г.Ш. Арабский литературный язык, современные арабские диалекты и региональные обиходно-разговорные языки // Языки Азии и Африки. Т. 4, кн. 1. Семитские языки. М.: Наука, ГРВЛ, 1991.
25. Abu-Naidar, Farida. Baghdad Arabic // EALL. 2006. Vol. I. P. 222-231.

26. Abu-Mansour, Mahasen Hasan. Meccan Arabic// EALL. 2008. Vol. III. P. 179-187.
27. Behnstedt, Peter. Die nordjemenitischen Dialekte. Teil 1. Atlas. Wiesbaden: Reichertverl., 1985.
28. Behnstedt, Peter. Syria // EALL. 2009. Vol. IV. P. 402-409.
29. Caubet, Dominique. Moroccan Arabic // EALL. 2008. Vol. III. P. 273-287.
30. Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics. Gen. ed. Kees Versteegh. Vol. I-V. Leiden-Boston: Brill, 2006-2009.
31. Ghanem M. A. Aden Arabic. 2-nd ed. Aden, 1958.
32. Gibson Maik. Tunis Arabic // EALL. 2009. Vol. IV. P. 563-571.
33. Jastrow Otto O. Iraq // EALL. 2007. Vol. II. P. 414-424.
34. Johnstone T.M. Eastern Arabian Dialect Studies. London: Oxford Univ. Press, 1967.
35. Kaye, Alan S. and Judith Rosenhouse. Arabic Dialects and Maltese // The Semitic Languages. Ed. by Robert Hetzron. Routledge, London – New-York, 1997. P. 263-311.
36. Kaye, Alan S. Chadian and Sudanese Arabic in the light of Comparative Arabic dialectology. Californ. St. Univ., Fullerton, California. The Hague-Paris: Mouton, 1976.
37. Lentin, Jérôm. Damascus Arabic // EALL.2006. Vol. I. P. 546-555.
38. Taine-Cheikh, Catherine. Ḥassānīyya Arabic // EALL. 2007. Vol. II. P. 240-250.
39. Woidich, Manfred. Cairo Arabic // EALL. 2006. Vol. I. P. 323-333.
40. Zaborski, Andrzej. Dialekt Egipski Jezyka Arabskiego. Univ. Jagiellonski, Krakow, 1982.

©

K. Gadilia
PITY (Москва)

Features of the truncated imperative in Modern Georgian

1. Truncation. General notions

Truncations, along with stump words, diminutives and hypocoristics, have been used to refer to outputs of word clipping [Lappe, p. 1]. In general, the term *truncation* is now used to define a process of word shortening which is phonologically predictable, although some linguists like Aleksandr Issatshenko consider truncation to be a

morphological process that involves deletion of segmental materials. According to him, truncation has to do with the «phenomena of word formation (derivation and composition) in which the stem of a basic word is shortened in a given derivational or compositional pattern» [Issatshenko, p. 166]. It is a deletion not of phonological, but of morphological units in specific environments. Truncation, especially in the cases caused by reduplication or by hypocoristics, is extensively studied in prosodic morphology, in which the term truncation is used to illustrate such processes as template-mapping and prosodic circumscription [Crystal, p. 477].

Truncation can also be defined as a type of conditioned process where segmental material is deleted in a particular lexical category. In such cases, the specific lexical category is the only relevant environment. More specifically, truncation is a morphological operation which deletes one morpheme, if it is internal to another suffix.

Usually two types of truncation are recognized: a) templatic truncation and b) non-templatic truncation:

- a) *Templatic* truncation is triggered by prosodic constraints on the output, as in hypocoristics in European languages, e.g. *Robert – Rob, Jakob – Jak, Timothy – Tim*, or *Zurabi – Zura, Xatuna – Xatu, Irakli – Ira*, in Georgian. Phonological deletion requires some markedness constraint forcing the deletion, where the ranking is *Markedness >> Faithfulness*. Phonological segment deletion is usually considered to be a type of templatic truncation.
- b) In *non-templatic* truncation (which is a morphological deletion), there is no markedness constraint which forces deletion. “All cases of non-templatic truncation, within and across languages, are due to the force of this universal constraint where the relevant lexical category is specified for each particular case” [Quti Batat-el, p. 22].

True truncation refers to a direct requirement of truncation in the derivation of one lexical category from another, as shown in (3).

Cases where the truncated material seems to be a designated phonological unit are considered to be cases of true truncation or non-templatic truncation. These differ from fake truncation, whereby truncation is a by-product of the imposition of templatic constraints.

Truncation is present in various grammatical categories like perfectives (Tohono O’odham), plural noun forms (Koasati) or imperatives (Danish and Hebrew). In Danish, the imperative has the same form as the stem [Allan, p. 97].

	Infinitive	Imperative
Vowel stem	gá “to go”	Gá! “Go!”
Consonant stem	standse “to halt, to stop”	Stand! “Halt! Stop!”
With double consonant	komme “to come”	Kom! “Come!”

The imperative is derived by truncating the segments *-se* and *-me*: *stand-se*, *komm-me*.

At its current stage Colloquial Hebrew has three ways to denote the imperative:

1. The normative form of the imperative: *ptaxl/pitxi* “Open!” M.SG/F.SG
2. The 2nd person future form: *ti-šmor* “to guard. FUT” *te-xapes* “to search. FUT”
3. Truncated form of the future: *šmor*.TI¹ “Guard!” (the prefix *-ti* is truncated entirely), *txapes*-TI “Search!” (only V is truncated out of the CV prefix).

(2) and (3) are found in colloquial Hebrew in free variation. So, one of the forms of imperative is derived from the future form by truncating V or CV from the prefix (3). The truncated imperative is shorter than its future base, because one or two segments are truncated from the 2nd person future prefix. The truncated material is not a morphological unit, since in some cases it consists of only part of the prefix [Quti Batat-el, p. 23].

There are some cases where truncation is blocked as in *tirkod* “to dance.FUT” and *tagdil* “to enlarge.FUT”, which are used both for future and the imperative.

Thus, truncation in Hebrew and Danish is a type of non-affixal morphological process, which triggers the transformation of the category: infinitive → imperative (Danish) or future → imperative (Hebrew). The data presented in this paper on the truncated imperative in Georgian shows only a formal resemblance to segment deletion in Danish and Hebrew. In Georgian, as opposed to Danish and Hebrew, truncation of imperatives does not cause the transformation of the category. The rest of characteristics are presented in section 4.

2. The imperative

The imperative is one of the grammatical moods along with the indicative and interrogative, which is the grammatical way of express-

¹ TI is an abbreviation for truncated imperative.

ing the modality. The distinction between indicative and imperative constructions is universal, although the distinction is based not on grammatical/verbal forms, but on syntax and intonation. That is why some linguists, including Vadim Kasevich, suppose that the imperative belongs to the communicative frame more than to modality as the imperative mood exists to convey communication functors [Касевич, с. 204-207]. The imperative expresses a speaker's direct command or request, issues an instruction, permission or exhortation. The purpose of the imperative is an execution of a certain instruction and it expects the listener to fulfill this instruction. In "The World Atlas of Language Structures" it is shown to "what extent languages have second-person singular and plural imperatives as dedicated morphological categories" [Haspelmath, p. 286]. Five types of languages can be distinguished based on this criterion. Modern Georgian belongs to the group of languages which have no morphologically dedicated imperatives. Nevertheless, languages may have more than one imperative paradigm; moreover, paradigms can change with the history of the language, as in the case of the Georgian imperative.

2.1 The imperative in Old Georgian

In Old Georgian, the imperative mood has its own screeve². The grammatical meaning of the imperative is expressed via opposition of imperative and aorist. The 2nd person imperative form is marked only by a zero marker. It distinguishes the imperative from the aorist which is manifested by the 2nd person object marker *-h-*, *-s-*.

Imperative

da-male

Hide (he/she/it/they)!

(še)-č'a-me

Eat (it)!

Aorist

da-h-male

you hid (he/she/it/they)

(še)-s-č'a-me

you ate (it)

The Old Georgian imperative differs from the Modern Georgian in the existence of grammatical markers, such that the 3rd person imperative is conveyed by the special imperative marker *-in/-n*: *mo-ved-in!* "Let him/her come!"

² Screeve is a name both of verbal category and of each member of this category. In literary Georgian there are 11 screeves which consist of several groups. The screeve is a unity of forms which differ from each other only by number and person.

c'ar-vedin! “Let him/her go!”

iq'avn! “Let him/her be!”

2.2 The imperative in Modern Georgian

The Old Georgian system of imperative-marking is completely eliminated in Modern Georgian. On the one hand, the Georgian imperative is quite diverse, on the other hand, Modern Georgian does not possess its own grammatical means for expression of the imperative mood and uses the so called borrowed verbal forms of indicative and future conjunctive (see below). According to Akaki Shanidze, the Modern Georgian category of mood has two forms, imperative and conjunctive, although the imperative does not have its own grammatical form and is conveyed by the form of conjunctive or indicative.

Modern literary Georgian does not have the formal means to convey a 2nd person imperative and uses the indicative form of the aorist screeve:

aašene! (imperative) “build!”

aašene (aorist) “you built [it]!”

Only the verb *ved-* “to come/go” has preserved the special form of the imperative:

Imperative

mo-d-i “Come”

c'a-d-i “Go away!”

Aorist

mo-x-ved-i “you came”

c'a-x-ved-i “you went away”

The 1st person plural imperative uses the future conjunctive screeve:

c'avide-t! “Let us go!”

avašeno-t! “Let us build!”

The 3rd person imperative uses the form of the conjunctive (optative) screeve:

c'aivos! “let him/her take away [it]”

utxras! “let him/her say”

aašenos! “let him/her build [it]”

3. The truncated imperative in Georgian

Historically the tendency to truncate the imperative traces back to the 12th century (“The Knight in the Panther’s Skin” by Shota Rustaveli). It is found mainly in poetic texts and only for the single forms of the 2nd person imperative. Presumably the first cases of

truncation were stipulated by the prosodic structure of versification. The origin of the imperative truncation tendency can be considered to have originated in this time period. The following truncated imperatives, (1) – (3), are found in Rustaveli’s poem:

- (1) *mo-di* (I) > *mo* (TI) “Come!”
mo, *davxsdet...*
 come (TI), let's sit down (PL, incl.)!
- (2) *mi-eci* (I) > *miec* (TI) “Give him/her/them!”
miec *glaxak'ta* *sač'urč'le*
 give (TI) the poor men the treasure!
- (3) *c'a-di* (I) > *c'a* (TI) “Go!”
c'a, *šeebi* *xat'aelta...*
 go (TI) [and] fight (I) with the people of Khataeti!

Shukia Apridonidze found one sample of truncated imperative in David Guramishvili’s poems (17th century) [Apridonidze 2003]:

- (4) *gamo-di* > *gamo*
sad *mimalulxar,* *ak* *čemtan* *gamo*
 where are you hidden, here to me come out (TI)

The truncated form is also used in a very well known poem by Nikoloz Baratashvili (19th century), “Merani”:

- (5) *gasc'i-e* (I) > *gasc'i* (TI)
gasc'i, *merano...!*
 go ahead (TI), my horse...!

The number of truncated imperative forms increased in the literature of the 19th century³:

- aca* > *aca[le]* “give him/her time to do smth”
moica//daica > *moica//daica[de]* “wait”
amo > *amo[di]* “come up”
čamo > *čamo[di]* “come down”
c'amo > *c'amo[di]* “come with me”
daade > *daade[vi]* “lie down”
mihq'e > *mihq'e[vi]* “follow him/her”

³ The examples are taken from Shukia Apridonidze [Apridonidze 2003, p.77-80].

moade > *moade*[vi] “put it aside”
c'amq'e > *c'amq'e*[vi] “lets go together”
damaca > *damaca*[de] “give me some time to do smth”
šexe > *šexe*[de] “look at it”
daič'i > *daič'i*[re] “hold”
daje(k) > *daje(k)*[i] “sit down”
adek > *adek*[i] “stand up”
moc'ek > *moc'ek*[i] “lie aside”
dahk'a(r) > *dahk'a (r)*[i] “hit (it)”
damk'ar > *damk'ar*[i] “hit (me)”
čamoxe(d) > *čamoxe(d)*[i] “get off the horse”
hk'a > *hk'a*[ri] “hit it”

The 19th century is the period when the so-called high style and colloquial forms of the language converged. This period also saw the literary language being enriched by the dialects. This process intensified the tendency of truncation and its transmission from the marginal edge to the center. As a result of this process, some truncated forms like *gadade*, *maca*, *dak'a* (the truncated segments *-vi*, *-le/-de* and *-ri*) were included in the Explanatory Dictionary of Georgian Language (prepared and printed during fourteen years in 1950-1964).

Some characteristics of Georgian truncated imperatives are determined by the nature of verbal structure. There are seven simple preverbs in Georgian: *a-*, *ga-*, *mi-*, *mo-*, *še-*, *ča-*, *da-*. Complex preverbs are derived by combining simple preverbs with the preverb *mo-*: *a-mo-*, *ča-mo*, *ga-mo*, *gad-mo*, *še-mo*, *c'a-mo*⁴. The preverbs have four functions:

1. Indication of direction (spatial meaning);
2. Indication of orientation (towards the speaker/towards the listener);
3. Production of perfective aspect (completed activity);
4. Derivation of a new verb (word formation).

The preverbs are required for aorist form formation to convey the perfective aspect (section 2.2). Since the forms of imperative and aorist are formally identical, the preverbs have a claim on being an obligatory part of the imperative.

⁴ Karpez Dondua [Дондуа, с. 119-126] studied the spatial preverbs *mo-*, *c'a-*, *mi-*, *da-*, *še-* and *ga-* in Shota Rustaveli's poem and distinguished their usage according to two types: independent and dependent [Дондуа, с. 286].

4. The truncated imperative in Modern Georgian

There are several possible reasons or triggers for the expansion of imperative truncation:

1. The existence of verbal stress that imposes the deletion of the rightmost syllable: *ámo*, *móme*, *dáič'i* and others.
2. The frequent usage of certain verbs.
3. The principle of language economy.
4. The continuation of the Old Georgian tendency.

This section introduces truncated imperative forms that are found in Modern Georgian. The list does not claim to be complete.

The structure of the truncated imperative is represented by a preverb and a verb stem. The phonological structure of the truncated segment is CV and V; the segment consisted of CCV (*-rdi* in *gače-[rdi]*) is found only once. The combinations of six consonants (A) and two vowels (B) are presented in the truncated segments.

A. The consonants:

/d/ – dental plosive

/v/ – labio-dental fricative

/r/ – alveolar tap, liquid

/n/ – dental nasal

/c/ – alveolar affricate

/k/ – velar ejective

B. The vowels: front, mid-open */i/* and */e/*.

Truncated segment *-di*:

<i>a-mo</i> [di]	“come up [to me]”	VCV[CV]
<i>ča-mo</i> [di]	“come down [to me]”	CVCV[CV]
<i>ga-mo</i> [di]	“come out [to me]”	CVCV[CV]
<i>še-mo</i> [di]	“come in”	CVCV[CV]
<i>c'a-mo</i> [di]	“come along with me”	CVCV[CV]
<i>gad-mo</i> [di]	“come across something [to me]”	CVCCV [CV]
<i>ga-če</i> [r-di]	“stop, hold on”	CVCV[CCV]

Truncated segment *-vi*:

<i>amo-de</i> [vi]	“put smth. under smth.”	VVCV[CV]
<i>mi-ade</i> [vi]	“rest, put smth. beside smth.”	CVVCV[CV]
<i>mo-ade</i> [vi]	“rest, put smth. beside the speaker”	CVVCV[CV]
<i>da-de</i> [vi]	“put down, lay down”	CVCV[CV]
<i>da-a-de</i> [vi]	“put smth. down on smth. else”	CVVCV[CV]
<i>še-de</i> [vi]	“put into”	CVCV[CV]
<i>ča-mode</i> [vi]	1. “to put smth. aside”; 2. “to move smth. downwards”	CVCVCV[CV]

Truncated segment *-ki*:

<i>da-je</i> [ki]	“sit down”	CVCV[CV]
<i>da-c'e</i> [ki]	“lay down”	CVCV[CV]
<i>a-de</i> [ki]	“get up”	VCV[CV]

Truncated segment *-de*:

<i>še-xe</i> [de]	“look at it”	CVCV[CV]
<i>da-xe</i> [de]	“look down at it”	CVCV[CV]
<i>maca</i> [de]	“give me some time to do smth.”	CVCV[CV]
<i>aca</i> [de]	“give him/her some time to do smth.”	VCV[CV]

Truncated segment *-ne*:

<i>mo-it'a</i> [ne]	“bring it (to me)”	CVVCV[CV]
<i>ç'amo-iq'va</i> [ne] ⁵	“take someone (to me)”	CVCVVCCV[CV]
<i>mo-iq'va</i> [ne]	“bring someone (to me)”	CVVCCV[CV]

Truncated segment *-le*:

<i>maca</i> [le]	“let me do smth. later”	CVCV[CV]
<i>aca</i> [le]	“let him/her do smth. later”	VCV[CV]

Truncated segment *-ri*:

<i>dahk'a</i> [ri]	“hit”	CVCCV[CV]
<i>dauk'a</i> [ri]	“play”	CVVCV[CV]
<i>šehk'a</i> [ri]	“tie up”	CVCCV[CV]

Truncated segments *-e*, *-re*, *-ci*:

<i>da-ič'i</i> [re]	“hold it”	CVVCV[CV]
<i>ga-ic'i</i> [e]	“move aside (from me)”	CVVCV[V]
<i>mi-ic'i</i> [e]	“move aside”	CVVCV[V]
<i>mo-ic'i</i> [e]	“move towards me”	CVVCV[V]
<i>mi-sc'i</i> [e]	“move aside (from me)”	CVCCV[V]
<i>mo-sc'i</i> [e]	“move aside (towards me)”	CVVC[V]
<i>mo-me</i> [ci]	“give me”	CVCV[CV]

Truncated syllables can be a result of full truncation and of partial truncation of a segment:

1. Full truncation of the segment CV: *-vi*, *-ne*, *-di*, *-de*, *-le*, *-ki*, *-ri* and V: *-e*, *-i*;

2. Partial truncation of the segment C[V] is found for *r[i]*, *-k[i]* in optional forms *dauk'a-r* // *dauk'a* and *daje-k* // *daje*, whereas the forms *dauk'a-r*, *daje-k* are outdated in Modern Georgian.

⁵ Kakhétian (Kakhuri) dialect.

3. The end of the base is always CV. As far as full truncation supposes the truncation of CV/V, the expected base in *ga-čer-di* must be **gačer*. However, /r/ is deleted together with the *-di* to support the rule that CV occurs at the end of the base.

4.1. Characteristics of the truncated imperative in Georgian

A. The truncated imperative has only 2nd person singular forms (except some forms that are described in paragraph F). It seems that truncated forms cannot take the 2nd person plural/polite marker *-t* (2nd person plural marker). Nevertheless, the collected material does not allow for such a strong statement, as the variety of informants' attitudes to the plural/polite forms is quite broad. The only approved forms of plural/polite forms are *šexe – šexe-t* and *daxe – daxe-t*, while all forms with truncated *-vi* segment can take the plural marker, like *amode – amode-t*, *miade – miade-t*, *dade – dade-t*, *šede – šede-t*, *gadmode – gadmode-t*.

B. Truncated and full forms of the imperative are in free variation and basically coexist in parallel to each other:

daje / daje-ki, dac'e / dac'e-ki, amo / amo-di.

C. The truncated imperative does not require a special intonation, special lexical environment or special discourse context the signal to be recognized correctly. I postulate that the truncated imperatives create a new grammatically marked paradigm, an opposition to the aorist form. As was mentioned in 2.2, the same form is used to designate both the imperative and the aorist:

aašene! (imperative) – build! ↔ *aašene* (aorist) – you built it!

However, in the truncated form, the aorist may be distinguished from the imperative:

Aorist	Full imperative	Truncated imperative
šexede	šexede	šexe-Ø
dauk'ari	dauk'ari	dauk'a-Ø
momeci	momeci	mome-Ø

D. The truncated imperative is formed only in combination with the preverbs. For example: *da-je* but not *je*, *da-c'e* but not *c'e*. The exception is the form *še(s)dek – sdek*.

E. Truncated imperative forms are semantically restricted. Mainly these are verbs of vision (*look at, up, down, aside*, etc),

movement (*come in, along, go away*, etc.), as well as verbs such as *put on, put into, lay down, lie, stop, hold on*, etc.

F. The number of truncated/reduced segments is restricted:

-*de* (*šexe-de* < *šexe*, *moica-de* < *moica*)

-*di* (*amo-di* < *amo*)

-*vi* (*c'amq'e-vi* < *c'amq'e*, *gamq'e-vi* < *gamq'e*)

-*ne* (*gaata-ne* < *gaata*), -*ki* (*dac'e-ki* < *dac'e*)

-*e* (*moc'i-e* < *moc'i*, *gaic'i-e* < *gaic'i*).

-*ri* (*dahk'a-ri* < *dahk'a*, *dauk'a-ri* < *dauk'a*)

-*ki* (*daje-ki* < *daje*, *ade-ki* < *ade*)

The truncated segment -*vi* is mostly eliminated (see the list of truncated imperatives in 4). Only some forms of full imperative and truncated imperative can be used in free variation:

dade-Ø // *dade-vi*

šede-Ø // *šede-vi*

gadmode-Ø // *gadmode-vi*

G. The verb *ved-* “to come, go” produces peculiar truncated imperative forms in combination with complex preverbs. Reduction of the morpheme -*di* generates the meaningful bare complex preverbs:

amo-di < *amo*

čamo-di < *čamo*

gamodi < *gamo*

šemo-di < *šemo*

c'amo-di < *c'amo*

gadmo-di < *gadmo*

5. Conclusions

The collected data allows me to suggest some preliminary rules of truncation:

1. Truncation appears to be allowed in verbs consisting of one or at most two syllables.

2. The truncated segment can only end with the vowels -*e*, -*i*.

3. Verbs without preverbs cannot be truncated.

4. Truncated forms coexist with the full forms except for some forms with the truncated -*vi* segment (see section 4.1. F).

5. Unlike in Hebrew, in Georgian the truncation is not obligatory. The lexical category of truncated words is not changed except for the complex preverbs in G, which as a result of truncation convey full verbal meaning.

6. As opposed to Hebrew and Danish, truncation in Georgian is not required in order to express the imperative.

7. The truncated imperative in Georgian is a type of true templatic truncation close to that of hypocoristic nouns.

* * *

I would like to express my deep gratitude to Dr. Yakov Testeletis for his comments at the initial stage of writing and to Dr. Vitaly Voinov for his editorial help.

References

1. Дондуа К.Д. К лингвистическому анализу одной вступительной строфы «Витязя в тигровой шкуре» // Дондуа К.Д. Статьи по общему и кавказскому языкознанию. Ленинград: Наука, 1975. С. 119-126.
2. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1988.
3. Храковский В.С., А.П. Володин. Семантика и типология императива: Русский императив. Ленинград: Наука, 1986.
4. Allan, Robin; Holmes Philip; Lundskaer-Nielsen. Danish. An Essential Grammar. London: Routledge, 2000.
5. Apridonidze, Shukia. The Structure of forms of addresses in New Georgian. The doctoral thesis. Tbilisi, 2003. (in Georgian).
6. Aronson, Howard. Georgian: A Reading Grammar. Corrected version. Bloomington: Slavica, 1990.
7. Crystal, David. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. Fifth edition. Blackwell, 2003.
8. Haspelmath, Martin; Dryer, Matthew S.; Gil, David; Comrie, Bernard (eds.). The World Atlas of Language Structures. Oxford University Press, 2003.
9. Hewitt, George. Georgian: A Learner's Grammar. 2nd edition. Routledge, 1996.
10. Issatschenko, A.V. The morphological status of truncation in Russian and compound adjectives // Russian Linguistics. 1979. Vol. 4, №2. P. 161-168.
11. Lappe, Sabine. English Prosodic Morphology. Dordrecht, The Netherlands: Springer, 2005.
12. Toputia V., Gginaishvili I.V. Spelling Dictionary of Georgian Language. Tbilisi, 1968. (In Georgian).
13. Shandize, Akaki. Fundaments of Grammar of Georgian Language. Tbilisi, 1953. (In Georgian).
14. Quti Bat-El. Anti-faithfulness. An inherent morphological property // Lecarne, Jacqueline (ed.). Research in Afroasiatic Grammar II: Selected

- papers from the Fifth Conference on Afroasiatic Languages, Paris, 2000. Amsterdam: John Benjamins, 2003. P. 21-34.
15. Quti Bat-El. True truncation in Colloquial Hebrew Imperatives. Tel-Aviv University, 2002.
 16. Vogt, Hans. Grammaire de la langue géorgienne. Oslo, 1971.
 17. McCarthy, J. and A. Prince. Prosodic Morphology // Andrew Spencer and Arnold Zwicky, eds. The Handbook of Morphology. Oxford: Basil Blackwell, 1998. P. 283-305.

©

С.В. Дёрин
ИЯз РАН (Москва)

Служебные слова в языке зороастрийский дари

Предлагаемая статья посвящена предлогам, послелогам, а также союзам, употребляемым в качестве средства синтаксической связи в предложениях языка зороастрийский дари, или йезди. Этот язык относится, в отличие от персидского (языка юго-западной группы), к северо-западной группе иранских языков. В нём представлены и оригинальные служебные слова, и заимствованные из персидского языка. Упомянем использование со значением совместности персидского предлога *bā* в форме йезди *bō*, наряду с обычным для йезди *hod/xād/hād/hār* и др. (например: *bō me gar makud* «не говори со мной ...» наряду с *yanog hāre zuunaš čot o pet šokart* «он немного со своей женой пошептался»). Послелог *rā* в зороастрийском дари почти не употребляется. Однако имеются другие послелогии.

Зороастрийцы являются билингвами (родной язык и персидский), что сказывается и на употреблении служебных слов. На основе изучения четырёх прозаических и одного стихотворного фольклорных произведений мы сгруппировали по грамматическому значению встречающиеся в них предлоги с соответствующими примерами.

Зороастрийские предлоги показывают большую подвижность по сравнению с персидскими (см. [Пейсиков 1960]) – ряд предлогов выступает в качестве послелогов, например *brō – me brō/brōš*. Имеются простые и составные предлоги, а также изафетные.

Предлоги

Предлог **hāre**.

1. Значение инструментальности:

- (1) Har ru sobi heyli zi šo vudvun tig šækæn o pasin šæba šar o šæhrōt o **hāre** mo aldi i ge šægrapt qeyre nune xōli čom be šnašōzæ hri. – Каждый день очень рано утром он шёл в пустыню, собирал колючки, а после полудня нёс их в город и продавал и на все те деньги, что он получал, кроме простого хлеба он ничего не мог купить (DPX 151; 1-4¹).
- (2) Hāre mo bardæ o mo pō ge vinæ
Gelom lačnōza o hōli nadōræ –
Этой лопатой и ногой, которые ты видишь,
Глину утапывал и изнемог.

Предлог **hāre** широко используется для обозначения **адресата** или **источника информации** при глаголах, обозначающих речевую деятельность, типа **votvun** – говорить, сказать, **porsodvun** – спрашивать и других, например:

- (3) Pasin ge bo **hāre** dote pir xōrkæn ošvōt kza ge še **hāre** mamogod vevā ge hōssōm ševōta sarōš dard ækra yanog sesk omāte brōš vebraē pišuni mōla ge xib ‘ebu. – Когда наступил вечер, она сказала дочери собирателя колючек: когда придёшь домой скажи своей матери, что [мол] учительница моя сказала, что у неё болит голова, дай мне немного уксуса, я ей отнесу, она помажет лоб и поправится (DPX 151; 20-23).
- (4) Ruje bad hōssō **hāre** dote pir xōrkæn ošvōt ge in æ kza veminit o plita š-æ dote xāš dō o š-æ sarō nept o **hāroš** ošvō vaxti vōz plitaš æ tu ča vna š-æ dombōl vešut æ tu ča o yanoge piri ge onæ ha har če vāja vekra. – На следующий день учительница сказала дочери старика собирателя колючек, чтобы она осталась дома, и дала хлопок своей дочери и послала её в степь и сказала ей:

¹ После обозначения источника через пробел указывается номер страницы, на которой находится цитируемый пример, затем после точки с запятой – номера первой и последней из занимаемых им строк. Если пример расположен на стыке страниц, указываются через дефис обе эти страницы и после точки с запятой вначале дается номер строки, с которой пример начинается на первой из этих страниц, затем номер строки, на которой он заканчивается на второй странице. В этом случае второй номер, как правило, меньше первого.

- когда ветер твой хлопок в колодец бросит, иди вслед за ним в колодец и старуха, которая там сидит, всё, что она ни скажет, делай (DPX 153; 14-19).
- (5) Badoš **hāre** tōjer ošvō aldid æ piše zyunama tura ‘mneft vešut **hāroš** ve vāja byōt aldid ‘dæ pe tim. – Потом сказал купцу: деньги твои у моей жены, я шакала послал, он пойдёт, ей скажет, она придёт, мы деньги твои тебе вернём (K 166-167; 28-3).
- (6) Hōssō zi dote xōrkæn š-æ tu trin æ moxtæm ka o baroš ošbašt o **hāre** ođamōe pore pōččō ‘švō længe čmoše čini dote in dōra. – Учительница быстро дочь собирателя колючек в печь спрятала и дверцу закрыла, а людям падишаха сказала [что] китайская туфля – [принадлежит] её дочери (DPX 154; 14-17).
- (7) Dotog šo plita āprōna mōzæroš ge rāve gudarog bo gar oma o **hāre** dotoš ošvō vaxti še plitad æ jæm kre yaki yanoge pir ætō ‘d-æ piš vāja ge saroš veuōze vaxti sar šæ yuze vine tu saroš pore mur o melek o jak o junovara. – Девушка пошла подбирать хлопок, мать её, которая превратилась в телёнка, обрела дар речи и говорит своей дочери: когда пойдёшь собирать свой хлопок, одна старуха выйдет тебе навстречу и скажет, чтобы ты ей голову вычесала, когда будешь ей вычёсывать голову, увидишь у ней в голове много муравьёв, саранчи, кузнечиков и живности (M 157; 26-31).
- (8) Ya ru hōssō **hāre** meziroš ošparsō ge šāv tu kza čeči xræn – Однажды учительница у своей ученицы спросила, что они вечером (= на ужин) едят (DPX 151; 15-17).
- (9) Yaki mærdoge kusa bo ge xeyli **hāre** yænun o mærdun xaštabi šæka o har yōga šo masxara bōzi šæ bar æ tōrt. – Жил-был один безбородый мужичок, который очень насмехался над женщинами и мужчинами и, куда бы ни пошёл, забавлялся над ними (K 166; 1-3).
- (10) Ya ru hussōš ošvōt ey dotog vaxti kza šōe **hāre** mamogod vevā hussōm ševōta saroš dard ækra yanog sesk mâte brōš vebra pišuniš mōla. – Однажды её учительница сказала ей: эй, дочка, когда домой придёшь, скажи своей маме, [что] моя учительница сказала, что у неё болит голова, дай мне немного уксуса, я ей отнесу, она лоб помажет (M 157; 5-8).
- (11) Mærdoge xōrkæn māḏæ ‘ška, usō zyune pzær **hāre** dotog ošvōt ya mošta plita ji vebā o vaxte vikōrid ures. – Мужичок

собиратель колючек так и сделал, тогда жена отца девушке сказала: возьми также моток хлопка и когда нечего будет делать (*букв.* во время безделья) сучи (М 157; 22-24).

Предлог **hāre** с энклитическим местоимением (*haroš*):
См. выше примеры (4), (5).

2. Значение совместности:

- (12) Yanog *ōnig mæ mānnæ čōi tōræ*
hāre *hošvōe dōq o nune brešta* –
Посиди немного, я сейчас же принесу чаю
С горячим хошву² и поджаренным хлебом [G 171; 4].
- (13) Yanog **hāre** *zyunaš čot o pet šokart o šo kassōbi yaki puste vra o*
yaki rugija o del o jeqær ošhri o oma kza. – Он немного со своей
женой пошептался, пошёл в мясную лавку и купил баранью
шкуру, кишки, сердце и печень и пришёл домой (К 166; 8-11).

Предлог **æ**.

Æ [ОИЯ, с. 338]

1. Значение адресата и направления:

- (14) Zyune mo *pire xōrkænæ vaxti dotoš æ massærog bo š-æ hōssō*
nō ge čom æ-zæm gōga. – Жена этого старика собирателя
колючек, когда её дочь немного подросла, отправила её к
учительнице, чтобы [она] чему-нибудь научилась (*букв.*
взяла в ум) (DPX 151; 8-9).
- (15) Ōsu *yænog ya mošta vrænga o ya joft čmoše čini ‘šdō o ošvō bar*
ge še trape dašte rōst vešā vaxti sare ju dōv ærse yaki mošte dōv æ
siratod kuz o vešā kza šā. – Тогда старушка дала ей клубок и
пару китайских туфелек и сказала: когда выйдешь, иди в
правую сторону, когда дойдёшь до источника, горстью воды
умой лицо и иди к себе домой (DPX 153; 2-6).
- (16) Pōččō *švō vešā nist ‘ebā mæ dot æ tā nattæ.* – Падишах сказал:
пропади ты пропадом, я дочь тебе не отдам (DgtDtN 163; 16).
- (17) Do tō *ōdæmoš š-æ hmauōma nept ge vevinæn længe čmoše ke*
dōra šæ di kræn o ‘šbyuræn piše in. – Он послал повсюду двух
своих людей, чтобы они высмотрели, у кого есть китайская
туфля, нашли его и привели к нему (DPX 154; 10-13).

² Ритуальный хлеб для поминания умерших.

- (18) Pa yaki dasmōl **æ** pišunid bæn o yaki ji šive kočad. – Так что появижи один платок на лоб, а другой также на подбородок (M 158; 14-15).
- (19) Yahāv šodi yaki kark o hros parōæn æ ri trin o šoxæn qod o qod o qod va o vataer **m-æ** tænur-a āi do mærdun. – Вдруг курица и петух вспорхнули на печь и запели: куд-кудах, лучшая из лучших в моём тануре, эй вы двое! (DPX 154; 21-23).
- (20) Mi do tō ōdæmæ rāv kaptæn o hmaуōma šōæn tā rasōæn **æ** bare kz'e pīre xōrkæn. – Эти два человека пустились в путь и везде ходили, пока не пришли к дверям дома старика собирателя колючек (DPX 154; 13-14).
- (21) Mi ōdæmæ har kōri šoka længe čmoš **æ** pō dote hōssō našo vali brōi ge čmoš šæ piš bo šāvyō šæ piše pore pōččō bræn. – Как эти люди ни старались, туфля на ногу дочери учительницы не лезла, но для того, чтобы туфля была с ними, захотели отнести её к сыну падишаха (= царевичу) (DPX 154; 18-21).
- (22) Brō mo bo ge hōssō pōke kōre moškel **š-æ** mezire tōja hermuni. – Из-за этого учительница всю тяжёлую работу поручала новой ученице (DPX 151; 12-13).
- (23) Hme porogune mošaræ o porogune šarōebe mo dotogæ šovassō o šāvyō 'šāgōræn vali harki ge toma 'šāšna pōččō bona 'šæ barætōrt o dot šo nadōæn o brōi ge veštær ōzor šoāta ošvō tu šar jōr bekuzæn ge pōččō dot **æ** kyomi ta ge drui vevāja ge pōččō nasōzæ karta bu' vevāja ge mōæ dru naha. – Все юноши этого города и юноши других городов желали эту девушку и хотели её взять [в жёны], но каждому, кто приходил её забрать, падишах выдумывал отговорки и не отдавал им девушку, а для того, чтобы больше их помучать, сказал издать в городе указ, что падишах тому отдаст дочь, кто скажет ложь, про которую падишах не сможет сказать, что это не ложь [которую падишах не сможет опровергнуть] (DgtDtN 162; 3-9).
- (24) Pōččō 'švō mo xo dru naha o ri '**š-æ** mardom ka o 'švōt rōst ævāja mæ xām ji 'mđi ge iæ mo trafæ šōæn o ošvō saroš vebriæn. – Падишах сказал: да это же не ложь! – и повернулся к народу и сказал: он правду говорит, я сам тоже видел, что они с той стороны пришли, и сказал, чтобы ему отсекли голову (DgtDtN 162-163; 28-1).
- (25) Kačal ji šakapt o ošvō hærdō mæ '**š-æ** zæm ætæ. – Плешивый тоже заплакал и сказал: завтра я его проучу (DgtDtN 163; 6-7).

- (26) Pōččō čōrai ‘šnadōrt o dotoš ‘š-*æ* kačal dō. – У падишаха выхода не было, и он дочь плешивому отдал (DgtDtN 163; 30-31).
- (27) Ruje bad hōssō gudarog š-*æ* kza goš grapt o plite veštær š-*æ* dote pire xōrkæn dō o š-*æ* sarō nept o ošvō pōke plita uresa o badoš *æ* kza byut. – На следующий день учительница телёнка оставила дома и дала дочери старика собирателя колночек больше хлопка, и отправила её в степь и сказала, чтобы она весь хлопок напряла, а потом пришла домой (DPX 152; 15-19).
- (28) Hōssō ge šdi har ru nune xōli ‘švyāxa ruje bad kōrōe veštær o moškeltær š-*æ* dote xōrkæn hermunī. – Когда учительница увидела, что каждый день пустой хлеб надо будет есть, то на следующий день поручила дочери собирателя колночек больше и более тяжёлую работу (DPX 152; 6-8).
- (29) Yaki pōččō tu ya šari bo ge xely dōzor ‘š-*æ* mardom æ dō. – Жил в одном городе падишах, который очень мучил народ (DgtDtN 162; 1-2).

А также см. выше пример 4.

2. *Æ* в составных предлогах:

- (30) Vaxti mæmogod sare xume sesk šo zi š-*æ* blænd æka o š-*æ* tu xume sesk væn. – Когда твоя мама сунет голову в чан с уксусом, быстро её подними и в чан с уксусом кинь (M 157; 8-10).
- (31) Del o jeqær š-*æ* tu pust nō o ošbašt æ ri tele zyunaš o šo mo tōjeræ brō šāv šæ memun ka. – Сердце и печень он положил в баранью шкуру/овчину и привязал к животу жене и пошёл пригласил того купца на ужин (K 166; 11-13).
- (32) Yaki мое хæге næg š-*æ* ri pišuni o yaki мое хæге mōya š-*æ* ri koča bar oma. – Признак осла на лбу и признак ослицы на подбородке появился (DPX 154; 5-7).
- (33) Vaxti onæ gasō vōz oma o plitaš š-*æ* tu ča væn. Когда она туда пришла, поднялся ветер и сбросил её хлопок в колодец (DPX 152; 19-20).
- (34) In ji māfsæ ška vaxti dōv š-*æ* siratoš košt yaki mōm š-*æ* ri pišuni o yaki хорšid š-*æ* ri koča bar oma. – Она так и сделала, когда брызнула водой в лицо, на лбу взошла луна, а на подбородке солнце (DPX 153; 6-8).

- (35) Yanog plitaš ošdō o ošvō bar ge še trape dašte čap vešā sare ðvge rase ya mošta ðv **æ ri** siratod kuz o vešā kza šā. – Старушка дала ей её хлопок и сказала: когда выйдешь наружу, иди направо, когда дойдёшь до источника, умойся горстью воды и иди к себе домой (DPX 153-154; 30-3).
- (36) In ji kōrt ošte o 'škošt **æ tu** teloš. – Он же достал нож и ударил её в живот (K 166; 14).
- (37) Mo 'švō o zi az šar æ bar šo o otrapæ darvōza čel tō čapie xeyli mas ošvōpt o sobi zi ruje bad '**š-æ var** čel tō oštor bašt o ošōrt **æ dæme** darvōza '**š-æ** vzin nō o xāš šo piše pōččō. – Сказав это он быстро вышел из города и с внешней стороны ворот сплёл сорок очень больших корзин, а рано утром на следующий день привязал их к сорока верблюдам и привёл [верблюдов] к воротам, поставил/посадил на землю, а сам пошёл к падишаху (DgtDtN 162; 10-14).
- (38) Tā xūl bā vaxti mæmogod sar e kra ge sesk æ barōra da **š-æ šive** kun ka o **š-æ tu** xum væn. – Ты проследи – когда твоя мама голову сунет внутрь, чтобы достать уксус, подсунь ей руку под попу и брось в чан (DPX 151; 23-25).
- См. выше примеры (4), (5), (6), (7), (9), (16), (20), (22).

Предлог **az** (и его вариант **æ**) – из.

1. Исходно-отложительное значение, значение источника:

- (39) Dotog māfsæ čerā **az** hæm bar æše
 Rāve šire yos **az** kmōdun sar æše
 Xib on mæ yanogi piše tā minæ
 Agæ na zonæ **az** daštom bar æše–
 Девушка, зачем так из себя выходишь?
 Как кипящее молоко из котла убегаешь (букв. выходишь)
 Ладно, я немного побуду около тебя
 Если я не знаю, ты из рук моих уходишь (G 173; 17).
- (40) d-**æ** vir našu ge āšne tōs o parda – не забудь (букв. чтобы у тебя не вышло из памяти) взять таз и занавеску (G 172; 7).

2. Выражает объект при прилагательном vīnyōz «не нуждающийся»:

- (41) Tā xo **az** aldi o čom vīnyōz e –
 У тебя же нужды в деньгах и имуществе (G 173; 14).

3. Движение **вдоль, через, сквозь**:

- (42) Az o triki byō ke ‘ški-d navinæn. – Иди по тому [такому] пути, чтобы никто тебя не видел (G 173; 13).
- (43) Dotog yanog **az** oi ge vzarta bo ošvōt. – Девушка немного/кое-что из того, что произошло, рассказала (M 158; 22-23).

Brō – для.

Предлог **brō** употребляется как с существительными, так и с личными местоимениями. Также он употребляется с изафетной частицей (ср. персидский аналог **برای** *barāye*, употребляющийся исключительно слитно с изафетной частицей, с которой он сросся). В сочетании с изафетной частицей предлог зороастрийского дари **brō** принимает форму **brōi**.

Brōš – ему (для него)

1. Цели:

- (44) Brō sare kōr – для начала работы.

2. Адресата:

См. выше пример (10).

3. Причины:

См. выше пример (23).

Предлог **be**

1. Значения **адресата и направления**:

- (45) Vaxti gala vaštæn o dotog šo gala jæm kra vōz plitaš ošba vaxti šo plitaš æ jæm kra rasō **be** yanoge pir. – Когда стадо разбрелось и девушка пошла стадо собирать, ветер унёс её хлопок, когда она пошла собирать хлопок, пришла к старушке (M 158; 25-27).
- (46) Dotog plitaš oššte o šo tā rasō **be** gala. – Девушка взяла свой хлопок и пошла, пока не пришла к стаду (M 168; 11-12).
- (47) Kōre æmgu mavæn ešbōr **be** hærdō – Сегодняшнюю работу никогда не откладывай на завтра.

Предлог **tu** (нахождение и направление):

- (48) Nar če hištō vōz noma ge plitaš **æ tu** ča vna in ji xāš plitaš **šæ tu** ča væn o dombōloš šo **tu** ča. – Сколько она ни стояла, ветер не поднимался бросить её хлопок в колодец, она же сама свой хлопок бросила в колодец и вслед за ним полезла в колодец (DPX 153; 19-21).
- (49) Bade do ru mōzæroš yaki gudarog bo o az xum æ bar oma o šo **tu** gænze xær gale gōb. – Через два дня её мать превратилась в

телёнка, вылезла/вышла из чана и пошла в стойло к коровам (М 157; 11-13).

Предлог **var** – на (нахождение на поверхности/направление на поверхность) ср. перс. **bar**: см. выше пример (37).

Предлог *var* имеет значение «возле, рядом» [ОИЯ, с. 340, первый абзац].

Отыменные предлоги.

Предлоги **bade** (после) и **dombōle** (вслед за).

Предлоги **bad** и **dombōl** в имеющихся в нашем распоряжении фольклорных текстах употребляются в двух вариантах – в изафетной форме **bade** и **dombōle** и в сочетании с энклитическим местоимением 3 л. ед.ч. – **badoš** и **dombōloš**.

См. выше пример (49).

(50) *Yaki čupun ge **dombōle** vraš dōrt o šo kza oma švō čeči ‘dnavōte.*
– Один пастух, который вслед за своим стадом шёл домой, спросил [безбородого], чего ты не хочешь? (К 167; 17-19).

См. выше примеры (4), (48)

Предлог **dæm** – к (направление). См. выше пример (37).

Предлог **gale** – вместе (значение совместности):

См. выше пример (49)

(51) *Pare syōvšun gale šōi veuosnæp – Венерины волосы с крессом завари (G 171; 2).*

Предлог **hæmre** (он же послелог с энклитическим местоимением).

Значение **совместности**.

(52) *Zyune pzær ruje bad dote xāš **hæmre** gala šæ sarō nept tā in ji mo juræ vebut.* – На следующий день жена отца [мачеха] отправила свою дочь вместе со стадом, чтобы она такой же стала (М 168; 23-25).

(53) *Do-sæ ru badoš tōjer ošdi kusa **hæmre** yamošta gala ha.* – Два три дня спустя купец увидел – безбородый [идёт] с большим стадом (К 167-168; 30-1).

Предлог **læve** – у, около.

(54) *Læve deryō ge rasbæn kusa švō næ xo šāv æn hærdō sobi mæ tu deryō vnit.* – Когда пришли к морю, безбородый сказал:

сейчас ведь ночь, завтра утром меня бросите в море (К 167; 11-13).

- (55) Iæ šovō xibon usō kusa šo tu yaki sændix kart o šo *laeve* deryō nō o šdæn ge hærdō byuæn šæ tu deryō vnæn. – Они сказали «хорошо», тогда безбородый полез в сундук, и они оставили его на берегу моря, и ушли, чтобы назавтра придти и бросить его в море (К 167; 13-15).

Предлог **piše** – у/к (с одушевлёнными существительными).

1. Значение нахождения поблизости от адресата.

См. выше пример (39)

2. Значение направления.

См. выше пример (37)

- (56) Okadæ mo šeræ šoxæn tā mi mardogæ bare trin šo vā ka o dote pīre xōrkæn šo di kart o šo *piše* pore rōččō bart o bo zyune pore rōččō. – Только они спели этот стих, как эти мужики дверь печи открыли и нашли дочь старика собирателя колочек и отвели её к сыну падишаха и она стала женой сына падишаха (=царевича) (DPX 154; 23-26).

- (57) Mo dotogæ ‘šæ vel ‘eka o voša piše pzær o mōzærod vemin. – Девушку эту оставь и иди оставайся со своими отцом и матерью (DgtDtN 162; 18-19).

В следующей фразе предлог *piše* вводит **адресат внутренней речи**:

- (58) Hōssō *piše* xā švō miæ xeyli aldi dōræn ge har šāv nun o kabōb æhgæp – Учительница сказала про себя: у них много денег, раз они каждый вечер едят хлеб с кебабом (DPX 151; 18-19).

Предлог **qeyre** – кроме. См. выше пример (1).

Предлог **rāve** – выражает подобие:

- (59) Yaki zyuna ji šdōrt *rāve* xāš hromdōza. – И была у него [также]жена, такая же, как и он, пронырливая (К 166; 5-6).

См. выше пример (7).

- (60) Mōzæroš vaxti tu xume sesk kapt *rāve* yaki gudarog bo o bar ota o šo veje gænza xopt. – Мать её, когда упала в чан с уксусом, стала телёнком, вылезла и пошла уснула около комнаты (DPX 151-152; 28-1).

См. выше пример (39)

Предлог **veje** – около, возле.

(61) *Veloš ka bō o bæn unig veje mæ* – Оставь сад и иди, посиди около меня (G 173; 14).

См. выше пример (60)

Предлог **šive** – под.

(62) *Dotog šo sare čašma ðve sviz ge oma šæ siratoš košt usō yaki mōm ri pišuniš o yaki setōra šive kočaš æ baroma*. – Девушка пошла к источнику, как пошла белая вода, облила ею лицо и тогда луна на лбу у ней и звезда под подбородком выступили (M 158; 8-10).

Составные предлоги

Предлог **qeyr az** – кроме (кого, чего).

(63) *Yaki bo yaki nabo qeyr az xzō eški nabo*. – Кто-то был, кого-то не было, кроме Бога никого не было (M 157; 1).

Предлог **be yōge** – вместо.

(64) *Vali zonæ mæ æmru kza ge tōæ*

Be yōge gušt gročīn dōræ æmru. –

Но я знаю, сегодня, когда я приду,

Вместо мяса у меня будут хрящи сегодня [на ужин] (G 172;

11).

Предлог **æ hæmra** – вслед за.

(65) *Mardom jī š-æ hæmra šbæp* – Народ также последовал за ним(-и). [DgtDtN 163; 22]

Предлог **æ var** – к/на. См. выше пример (37)

Предлог **æ dæme** – к/на. См. выше пример (37)

Предлог **æ bar** – наружу, вон. См. выше пример (37).

Предлог **æ tu** – внутрь. См. выше пример (48)

Послелог

Послелог **badoš** – после этого. См. выше пример (53).

Послелог **hæmra**.

(66) *Ya ru ‘šašnoft ge yaki kōfla mza tu kōromsrō o yaki tōjeri ge xeyli aldi dōra jī šo hæmra ha*. – Однажды он услышал, что один караван прибыл в караван-сарай, и с ними также один купец, у которого много денег (K 166; 6-8).

См. выше пример (65).

Послелог **dombōl**. См. выше пример (4).

Послелог **piš**. См. выше примеры (7), (22).

Послелог **rā** не является употребительным. В фольклорных текстах он встретился нам только в одном предложении, но зато в двух разных значениях – адресата речи и прямого дополнения:

(67) Mæ **rā** vevā tā **rā** mokadræ mæb – Скажи мне: я так тебя люблю (G 173; 16).

Союзы

Союзы слабо отличаются от персидских.

1. Сочинительные союзы: o, ya, vali, amma

O – соединительный союз, соединяет однородные члены предложения, части словосочетаний, а также входит в состав копулятивных сложений.

Ya – разделительный союз.

Amma – противительный союз *но*.

Vali – противительный союз *но*.

В «Русской грамматике» можно посмотреть классификацию союзов. Также см. в [ОИЯ].

O – и.

См. выше пример (1)

(68) Nune xōli šæhri **o** šæba kza **o** šædb zyuna **o** dotoš **o** šævō nun **o** kabōb on. – Он покупал простой хлеб и нёс его домой и давал его своей жене и дочери и говорил – это хлеб и кебаб (DPX 151; 4-6).

(69) Iæ ji šoxa **o** del šo xaš bo ge nōn **o** kabōb æxraen. – Они же ели и сердце их радовалось, что хлеб с кебабом едят (DPX 151; 6-7).

(70) Mo hōssæ ji xāš yaki dote hæm kade in ošdōrt ama modotogæ hæmnōza **o** tæmbal **o** vi dašvōra bo. – Эта учительница же сама имела дочь того же возраста, что и она, но эта дочь была безхозяйственная, ленивая и неумелая (DPX 151; 10-12).

(71) Šævō har ru hmauyuma veruva **o** ōv urija **o** tōs **o** mes ve horsa **o** badoš ji sare xāš **o** dotoš veyuza. – Она говорила (ей) каждый день везде подметать, опрыскивать водой, чистить посуду и потом ещё вычёсывать голову себе и дочери (DPX 151; 13-15).

См. выше пример (9).

- (72) Ya ru pore pōččō ya šare be ge kad **o** bōlō blænd **o** xaši ' 'šdōrt oma tu mo šaræ **o** šævyō dote pōččō āšna. – Однажды сын падишаха другого города, который был высок и хорош собой (досл. который фигуру высокую и красивую имел) пришёл в этот город и захотел познакомиться с дочерью падишаха (DgtDtN 162; 13-16).
- (73) Timōre vra **o** meš kerm **o** kejōta
 Ādæn harki ge vekra yā ge šæō –
 Уход за баранами и овцами и шелковичными червями
 Предоставь любому, кто это делает или хочет (G 173; 16).
- (74) In ji har juri ge bza bo švō vali tarsōvevāja ge kz'e yanog šeropta **o** tōs **o** mesoš šehorsiza **o** saroš šeyošta. – Она же всё, как было, рассказала, но побоялась сказать, что вымела дом старушки, и натёрла её посуду и вычесала ей голову (DPX 153; 11-14).
- (75) Āgō mo čōi **o** mo pešae hli, mo ji horsō **o** olmōč brō sare kōr. – Возьми этот чай и эти абрикосовые ядрышки, вот ещё кислое молоко и суп-шули для начала работы.

Yā – или.

- (76) Yænoge pir dæ parsa sare mæ pōktær on **yā** sare mæmogod tā vevā sare tā pōktær on. – Старуха тебя спросит: моя голова чище или голова твоей мамы, ты скажи: твоя голова чище.
- (77) Yanoge pir ošvō vevā vevinæ sare mæ pōktær on **yā** sare mōzærod. – Старушка сказала: скажи-ка/поглядим-ка моя голова чище или голова твоей матери?
- (78) Yænoge pir ošvō xibon junom xibon vešā sare čašma agæ ðve sviz **yā** zard oma ečči amā agæ ðve syō oma ya mošta āštin æ siratod kuz. – Старушка сказала: хорошо, душа моя, хорошо, иди к источнику, если белая или жёлтая вода пойдёт, то ничего [не делай], но если чёрная вода пойдёт пригоршню зачерпни, брызни в лицо (M 169; 4-6)

См. выше пример (73).

Vali – но (в значении «однако»):

- (79) **Vali** pore pōččō gare iæ' šæ goš nadō. – Но сын падишаха их не слушал. [DgtDtN 162; 19-20].
- (80) Az o rujær har ru čæn tō porogun æ tomaæn o ya drōi šovō **vali** pōččō eštōš 'šæ kābil naka o 'šævō saršo āšnæn. – С того дня каждый день несколько юношей приходили и говорили одну

ложь [по одной лжи], но падишах им не верил и говорил сечь им головы (DgtDtN 162; 11-13).

См. выше примеры (21), (23), (64), (74).

Agæ – если (условный союз):

(81) **Agæ** eštōš naha čōi veyosnæn. – Если ничего нет, чаю завари.

(82) Mādæn klākuz o irija o barda

Agæ dōræ yanogi halvō arda

Agæ tōe vešim o tiz vetapnim –

Дай мне колотушку, пилу и лопату,

Если есть – немного кунжутной муки,

Если придёшь, пойдём и отрясём тутовое дерево (G 172; 7).

(83) Yænoge pir ošvō veša sare čašma **agæ** ðve syō oma da šæ uš makuz **agæ** ðve zard oma da šæ uš makuz agæ ðve sviz oma yamošte ðv æ siratod kuz. – Старуха говорит: иди к источнику, если чёрная вода пойдёт, руку в неё не опускай, если жёлтая вода пойдёт, руку в неё не опускай, если белая вода пойдёт, пригоршней воды умойся.

(84) Mōzæroš dobōra vōj oma o ošvōt vaxti še kza **agæ** zyune pzærod mafsæi `dvevina ðzor dæta. – Мать её второй раз заговорила человеческим голосом и сказала: когда придёшь домой, если жена твоего отца тебя так увидит, то будет мучать тебя/измучает тебя (M 158; 12-14).

(85) **Agæ** zyune pzærod ošparsō čerā mo kōræ ‘dekarta vevā galad evaštæn vaxti dōrte davōze šo jæm kre zvin exarte o kočad æ zahm ebza. – Если жена твоего отца спросит, зачем ты это сделала, скажи, что стадо твоё разбежалось, когда побежала собирать его, упала оземь и подбородок поранила.

(86) Ama mo ji zonōza bu ge **agæ** pōččō druš ‘šæ kābil naka saroš æ šu. – Но тот [кто будет лгать] также пусть знает, что если падишах его лжи не поверит, снимет ему голову [с плеч] (DgtDtN 162; 9-11).

(87) **Agæ** dæðt byō tu sændix āxoft. – Если хочешь – лезь в сундук [и] спи (K 167; 23).

См. выше пример (39).

Ama, в Mōpisuni – **amā** (арабизм) – но.

(88) Mo hōssæ ji xāš yaki dote hæm kade in ošdōrt **ama** mo dotogæ hæmnōza o tæmbal o vi dašvōra bo. – У этой хозяйки тоже была дочь того же возраста, но эта девушка была небережливая, ленивая и неловкая (M 151; 10-12).

См. выше примеры (78), (86).

Ge³ (и его вариант **xo**) – подчинительный союз широкого профиля, как и персидский союз *ke*, который также употребляется и в зороастрийском дари (см. сноску).

I. Вводит придаточные определительные (который, кто):

(89) *Yaki pīre xōrkæn bo ge čomi šnadōrt.* – Жил-был старый собиратель колючек, который ничего не имел (DPX 151; 1).

(90) *Bade čæn gu mo hussæ ge zyune pzære dotog ebza bo hære mardoge xōrkæn ošvōt tā kâz mō kōr vekrim o mo dotogæ vexra a āxorpa hære dotog vevā vešōt sarō o gale gō večarna.* – Через несколько дней та учительница, которая стала женой отца девушки, сказала мужичку собирателю колючек: до каких пор (*букв.* до когда) мы будем работать, а эта девушка/девчонка будет есть и спать, скажи своей дочери, чтобы шла в степь и пасла стадо коров.

(91) *Dotog šo plita āprōna mōzæroš ge rāve gudarog bo gap oma o hære dotoš ošvō vaxti še plitad æ jæm kre yaki yanoge pir ætō ‘ dæ piš vāja ge saroš veyōze vaxti sar šæ yuze vine tu saroš pore mur o melek o jak o junovara.* – Девушка пошла подбирать хлопок, мать её, которая превратилась в телёнка, обрела дар речи и говорит своей дочери: когда пойдёшь собирать свой хлопок, одна старуха выйдет тебе навстречу и скажет, чтобы ты ей голову вычесала, когда будешь ей вычёсывать голову, увидишь у ней в голове много муравьёв, саранчи, кузнечиков и живности (M 167; 26-31).

(92) *Vinoxti če gapī on mo ge kuze* – Позвольте, что это за речи [которые] ты говоришь? (G 173; 14).

См. выше примеры (4), (9), (24), (50), (66), (72), (73).

II. Вводит придаточные следствия.

См. выше пример (58).

III. Вводит придаточные определительные:

См. выше примеры (1), (24).

(93) *Mi čarīæ āi čel tō čarīe i hæm ge pōræ ‘ mæ lippe duna o jvōher ka o ‘ mæ karde tā dō.* – Эти корзины суть те сорок корзин,

³ **Ke** (в говоре сел. Тафт) – см. пример (42).

которые я в прошлом году полными серебром и драгоценностями дал тебе в долг.

- (94) Dote xōrkæn vaxti kza šo āfsai **ge** hōssōš ševōta bo oš škart o mōzæroš šæ tu xume sesk væn. – Дочь собирателя колючек, когда пришла домой, всё что сказала ей её учитель так и сделала и мать свою бросила в чан с уксусом (DPX 151; 25-27).
- (95) Dotog šo kza o āfsæi **ge** mōzæroš ševōta bo ška. – Девушка пошла домой и всё точно так, как ей её мать сказала, сделала (M 158; 18-19).
- (96) Zyune pzær dotog šæ bizōr ka o ošparsō čin ebza **ge** māfsæi bza. – Жена отца разбудила девушку и спросила: как случилось, что так получилось (M 158; 21-22).
- (97) Vaxti kza rasō hōssō šparsō ge čin e bza **ge** māfsæ nuruni bza. – Когда она пришла домой, учительница спросила [о том, что] как получилось, что стало так светло (DPX 153; 10-11)
- См. выше пример (43).

IV. Вводит придаточные дополнительные:

- (98) Čæn ma badoš pire xōrkæn ošdi **ge** dotoš tæni on brōi ge dotoš tæni nabut hōsse dotoš oš šte. – Несколько месяцев спустя старик собиратель колючек увидел, что дочь его одна, для того, чтобы его дочь одна не была, он учительницу дочери взял в жёны (DPX 154; 2-4).
- (99) Mæ zonæ jvube mæ tā māfsæi te
Ge æmgu mæ ji yāin omvuyuxašt. –
Я знаю, что ты ответишь мне так,
Что я сегодня должна также и зерно молотить (G 172; 10).
- См. выше примеры (4), (23), (24), (66), (74), (86), (91), (95).

V. что (причины):

- (100) Iæ ji šoxa o del šo xaš bo **ge** nun o kabōb æxhæn. – Они тоже ели, и сердце их радовалось, что они едят хлеб и кебаб (DPX 151; 6-7).

VI. чтобы (цели):

- (101) Tōjer šo čæntō ōdæme dāvlat ošte o omahæn kusa šoprōnt o šoba **ge** šæ tu deryō vnæn. – Купец пошёл, взял нескольких государственных людей, и они пришли, забрали безбородого и увели, чтобы бросить его в море (K 167; 9-11).

- (102) Hærdō sobi tōjer o ðdæmōe dāvlat æ peomahæn **ge** kusa šæ tu deryō vnæn. – Наутро купец и служивые люди вернулись, чтобы бросить безбородого в море (K 167; 26-28).
- (103) Vaxti dotog šo **ge** plitaš āšna yænoge pir ædi oma o dotog māmo rāvi ge mōzæroš ševōta bo āo kōræ ška. – Когда девушка пошла [чтобы] собрать свой хлопок, появилась старуха, и девушка всё так, как ей её мать сказала, так и сделала (M 158; 2-4).
- (104) Dotog rōzi bo o šo **ge** saroš veyuza ošdi saroš lippe mur o melek o junovaron. – Девушка согласилась и пошла/подошла, чтобы вычесать ей голову (M 168-169; 32-1).
- (105) Zi zyune pzær šoōrt o yaki asb ji šoōrt o muzær o dotoš šobašt æ dome asb o šo tu vyuvun æ vel ka **ge** vemræn. – Они быстро привели жену отца и коня тоже привели, и мать с дочерью привязали к конскому хвосту и выпустили в пустыню, чтобы они умерли (M 169; 16-18).
- (106) In ji šo tu ča **ge** plitaš āšna. Она тоже полезла в колодец, чтобы достать свой хлопок (DPX 152; 20-21).
- См. выше пример (3), (14), (24), (38), (55).

VII. Вводит косвенную речь:

- (107) In ošvō **ge** mō har šāv nun o kabōb ægrim. – Она ответила: «Мы (=они) каждый вечер хлеб с кебабом едим» (DPX 151; 17-18).
- (108) Badoš šo tu gænza o oyaki tura šæ bar ōrt o ošvō tura pe mza vāja **ge** zyunam ‘ševōta **ge** raš dira æmru našeka byōt hærdō æ tō aldit ‘dæ pe ta. – Потом пошёл в комнату и вывел другого шакала и сказал: «Шакал вернулся, говорит, что моя жена сказала, что она далеко (*букв.* путь её далёк), сегодня не сможет придти, завтра придёт и деньги твои тебе отдаст» (K 167; 3-6).
- См. выше примеры (3), (8), (97).

VIII. Вводит придаточное времени:

- (109) Čom **ge** šo yō ха zyōnaš yačomi švōt. – Как поели, его жена что-то сказала (K 166; 13-14).
- (110) In ri ðdate har ru **ge** kzē xāšo šæroft yōruv oš štez o jvun kza šæyōruv ka. – Она, как каждый день, когда выметала их дом, взяла веник и хорошенько дом вымела (DPX 152; 24-26).

- (111) In ri ōdate hæmiša **ge** tōs o mese xāšo šæšost iæ šba sare ju o pōkoš jvun oš horsi o pe oma. – Она, как всегда, когда их посуду чистила, отнесла её к ручью и всю её хорошенько натёрла и вернулась (DPX 152; 28-30).
- (112) Tu ra **ge** dōrt o kza šo ya længe čmoše činiš šæ max ka. – Когда она была в пути, то одну из китайских туфелек потеряла (DPX 153; 8-10).
- (113) Pore pōččō ‘švō æmru nazike nimru bo **ge**’mdi čeltō qatōre oštor omaæn tumala az kune sejæn æ bar šuæn o otrapæ’š šæ gal æ bōlō šdæn o ri saroš veje hæm hištuæn o mnōz šokart o gāv omahaæn o šuæn. – Сын падишаха сказал: сегодня было около полудня, как я увидел: сорок караванов верблюдов пришли в квартал ... вышли, и с той стороны поднялись, встали [опёрлись] о головы бок о бок, совершили намаз, спустились и ушли (DgtDtN 162; 23-28).
- (114) Hærdō **ge** tōæn vevā ‘dæōt usō dæbræn dote pōččō ‘dætæn. – Когда завтра придут, скажи, что хочешь, тогда они тебя заберут и дочь падишаха за тебя отдадут (К 167; 23-24).
- См. выше примеры (3), (29), (54), (64), (73).

Усилительная частица **ji**

Ji – тоже/также.

- (115) Mo hōssæ **ji** xāš yaki dote hæm kade in ošdōrt ama mo dotogæ hamnōza o tæmbal o vi dašvōra bo. – У этой хозяйки тоже была дочь того же возраста, но эта девушка была безхозяйственной, ленивой и неуклюжей (DPX 151; 10-12).
- (116) Mæ pore pōččōæ o drū’ m **ji** хеули mas on. – Я сын падишаха, и ложь моя тоже очень велика.
- (117) Hōssō ge šdi har ru nune xōli ‘švyāxa ruje bad kōrōe veštær o moškeltær šæ dote xōrkæn hermuni badoš **ji** yamošta plita šdō o ošvōt vešōt gudarog večarna o mi plit’ æ **ji** uresa. – Когда учительница увидела, что каждый день надо (придётся) есть простой хлеб, на следующий день дала дочери собирателя колючек бóльшую и более тяжёлую работу, потом ещё дала ей много хлопка и сказала, чтобы она пасла телёнка и ещё напряла этот хлопок.
- См. выше примеры (11), (19), (25), (26), (52), (59), (65), (66), (71), (75), (86), (99), (105), (106).

Tā – вводит придаточные времени:

– (до тех пор) пока:

- (118) **Tā** šo plita uresa gala part o pnō bōān **tā** šo gala jæm kra plitaš vōz ošba. – Пока она пряла хлопок, стадо разбрелось, пока пошла собирать стадо, хлопок унёс ветер.

См. выше примеры (20), (46).

– вводит придаточные цели:

– чтобы:

См. выше примеры (52), (56).

– как:

См. выше пример (56).

Vaxti (*арабизм*) – когда:

- (119) **Vaxti** hma šo šbæn vōje mas hæmin ošvō mæ mnavōte, mæ mnavōte, mæ mnavōte. – Когда все они ушли, он громким голосом непрерывно стал кричать: я не хочу, я не хочу, я не хочу (К 167; 16-17).

- (120) Ošvō **vaxti** šuæ toge deryō omdī dvōzātō gale vra onæ dōræn æčaræn. – Когда я опустился на дно моря, увидел – там двенадцать отар овец пасутся (К 168; 2-4).

- (121) Agæ zyune pzærod ošparsō čerā mo kōræ 'dekarta vevā galad evaštæn **vaxti** dōrte davōze šo jæm kre zvin exarte o kočad æ zahm ebza. – Если жена твоего отца спросит, зачем ты это сделала, скажи, что стадо твоё разбежалось, когда побежала собирать его, упала оземь и подбородок поранила (М 158; 15-18).

- (122) **Vaxti** dotog æ ham šo dasmōle ri pišuniš æ pe šo o gænza ruš bo. – Когда девушка заснула, платок у ней на лбу сполз, и комната осветилась (М 158; 19-21).

- (123) Mōzæroš šenevōta bo **vaxti** yanoge pir ævina če vekra o čeči vevāja. – Мать её ей не сказала, когда она увидит старушку, что делать и что говорить (М 158; 28-29).

- (124) Mo bo ge **vaxti** yanoge pir ošvōt byō sarom veyuz ošvō be mæ če mæ kōr dōræ. – Было так, что когда старушка сказала: иди, вычеси мою голову, она сказала: мне что с того? У меня дела (М 158; 29-31).

- (125) **Vaxti** ðve syō oma yamošta šæ siratoš košt. – Когда пошла чёрная вода, она пригоршней себе в лицо брызнула (М 159; 7-8).

- (126) *Vaxti* brō tlabun omahæn dote xāš ošd̄bæn. – Когда пришли сваты (букв. для сватовства пришли), она отдала свою дочь (M 159; 13-14).
- (151) *Vaxti* mo dotogæ šo kzæ rōččō, pore rōččō šdi mōæ mōrišuni naħa. – Когда эта девушка пришла в дом падишаха, сын падишаха/царевич увидел – это не Мопишуну (M 159; 14-16).
- См. выше примеры (4), (7), (14), (34), (45), (97), (103).

Источники

- ОИЯ – Основы иранского языкознания: среднеиранские и новоиранские языки. М.: Вост. лит., 2008.
- DgtDtN – Drōi ge tu darvōza tu našo // Keshavarz K. Farhange zartoshtiyāne ostāne Yazd. Eskilstuna, 1993. С. 162-165.
- DPX – Dote pire xōrkæn // Keshavarz K. Farhange zartoshtiyāne ostāne Yazd. Eskilstuna, 1993. С. 151-156.
- G – Goftogu-ye yek zan-o-šowhar-e kešāvarz dar Taft // Keshavarz K. Farhange zartoshtiyāne ostāne Yazd. Eskilstuna, 1993. С. 171-175.
- K – Kusa // Keshavarz K. Farhange zartoshtiyāne ostāne Yazd. Eskilstuna, 1993. С. 166-170.
- M – Mopišōni // Keshavarz K. Farhange zartoshtiyāne ostāne Yazd. Eskilstuna, 1993. С. 157-161.

Литература

1. Молчанова Е.К., С.В. Дёрин. Отражение народной жизни в фольклоре иранских зороастрийцев // Вопросы филологии, 2013, № 3.
2. Молчанова Е.К. Проблемы лексикографии языка иранских зороастрийцев // V Международная научная конференция «Язык, культура, общество». Москва, 24-27 сентября 2002 г.
3. Основы иранского языкознания: среднеиранские и новоиранские языки / редкол.: М.Н. Боголюбов, В.А. Ефимов (отв. ред.), Д.И. Эдельман; Ин-т языкознания РАН. М.: Вост. лит. РАН, 2008. 446 с.
4. Пейсиков Л.С. Вопросы синтаксиса персидского языка / ред. Васильева Н.П. М.: ИМО, 1959. 411 с.
5. Пейсиков Л.С. Тегеранский диалект М.: ИМО, 1960. 136 с.
6. Bailey H.W. Yazdi // Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London, 1936. Vol. 8, No. 2/3, 1936, pp. 335-61.
7. Mazdāpūr K. Vāže-nāme-ye guyeš-e behdinān-e šahr-e Yazd, ĵeld-e avval. Tehrān, 1995; ĵeld-e dovvom. Tehrān, 2006.
8. Sorušiyan ĵ. S. Farhang-e Behdīnān. Tehrān, 1956.
9. Keshavarz K. Farhange zartoshtiyāne ostāne Yazd. Eskilstuna, 1993.

Verbal System in the South-Eastern Iranian Dialects

Introduction

Linguists usually consider the South-Eastern Iranian Dialects as the new Iranian dialects and divide them on the basis of linguistic characteristics into three different groups:

- a) Lāristani Dialects
- b) Baškardi (Bašākerdī) Dialects
- c) Kumzāri Dialects

In this article the verbal system in these mentioned dialects (items *a* and *b*) and other subcategories related dialects is explored.

(a) Lāristāni Dialects

The Lāristāni Dialects include: Lāri, Gerāši, Bastaki, Bixei, Evazi, Khunji, Aradi, Fedāyi, Fišuri, and dialect of Banāruye.

The Verbal System in Lāristāni Dialects

Many researches have been carried out on the verbal system in Lāristāni Dialects, therefore clear conclusions have been drawn in this respect. For example, the present and past tense in Lāristāni are based on two stems: the present stem and the past stem.

1. The present Stem

The present stem is the part of present verb that is repeated in all six conjugations. In order to recognize the present stem, one should omit the imperative prefix and the past tense morpheme in some other verbs.

<u>Imperative</u>	<u>Present stem</u>	<u>Meaning</u>
bo-xo	xo-	to eat
bo-bol	bol	to cut
be-xel	xel	to buy
be-xā	xā	to bite

The present stems in some verbs are irregular, for instance: soxonada “to burn”; boda “to be”; čeda “to go”; xāseda “to bite”; aorda “to bring” [Eghtedari, 1371, p. 509].

The present stem derivatives

From this stem the present indicative, present continuous and the imperative are formed.

The present indicative

The present indicative is constructed using the certain prefix specific to this tense plus the present stem and the personal endings. For example, the conjugation for the verb deda “to see” is as follows:

	1st person	2nd person	3rd person
singular	a-bin-em	a-bin-eš	a-bin-ø
plural	a-bin-am	a-bin-I	a-bin-en

The present continuous

The present continuous is constructed using the specific prefix along with the present stem and the personal endings. For example, the conjugation of the verb xata “to sleep” is as follows:

	<u>1st person</u>	<u>2nd person</u>	<u>3rd person</u>
singular	a-xata-em	a-xata-eš	a-xata-ø
plural	a-xata-am	a-xata-i	a-xata-en

The Imperative

The Imperative is formed by the imperative prefix plus the present stem of the verb (see [Eghtedari, 1371, p. 518]). A few examples are as follows:

infinitive	imperative	
leta	be-lez	to purify
lata	be-lax	to go
šata	be-šax	to jump

2. The past stem

The past stem which is in fact the past participle of the verb is repeated in all six voices. The past stem usually corresponds with the 3rd singular of the simple past of the verb.

Past stem derivatives

The following verbs are derived from the past stem.

The simple past (intransitive)

The structure of the simple past is different depending on whether it is transitive or intransitive. The simple past (intransitive) is formed by using the past stem plus the certain personal endings. Here is the conjugation for the verb *xata* “to sleep”.

	<u>1st person</u>	<u>2nd person</u>	<u>3rd person</u>
singular	xata-em	xata-eš	xata-ø
plural	xata-am	xata-i	xata-en

The simple past (transitive)

The transitive simple past tense in the Lāristāni dialect just the same as in Middle Persian has the ergative construction. In this construction the personal endings take position before the verb and the real agent is the grammatical object. The conjugation for the verb *deda* “to see” is as follows:

	<u>1st person</u>	<u>2nd person</u>	<u>3rd person</u>
singular	um-di	ut-di	uš-di
plural	mo-di	to-di	šo-di

The present perfect tense (intransitive)

The intransitive present perfect is constructed using the past stem plus the particle *-ss-* (*-st-*) (except in the third person singular) plus the personal endings [Skjaervo 1383 (2004), p. 606]. The conjugation for the verb *xata* “to sleep” is as follows:

	<u>1st person</u>	<u>2nd person</u>	<u>3rd person</u>
singular	xate-ss-em	xate-ss-eš	xate-ø
plural	xate-ss-am	xate-ss-i	xate-ss-en

The present perfect tense (transitive)

In the Lāristāni dialect, the structure of the present perfect has the ergative construction. For example, the conjugation for the verb *deda* “to see” is:

	<u>1st person</u>	<u>2nd person</u>	<u>3rd person</u>
singular	um-dede	ut-dede	uš-dede
plural	mo-dede	to-dede	šo-dede

The past continuous (intransitive)

The intransitive past continuous is constructed using the /a-/ prefix which shows the continuation, plus the past stem and the

personal endings of the past tense. The conjugation for the verb xata “to sleep” is as follows:

	<u>1st person</u>	<u>2nd person</u>	<u>3rd person</u>
singular	a-xat-em	a-xat-eš	a-xat-ø
plural	a-xat-am	a-xat-i	a-xat-en

The past continuous (transitive)

The past continuous (transitive) verb has the ergative construction in this dialect. For example, the conjugation for the verb deda “to see” is:

	<u>1st person</u>	<u>2nd person</u>	<u>3rd person</u>
singular	ma-di	ta-di	ša-di
plural	moa-di	toa-di	šoa-di

The pluperfect (intransitive)

The intransitive pluperfect is constructed using the past stem plus the particle -sson- plus the personal endings of the past tense. The conjugation for the verb xata “to sleep” is as follows:

	<u>1st person</u>	<u>2nd person</u>	<u>3rd person</u>
singular	xate-sson-em	xate-sson-eš	xate-sson-ø
plural	xate-sson-am	xate-sson-i	xate-sson-en

The pluperfect (transitive)

The structure of the transitive pluperfect has the ergative construction in the Lāristāni dialect. For example, the conjugation for the verb deda “to see” is:

	<u>1st person</u>	<u>2nd person</u>	<u>3rd person</u>
singular	um-dede-sson	ut-dede-sson	uš-dede-sson
plural	mo-dede-sson	to-dede-sson	šo-dede-sson

Infinitive

The marker for infinitive are /-da/ and /-ta/. Some examples are: sata “to burn”, duta “to saw”, kešta “to plant”, deda “to see”, čeda “to go”.

Personal endings in Lāristāni dialect

1 st person	em	am
2 nd person	eš	i
3 rd person	e	en

Verbal prefix

Verbal prefixes in Lāristāni dialect include:

- a- for continuation; eg. a-soxom “I am burning”.
- ā- for the imperative; eg. ā-de “give!”, ā-xat “sleep!”
- o- for the imperative; eg. o-bi “drop!”, o-si “buy!”, o-ni “sit!”.
- ū- for the imperative; eg. ū-šan “sit”, ū-xan “call!”.
- be-/bo- for the imperative; eg. be-xel “buy!”, be-šax “jump!”, be-pu “cook!”.
- vā- for the imperative; eg. vā-ju “search!”, vā-mān “stay!”, vā-si “take!”.

(b) The Baškardi (Bašākerdi) Dialects

The Bašākerd district is between the Kerman and Hurmozgan and Sistan and Baluchistan provinces. The Baškardi dialect however is talked in the greater area. According to the division suggested by Gershewich, this dialect consists of three groups and each group consists of other subdivisions.

I. The first group

The first group consists of dialects such as: Rūdbāri, Bandarabbāsi, Minābi, Hormozi, Roodāni etc.... [Skjaervo 1988, p. 846]

The verb construction in Minābi dialect which is one of the subdivisions of the Baškardi dialect will be discussed in detail. In the Rūdbāri dialect it can be said that the present indicative consists of the prefix a- plus the present stem and the personal endings, eg: a-kah-am “I fell”, present subjunctive: be-kah-am “I may find”. The simple past (intransitive) consists of the past stem and the personal endings specific to the past tense, eg: kowt-om “I fell”, the past transitive may take the ergative construction, eg: dis-men-i “I saw you”. For further information on the Bandarabbāsi dialect see [Fathi, 1381].

Verb in Minābi dialect

Some studies have been conducted on the Minābi dialect and therefore distinct conclusions have been drawn on this subject. One of the main characteristics of verbs in Minābi dialect is having two stems or roots for one verb; and also the usage of the ergative construction along with the usual usage of the verb. In this dialect also verbs are constructed on the basis of two stems: the present stem and the past stem [Bahmani, 1384, p. 123].

1. The present stem

The present stem in Minabi dialect is the same as the second person singular imperative form of the verb if its verbal prefix is omitted.

<u>Imperative sing.</u>	<u>Present stem</u>	
be-mis	mis	seak!
bo-xwar	xwar	eat!
be-čerkon	čerkon	scratch!

The present stem derivatives

From the present stem, the present indicative, present continuous and the imperative are formed.

The present indicative

The present indicative is formed by the prefix a- specific to the present indicative plus the present stem and the personal endings. For example, the conjugation for the verb gin- “to see” is as follows:

	<u>1st person</u>	<u>2nd person</u>	<u>3rd person</u>
singular	a-gin-om	a-gin-i	a-gin-t
plural	a-gin-im	a-gin-iyē	a-gin-en

The present continuous

The present continuous is constructed using the prefix /a-/ (specific to the present) plus the present stem and the continuation sign of /-en/ and the personal endings. For example, the conjugation of the verb rowten “to go” is as follows:

	<u>1st person</u>	<u>2nd person</u>	<u>3rd person</u>
singular	a-rowt-en-om	a-rowt-en-i	a-rowt-en-en
plural	a-rowt-en-im	a-rowt-en-iyē	a-rowt-en-an

The Imperative

One of the prefixes vā-, hā-, bi-, bo-, be- along with the present stem and the relevant personal endings is used in constructing the imperative verb in Minabi dialect [Mohebi, p. 140]. A few examples are as follows: vā-čin “collect!”, hā-da “give!”, biy-ār “bring!”, bo-gočār “squeeze!”, be-nik “sit!”.

2. The past stem

In Minabi dialect the past stem which is in fact the past participle of the verb is repeated in all six voices. The past stem usually corresponds with the 3rd singular of the simple past of the verb.

<u>Infinitive</u>	<u>past stem</u>	<u>meaning</u>
kowten	kowt-	to fall
duhten	duht-	to saw
ponidan	ponid-	to rub
jakiden	jakid-	to jump

Past stem derivatives

The following verbs are derived from the past stem.

The simple past (intransitive)

The structure of the simple past is different depending on whether it is transitive or intransitive. The simple past (intransitive) is formed by using the past stem plus the certain personal endings. For example, the verb *xwat-* “to sleep” is conjugated as follows:

	<u>1st person</u>	<u>2nd person</u>	<u>3rd person</u>
singular	xwat-om	xwat-i	xwat-ə
plural	xwat-im	xwat-iye	xwat-en

The simple past (transitive)

The transitive simple past has two constructions in the Minabi dialect: Ergative and usual form. The usual form is constructed by adding the personal endings to the past stem. Therefore, the conjugation for the verb *newešt-* “to write” is as follows:

	<u>1st person</u>	<u>2nd person</u>	<u>3rd person</u>
singular	nevešt-om	nevešt-et	nevešt-i
plural	nevešt-mo	nevešt-to	nevešt-šo

The ergative construction for simple past transitive:

This construction is apparently specific to the first person singular and plural [Mohebi, p. 135].

1st person singular: om-newišt I wrote نوشتم
 1st person plural: mo-newišt we wrote نوشتیم

The present perfect tense (intransitive)

The intransitive present perfect is constructed using the past stem and the verbal endings related to the present perfect verb. The conjugation of present perfect for the stem *nešt-* “to sit” is as follows:

	<u>1st person</u>	<u>2nd person</u>	<u>3rd person</u>
singular	nešt-am	nešt-ey	nešt-en
plural	nešt-eym	nešt-eye	nešt-an

The present perfect tense (transitive)

The present perfect tense (transitive) has a special construction in this verb. It is formed by using the past tense plus the special endings for the present perfect tense (transitive). For example, the conjugation for the verb goften “to say” is:

	<u>1st person</u>	<u>2nd person</u>	<u>3rd person</u>
singular	goft-omen	goft- eten	goft-išen
plural	goft- monen	goft-tonen	goft-šonen

The past continuous (intransitive)

The intransitive past continuous is constructed using the /a-/ prefix which shows the continuation, plus the past stem and the personal endings of the past tense. The conjugation for the verb xowt- “to sleep” is as follows:

	<u>1st person</u>	<u>2nd person</u>	<u>3rd person</u>
singular	a-xowt-om	a-xowt-i	a-xowt-a
plural	a-xowt-im	a-xowt-iyē	a-xowt-en

The past continuous (transitive)

It seems that the ergative construction in the past continuous (transitive) verbs in Minabi dialect has been lost. To form this verb, one is to add the continual prefix of /a-/ to the past stem of the verb. The conjugation for the verb nevešt- “to write” is:

	<u>1st person</u>	<u>2nd person</u>	<u>3rd person</u>
singular	a-nevešt-om	a-nevešt-et	a-nevešt-i
plural	a-nevešt-mo	a-nevešt-to	a-nevešt-šo

The pluperfect (intransitive)

The intransitive pluperfect is constructed using the past stem plus the auxiliary verb ar “to be” plus the personal endings specific to the pluperfect construction. The conjugation for the verb xata “to sleep” is as follows:

	<u>1st person</u>	<u>2nd person</u>	<u>3rd person</u>
singular	xowt-ar-om	xowt-ar-i	xowt-a-ə
plural	xowt-ar-im	xowt-ar-iyē	xowt-ar-en

The Pluperfect (transitive)

In this construction also in Minābi dialect the ergative construction is not used [Mohebi, Bahmani, p. 138]. Therefore, for constructing this tense, the past stem is used plus the auxiliary “ar” meaning “to be” and the personal endings specific to the pluperfect. In

this construction, the auxiliary “ar” is shown as -a-. For example, the conjugation of the verb “duht” to show is as follows:

	<u>1st person</u>	<u>2nd person</u>	<u>3rd person</u>
singular	duht-om-a	duht-et-a	duht-iš-a
plural	duht-mon-a	duht-ton-a	duht-šon-a

Infinitive

The infinitive sign in Minābi dialect is -en. Here are some examples: “sohten” to burn, “rowten” to go, “sariden” to turn, “šohten” to wash.

Personal Endings

In Minābi dialect, the personal endings differ depending on whether the verb is transitive or intransitive and also different tenses take different endings.

The personal endings for the past tense and intransitive are:

	singular	plural
1 st person	-om	-ing/ -im
2 nd person	-i	-iye/ -i
3 rd person	∅	-an

The personal endings for the past tense transitive are:

	singular	plural
1 st person	-om	-mo
2 nd person	-et	-to
3 rd person	-i	-šo / -šon

The personal endings for the present intransitive are:

	singular	plural
1 st person	-m	-ym
2 nd person	-y	-y, -ye
3 rd person	-yt	-an

The personal endings for the present transitive are:

	singular	plural
1 st person	-om	-im
2 nd person	-i	-i / iye
3 rd person	-et / -t	-en

Verbal Prefixes

The verbal prefixes in Minābi dialect are:

a- for the continuation, e.g:

a-gin-om	: I am seeing	a-gin-im	we are seeing
a-gin-i:	you are seeing	a-gin-iyē	you are seeing
a-gin-t:	he's seeing	a-gin-en:	they are seeing

bo-/be- for imperative and subjunctive;

nā- for the negation of the present indicative, the present continuous and the past continuous;

na- for negation of the subjunctive and the simple past;

na-/ma- for the negation of the imperative.

Verb in Roodbāri Dialect

The Roodbāri dialect is another subdivision of Baškardi according to Gershovich and Skjaervo reports. Roodbari dialect includes some other dialects of Kerman province such as Roodbār, Kahnooj, Ghale-Ganj, Manujān, Anbar-ābād, and some parts of Jiruft [Skjaervo 1988, p. 846; Motalebi, p. 192]. Verb in Roodbāri dialect is constructed according to present and past tense.

1. Present tense

The present tense in Roodbāri does not follow a regular rule. A few examples are:

<u>Infinitive</u>	<u>present tense</u>	
Disten	did-	to see
Yahten	ā-	to come
Duehten	duez-	to saw

The present stem derivatives

From the present stem, the present indicative, present subjunctive and imperative are formed.

The present indicative

The present indicative is formed by the prefix a- specific to the present indicative plus the present stem and the personal endings. For example, the conjugation for the verb kowtan, kah- "to fall" is as follows:

	<u>1st person</u>	<u>2nd person</u>	<u>3rd person</u>
singular	a-kah-am	a-kah-i	a-kah-a
plural	a-kah-in	a-kah-ie	a-kah-an

The present subjunctive

The present subjunctive is formed by the prefix *be-* plus the present stem and the personal endings. For example, the conjugation for the verb *duehten*, *duez-* “to saw” is as follows:

	<u>1st person</u>	<u>2nd person</u>	<u>3rd person</u>
singular	be-duez-am	be-duez-i	be-duez-a
plural	be-duez-in	be-duez-ie	be-duez-an

The imperative

The prefixes *bo-* or *be-* along with the present stem and the relevant personal endings are used in constructing the imperative verb in Roodbāri dialect [Motalebi, p. 198]. A few examples are as follows.

<u>Infinitive</u>	<u>present stem</u>	<u>imperative</u>	<u>meaning</u>
<i>disten</i>	<i>did-</i>	<i>be-di</i>	see!
<i>eškahten</i>	<i>eškand</i>	<i>be-škand</i>	break!

2. The past stem

The past stem in Roodbāri as in Minabi dialect is in fact the past participle of the verb and repeats in all six voices. The past stem usually corresponds with the 3rd singular of the simple past of the verb.

<u>Infinitive</u>	<u>past stem</u>	<u>meaning</u>
<i>kowten</i>	<i>kowt-</i>	to fall
<i>duehten</i>	<i>dueht-</i>	to saw
<i>yahten</i>	<i>yaht</i>	to come

Past stem derivatives

The past stem forms simple past, past continuous, past perfect and pluperfect in Roodbāri dialect. Below some of them are described.

The simple past (intransitive)

The structure of the simple past is different depending on whether it is transitive or intransitive. The simple past (intransitive) is formed by using the past stem plus the certain personal endings. For example, the verb *kowten*, *kowt-* “to fall” is conjugated as follows:

	<u>1st person</u>	<u>2nd person</u>	<u>3rd person</u>
singular	kowt-om	kowt-i	kow-ø
plural	kowt-in	kowt-ie	kowt-en

The simple past (transitive)

The transitive simple past has two constructions in the Roodbāri dialect: Ergative and usual form. The usual form is constructed by adding the personal endings to the past stem. Therefore, the conjugation for the verb gest- “to throw” is as follows:

	<u>1st person</u>	<u>2nd person</u>	<u>3rd person</u>
singular	gest-om	gest-et	gest-I
plural	ges-mon	ges-ton	ges-šon

The ergative construction for simple past transitive

This construction is sometimes used in Roodbāri dialect. In this case the auxiliary verb “to be” stands after the main verb that is the simple past transitive [Motalebi, p. 202]. Therefore, the ergative construction of disten “to see” is as follows:

dis-men-I “I saw you” dis-šon-in “We saw them”

The present perfect tense (intransitive)

The intransitive present perfect is constructed using the past stem and the verbal endings related to the present perfect verb. The conjugation of present perfect for the stem yaht- “to come” is as follows:

	<u>1st person</u>	<u>2nd person</u>	<u>3rd person</u>
singular	yahto-hom	yahte-hi	yahte-ø
plural	yahte-hin	yahte-hie	yahte-hen

The present perfect tense (transitive)

The present perfect tense (transitive) has a special construction in this verb. It is formed by using the past tense plus the personal pronouns and the special endings for the present perfect tense (transitive). For example, the conjugation for the verb geten “to take” is:

	<u>1st person</u>	<u>2nd person</u>	<u>3rd person</u>
singular	get-men-e	get-ten-e	get-šen-e
plural	get-mon-e	get-ton-e	get-šon-e

The pluperfect (intransitive)

The intransitive pluperfect is constructed using the past stem plus the auxiliary verb ar “to be” plus the personal endings specific to the pluperfect construction. The conjugation for the verb nešten “to sit” is as follows:

	<u>1st person</u>	<u>2nd person</u>	<u>3rd person</u>
singular	nešt-ar-om	nešt-ar-i	nešt-ar-ə
plural	nešt-ar-in	nešt-ar-ie	nešt-ar-en

The Pluperfect (transitive)

To form pluperfect (transitive) in Roodbāri dialect the past stem is used plus the auxiliary “ar” meaning “to be” and the personal endings specific to the pluperfect. For example, the conjugation of the verb “duht” to show is as follows:

	<u>1st person</u>	<u>2nd person</u>	<u>3rd person</u>
singular	duht-men-ar	duht-ten-ar	duht-šen-ar
plural	duht-mon-ar	duht-ton-ar	duht-šon-ar

Infinitive

The infinitive sign in Roodbāri dialect is -en. Here are some examples: kand-en “to dig”, rowt-en “to go”, gast-en “to bite”, mošt-en “torub”.

Personal Endings

The personal endings in Roodbāri dialect are as follows:

	singular	plural
1 st person	-om(ie)/-am(ie)	-in(ie)
2 nd person	-i	-ie
3 rd person	-a/-e	-en(ie) / -an(ie)

Verbal Prefixes

The verbal prefixes in Roodbāri dialect are:

a- for the continuation.

bi- /be- /bo- in imperative and subjunctive verbs.

na- / ne- / no- in negative verbs.

II. The second group

This group is the northern Baškardi dialects which consist of the dialects spoken in some parts of Mināb in the east and south, also Marez, Rāmišk and Garun, Darze, Sardasht, Angahrān, Bivarch, Beshnow, and others. The verbal system in these dialects has not been studied enough [Skjaervo 1988, 846], therefore not many exact conclusions have been reached about the structure of verbal system. It should be mentioned that some distinct features of the northern Baškardi separate it from southern Baškardi (for further information see [Skjaervo 1988, 846].

Some infinitives in Baškardi are as follows:

jut: “eat”, sid “burn”, kurent “scratch”, gāl kert “speak”, xan zat “cry”
Marezi dialect: xwarden “eat”, sohten “burn”, xārten “scratch”, gāl kerden “speak”.

Some infinitives in Minābi and Lāristāni are as follows:

<i>Fārsi</i>	<i>Minābi</i>	<i>Lāristāni</i>	<i>Meaning</i>	
āwardan		ārda	bring	آوردن
tawānistān		ašaessa	to be able	
bāl zadan	bāl čiden	bāl čiden	fly	پرواز کردن
	bār geten	bār geten	hold	نگه داشتن
berzidan	berizidan		toast	برشته کردن
bereštan	bereštan	beršanda	roast	کیاب کردن
andāxtan		bessa	throw	انداختن
būdan	būden	boda	to be	بودن
rombidan	čaliden	tombeda	collapse	فرو ریختن
čamidān	čamiden		dance	رقصیدن
čilondān	čilonden	cilekenada	squeeze	جدا و له کردن
būsidān	čokiden		kiss	بوسیدن
makidan	čušiden		suck	مکیدن
āsak kardan	dalonden		grind	آسیاب کردن
deridan	derden		rip	دریدن
duxtan	duhten	vādūta	saw	دوختن
dūšidan		dote, dosedā	to milk	دوشیدن
part kardan	fer dādan		cast	پرت کردن
greftan	geten	gereta	take	گرفتن
bizidan, bīxtan	gičiden	beta	sift	بیختن
guftan	gohten		talk	گفتن

mālidan	gočārden	mošta	massage	ماساژ دادن
hištan		ešta	let	هشتن، گذاشتن
āmadan	honden	onda	come	آمدن
paridan	jakidan		jump	پریدن
jastan	jost kerden		ask	تقاضا کردن
	juk zaden		sit on knee	به زانو نشستن
	koropiden		enter	تورفتن
xārāndan	kuriden	xaranada	scratch	خاراندن
oftādan	kowten	kata	fall	افتادن
	lāviden		bark	پارس کردن
časbāndan	lagonden	časpeda	paste	چسباندن
kūbidan	lapāšten	kūbeda	pound	کوبیدن، له..
lisidan	lapiden	liseda	lick	لیسیدن
pažmurdan	limoriden		wilt	پژمردن
	māsten		dare	جرات کردن
xisāndan	misonden		soak	خیساندن
nišastan	nešten	šessa	sit	نشستن
nahādan			put	نهادن
			seek	جستجو کردن
	padohten		swell	ورم کردن
par par zadan	palpatiden		flicker	پرپر زدن
pāšidan	perčiden	pāšeda	splash	پاشیدن
γaltāndan	pelāknonden	golanada	roll	غلطاندن
	pirisiden	pelāšeda	rot	پلاسیدن
pusidan	pohkiden	pūšeda	decay	پوسیدن
mālidan	poniden	māleda	rub	مالیدن
poxtan		poha	cook	پختن
fristādan	rastāden	freseda	send	فرستادن
rīxtan	rehten	leta	pure	ریختن
raftan	rowten	čeda	go	رفتن
čarxidān	sariden	čarxeda	turn	چرخیدن
	seng zaden		pins and needles	مور مور شدن
suxtan	suhten	sota, soxeda	burn	سوختن
larzidan	šamiden		shiver	لرزیدن
šustan	šuhten		wash	شستن
šikāftan		terišeda	split	شکافتن
	vārāsten		lay on	تکیه دادن
	vārehten		fill	پر کردن

	vākašiden		drink	نوشیدن
	vāmošten		sweep	جارو کردن
	verestāden	rossada	rise	بلند شدن
īstādan	vustāden	vayseda	stand	ایستادن
xāstan	xāsten	avessa	enquire	خواستن
xuftan	xowten	xata	sleep	خفتن
	zaponden		take by force	به زور گرفتن
		eškassa	break	شکستن
		boleda	cut	بریدن

Conclusion

It can be concluded that these mentioned dialects that are spoken in large areas of the Larestan, Kerman, Sistan and Baluchestan and also in coasts of the Persian Gulf, have certain similarities in semantics and syntax areas. Therefore they are placed in the South-eastern Iranian dialects. Some similarities in the verbal category are:

A: In all these dialects, the construction of the verb is done using the past and present stems. The present stem is usually used for constructing the present tense and the imperative. The past stem is used for constructing all the verbs in the past tense. Furthermore, the three modes of indicative, subjunctive and imperative can be distinguished in the verbs of these dialects.

B. All these dialects take the ergative construction. According to this construction, the conjugation for the past tense of the transitive and intransitive is different.

C: The verbal stems can be divided into two categories of regular and irregular. The past stem of regular verbs can be formed by adding a particle to the present stem. Whereas the past stem of the irregular verbs is sometimes so different that no exact rule can be assigned to it.

D: Specific personal endings are used in verbs of different tenses. In the intransitive, sometimes the personal endings are placed after the past stem whereas in the transitive they are placed before the verbal stem.

E. Particular prefixes are used for constructing different kinds of the present and past verbs. These verbal prefixes may change according to the first syllable of the verbal stem.

References

1. شروو، پرودز. ا.، "زبانهای جنوب شرق ایران: لارستانی، کمزاری، بشکردی"، ایرانی، تالیف رودریگر اشمیت، جلد 1 و 2، ترجمه فارسی زیر در: راهنمای زبانهای انتشارات قفتوس، تهران 1383. نظر حسن رضایی باغ بیدی،
2. اقتداری لارستانی، احمد، لارستان کهن و فرهنگ لارستانی، تهران 1371.
3. رستمی ابوسعیدی، علی اصغر، "وجه تمایز گویش بشکردی و فارسی در بعضی جنبه های آوایی و دستوری"، نشریه دانشکده ادبیات و علوم انسانی دانشگاه شهید باهنر کرمان، شماره 13، بهار 1382.
4. فتحی، آذر، "ساخت فعل در گویش بندری (بندر عباس) لهجه محله پشت شهر، مجموعه هم اندیشی گویش شناسی ایران، به کوشش حسن رضایی باغ بیدی، مقالات نخستین فرهنگستان زبان و ادب فارسی، تهران 1381، صص 423-440.
5. کلیسایی، ایران، "ارگاتیو در زبانها و گویشهای ایرانی"، مجله زبان شناسی، سال پنجم، شماره 2، پائیز و زمستان 1367.
6. مالچانوا، ای. ک، "زبان / گویش کمزاری"، ترجمه لیلا عسگری، گویش شناسی (ضمیمه فرهنگستان)، جلد اول، شماره دوم، اردیبهشت 1383، صص 106-103. نامه
7. محبی بهمینی، حسن، بررسی و توصیف زبان شناختی گویش مینایی، انتشارات سبزان، تهران 1384.
8. مطلبی، محمد، "فعل در گویش رودباری"، مجله مطالعات ایرانی، مرکز تحقیقات فرهنگ و ایرانی دانشکده ادبیات و علوم انسانی دانشگاه شهید باهنر کرمان، سال پنجم، زبان های شماره نهم، بهار 1385.
9. موشکالو، و.و.، "گروه گویش های بشکردی"، ترجمه لیلا عسگری، گویش شناسی (ضمیمه فرهنگستان)، جلد اول، شماره دوم، اردیبهشت 1383، صص 101-96. نامه
10. وثوقی، محمداقبر، لار شهری به رنگ خاک (پژوهشی بر زبان شناسی و تاریخ لارستان)، شناسی، تهران 1369. انجمن لار
11. Skjaervo, P.O. Baškardi // Encyclopaedia Iranica / Ed. by Ehsan Yarshater. Volume III, Fascicle 8. London and New York, 1988.
12. Yarshater, Ehsan. Notes on the Dialects of Minab and Hormoz // Norw. J. Linguistics (NTS). 1975. Vol. 29. P. 113-128.

©

В.Б. Иванов

ИСАА МГУ (Москва)

Персидский субсинтаксис

В трудах известных отечественных иранистов А.К. Арендса, Л.С. Пейсикова и Ю.А. Рубинчика разработана стройная система описания синтаксиса персидского языка от уровня словосо-

четания до сложного предложения [Арендс 1941; Пейсиков 1959; Рубинчик 2001]. С некоторыми оговорками эта система может быть применена также и к близкородственным языкам: таджикскому и дари, а также их диалектам. Более элементарный уровень синтаксиса – связи клитик и незначительных частей речи с другими словами (субсинтаксис) – специально не разрабатывался. Цель настоящей статьи – восполнить указанный пробел и пересмотреть те части синтаксической теории, которые отвечают за стыковку субсинтаксиса с более высокими уровнями – синтаксисом словосочетаний и предложений.

Приведём здесь определения тех единиц, которыми будем оперировать в дальнейшем. Слово (морфологическое) – соединение морфем между двумя ближайшими словесными границами. Как минимум слово состоит из одной морфемы. Словесные границы бывают двух типов. По первому типу определяются знаменательные части речи, по второму – незначительные. Процедуры диагностирования словесных границ обоих типов описаны ранее в работе [Иванов 1995]. Словосочетания – это единые по смыслу и грамматически оформленные единицы языка, служащие базой для построения предложений [Пейсиков 1959, с. 5]. Их важным свойством является то, что они представляют собой объединение знаменательных слов [Рубинчик 2001, с. 359].

В качестве дальнейшей цели для синтаксических исследований можно обозначить описание единиц как более низкого уровня, чем словосочетание, так и более крупных, чем сложное предложение (абзацев, сверхфразовых единств). Целью данной статьи является первое, т.е. описание структуры сочетаний незначительных частей речи друг с другом и со знаменательными. Эти образования мы здесь называем субсловосочетаниями, а уровень их функционирования – субсинтаксисом [Иванов 1995].

В лингвистической литературе упоминается континуум, на одном полюсе которого находятся максимально автономные единицы – слова, а на другом минимально автономные – связанные морфемы. Под связанными морфемами понимаются морфемы внутри слова. В промежутке между этими двумя полюсами оказываются клитики, к которым относятся все акцентно несамостоятельные, но линейно в той или иной степени самостоятельные единицы. Внутри класса клитик можно выделить и более мелкие подтипы [Барулин 1988; Плунгян 2000, с. 28-33; Тестелец 2001 с. 79].

К клитикам относят часть местоимений, предлоги, послелоги, союзы, частицы, вспомогательные глаголы и другие компоненты аналитических конструкций [Плунгян 2000, с. 30], т.е., по принятой в иранистике терминологии, почти все незначаменные части речи. По имеющимся описаниям, клитики не всегда безударны, но клитический комплекс обязательно должен иметь только одно ударение¹ (*по лесу*, но *по лесам*) [Плунгян 2000, с. 29].

К свойствам клитик также относят то, что они:

- а) синтаксически зависят от какого-либо слова;
- б) связаны с этим словом синтаксически;
- в) необязательно расположены рядом с тем словом, к которому относятся [Тестелец 2001, с. 79].

Последнее свойство (в) называют также отделимостью (*через поле* ↔ *через давным-давно заброшенное и никому уже не нужное поле*) [Плунгян 2000, с. 29]. Свойство (а), т.е. синтаксическая зависимость одной лингвистической единицы от другой, предполагает их неравноправность. С такого рода связью мы уже встречались на более высоких уровнях (в словосочетаниях, в предложениях). Это подчинительная связь, хотя тип связи незначаменных слов со значаменательными почему-то подробно не рассматривается лингвистами.

Другая общая особенность рассматриваемых образований, которую упускают из вида (или, по крайней мере, не комментируют) авторы, заключается в том, что незначаменные части речи – это более широкий класс слов, чем клитики. В русском языке функционируют составные предлоги *в течение*, *по случаю*, *несмотря на*, *в отличие от*, *в связи с* и т.п. В персидском есть более многочисленный класс изафетных (отымённых) предлогов, например: *مابين mābeyn-e среди*; *در باب dar bāb-e о, про*; *به جای be jā-ye вместо*, *تحت taht-e под* и т.д. Все они клитиками не являются, а образуют отдельное фонетическое слово со своим ударением.

¹ Тем самым из рассмотрения исключается целый класс сочетаний незначаменных частей речи со значаменательными, если все их элементы оформляются как отдельное фонетическое слово. Мы же исходим из того, что фонетический критерий (принадлежность к клитикам) не является главным. Он только сигнализирует нам о состоянии дел на более глубинном уровне. Морфологический критерий (частеречная принадлежность) в этом случае имеет более высокий приоритет.

Тем не менее, в остальном (т.е. с точки зрения подчинения и отделенности) они имеют те же свойства, что и простые предлоги.

Согласно воззрениям проф. Л.С. Пейсикова, во многом сформировавшимся под влиянием работ акад. В.В. Виноградова, предлог осуществляет связь между членами предложения и словосочетания. Как правило, «отношение предлога всегда двустороннее», причём степень связанности предлога различна. Он относится к каждому из членов, но тяготеет к ним по-разному [Пейсиков 1959, с. 146]. Случай с двусторонним отношением незначительных частей речи для нас менее интересен, так как не позволяет однозначно выстроить иерархию их отношений со знаменательными словами. В самом деле, может создаться обманчивое впечатление, что предлог (как и другие незначительные части речи) появляется одновременно с двумя знаменательными словами, чтобы обеспечить связь между ними.

Для нас более интересны факты, когда незначительные части речи образуют синтаксические комплексы (сочетания) с одним из знаменательных слов. Согласно Л.С. Пейсикову «возможны даже случаи..., когда некоторые предлоги в тех или иных конструкциях не обнаруживают двусторонности отношений и связаны не с обоими членами словосочетания, а только с одним из них» [Пейсиков 1959, с. 146]. В предложении این آشنای من از سربازسربیها درست می‌کند In āšnā-ye man az sarbāzSORBIHĀ dorost mikonad *Этот мой знакомый делает эти оловянные солдатики* (Б. Аляви. Оловянный солдатик) предлог از az из выражает частичность (ср. фр. donnez-moi du pain *дайте мне хлеба*), не связывает существительное سربازسربیها sarbāzSORBIHĀ *оловянные солдатики* с глаголом درست کردن dorost kardan *делать*, и поэтому данное словосочетание основано на примыкании [Пейсиков 1959, с. 150].

На этом Л. С. Пейсиков завершает анализ словосочетания این آشنای من از سربازسربیها درست می‌کند az sarbāzSORBIHĀ dorost mikonad *делает эти оловянные солдатики*, в то время как для нас тут начинается самое интересное. Итак, здесь предлог از az из здесь не связан ни с чем, кроме существительного سربازسربیها sarbāzSORBIHĀ *оловянные солдатики*. Налицо сочетание предлога и существительного, незначительной части речи и знаменательной. К какому классу относится такое сочетание? Как оно называется? Как называется тот вид синтаксической связи, который соединяет элементы этого

сочетания? Пока иранистика (и не только иранистика) об этом умалчивает.

В данной работе предлагается именовать подобные синтаксические комплексы (сочетания незнаменательной части речи и знаменательной) субсловосочетаниями. Односторонние отношения предлога и существительного проявляются также во вводных оборотах, которые по определению синтаксически обособлены и не связаны с другими членами предложения. Рассмотрим следующие русские предложения:

К сожалению, он не придёт.

По счастью, погода была чудесной.

Между прочим, зачем он нам это сказал?

Кроме шуток, здесь очень опасно.

Здесь вводные обороты относятся к остальной части предложения целиком, находятся по отношению к ним в аппозиции, представляют собой субсловосочетание предлога и существительного, связанных друг с другом подчинительной связью (см. схему на Рис. 1).

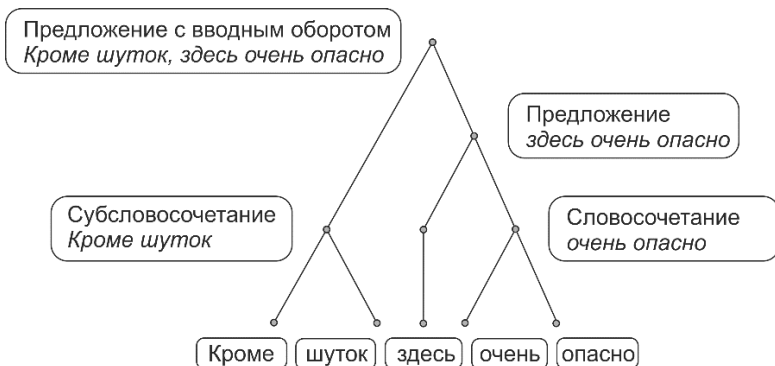

Рис. 1. Структура предложения с вводным оборотом

Принципиально ничего не меняет распространение подобных вводных оборотов: *к большому сожалению, к нашему счастью* и т.п. Всё равно предлог в них будет относиться к существительному и не будет нести связочной функции с другими членами предложения.

Аналогично устроены персидские вводные обороты, синтаксической структурой которых специально не занимались ни

отечественные, ни иранские грамматисты (по крайней мере, нам кроме упоминаний по этому вопросу каких-либо подробностей найти не удалось; см., например, [Анвари, Ахмади 2010, с. 317]:

به قول معروف be qowl-e ma'ruf *как говорится*; به طور مثال be towr-e mesāl *к примеру*; به نظرم be nazar-am *по-моему*; از قرار مسموع az qarār-e masmu' *по слухам, как говорят*; از قرار ذیل az qarār-e zeyl *как сказано ниже* и т.д.

После подобных вводных оборотов, которые по правилам персидской орфографии запятой не отделяются и потому трудно находимы, может идти предложение любой структуры, в том числе безглагольное [Иванов 2013]. Таким образом, вводные обороты нельзя, например, считать обстоятельствами, характеризующими сказуемое.

Рассмотрим более внимательно двустороннее и одностороннее отношение предлогов с существительными. Если по принципу аналогии мы сопоставим одночленное предложное словосочетание со значением частичности (از خانه‌ها az xānehā *некоторая часть домов*) с двучленным предложным словосочетанием (عبور از خانه‌ها 'obur az xānehā *проход через дома*), то заметим, что во всех случаях предлог тяготеет ко второму, распространяющему (подчинённому) члену конструкции. В двустороннем случае де-рево отношений будет выглядеть следующим образом (Рис. 2):

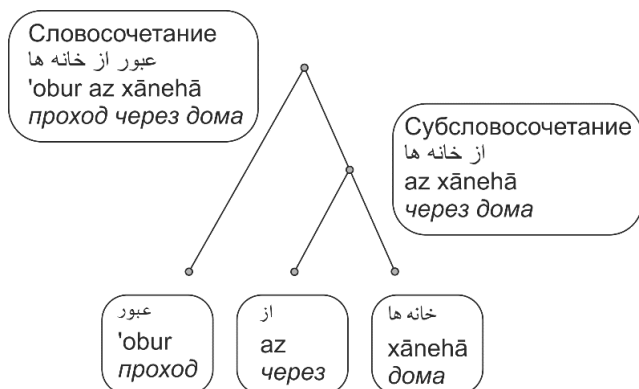

Рис. 2. Структура словосочетания с предложным субсловосочетанием

В персидском языке (так же, как в таджикском и дари) есть множество представителей незначительных частей речи как в

виде клитик, так и в виде отдельного фонетического слова. К числу клитик относятся (список А):

- 1) Местоименные энклитики م -am, ت -at, ش -aš, مان -emān, تان -etān, شان -ešān: دستم dast-am *моя рука* (букв. *рука-мест. энкл. моя*).
- 2) Артикль ی -ī: زنی zan-ī *некая женщина* (букв. *женщина-арт*).
- 3) Краткие связки م -am, ی -ī, است -ast, یم -im, ید -id, ند -and: رفته است gafte-ast *он ушёл* (букв. *ушёл-св. 3 л. ед. ч.*).
- 4) Простые предлоги: исконные از az *от*, با bā *с*, بر bar *на*, به be *к*, بی bi *без*, تا tā *до*, جز joz *кроме*, چون čon *подобно*, در اندر dar|andar *в*, مگر magar² *кроме*; арабского происхождения الи elā *до* (за исключением арабского الا ellā *кроме* и персидского برای barāye *для*, которые формируют собственное фонетическое слово).
- 5) Послелог را -rā: کتاب را خریدم ketāb-rā xaridam *Я купил книгу* (букв. *Книга-посл. купил-1 л. прош. пр.*).
- 6) Частицы تا -tā *штука* (нумератив), که ke *же*, ведь: دو تا do-tā *две штуки* (букв. *два-нум. ч.*); разг. اون که گفته un-ke gofte *он же сказал*.
- 7) Союзы و o|vo *и*, یا yā *или*; هم -ham, نیز -niz; که -ke³: من و تو man-o to *я и ты*; سی و سه si-vo se *тридцать три* (букв. *тридцать и три*); برادرم هم barādar-am-ham *мой брат тоже*, *и мой брат* (букв. *брат-мой-тоже*); میگویند که تازه برگشته است miguyand-ke tāze bar-gašte-ast *говорят, что он недавно вернулся* (букв. *говорят, что недавно вернулся-перф. 3 л. ед. ч.*).

² Жирным шрифтом здесь и далее выделяется позиция нефинального ударения.

³ Союз *ке* отличается грамматической «ущербностью» по сравнению с соответствующими союзами в европейских языках. Во-первых, он настолько грамматикализовался и утратил лексическое значение, что приобрёл способность вводить большинство придаточных предложений и прямую речь, что низводит его до функций акустически выраженного знака препинания. Во-вторых, в подавляющем большинстве случаев его употребление факультативно. Связь главного и придаточного предложений при его опущении не утрачивается, происходит лишь усиление интонационного выражения синтаксической связи – большой подъем тона для обозначения незавершённости в главном предложении и более резкий спуск «точковая интонация» в конце сложноподчинённого предложения.

- 8) Превербы بر *bar-*, در *dar-*, وا *vā-*, فرا *farā-*, فرو *foru-*: دربیار *dar-biṯār* *вынь*⁴.

Изафетный показатель тоже всегда безударен, но мы его считаем флексией⁵, т.е. частью морфологического слова, так как он не обладает свойством отделимости (подробное обоснование см. [Иванов 2014]).

К числу незначащих частей речи, могущих реализоваться в виде отдельного фонетического слова, принадлежат следующие (список Б):

- 1) Междометия и звукоподражательные слова: !اخ *ox!* *ух!*, !بیه *bah-bah!* *ух-ты!*, میومیو *miyow-miyow* *мяу-мяу*, هاپهاپ *hāp-hāp* *тяв-тяв*.
- 2) Изафетные и сложные предлоги: در باره *dar bāre-ye o, про*; به خاطر *be xāter-e radi*; از برای *az barāye*, از به غیر *az be qeyr az кроме*. Процесс образования изафетных предлогов активно продолжается. На данный момент они уже исчисляются сотнями.
- 3) Союзы و *-va и*, ویا *va-yā или*, ولی *vali но*, لیکن *likan но*, برای آن که *barāye ān-ke для того, чтобы*, اگر چه *agar-če хотя*, وقتی که *vaqt-i-ke когда* (подчинительных союзов многие десятки).
- 4) Частицы آیا *āyā ли*, مگر *magar разве*.

Сравнивая списки (А) и (Б), можно заметить, что:

- Оба списка пересекаются, т.е. в оба списка попадают такие части речи, как предлоги, союзы и частицы.
- Существует омонимия: слово مگر *magar* встречаем в предложениях в значении *кроме* и в частицах – *разве*; که *ke* в частицах – *же, ведь* и в союзах – *что, когда*; بر *bar-*, در *dar-* в предложениях и в превербх и т.п.

⁴ Превербы в утвердительных формах перетягивают ударение на себя, но вместе с остальной частью финитной формы составляют одно фонетическое слово с одним словесным ударением, т.е. в соответствии с вышеприведённым требованием на весь клитический комплекс приходится одно ударение.

⁵ В иранских грамматиках изафетный показатель считается предлогом [Анвар, Ахмади 2010, с. 257]. Л.С. Пейсиков считал его частицей [Пейсиков 1959, с. 39].

Междометия и звукоподражательные слова стоят особняком, так как всегда находятся в изолированной позиции (или аппозиции) и синтаксически не зависят от соседних слов ⁶.

Синтаксическая связь между незнаменательной частью речи и знаменательной – неравноправна и, в общем, имеет подчинительный характер. При более тщательном рассмотрении внутри этой категории на уровне субсинтаксиса обнаруживается три её подтипа.

1. Изафетная (непредикативная) связь. Согласно воззрениям Л.С. Пейсикова, сочетание типа *لب دريا lab-e darjā у моря* (букв. *зуба-IZF. море*) в отличие от *لب من lab-e man моя губа* (букв. *зуба-IZF. я*) не является словосочетанием. Причина – «выветривание» лексического значения у слова *لب lab губа* (т.е. утрата главной коммуникативной функции имён существительных – номинативности) и превращение его в служебное предложное слово, т.е. слово грамматического значения [Пейсиков 1959, с. 51-52].

Тем не менее, изафетный показатель (окончание изафетной формы слова) в сочетании *لب دريا lab-e darjā у моря* налицо (что не отрицается Л.С. Пейсиковым), и его функцией является связь двух слов. Первое стало предлогом (знаменательной частью речи) и занимает вершинную позицию в изафетном субсловосочетании. Второе – именная часть речи (существительное) занимает зависимую позицию. Грамматически второе распространяет первое, семантически – наоборот. Однако по Л.С. Пейсикову, расположение членов (порядок слов) здесь не является решающим, так как существуют изафетные соединения с обратным расположением членов *سایر رفقا sāyer-e gofaqā остальные товарищи* (букв. *остальной-IZF. товарищи*) [Пейсиков 1959, с. 39], где грамматически первое слово *سایر sāyer остальные* занимает вершинную позицию, а семантически оно является признаком второго слова *رفقا gofaqā товарищи*, т.е. его распространяет.

2. Примыкание. К этому виду связи можно свести все остальные случаи непредикативного взаимодействия незнаменательных частей речи (первым называется второстепенный, рас-

⁶ Современные иранские грамматисты пошли по пути укрупнения частеречных категорий: вместо отдельной категории междометия *اصوات و شبه جمله asvāt-o sowt* они создали категорию «полупредложение» *شبه جمله šebh-e jomle*, куда вместе с междометиями они поместили и обращения, т.е. существительные в звательной форме [Анвары, Ахмади 2010, с. 242].

пространяющий элемент; вторым – главный, распространяемый элемент):

- а) Связь местоименной энклитики с предлогом: разг. برایشان *barāye-šān* для них (букв. для-их), بهت *beh-et* тебе (букв. к-твой).
- б) Связь преверба с глаголом: فرورفتن *foru-raftan* погружаться.
- в) Связь предлога с существительным (примеры и комментарии см. выше).
- г) Связь артикля с существительным: شهری *šahr-i* некий город; دانشجویی *dānešju-yi* какой-то студент. Артикль и местоименная энклитика взаимоисключают друг друга в позиции при существительном: либо خانه‌ای *xāne-i* какой-то дом, либо خانه‌اش *xāne-yaš* его дом. В этом взаимоисключении главную роль играет семантика: артикль делает предмет неопределённым, а местоименная энклитика – определённым.
- д) Связь послелогога را *rā* с существительным: تصویر را *tasvir-rā* картину, اسب را *asb-rā* коня. Послелог вполне сочетаем как с местоименной энклитикой, так и с артиклем: گوسفندی را *gusfand-i-rā* какую-то овцу ↔ گوسفندش را *gusfand-aš-rā* его овцу. При этом он занимает по отношению к существительному более отдалённую позицию, чем другие энклитики. Этот порядок следования нарушаться не может.
- е) Связь сочинительного союза с именной частью речи: سی و دو *si-vo do* тридцать два. Энклитический союз و *-o/-vo/-yo*, будучи сочинительным, может нести исключительно двустороннюю функцию.
- ж) Связь энклитического подчинительного союза که *-ke* со знаменательной частью речи при вводе придаточного предложения: زن‌ی که آمد... *Zan-i-ke āmad...* Женщина, которая пришла... Существительное, к которому относится придаточное, может распространяться прилагательным, а комплекс *-i-ke* (артикль + союз) может сочетаться с послелогом را *rā*: زن جوانی را که دیدم... *Zan-e javān-i-rā-ke دیدم...* Молодую женщину, которую я видел... Однако союз که *ke* в зависимости от полноты стиля речи может употребляться неэнклитично и выделяться в отдельное фонетическое слово: разг. گفتم که نیاد *Goftam-ke nayād* ↔ *Goftam ke nayād* Я сказал, чтобы он не приходил. Этот союз также характеризуется исключительно двусторонней связью.
- з) Связь частицы с именной частью речи: разг. چار تا *čār-tā* четыре штуки. Здесь частица располагается ближе к существительному, чем местоименная энклитика и послелог: چار تا شونو *čār-tā šonov*

čār-tā-šun-o *их четыре штуки*. Другие частицы могут располагаться от имени на большем удалении: چار تاشونو که ندیدم Čār-tā-šun-o-am-ke nadidam *Я же тоже четверых из них не видел*. В этом примере мы видим, что, во-первых, частица که -ke *же* сочетается с частицей تا -tā *штука*, а, во-вторых, отделена от неё местоименной энклитикой شان -ešān *их*, послелогом را -gā и союзом -ham *также*.

3. Капсула. Описанные в пунктах 1 и 2 субсловосочетания являются аналогами словосочетаний с той точки зрения, что в них отсутствует предикативность. Ниже приводятся примеры фонетических слов с внутренними слабыми словесными границами, которые характеризуются наличием предикативности и поэтому являются капсулами следующих разновидностей:

- а) Односоставная капсула из краткой глагольной связки с отглагольными именными частями речи (неличными формами глагола, причастиями) в составе аналитических глагольных форм: دیده‌ای dide-ī (*ты уже*) *увидел* (перфект); می‌ساخته است misāxte-ast (*он, по-видимому*) *строил* (эвиденциальное прошедшее); گرفته بودم gerefte bude-am (*я до того времени*) *взял* (отдалённое прошедшее). Вопреки русскому переводу этих форм, они не включают в себя подлежащее и формируют состав сказуемого. В переводе личные местоимения поставлены для указания на лицо глагола в прошедшем времени. Этот структурный тип носит архаичный оттенок и возможен только в книжной речи, в разговорной он не встречается. Элементы капсулы связаны между собой примыканием.
- б) Односоставная капсула из местоименной энклитики с превербом приставочного глагола: разг. ورش دار var-eš dār *убери его* (букв. прев.-его *имей*); درش بیار dag-eš biyār *взнь это* (букв. прев.-его *неси*). При этом распространение происходит нелинейно: وردار var-dār *убери* → ورش دار var-eš dār *убери его*; т.е. распространяющий элемент «заходит» внутрь приставочного глагола, который в свою очередь является субсловосочетанием преверба с глаголом (см. пункт б) раздела Примыкание). Мы должны считать этот структурный вид сочетаний капсулой, а не субсловосочетанием, так как он в неличных формах глагола (инфинитиве) не реализуется и проявляется только на уровне предложения. Элементы капсулы связаны между собой примыканием.

- в) Односоставная капсула из местоименной энклитики с глаголом: разг. بردش bord-eš *он его унёс* (букв. *унёс-его*; местоименная энклитика в роли прямого дополнения), گفتمش goftam-eš *я ему сказал* (букв. *сказал-его*; местоименная энклитика в роли косвенного дополнения). Элементы капсулы связаны между собой примыканием.
- г) Двусоставная капсула из местоименной энклитики с глаголом: разг. هستش hast-eš *он есть* (букв. *есть-его*), نیستش nist-eš *его нет* (букв. *нет-его*). В обоих случаях местоименная энклитика выступает в роли подлежащего. Другие примеры на данный случай нам неизвестны. Этот редкий с точки зрения структуры тип капсулы является, однако, весьма частотным в разговорной речи. Элементы капсулы связаны между собой согласованием.
- д) Двусоставная капсула из краткой глагольной связки с именными частями речи в свободных сочетаниях. Краткая глагольная связка – несамостоятельное слово, поэтому мы также относим этот случай к субсинтаксису, хотя наличие глагола переводит его на уровень предложения (т.е. мы не можем назвать примеры в данном пункте субсловосочетаниями): разг. تویی? To-yi? *Это ты?* (букв. *Ты еси?*); منم Man-am *Это я* (букв. *Я есмь*); استادمه Ostād-am-e *Это мой учитель* (букв. *Учитель-мой-есть*). Перечисленные в этом пункте примеры являются капсулами, так как подлежащее и сказуемое в них «вплетено» в одно фонетическое слово. Элементы капсулы связаны между собой согласованием. Персидская краткая глагольная связка является менее самостоятельным элементом, чем связка в английском языке. Последняя заключена в сильные словесные границы. С неё можно начать высказывание: Am I? *Не так ли?* (переспрос к утверждению в отношении себя). Подобное употребление краткой связки в персидском языке исключено, поэтому персидская связка ام -am спереди имеет слабую словесную границу и самостоятельным словом не является.

Выводы и обсуждение проблем

Если рассмотреть связи незначительных частей речи друг с другом, а также со значительными, то мы обнаруживаем на уровне субсинтаксиса целые залежи сочетаний двух типов: субсловосочетаний и капсул. Причём ярус субсловосочетаний оказывается даже богаче яруса словосочетаний (8 типов против 4–5). Субсловосочетания (непредикативные единицы) являются

строительным материалом для словосочетаний и предложений. Напротив, капсулы (предикативные единицы) уже являются предложениями, которые могут распространяться далее.

Адекватное описание синтаксиса языка базируется на правильном морфологическом анализе слов с определением их частеречной принадлежности и словесных границ (о правилах определения граничных единиц на смежных ярусах см. также [Шалаяпина 2007, с. 58-65]). В иранских языках (и прежде всего в юго-западных персидском, таджикском и дари) разные части этих описаний выполнялись в различные эпохи разными людьми, исповедовавшими всевозможные лингвистические теории. Каждый из первооткрывателей постулировал некоторые правила, которые последующие исследователи старались не нарушать и добавляли к общей картине свои разработки. Некоторые постулаты сознательно или бессознательно приносились из русистики (как, например, определение словосочетания; в иранских грамматиках этот уровень специально не выделяется). До сих пор мы тоже соблюдали эти неписанные правила. Однако, осматривая общую картину, замечаем, что она получается довольно пёстрой, а описания сложными и неэкономичными. Тот же языковой материал с закономерностями его функционирования можно уложить в меньшее число правил с меньшим количеством примитивов. Для этого надо пересмотреть несколько исходных установок.

Прежде всего, нужно абстрагироваться от семантического критерия, оставив только структурный. Если мы будем считать изафетным словосочетанием всякое сочетание слов, соединённых изафетной связью, независимо от их значения, то нам не придётся вводить такую дополнительную категорию, как изафетное субсловосочетание. В этом случае нам становится безразлично, «выветрилось» или «не выветрилось» лексическое значение у вершинного слова. Сочетания типа *لب دریا lab-e daryā у моря* мы бы тогда относили к изафетным словосочетаниям. Тогда в качестве субсинтаксической связи нам осталось бы описывать только примыкание и согласование.

Поскольку под примыканием опять-таки понимается связь неизменяемых знаменательных частей речи, то, чтобы не вводить лишнее наименование связи незнаменательных частей речи (субпримыкание), нужно снять грамматическое ограничение на «знаменательность» связываемых членов. Ситуация с синтаксической терминологией здесь примерно такая же, как и с морфоло-

гической в отношении аналитических форм падежа [Алпатов 2012], а именно: из-за ранее наложенных ограничений (ещё в те времена, когда целый класс явлений был неизвестен языковедам), мы сейчас должны придумывать более дробные категории и усложнять и без того достаточно сложные описания.

Сокращения

ед. ч. – единственное число
л. – лицо
мест. энкл. – местоименная энклитика
мн. ч. – множественное число
нум. ч. – нумеративная частица
перф. – перфект
посл. – послелог
прев. – преверб
прош. пр. – прошедшее простое
разг. – разговорный
св. – связка
фр. – французский
IZF – изафетный показатель

Литература

1. Алпатов В.М. Есть ли в японском языке падежи? // Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. Материалы X Международной конференции. М.: ИД-Ключ, 2012. ISBN 978-5-93136-188-8.
2. Анвари Х. и Ахмади Гиви Х. Грамматики персидского языка. Тегеран: Фатеми, 2010. ISBN-964-318-430-7. انوری ح. و احمدی گیوی ح. دستور زبان فارسی کتاب. – تهران: فاطمی, 1389. ص. 1-393.
3. Арендс А.К. Краткий синтаксис современного персидского литературного языка / Академия наук СССР, Институт востоковедения. Труды. М.-Л., 1941. Т. XLII. С. 1-189.
4. Барулин А.Н. К проблеме классификации русских композитов // Семантические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Всесоюзная школа-семинар «Боржоми-88». Тезисы докладов и сообщений. М., 1988.
5. Иванов В.Б. Границы слова и инкапсуляция в персидском, таджикском и дари // Вопросы языкознания. 1995. №3. С. 102-117.
6. Иванов В.Б. Безглагольная предикативность в персидской речи (памяти Ю.А. Рубинчика) // Караван (электронный журнал). М.: Культурное представительство при Посольстве Исламской Республики Иран в Российской Федерации. Специальный выпуск. Август 2013.

7. Иванов В.Б. К классификации именных форм в юго-западных иранских языках // Вопросы языкознания. 2014. №2. С. 46-60.
8. Миколайчик В.И. Основы теоретической грамматики персидского языка. М.: Военный университет, 1980.
9. Пейсиков Л.С. Вопросы синтаксиса персидского языка / Ред. Васильева Н.П. М.: ИМО, 1959. 411 с.
10. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. Учебное пособие. М., РГГУ, 2011. 672 с. ISBN 978-5-7281-1122-1.
11. Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 383 с. ISBN 5-8360-0142-1.
12. Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка / Ред. Островский Б.Я. М.: Восточная литература. РАН, 2001. 600 с. ISBN 5-02-018177-3.
13. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. 798 с. ISBN 5-7281-0343-X.
14. Шаляпина З.М. Трёхмерная стратификационная модель языка и его функционирования: к общей теории лингвистических моделей / ИВ РАН. М.: Вост. лит., 2007. 480 с. ISBN 978-5-02-018528-9

©

И.Н. Комарова
ИЯз РАН (Москва)

К типологической оценке морфонологии тибетского языка

Тибетский язык относится к китайско-тибетской семье языков, тибето-бирманской подгруппе.

Грамматическая система тибетского языка обладает типологическими характеристиками, которые свойственны агглютинативным и флективным языкам. А по определенным типологическим критериям тибетский язык принадлежит к языкам изолирующего строя.

Для тибетского языка характерны типологические параметры, свойственные агглютинативным языкам: а) совпадение графического, фонетического и морфологического слогаделения при агглютинативно сочлененных морфемах в словах и словоформах *khong*¹ {он} *khong*¹ *ki* {он} эргатив, *ki* – эргативный показатель, маркирующий субъект действия; наблюдается прозрачность гра-

ниц корневой и аффиксальной морфем; *khong¹* {он} – *khong¹ la* ‘у него’, локативный показатель *la²* отделен от корневой морфемы; б) гармония гласных особого типа «по раствору» с тенденцией к закрытости гласных, т.е. к узким гласным. Наблюдается чередование гласных фонем: [o – u] *khung² + mo²* > *khung² mu¹* {средний палец}, [a – ə] *kha¹* {порт} > *chu² kə¹* {порт, переправа}.

Многие тибетологи полагают, что агглютинация – единственная существенная типологическая черта тибетского языка.

Своеобразие грамматической системы тибетского языка заключается в том, что при выражении синтаксических отношений между словами синтаксические показатели могут быть представлены отдельными постпозитивными элементами. При консонантном исходе слова присоединение синтаксических показателей осуществляется агглютинативным способом. Они при этом характеризуются четкой выделимостью, автономностью и моносемантической.

Синтаксические показатели и их варианты, именуемые «ладон» в тибетских грамматиках, зависят от конкретного качества конечного консонантного элемента основы слова и имеют агглютинативную технику соединения со словом: *la², ra², thu², su¹, tu²*. Приведем примеры релятивных показателей местоимений: эргативный показатель *khi²³* (его варианты *kyhi²³, kyi²³*), инструментальный показатель *khi²³* (его варианты *kyhi²³, kyi²³*), атрибутивный показатель *khi²* (его варианты *kyi², kyhi²*), *khong¹ ki²³* ‘он’, эргатив, субъект действия при переходном глаголе, (*khong¹*, номинатив, синтаксический показатель эргатива *khi²³*); *khong¹ khi* ‘его’ (*khong¹* ‘он’, номинатив, показатель атрибутива *khi²*).

I тип склонения имен существительных тибетского языка также характеризуется агглютинативным способом соединения морфем в словоформе. При консонантном исходе корневой морфемы, корневая и служебная морфемы имеют предельно ясные и прозрачные границы. Служебная морфема имеет нейтральный тон. Например:

ke²kən¹ki² ‘учитель’ *ke²kən¹* ‘учитель’ + *ki²* показатель эргативного падежа; нейтральный тон); *tən¹tu* ‘осенью’ (*tən¹* ‘осень’ + *tu* показатель локального падежа, выражающего временную характеристику; нейтральный тон); *beng¹ki²* ‘палкой’ (*beng¹* ‘палка’ + *ki²* показатель инструментального падежа; нейтральный тон).

К типологически значимым чертам лхасского диалекта тибетского языка относится такое суперсегментное явление, как сингармонизм гласных.

В производных словах, сложных словах и дивергентных повторах наблюдается тесная взаимосвязь между составляющими компонентами с точки зрения сингармонизма гласных.

Гармония гласных заключается в артикуляционном сближении гласных звуков обоих слогов по некоторым признакам, в частности, сингармонический характер связи морфем в тибетском слове организует вокалическую структуру слов по признаку подъема гласных.

В следующих примерах производных слов зафиксированы явления сингармонизма гласных [а-э]: $chu^2 + pa^1 > chu^2pa^1$ ‘лодочник’, $nyi^2 + ma^1 > nyi^2m\dot{a}^1$ ‘солнце’, $paŋg^2 + ku^2 > p\dot{a}ŋg^2ku^1$ ‘муха’.

В структурах сложных слов также наблюдается оформление слова с помощью сингармонизма гласных [а-э], [о-у]: hla^1 ‘бог, дух’ + $y:^2$ ‘страна, район’ > $hl\dot{a}^1y:^1$ ‘рай, земля обетованная’; $thong^1$ ‘смотреть’ + $qung^1$ ‘мало’ > $thung^1qung^1$ ‘презирать, пренебрегать’; na^{23} ‘черный’ + qu^1 ‘вода’ > $n\dot{a}k^2qu^1$ ‘река Накцю’.

Суперсегментная организация повторов (чередование тонов: II тон – I тон) сопровождается сингармонизмом гласных [а-э]: $xam^2 + xim^2 > x\dot{a}m^2xim^1$ ‘затяжной’; $kyang^2 + kyinŋ^2 > ky\dot{a}ŋg^1kyinŋ^1$ ‘высокомерный’.

Обратимся к составу вокализма в тибетском языке.

В тибетском вокализме 17 монофтонгов: [i, i:, y, y:, u, u:, e, e:, ε, ε:, o, o:, ø, ø:, a, a:, ə].

Тибетский вокализм характеризуется признаками а) трех рядов (переднего, среднего, заднего), б) трех степеней подъема (высокого, среднего, низкого), в) лабиализацией передних гласных и г) двумя модальными признаками (долготы и назализации). Поскольку нас интересует гармония гласных по признаку подъема, приведем соответствующую классификацию гласных.

В двусложных словах имеет место как прогрессивная, так и регрессивная ассимиляция, что представляет особенность тибетского сингармонизма гласных, при которой устойчивыми являются только гласные высокого подъема [i, i:, y, y:, u, u:], которые влияют на гласные среднего или низкого подъема [a, a:, ε, ε:, o, o:, ø, ø:] первого слога или, наоборот, второго слога слова.

Как удалось установить, в тибетских двусложных словах существует девять моделей сочетаемости гласных высокого, среднего и низкого подъема. Есть пять исходно сингармонических устойчивых моделей сочетаемости гласных:

[u+i] гл. выс. подъема + гл. выс. подъема *ku¹si¹* ‘мерзнуть’

[e+ε] гл. ср. подъема + гл. ср. подъема *khe¹phen¹* ‘польза’

[o+a] гл. ср. подъема + гл. низ. подъема *kho¹rang¹* ‘он’

[a+o] гл. низ. подъема + гл. ср. подъема *kyam²co¹* ‘море’

[a+a] гл. низ. подъема + гл. низ. подъема *ka¹ma¹* ‘звезда’

В четырех вокальных моделях, претерпевших преобразования сингармонического характера, наблюдаются следующие чередования гласных:

гл. выс. подъема + гл. ср. подъема

→ гл. выс. подъема + гл. выс. подъема

гл. выс. подъема + гл. низ. подъема

→ гл. выс. подъема + гл. ср. подъема

гл. ср. подъема + гл. выс. подъема

→ гл. выс. подъема + гл. выс. подъема

гл. низ. подъема + гл. выс. подъема

→ гл. ср. подъема + гл. выс. подъема

Приведем примеры:

[o→u]: (*khung² + mo²*) > *khung²mu¹* ‘средний палец’;

[a→ə]: (*zhum¹ + ta²*) > *zhum¹tə¹* ‘револьвер’;

[o→u]: (*lo¹ + yu¹*) > *lu¹yu¹* ‘трахея’;

[a→ə]: (*ka¹ + tu²³*) > *kə¹tu²⁴* ‘страдать’.

Гласные [o, a] независимо от места реализации в слове подвергаются действию качественной и количественной модификации, а в последнем примере чередование гласных [a→ə] представляет собой чередование гласных, принадлежащих к одному и тому же ряду, но различным уровням подъема: низкий подъем → средний подъем.

Двусложные слова, фиксируемые в словарях в своей графической форме, сохраняющей исходные негармонические последовательности гласных, демонстрируют, тем не менее, в транскрипционном виде сингармонические преобразования слов нескольких видов: гласные среднего подъема устремляются к высокому подъему, а гласные низкого подъема подтягиваются к среднему подъему.

Схематически это выглядит таким образом:

Гласные высокого подъема	<u>i, y, u</u>	↑			
Гласные среднего подъема	<u>e, ø, o</u>	↑		<u>ə</u>	↑
Гласные низкого подъема	_____			<u>a</u>	↑

Как мы видим, переход гласных при суперсегментной сингармонической организации возможен на одну (следующую) ступень подъема.

Таким образом, мы наблюдаем следующую картину: в первом и во втором слогах двусложных слов гласные среднего подъема чередуются с гласными высокого подъема, а гласные низкого подъема чередуются с гласными среднего подъема:

[a-ə] *kha*¹ ‘рот, порт’ → *chu*²*kə*² ‘порт, переправа’;

[o-u] *ko*² ‘голова’ → *ku*²*ry*²⁴ ‘череп’;

[ø-y] *chø*²³ ‘беседа’ → *chy*²*tu*¹ ‘обсуждение’;

[e-i] *ke*² ‘добро, молитва’ → *ki*² *chu*²⁴ ‘ученик, послушник’.

Всякий раз вне зависимости от места реализации в слове гласным высокого подъема [i, i:, u, u:, y, y:] принадлежит «пальма первенства», и они задают тон в двусложном слове, способствуя передвижению гласных на более высокий близлежащий уровень по подъему, что и определяет особый тип тибетского сингармонизма.

Существуют редкие случаи обратного воздействия гласных среднего подъема на гласные высокого подъема:

[u — o] *phu*² ‘ребенок’ → *pho*²*mo*¹ ‘девочка’;

*lu*²³ ‘норма, порядок’ → *lok*² *sø*¹ ‘нормы поведения, порядок’;

[i — e] *nyi*¹ ‘два’ → *nye*² *tong*¹ ‘две тысячи’;

*mi*² ‘человек’ → *me*² *ze*¹ ‘жизнь’.

Сингармонизм гласных является одним из средств цельно-оформленности слова. Сингармонические модели, реализуемые в двусложных словах лхасского диалекта тибетского языка, подтверждают, что на суперсегментном уровне существует тесная взаимосвязь между морфемами различного типа – между знаменательными морфемами, а также между знаменательными и незнаменательными морфемами.

С флективными языками тибетский язык объединяют такие явления, как: а) «внутренняя» флексия при синтетическом типе

именного и глагольного формообразования; б) размытость границ фузионно слитых корневых и аффиксальных морфем: nga^2 {я} – корневая морфема + i атрибутивный показатель слились в единое фонетическое, морфологическое и графическое целое $nge.^2$). Мена фонем в различных формах одной и той же морфемы может образовать четыре вида изменений флексийных морфем: 1) вокальные количественные, 2) вокальные качественные, 3) консонантные и 4) тонемные. Например, мена кратких и длинных гласных [о – о:] $cho^2 go^1$ {друг} > $cho^2 go:^1$ {у друга}, локатив.

В одной словоформе может происходить одновременно несколько видов «внутренней» флексии, например, [о – ø] [II восходящий тон – III низкий восходяще-нисходящий тон]: ko^2 {голова}, номинатив > $kø^{23}$ {головой}, инструменталис.

Три следующих релятивных показателя (в транслитерационной записи) – эргативный показатель sa^1 , локативный показатель ra^2 и атрибутивный показатель i^2 (вариант ji^2) сливаются с предшествующим словом.

Приведем примеры слияния релятивных показателей местоимений с предшествующим словом: nge^{23} ‘я’, эргатив, субъект действия при переходном глаголе, транслитерационная запись слова $ngas$; $nge^{23} < ngas$ (nga^2 ‘я’, синтаксический показатель эргатива sa слился с предшествующим словом).

$nge.^2$ ‘мой’, транслитерационная запись слова $nga^1 i$; $nge.^2 < nga^1 i$ (nga^2 ‘я’, синтаксический показатель атрибутива i слился с предшествующим словом).

Когда синтаксические показатели имеют агглютинативную технику соединения, морфологические границы слов, которые они обслуживают, предельно ясны и прозрачны: $khong^1 ki^{23}$ ‘он’ эрг., $khong^1 ki$ ‘его’, атр. В таких же словоформах – «слитках», как nge^{23} ‘я’, эрг., $nge.^2$ ‘мой’, атр. морфемное членение невозможно, так как произошло слияние исходных слов с синтаксическими показателями (эргатива в первом случае и атрибутива во втором). Образовавшиеся звуковые комплексы рассматриваются как одна словоформа.

Исходные слова, в свою очередь, подверглись фонологическим и тонематическим изменениям, которые могут быть четырех типов: 1) вокальные количественные; 2) вокальные качест-

венные и количественные; 3) одновременно вокальные (качественные и количественные) и консонантные; и 4) тоновые.

Приведем примеры:

вокальные количественные чередования:

/o/ — /o:/: *te:²mo¹* ‘представление’
— *te:²mo:¹* ‘на представлении’, лок.;
/a/ — /a:/: *nga²* ‘я’ — *nga:²* ‘у меня’, лок.

вокальные качественные и количественные чередования:

/a/ — /ε:/: *jin²zha¹* ‘институт’ — *jin²zhε:* ‘институтский’, атр.;
/o/ — /ø:/: *lo²* ‘год’ — *lø:²* ‘года’, атр.

вокальные (качественные и количественные), консонантные и тоновые чередования: /o/ — /ø/, /a/ — /ε/, /u/ — /y/, I тон — III тон, I тон — IV тон.

/ø/ нуль звука/ — /²/: *ko²* ‘голова’ — *kø²³* ‘головой’

I тон — IV тон: *kha¹* ‘рот’ — *khe²⁴* ‘ртом’, инстр.

II тон — III тон: *zhu²* ‘грязь’ — *zhy²³* ‘грязь’, инстр.

Как показывают приведенные примеры, в одной и той же морфеме могут быть от одного до трех типов чередований:

один тип а — а: *nga²* ‘я’ — *nga:²* ‘у меня’

два типа о — ø *lo²* ‘год’ — *lø:²* ‘года’ атр.

три типа о — ø²³ *ko²* ‘голова’ — *kø²³* ‘головой’

При этом наблюдается мена фонем и тоном в различных формах одного и того же слова. Чаще встречается мена гласных. Необходимо особо подчеркнуть, что вокалические альтернации, представляющие чередования гласных заднего ряда с соответствующими гласными переднего ряда, отличаются регулярным и систематическим характером.

1) чередование по признаку ряда: задний—передний /a/ — /ε/, /o/ — /ø/, /u/ — /y/; 2) чередование по признаку долготы — краткости: /a/ — /a:/, /o/ — /o:/, /u/ — /u:/: 3) одновременное чередование по признаку ряда и по признаку долготы — краткости /a/ — /ε:/: /o/ — /ø:/: /u/ — /y:/: 4) тоновые чередования по признаку ровный — нисходящий, восходящий — восходяще-нисходящий: /I тон — IV тон/, /II тон — III тон/.

Следует отметить существенные фузионные явления. Синтаксические показатели могут сливаться непосредственно с корневой морфемой, если слово односложное, производное, либо с суффиксальной морфемой, если слово двусложное, производное.

Приведем примеры слияния синтаксических показателей с корневой морфемой и проявление «внутренней флексии»:

/a/ — /a:/: /rnga/ nga¹ ‘барабан’

— /rnga/ nga:¹ ‘на барабане’, лок.

/u/ — /u:/: /chu/ qu¹ ‘вода’ — /chu’i/ qu: ‘водный’, атр.

/o/ — /ø:/: /krung-go/ zhung¹ ko¹ ‘Китай’

— /krung-gos/ zhungl kø²⁴ ‘Китай’, эрг.

/u/ — /y:/: /mthu/ thu¹ ‘сила’ — /mthus/ thy²⁴ ‘силой’, INSTR.

Приведем примеры слияния синтаксических показателей с суффиксальной морфемой и проявления «внешней» флексии:

/a/ — /ε:/: /nyu-pa/ nyu² pa¹ ‘рыбак’

— /nyu-pas/ nyu² pε²⁴ ‘рыбак’, эрг.

/a/ — /ε:/: /rnga-ma/ nga¹ ma¹ ‘барабан’

— /rnga-mas/ nga¹ mε²⁴ ‘барабаном’, INSTR.

/a/ — /a:/: /nying-pa/ jing² pa¹ ‘шея’

— /nying-par/ ning² pa:¹ ‘на шее’, лок.

/a/ — /ε:/: /stag-pa/ tak¹ pa¹ ‘береза’

— /stag-pa’i/ tak¹ pε:¹ ‘березы’, атр.

При групповом оформлении членов именной группы вокалические альтернации наблюдаются только в крайнем справа члене синтагмы:

lak² pa¹ yøn² pa¹ ‘левая рука’, номинатив

lak² pa¹ yøn² pa:¹ ‘в левой руке’ (букв. рука левой), лок.

Описанные выше факты непосредственного слияния синтаксических показателей с предшествующим словом позволяют сделать вывод о наличии флективного способа соединения морфем в словоформах тибетского языка и выражении внутренней и внешней флексии. Флективный способ соединения морфем в словоформах в составе предложения наблюдается при выражении эргатива, атрибутивных, временных, пространственных, адресивных, посессивных и инструментальных отношений. Приведем примеры:

1) при выражении эргатива: the² ‘то’ номинатив — tε²³ ‘то’, эрг. kho¹ ‘он’ номинатив khø²⁴ ‘он’ эргатив;

2) при выражении атрибутива: kho¹ ‘он’ номинатив — khø:¹ ‘его’, атр. zhung¹ ko¹ ‘Китай’ — zhung¹ kø:¹ ‘Китай’, атр.

3) при выражении локатива: ri² ‘гора’ номинатив — ri:~² ‘в горах’, локатив, zhung¹ ko:~¹ ‘Китай’ — zhung¹ ko:~¹ ‘в Китае’, локатив.

4) при выражении посессивных отношений: *nga*² ‘я’ номинатив — *nga*:² ‘у меня’, *khø*¹ ‘он’ — *khø*:¹ ‘у него’;

5) при выражении инструменталиса: *ko*² ‘голова’ номинатив — *kø*²³ ‘головой’ INSTR., *qa*¹ *ma*¹ ‘веник, номинатив —’ *qa*¹ *mε*²⁴ ‘веником’, INSTR.

Графическая форма тибетских слов, отличающаяся традиционной орфографией, сохраняет все то, что утратила современная фонетическая система тибетского языка.

Типы флексий Граммемные значения	<i>nyā</i> ² <i>pa</i> ¹ ‘рыбак’	<i>chok</i> ² <i>mo</i> ¹ ‘подруга’
Номинатив	<i>nyā</i> ² <i>pa</i> ¹ ‘рыбак’	<i>chok</i> ² <i>mo</i> ¹ ‘подруга’
Эргатив	<i>nyā</i> ² <i>pε</i> ²⁴ ‘рыбак’	<i>chok</i> ² <i>mø</i> ²⁴ ‘подруга’
Атрибутив	<i>nyā</i> ² <i>pε</i> : ¹ ‘рыбака’	<i>chok</i> ² <i>mø</i> ¹ ‘подруги’
Адрессив	<i>nyā</i> ² <i>pa</i> : ¹ ‘рыбаку’	<i>chok</i> ² <i>mo</i> : ¹ ‘подруге’
Инструментатив	<i>nyā</i> ² <i>pε</i> ²⁴ ‘рыбаком’	<i>chok</i> ² <i>mø</i> ²⁴ ‘подругой’
Локатив	<i>nyā</i> ² <i>pa</i> : ¹ ‘в рыбаке’	<i>chok</i> ² <i>mo</i> : ¹ ‘в подруге’

II тип склонения имен существительных тибетского языка (лхасский диалект) также отличается флективным способом соединения морфем в словоформе при вокальном исходе корневой морфемы. Происходит сращение морфем — корневой и служебной и сочетание лексического и грамматического значений в одной морфеме. При этом корневая морфема в результате сращения двух морфем подвергается определенным модификациям, как-то: чередование гласных и согласных фонем, тоном, появление лхасского умлаута, долгих гласных, наращение гортанной смычки. Приведем примеры:

ri:² ‘на горе’ (исходная лексическая единица *ri*² ‘гора’, в тибетском языке словоформа «на горе» представлена как силлабографема *ri* + *ra*, где *ra* — локативный падежный показатель, фонетическое падение которого произошло в процессе эволюции фонетической системы.

*kø*²³ ‘головой’ (исходная лексическая единица *ko* ‘голова’, в тибетской графике словоформа «головой» представлена как *ko*² + *sa*, где *sa* — инструментальный падежный показатель, след кото-

рого остался в виде гортанной смычки -² и флексийного преобразования фонемы [o] > [ø].

«Внутренняя» флексия как явление морфонологических преобразований сближает тибетский язык с флективными языками и предстает одним из морфологических средств выражения форм настоящего, прошедшего и будущего времени глагола. Морфонологическая зона охватывает сегментный (гласные и согласные фонемы) и суперсегментный (тонемы) уровни глагольных основ, имеющих различные серии спряжения: [o – a], [e – ε], [a – ε]: *zhong¹ – zhang²* {читать} – *phe:¹ – phe:.¹* {развивать}. После фонетических инноваций в лхасском диалекте распространились новые серии глагольного спряжения: [a – ε], [u – y], [o – ø]: *sa² – se²³* {есть, кушать} – {ел, кушал}; *su¹ – sy²⁴* {встречать} – {встречал}; *ko¹ – kø²⁴* {копать – копал}.

Таким образом, тибетский глагол является средоточием типологических характеристик тибетского языка. В глагольных граммемах – формах индикатива и императива выделяются как аналитические, так и переплетающиеся с ними **синтетические** временные формы, средствами выражения которых являются комплексы, состоящие из глагольных основ, частиц и десемантизованных глаголов экзистенциальной и посессивной семантики. В глагольной парадигме представлены от одной до четырех основ, зачастую содержащих флексийные компоненты и образующих глагольные категории тибетского языка: лица (первое лицо – непервое лицо), что отражается в личных формах глагольной связки); времени (настоящее, прошедшее, будущее); модальности (индикатив/императив); очевидности/неочевидности (говорящий является / не является свидетелем, очевидцем описываемого действия, ситуации); версии (выражение направленности и предназначения действия для субъекта или для косвенного объекта); вида, который представлен основными видовыми сериями форм – результативности, многократности, длительности и перфекта; гонографичности, образуемой сочетанием особых лексических и грамматических форм глагола и отражающей ценностные ориентации ее носителей. Например, знаменательный глагол имеет парадигму из двух или трех форм, различающихся значениями настоящего, прошедшего и будущего времени и образующихся посредством

внутренней флексии — чередования гласных и согласных фонем, а также тоном:

	Настоящее	Прошедшее	Будущее	
/ε – ø – ε/	<i>tε</i> ²⁴	<i>tø</i> ²⁴	<i>tε</i> ²⁴	‘давать’
/с – z – z/	<i>cem</i> ¹	<i>zem</i> ¹	<i>zem</i> ¹	‘шить’
/p – ph – p/	<i>pi</i> ²³	<i>phi</i> ²⁴	<i>pi</i> ²³	‘сверлить’

Чередование на уровне тоном может быть единственным показателем противопоставления временных форм. В следующих глагольных формах (синтетический тип формообразования) наблюдается чередование тоном при сохранении тождества фонемного состава:

	Настоящее	Прошедшее	Будущее	
(I тон – IV тон – IV тон)	<i>kung</i> ¹	<i>kung</i> ⁴	<i>kung</i> ⁴	‘прятать’
(I тон – IV тон – I тон)	<i>tim</i> ¹	<i>tim</i> ⁴	<i>tim</i> ¹	‘растворять’
(II тон – I тон – II тон)	<i>zhø</i> ²	<i>zhø</i> ¹	<i>zhø</i> ²	‘прятать’

Особо следует сказать о роли нейтрального тона. В пределах изъявительного наклонения аналитические временные формы настоящего, прошедшего и будущего образуются посредством совокупности глагольных основ, частиц и личных форм. При этом частицы *ki*, *pa* отмечены нейтральным тоном:

	Глагол	Частицы	Всп. глагол	
Настоящее время	<i>xε</i> ²⁴	<i>ki</i>	<i>re</i> ²³	‘(он) знает’
Прошедшее время	<i>qin</i> ¹	<i>pa</i>	<i>yin</i> ²	‘(я) ходил’
Будущее время	<i>zho</i> ²	<i>ki</i>	<i>yin</i> ²	‘(я) пойду’

Кроме частиц носителями нейтрального тона являются и вспомогательные глаголы *qung* и *song*, используемые при образовании перфектных форм глагола: например, *ngε*²³ *xε*²⁴ *qung* ‘я понял’ (*qung*, нейтр. тон); *khø*²⁴ *nga*² *xu* *qung* ‘он ударил меня’ (*qung*, нейтр. тон).

Обратимся к оппозиции форм изъявительного и повелительного наклонений, где также наблюдается чередование тоном по признаку «ровный – нисходящий»: I высокий ровный тон чередуется с IV высоким нисходящим тоном. Например:

Изъявит. наклонение		Повелит. наклонение	
<i>kong</i> ¹	‘выполняю’	<i>kong</i> ⁴	‘выполняю’
<i>nyong</i> ¹	‘ставлю ловушку’	<i>nyong</i> ⁴	‘ставь ловушку!’

Таким образом, тоновые чередования представляют собой морфологическое средство выражения грамматического значения времени и наклонения глагола в тибетском языке.

Исследование оппозиций тибетских глагольных форм, противопоставленных по значениям «некаузативность-каузативность», также обнаруживает фонетико-морфологический способ форм образования – чередование гласных и согласных фонем, а также тоном:

(I тон – IV тон)	$xi^{?2}$ ‘разрушиться’	$xi^{?4}$ ‘разрушить’
(II тон – IV тон)	$su^{?2}$ ‘колоться’	$zu^{?4}$ ‘уколоть’
(III тон – IV тон)	$lo^{?2}$ ‘перевертываться’	$lo^{?4}$ ‘перевертывать’
(II тон – I тон)	$re.^{?2}$ ‘разорваться’	re^1 ‘разорвать’

С изолирующими языками тибетский язык типологически сближают некоторые следующие исключительные особенности: а) закрытая система силлаботонических единиц-силлабем, строго фиксированная структура слога с иерархическим делением на инициаль и финаль, представленных парадигмами с различным набором согласных и гласных фонем; в слогах моделей CVC, CV, CV::; инициаль представляют двадцать девять согласных фонем *ph, p, th, t, kh, k, kyh, ky, zh, ch, z, c, j, q, m, n, ng, ny, l, w, r, y, x, h, s, sh, hy, lh, f*, в слогах всех пяти фонологических моделей CV, CV::, V:, VC, CVC финаль включает семнадцать кратких и длинных гласных фонем *a, a:, o, o:, u, u:, i, i:, e, e:, y, y:, ø, ø:, ε, ε:, ə* и только восемь согласных фонем выступают в качестве терминали *m, n, ng, k, ʔ, r, w, p*, так как в тибетском языке имеется тенденция к открытости слога; б) ограниченная возможность монофонемной структуры репрезентировать морфемы или одноморфемные слова; г) наличие системы четырех тоном, противопоставленных по признакам: ровный — неровный, восходящий — нисходящий. Будучи важным фонологическим средством, тон связан с такими языковыми уровнями, как лексический и грамматический: *khang¹* {дом}, *khang²* {который}, *khang³* {снег}, *khang⁴* {удовлетворять}; *sung¹* {защищаю} (наст. вр.), *sung⁴* {защищал} (прош. вр.); *sing¹* {выбираю} (наст. вр. изъяв. накл.) — *sing⁴* {выбери} (повел. накл.), *re.^{?2}* {разорваться} — *re¹* {разорвать} (категория каузатив — антикаузатив).

Основными морфологическими способами словообразования глаголов в тибетском языке, как и в изолирующих языках, являются аффиксация, словосложение и редупликация. Производные слова, а также сложные слова и повторы характеризуются сложными и многообразными отношениями с такими языковыми уровнями, как фонологический, морфологический и лексический.

Словообразованию тибетского языка посвящен ряд исследований отечественных и зарубежных ученых (Ю.Н. Рерих, Ю.М. Парфионович, Б.В. Семичов, Р.Э. Миллер, А. Рона-Таш, Ху Тань, Тань Кэжэнь и др.). Способ соединения корневых и аффиксальных морфем, как правило, имеет агглютинативный характер (нарушаемый лишь в отдельных случаях): *thak¹pa¹* ‘веревка’ (*thak⁴* — корн. морф., *pa¹* — суф.), *tho¹po¹* ‘высокий’ (*tho¹* — корн. морф., *po¹* — суф.), *nga¹mo¹* ‘прежде, раньше’ (*nga¹* — корн. морф., *mo¹* — суф.).

Среди способов словообразования в тибетском языке преобладает суффиксация. Суффиксы *pa¹*, *po¹*, *ma²*, *mo²*, *wa²*, *wo²*, *ya²³*, *ngen¹* и др. способны обозначать предметность, процессуальность, признаковость, встречаясь в составе разных лексико-грамматических классов: *qang¹pa¹* ‘любитель вина цян’ (ячменный алкогольный напиток, сущ.), *je: ¹po¹* ‘любимый’ (прил.), *te²wa¹* ‘счастье’ (сущ.), *qu¹wo¹* ‘река’ (сущ.), *na²ya²⁴* ‘болезнь’ (сущ.), *lep¹ngen¹* ‘ученик’ (сущ.).

При словосложении образуются слова, состоящие из двух или нескольких лексически значимых компонентов и характеризующиеся двусторонней структурно-семантической связью с исходными лексическими единицами. При словосложении соединение лексических единиц также имеет агглютинативный характер. Можно выделить сложные слова следующих моделей:

1) атрибутивной модели, состоящие из именных морфем: *ce¹xing¹* ‘огород’ < *ce¹* ‘овощи’ + *xing²* ‘поле’; *qəp¹khung¹* ‘канал’ < *qəp⁴* ‘вода’ + *khung¹* ‘отверстие’; *qəp¹ser¹* ‘гниль’ < *qəp⁴* ‘вода, жидкость’ + *ser¹* ‘желтый’; *pu²ma: ¹* ‘червяк’ < *pu²* ‘насекомое’ + *ma: ¹* ‘красный’;

2) сложные слова объектно-предикативной модели, состоящие из именной и глагольной морфем: *sung¹xe²⁴* ‘доклад’ < *sung¹*

‘речь’ + xe^{24} ‘говорить’; $chak^2tong^1$ ‘эхо’ < cha^{23} ‘голос, звук’ + $tong^1$ ‘оставлять’; xa^1zi^1 ‘вилка’ < xa^1 ‘мясо’ + zi^2 ‘держать’.

3) сложные слова субъектно-предикативной модели, образующиеся при сложении именных или именной и глагольной морфем: ngo^2ca^1 ‘краснеть (от стыда)’ < ngo^2 ‘лицо’ + ca^1 ‘жаркий’; $qap^1khø.^1$ ‘кипяток’ < qap^4 ‘вода’ + $khø.^1$ ‘кипеть’; nam^2lang^4 ‘рассвет’ < nam^2 ‘ночь’ + $lang^3$ ‘поднялся’.

Тонемы, принадлежащие к суперсегментному уровню языка, соотносятся с сегментными единицами – слогом и словом и, соответственно, с их семантическими и грамматическими свойствами. Тем самым выявляются особенности взаимодействия лексических, грамматических и просодических средств в словообразовании и словоизменении тибетского языка.

Функция тонов весьма значительна в словообразовательной системе тибетского языка. В одних случаях самостоятельно употребляющиеся слово и его коррелят в составе двусложного слова являются тождественными, при этом могут наблюдаться незначительные модификации основных параметров тона. В других случаях эти две коррелирующие единицы имеют фонологически значимые различия, выражающиеся в чередовании тоном.

В исходе двусложного слова тибетского языка, как правило, реализуется максимально высокий тоновой уровень, тем самым проявляется закон допущения в исходе слов только признака «высокий». Как следствие, низкие тонемы стали чередоваться с высокими.

Рассмотрим словообразовательную роль тонов в словосложении.

В первом слого двусложного слова также происходят модификации тона, в результате чего реализуются противопоставления по признакам «нисходящий — ровный», «восходяще-нисходящий — восходящий». Например, в первом слого четвертый высокий нисходящий тон меняется на первый высокий ровный тон [IV-й → I-й]: $qø^{24}$ ‘религиозное учение’ + lu^{23} ‘метод, способ’ → $qø^{21} lu^{24}$ ‘религия’.

В первом слого двусложного слова III-й низкий восходяще-нисходящий тон чередуется со II-м низким восходящим тоном: lu^3 ‘тело’ + $kham^4$ ‘здоровье’ → lu^2kham^4 ‘здоровье’.

Во втором слого происходят модификации как контура тона, так и его регистра, в результате чего реализуются противоп-

ставления по признакам «восходящий — ровный», «низкий — высокий»; II-й низкий восходящий тон чередуется с I-м высоким ровным тоном: *nam*¹ ‘небо’ + *chu*² ‘лодка’ → *nam*¹ *zhu*¹ ‘самолет’; *qa*² ‘чай’ + *ma*² ‘масло’ → *qa*² *ma*:¹ ‘тибетский чай с маслом’.

В ряду явлений, сближающих тибетский язык с изолирующими языками, следует также назвать агглютинативные свойства именных или глагольных граммем.

Основной единицей тибетского письма является силлабографема (простая, сложная и составная с опорой на основную букву), отличающаяся традиционным написанием графических элементов (графем) и в общих чертах сохранившая структуру слога древнетибетского языка вследствие своего консервативного характера. Как утверждают ученые А. Рона-Таш, Чжан Ляньшэн и др. [Róna-Taš, 1989, с. 143; Zhang Liansheng, 1989, с. 157], многочисленные диакритические буквы, которые в составе силлабографем в настоящее время не имеют фонетического значения и являются «реликтами», некогда в раннем периоде древнетибетского языка произносились. Это подтверждается данными памятников письменности, тибетскими заимствованиями в других языках и фактами диалектологии. В диалекте Амдо, например, сохранились почти все стечения согласных букв в начале и в конце слога и отсутствует тоновая система, возникшая в лхасском диалекте, как нам представляется, в качестве компенсаторного механизма при сложном переходе оппозиции звонкость/глухость согласных в оппозицию придыхательность/непридыхательность, падении начальнослоговых и конечнослоговых элементов слога и сокращении его протяженности.

В тех случаях, когда синтаксические показатели именных частей речи представлены отдельными постпозитивными элементами, словоформа в письменной речи состоит **из двух силлабографем**, отделяющихся друг от друга надстрочными точками. Приведем примеры в транслитерационном выражении. Знак «плюс» аналогичен точке в письменной речи.

<i>/sdon/</i> ‘осень’	– <i>/sdon + du/</i> ‘осенью’
<i>/beng/</i> ‘палка’	– <i>/beng + gis/</i> ‘палкой’

Когда же тибетское слово являет собой «слиток», возникший при слиянии корневой и служебной морфем, то в письменной речи оно представлено всего лишь **одной силлабографемой**,

которая включает в свой состав исходные корневые морфемы в качестве ядерных элементов и синтаксические показатели в качестве финальных элементов. Точечные разделения, разумеется, отсутствуют.

Рассмотрим несколько примеров в транслитерационном выражении.

<i>/kha/</i> ‘рот’	– <i>/khas/</i> ‘рот’	(<i>khe</i> ²⁴ фонетич.)
<i>/dri/</i> ‘грязь’	– <i>/dris/</i> ‘грязью’	(<i>ri</i> ²³ фонетич.)
<i>/rdo/</i> ‘камень’	– <i>/rdo'i/</i> ‘камня’	(<i>dø</i> ²³ фонетич.)

В настоящее время одни и те же модели тибетского письма, сохранившие графические структуры VII–IX вв., корреспондируют с **разными** фонологическими моделями, соответствующими более чем двадцати диалектам тибетского языка.

Литература

1. Ван Гочжэнь. Китай: Тибет. Факты и цифры. Пекин, 2001.
2. Комарова И.Н. Тибетское письмо. М., 1995.
3. Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г. Морфонология в описании языков. М., 1983.
4. Парфионович Ю.М. Тибетский письменный язык. М., 1970.
5. Рерих Ю.Н. Тибетский язык М., 1961.
6. Ярцева В.Н. Об аналитических формах слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.–Л., 1963.
7. Beyer S.V. The Classical Tibetan Language. New York, 1992.
8. Goldstein M.C. Essentials of Modern Literary Tibetan. Berkeley, Los Angeles, Oxford, 1991.
9. Kitamura Hajime. Tibetan (Lhasa Dialect). Tokyo, 1977.
10. Roerich G.N. Tse-Trung Lopsang Puntshok, Textbook of Colloquial Tibetan (Dialect of Central Tibet). Calcutta, 1957.
11. Nicolas Tournadre et Sangda Dorje. Manual de Tibétain Standard. Paris, 2003.
12. Pho² kyε²⁴ cin¹ jø²⁴ qen¹ mo¹. Beijing, 1984 {Большой тибетско-китайский словарь в 3-х томах. Гл. ред. Чжан Исюн. Пекин. 1984}.
13. Qu Aitang. Han-Zang yuyan yanjiude lilun he fangfa. Zhongguo zangxue chubanshe. Beijing, 2000 {Цюй Айтан. Теория и методы исследования тибетского языка. Изд-во исследований по тибетологии. Пекин, 2000}.

14. Wang Zhijing. Zang yu Lasa kouyu yufa. Zhongyang minzu daxue chubanshe. Beijing, 2000 {Ван Чжицзин. Грамматика разговорного лхасского диалекта тибетского языка} (на кит. яз.).
15. Zang yu jianzhi. Beijing, 1983 (Очерк тибетского языка. Под ред. Цзан Пэна. Пекин, 1983).
16. Zang yu keben. Zhongyang minzu daxue. Beijing, 1999 {Учебник тибетского языка. Центральный университет национальностей. Пекин. 1999}.

©

Е.К. Молчанова
ИЯз РАН (Москва)

О структурной характеристике глаголов зороастрийского дари (или йезди)

Известно, что Ю.А. Рубинчик был исследователем широкого профиля. Одна из областей иранистики, в которой он оставил свой след, – это морфология персидского языка, в частности, морфология персидского глагола, его структурные характеристики.

В трудах, посвященных грамматике и словообразованию *современного персидского языка* (например, в [Рубинчик 2001, с. 204 и сл.]), глаголы, с точки зрения их структуры и словообразования, классифицируются по трем группам: простые, префиксальные, сложные. Эта классификация может быть использована и при анализе некоторых других иранских языков и диалектов (в частности, она проведена в кандидатской диссертации ученика Ю.А. Рубинчика на материале современного языка дари Афганистана, см. [Джавов 1988]).

Простые глаголы определяются в общем виде как состоящие из одного слова. Если это форма инфинитива, то в ней выделяются две морфемы: основа прошедшего времени (далее: ОПВ) и суффикс -ан (для персидского языка). В правильных и подобно-правильных глаголах (о чем см. ниже) выделяют основу настоящего времени (далее: ОНВ), суффикс ОПВ и суффикс инфинитива -ан (для персидского языка).

Далее. Простые глаголы на основе соотношения ОНВ и ОПВ – для персидского, таджикского и дари Афганистана – делят на *правильные, подобноправильные и неправильные*.

К *правильным* относят глаголы, у которых ОПВ производна от ОНВ с помощью основообразующего суффикса -d или -id (перс. gān-d, инфинитив gāndan ‘гнать’; kub-id, инфинитив kubidan ‘бить, ударять’). Соответственно, ОНВ правильных глаголов получают из инфинитива путем отбрасывания конечных сегментов -d-an, -id-an (перс. kandan ‘копать, рыть’ – ОНВ kan-; nušidan ‘пить’ – ОНВ nuš-).

К *подобноправильным* относят глаголы, у которых (как и у правильных глаголов) – в упомянутых выше юго-западных иранских языках – ОНВ может быть получена от ОПВ путем механического отбрасывания следующих морфем: -ād/-od, -est/-ist, -t, -oft, -st. См. перс. istādan ‘стоять’ – ОПВ istād – ОНВ ist-; перс. dānestan ‘знать’ – ОПВ dānest – ОНВ dān-; перс. bāftan ‘ткать’ – ОПВ bāft – ОНВ bāf-; перс. paziroftan ‘принимать’ – ОПВ paziroft – ОНВ pazir-; перс. zistan ‘жить’ – ОПВ zist – ОНВ zi.

К *неправильным* относят глаголы, обе основы которых, хотя часто и восходят к одному и тому же корню, на современном синхронном уровне имеют фонетические различия и не могут быть образованы одна из другой. Таковы перс. āmixtan ‘смешивать(ся)’ – ОПВ āmixt – ОНВ āmiz; перс. farmudan ‘приказывать’ – ОПВ farmud – ОНВ farmā. Иные образцы: перс. budan ‘быть’ – ОПВ bud – ОНВ bāš; перс. dādan ‘давать’ – ОПВ dād – ОНВ deh; перс. kardan ‘делать’ – ОПВ kard – ОНВ kon.

В настоящей работе мы остановимся – в *синхронном аспекте* – на структурной характеристике глаголов **йезди, или зороастрийского дари** (он входит в иную, чем персидский, а именно северо-западную группу иранских языков) и сопоставим их с соответствующими глаголами персидского языка.

Прежние исследователи (например, В.А. Иванов [Ivanov 1935, с. 67]), отмечали, что глагол в языке иранских зороастрийцев сохранил больше типических черт, чем все другие части речи. При том, что глагол, вероятно, утратил многое из своей специфики и процесс его ассимиляции с персидским глаголом прогрессировал, однако в целом он сохранял (в 30-е гг. XX в., когда писал В.А. Иванов) и сохраняет больше оригинальных особенностей северо-западной иранской группы, чем любой другой из ее диалек-

тов. В.А. Иванов [ibid.] далее рассматривал глагольные основы (и йезди, и кермани вместе), которые демонстрируют их осязаемые расхождения с нормами «местного базари и литературного персидского», т.е. персидского койне и классического персидского.

Подробнее о фонетических и морфологических особенностях глагола в йезди в сравнительно-историческом аспекте см. [Молчанова 2008, с. 322 и сл.].

Как оказалось, упомянутая выше классификация далеко не всегда оказывается корректной для йезди.

Правильными с точки зрения статистики здесь можно назвать скорее глаголы, у которых ОПВ производна от ОНВ с помощью основообразующего суффикса *-ōd* или *-id* (а инфинитив имеет исход *-ōdvun* (реже – *ōdmun*), см. й. *xenōdvun/ xinōdvun/ xīnōdmun* ‘читать, петь’. Ниже мы даем некоторый список правильных глаголов.

Надо оговориться, что, с одной стороны, недостаточность и труднодоступность лексикографических материалов по зороастрийскому дари, с другой – сложность и непрозрачность исторической фонетики этого языка затрудняют анализ морфологического состава некоторых глаголов. Например, глаголу й. (h)orsidvun и (h)orsōdvun ‘чистить, начищать, натирать (посуду)’ трудно найти синхронный или исторический эквивалент, если не считать близкородственного кермани *orsādmun* и *orsnādmun* с тем же значением, а также со значением ‘шлифовать, полировать’, для которого Дж. Сорушиян дал ОНВ *-ors-* и причастие *orsōda* [Sorušiyān 1956, с. 5]. Исходя из этого, можно считать приведенный глагол правильным, а его ОПВ образованной суффиксом *-ōd* или *-id*. Этимологии этого глагола, по нашим сведениям, никто не давал, хотя некоторую информацию в этом направлении можно извлечь из этимологических словарей персидского и среднеперсидского языков у иранских исследователей соответственно Мохаммада Хасандуста [Hassandoust 2004, с. 109] и Ядолла Мансури [Mansuri 2005, с. 373-374]. Оба они использовали обширную мировую иранистическую литературу. М. Хасандуст рассматривает иранские лексемы, производные от индоевропейского корня ‘точить, тереть’ **kō(i)-* или **ke(i)-*, ир. **sā(y)-* ‘точить’, в том числе с приставками. У него в словаре (это лишь первый изданный том) глагол перс. *sāyidan* или *sudan* ‘тереть’ не представлен. У Я. Мансури засвидетельствован среднеперсидский глагол *sāy-*, *sāyidan* ‘тереть’.

При этом он возводит ОНВ sāy- к ир. *sāw-aya-, где sāw- сильная ступень от saw- из *su-/¹saw- ‘тереть’. Прошедшее причастие должно было иметь вид *su-ta-. Я. Мансури приводит фразу из среднеперсидского памятника «Бундахишн» с глагольной словоформой frāz sāyend (= перс. farā sāyand) ‘они (рыбы) трутся (друг о друга)’.

ОПВ ср.-перс. sāyid Я. Мансури считает «ненастоящей» (ja’li), образованной суффиксом -id от глагола sudan, которому посвящена самостоятельная статья [Mansuri 2005, 390-391]: ср.-перс. sāy-, sudan ‘тереть, бить, разбивать, размалывать, растирать в порошок’. Нам показался примечательным приведенный в статье среднеперсидский образец из памятника «Денкарт», где глагол sudan использован с превербом be в значении ‘очищать’: be sudan i devān az tan... ‘надо очистить тело от дивов...’. Там же Я. Мансури приводит этот глагол с превербами *pati- и *fra-. В последнем случае обращает на себя внимание глагол из мертвого хорезмийского (восточноиранского) языка gs’w < *fra-sāw-aya- ‘тереть, полировать’. К этимону *fra-sāw- Я. Мансури возводит и персидский глагол farsudan, farsā(y)-, отличающийся по значению (‘изнашиваться, ветшать; изнуряться, утомляться’).

Возможно, что анализируемый нами глагол (h)orsōdvun в зороастрийском дари также восходит к *fra-sāw- или *fra-sā(y)-. Преобразование ир. *fr-, *fra- > зор. дари hr, h-г допустимо, см. [Молчанова 2008, с. 267, 297]. Что же касается суффиксов ОПВ -ōd, -id, они могли появиться по аналогии.

Фонетический облик некоторых глаголов зороастрийского дари свидетельствует об их *заимствованном* характере. В частности, й. jomōdvun (М II, с. 204-205) ‘шевелиться, двигаться’ из ир. *iamb-/iamp-: iab- / iar- ‘(быстро) двигать(ся); передвигать(ся)’; бродить; вскакивать, прыгать’, арийское состояние не реконструируется, древнеиндийские соответствия не зафиксированы. Более ранний прототип (если он был) неясен (ЭСИЯ, т. 4, с. 82 и сл.). В большинстве западноиранских языков отразился анлаут *i- > j-, например, ср.-перс. jumb- ‘двигаться’ (Там же), но ср. манихейский ср.-перс. и маних. парфянский uōbahg ‘недомогание, плохое самочувствие, болезнь’, парфянский uōb- ‘прилагать усилия; испытывать трудности, лишения, скорбить’ [Mansuri 2005, с. 216-217] со ссылками на иранистическую литературу).

Скорее всего, й. *jomōdvun* – это персидское заимствование, судя по тому, что в ряде других глаголов йезди сохранился оригинальный анлаут у-, например, в й. *yosōdvun* (кермани *yosōdvun*, но й.-евр. *jušidan*) ‘волноваться, печалиться’, см. также имя й. *yos* ‘волнение, печаль’ (й.-евр. *ješ*), подробнее см. [Молчанова 2008, с. 294]. Приведем текстовый образец с глаголом й. *jomōdvun* ‘шевелиться, двигаться’ (цит. по [Mazdāpour 2006, с. 204-205]): *tu xarm por e jomōd o yosōd...’vo sne on často voročalja i nervničal...’*.

Если сопоставить глаголы зороастрийского дари с *подобно-правильными* аналогами в персидском, то обнаруживаются, с одной стороны, заимствования из персидского: й. *raziruftun* (Iv) ‘принимать’, по словам В.А. Иванова, это «просто кл. перс. *radiruftan*, представленный в диалектной форме» [Ivanow 1939, с. 30]; диалектная форма проявляется в фонетике (*p < f*, *pt < ft*, см. [Молчанова 2008, с. 279]), фонетические варианты й. *peziropt(v)un* / *peziroft(v)un* представлены в словаре К. Маздапур (М I, с. 481); текстовых образцов нет, лишь отсылка к *qabul kardan* с тем же значением; в словаре К. Кешаварза этого глагола нет. В словаре Дж. Сорушияна (S, с. 28) имеются варианты: 1) кермани *pezrofmun* со словоформами императива *ve-fzir* и *ma-fzir*, а также причастие *pezrofta*; и йезди *pezroft(v)un* с соответствующими словоформами *ve-pzir* и *ma-pzir* и причастием *pezirofta*.

Глагол ‘ткать’ из этой же группы подобноправильных представлен в йезди фонетическими вариантами *wuptwun/waftvun* с ОПВ *wupt* и ОНВ *wup-/ wuf-* (Iv, с. 41) с пояснением: «по-видимому, это простая адаптация кл. перс. лексемы» (Ibid.). У К. Маздапур: *vōpt(v)un*, *vōftvun* с ОПВ *vōpt* и ОНВ *vōp-* (M I, с. 308).

То же значение ‘ткать’, по сведениям К. Маздапур, может быть выражено также глаголом *čedvun*, ОПВ *čed* (M I, с. 308). Заметим, что у В.А. Иванова (Iv, с. 8), а также у К. Кешаварза (K, с. 38) у глагола й. *čedvun* указано другое значение: ‘собирать’. То же значение показано у Дж. Сорушияна: й. *čidmun*, ОНВ *-čen-*, причастие *čenāda* и й. *čepōdvun* с ОНВ *-čen-*, причастием *čeda*. У Сорушияна можно предположить контаминацию форм кермани и йезди. У [Bailey, с. 339] *čedvūn* (ОНВ *-čin-*, ОПВ *-čed*) с значениями: 1) ‘gather’, 2) ‘weave’.

В персидском (в том числе и в среднеперсидском *čīdan*, *čīn-*) отмечено лишь значение ‘собирать’. Значение ‘вязать, плес-

ти' (одно из значений) встречаем только в курдском çinîn, çin- [ЭСКЯ, т. I, с. 237; ЭСИЯ, т. 2, с. 206].

У В.А. Иванова [Ivanow 1939, с. 38] отмечен семантически близкий глагол *tenōdvun*, *tinōdvun*, *tedvun* 'ткать; скручивать', сопоставляемый им с кл. перс. *tanidan* (этимологию последнего см. [Hasandust 2004, с. 352]; там же приводится ср.-перс. *tadan*, *tan* 'прясть, сучить (нитку)', см. также (СПД, с. 81). У С. Сорушияна [Sorushiyan, с. 50] представлены кермани *tunādmun* и йезди *townōdvun* (оба с ОНВ *-town-*) 'скручивать'.

Для этого глагола В.А. Иванов приводит ОНВ *tin-*, *ten-* и ОПВ *ted*, *tenōd*. У К. Маздапур [Mazdāpūr 2006, с. 19] для действия 'скручивать нить' предложен глагол *tōvidvun/ tōvōdvun* с ОПВ *tōvid* и ОНВ *-tōv-*. Этот же глагол представлен у К. Кешаварза как *tōvidvun* (по говорам *tāvizvun*, *tovizvun*, *tōvizvun*) с переводом: = перс. *tābidan*, т.е. 'скручивать(ся)'.

У глагола 'знать' (й. *zōnōdvun* или *zunōdvun*) ОПВ образована суффиксом *-ōd*: *zōnōd* (ОНВ *zōn-*), т.е. по регулярному для йезди образцу.

С этим же суффиксом представлены глаголы й. *vištōdvun/ hištōdvun* (М I, с. 276-77) 'стоять'; ОНВ *-višt-*, *hišt-*, ОПВ *vištōd*, *hištōd*, прош. прич. *hištōda*.

С другой стороны, правильным персидским глаголам с ОПВ на *-d* или *-id* в йезди соответствуют глаголы преимущественно с суффиксом *-ōd* (или *-id*). Суффикс *-ōd* хорошо соотносится с основообразующим суффиксом *-ād* в ОПВ парфянского (мертвого среднеиранского языка северо-западной группы). Эта структурная модель (с *-ōd*) в йезди, как уже говорилось, регулярна. Модель с *-id*, возможно, заимствована из персидского, тем более что у некоторых глаголов йезди представлены оба варианта. Приведем некоторые глаголы йезди, которые можно было бы назвать правильными: *davōdvun* (по говорам *dovazvun*, *davozvun*, *davōzvun*), ОПВ *davō(d)*, ОНВ *dav-* 'бежать'; *baxšōdvun* и *baxšidvun*, ОПВ *baxšōd*, ОНВ *-baxš-* ([Bailey, с. 338]: *-bāxš-*) 'дарить, давать' (но также и 'прощать'); *pušōdvun* и *pušidvun* (М I, с. 539-540) 'надевать'; см. там же синоним (аналитический глагол) *var kartun id*. (*raxtde varku* – М I, р. 339 'надень свою одежду'); й. *pars-ōd-vun* (по говорам: *pars-ōz-vun*, *parsāzvun*, *parsozvun*) 'спрашивать', ОПВ *pars-ōd*, ОНВ *-pars-*; й. *došōdvun* (Bailey, Keshavarz) (по говорам: *dušāzvun*, *došozvun*, *došōzvun*) 'доить'; й. *čoš-ōd-vun*,

ОНВ -čoš- ‘пробовать’; й. men-ōd-vun, ОНВ -min-, -men- ‘оставаться’ (см. поговорку: й. bō mōyi gi rav-i xar pō-še tu gel e menōda, bōzem di da nakeše (F, с. 119) ‘несмотря на то, что он, подобно ослу, завяз (остался) в грязи, он все не унимается’); й. ken-ōd-vun ‘выкапывать, вытаскивать, вырывать, выдергивать’, ОНВ ken-, ОПВ ken-ōd (но и ken-, о чем см. ниже). Под влиянием персидской речи появляются гибридные фразы типа й. me kendam (вместо правильной me-m ken) ‘я вырвала’ с заимствованной ОПВ kend (перс. kand) и персидским личным окончанием -am вместо местоименной проклитики -m.

Для правильного глагола перс. dar-id-an ‘рвать(ся), разрывать(ся), раздирать(ся)’ в йезди находим следующие соответствия: dridvun, ОПВ -drit, ОНВ drin- [Ivanow 1939, 11]; dar-īd-vūn, ОПВ -drīd, ОНВ -drin- [Bailey, 339]; drin-ōd-vun, ОНВ -drin-, причастие drinōda ‘разорванный, расколотый’ (а в кермани: dern-ād-mun, ОНВ -dern-, причастие dernāda) – [Sorušiyān, с. 76, 77]; й. dridvun (в говорах drizvun) – [Keshavarz 1993, с. 49].

У некоторых правильных глаголов йезди ОНВ сокращена до одного согласного: n-ōd-un ‘ставить, класть’, s-ōd-vun ‘лежать, находиться’.

В йезди могут *сосуществовать* правильная вторичная ОПВ на -ōd и сокращенная, совпадающая с ОНВ: venōd-vun и (-)ven- (ОНВ и ОПВ) ‘бросать’, а также kenōd-vun ‘выкапывать, вытаскивать, вырывать, выдергивать’, ОНВ ken-, ОПВ ken-ōd, но и ken-.

Своеобразен фонетически и экзотичен глагол й. p(e)rontvun, p(e)nortvun (ОНВ pḡn-, -pnḡ-) ‘схватить, взять’, который В.А. Иванов считал принадлежностью местного «сленга» и отмечал его отсутствие в других северо-западных иранских языках и диалектах. См. об этом глаголе [Vahman-Asatrian, с. 2002].

Фонетически и семантически своеобразен глагол й. t(e)marg-ōd-vun (ОНВ -t(e)marg-), к. temargādmun ‘соваться, лезть, втискиваться’ (об ахримановских существах).

Глагол й. vasiđvun, vasōđvun (к. vasiđmun) ‘любить’ (предположительно восходит к древнеиранскому корню *vas- ‘любить, иметь склонность’, см. [Hasandust 2004, с. 200]).

В йезди у одного и того же глагола встречаем *дублетные* формы, а именно неправильные (более старые) и правильные (инновационные), которые называют также вторичными. Например,

у неправильного глагола й. *didvun* ‘видеть’ с древней ОНВ -*vin* и ОПВ *did* – зафиксирован вторичный вариант й. *vinōdvun* (ср. к. *vinādmun*) – (S., с. 179), см. (там же) прош. прич. й. *vinōda* (ср. к. *vināda*)¹. Отмечалось [Рубинчик 2001, с. 211], что от глагола *didan* (и некоторых других неправильных глаголов) в *персидском* языке вторичный глагол не может быть образован.

Сюда же, очевидно, следует отнести упомянутый выше глагол й. *tenōdvun*, *tinōdvun*, *tedvun* ‘ткать; скручивать’. Аналогичным образом, у глагола й. *vaštʷun* ‘убегать, мчаться’ (а также ‘дуть’) (с ОНВ -*vez*) имеется вторичный вариант й. *vezōdvun*; ОПВ соответственно *vašt* и *vezōd*; у глагола й. *gaštʷun* (к. *gaštʷmun*) – вариант *gezōdvun* (по говорам: *gezāzvun*, *gezozvun*, *gezōzvun*) ‘кусать’, ОНВ -*gaz-*, -*gez-*, ОПВ *gašt* и *gezōd*. Глагол ‘писать’: *mnešʷun* и *mnesōdvun* (с ОНВ -*mnes-*), а также *nevištʷun* (Iv, с. 23, 26) с ОНВ -*neves-* и -*mnes-* и ОПВ *nevešt* и *mnešt*, ср. (K, с. 108) *nvešt(v)un* (с ОНВ -*neves-*).

В отличие от персидской пары глаголов *moštan* и *mālidan* ‘тереть; растирать’ (неправильная и правильная/вторичная формы) в йезди засвидетельствована лишь вторичная: *mōlidvun* (K).

В заключение обратим внимание на семантику уже упомянувшегося выше глагола *kenōd-vun*. При обычном значении ‘выкапывать, вытаскивать, вырывать, выдергивать’, в фольклорных текстах отмечено иное: ‘подметать, убирать’, может быть, ‘чистить’. Образцы: *ri kza-m ve-ken* ‘убери мой дом’; *in ji... ri kza-š oš-ken* ‘она тоже... убрала ее дом’; *miz-e sar-om ve-ken* ‘поищи у меня в голове’; *in ji miz-e sar-oš oš-ken* ‘она тоже искала у нее в голове’.

Любопытно, что в персидском переводе этих фрагментов употреблен персидский глагол *kandan*.

См. также у глагола *ken-ōd-vun* значение ‘обрывать, отрывать’ (об уздечке) в пословице: *rav-i hoštor-i lejōm kenōda, sob tō šav bilbil e kuda vo davr-i ki gerta* (F, с. 119) ‘словно верблюд с оборванной уздой, с утра до ночи шатается по улицам’ (о бездельном и праздношатающемся человеке).

¹ Не путать с *venōdvun* ‘бросать’.

Сокращения

ОНВ – основа настоящего времени

ОПВ – основа прошедшего времени

языки: й. – йезди

й.-евр. – йезди-еврейский, т.е. говор евреев Йезда

зор. дари – зороастрийский дари

ир. – иранский

к. – кермани

кл. перс. – классический персидский

маних. – манихейский

перс. – персидский

ср.-перс. – среднеперсидский

Источники

ЭСИЯ – Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков, т. 2. М., 2003.

ЭСКЯ – Цаболов Р.Л. Этимологический словарь курдского языка в 2 т., т. 1. М.: Вост. лит., 2001.

CPD – Mackenzie D.N. A Concise Pahlavi Dictionary. L., 1971.

F – Firuzbakhsh F. Barresi-ye sāxtemān-e dasturi-ye guyesh-e behdinan-e shahr-e Yazd. Tehran, 1997.

Iv – Ivanow W. 1939, vol. 18, fasc. 1.

K – Keshavarz K. Farhange zartostiyāne ostāne Yazd. Eskilstuna, 1993.

M I – Mazdāpour K. Vāzhe-nāme-ye guyesh-e behdinān-e shahr-e Yazd. Jeld-e avval. Tehrān, 1995.

M II – Mazdāpour K. Vāzhe-nāme-ye guyesh-e behdinān-e shahr-e Yazd. Jeld-e dovvom. Tehrān, 2006.

Литература

1. Джавов А.Г. Структурные типы глагола современного языка дари (в сопоставлении с современным персидским языком). АКД. М., 1988.
2. Молчанова Е.К. Йезди (зороастрийский дари) // Основы иранского языкознания. М., 2008. С. 235–343.
3. Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001.
4. Bailey H.W. Yazdi // BSOAS, 193., vol. VIII, parts 2, 3.
5. Christensen A. Le Dialect de Samnan. Kobenhavn, 1915. В переводе на персидский язык Эхсана Эбрахимиана, вступительная статья, редакция, комментарии и приложения д-ра Хамид Реза Хасан-заде Тавакколи. Изд-во Семнанского Университета, 2010.

6. Firuzbakhsh F. Barresi-ye sāxtemān-e dasturi-ye guyesh-e behdinan-e shahr-e Yazd. Tehran, 1997.
7. Hasandust M. (ed.). An Etymological Dictionary of Persian Language, vol. 1. Tehrān, 2004.
8. Ivanow W. The Gabri spoken by the Zoroastrians of Persia. In: Rivista degli Studii Orientali. Roma, 1935, vol. 16, fasc. 1; 1937, vol. 17, fasc. 1; 1939, vol. 18, fasc. 1.
9. Keshavarz K. Farhange zartostiyāne ostāne Yazd. Eskilstuna, 1993.
10. Mansuri, Yadolla. An Etymological Study of Pahlavi Verbs. Tehran, 2005.
11. Mazdāpour K. Noktehā'i dar bāre-ye tahavvole guyeshe behdinān // Majmu'e-ye maghālāte naxostin hamandishi-ye guyesh-shenāsi-ye Irān. Tehran, 2002, 533-555.
12. Mazdāpour K. Vāzhe-nāme-ye guyesh-e behdinān-e shahr-e Yazd. Jeld-e avval. Tehrān, 1995; Jeld-e dovvom. Tehrān, 2006.
13. Sorušiyan ĵ. S. Farhang-e Behdinān. Tehrān, 1956.
14. Vahman F., Asatrian G. Notes on the Language and Ethnography of the Zoroastrians of Yazd. Copenhagen, 2002.

©

С.Э. Талыбова
МГУ (Москва)

Категория времени в персидском языке

Действия и события всегда происходят в определенное время, что находит свое выражение во временных формах глагола, которые, по убеждению ученых, являются основой языка. Календарное время – *زمان تقویمی* определяет свершение действия относительно момента речи, т.е. что было раньше, что происходит в настоящее время и что произойдет позже в будущем. Точкой отсчета становится момент речи, по отношению к которой определяет **время**.

Безусловно, что мышление отражает мир, а язык конкретизирует мышление, и если продолжить этот ряд относительно глагола, можно сказать, что именно эта часть речи в языке дает возможность точно определить время совершенных событий и действий, задуманных. Грамматическая категория времени – это система противопоставленных друг другу ряд форм, обозначающих

отношение действия ко времени его осуществления и отражение времени, реально существующего в природе.

Как в персидском, так и в русском языке **категория времени** предстает как трехчленная: выделяются **прошедшее** (действие происходило до момента речи), **настоящее** (действие происходит в момент речи) и **будущее время** (действие будет совершаться после момента речи).

Персидский язык богат глагольными формами, которые позволяют конкретизацию времени действия относительно момента речи, как при высказывании событий, совершающихся в настоящем времени, так и свершенных в прошедшем. «В зависимости от отношения, говорящего к высказываемому, его оценки отношения сообщаемого к объективной действительности, выражаемых в глагольных формах, все формы распределяются между изъявительным и сослагательным наклонениями» [Рубинчик 2000, с. 240], а внутри наклонений по временам и лицам.

В фундаментальной работе Ю.А. Рубинчика «Грамматика современного персидского литературного языка» (далее «Грамматика...») всесторонне рассмотрен глагол, его временные формы. В этой работе автор указывает формы, которые активно употребляются в современном языке, как в художественной литературе, так и устной речи. Однако практика преподавания языка и использования художественной литературы в обучении показывает, что необходимо наравне с общеизвестными временными формами называть и те формы, которые употребляются именно «сегодня» в «فارسی امروزه», встречаются в современной иранской художественной литературе и активно используются в устной речи.

В персидском языке в изъявительном наклонении можно говорить о трех временах: настоящем, прошедшем и будущем, каждое из которых представлено несколькими временными формами, которые часто взаимодействуют друг с другом. Формы времени в зависимости от способа образования подразделяются на простые (синтетические) и описательные (аналитические). К простым временам относятся простое настоящее-будущее, настоящее-будущее, простое прошедшее и прошедшее длительное, а все остальные временные формы – настоящее конкретное, будущее конкретное, прошедшее конкретное, преждепрошедшее, перфект преждепрошедшего, конкретное время длительного перфекта – относятся к описательным и сложным по форме образованиям.

Ю.А. Рубинчик относительно настоящего времени указывает на настоящее-будущее и настоящее конкретное времена. Однако кроме названных двух форм «настоящего времени» в языке встречается *простое настоящее-будущее время* مضارع ساده, о котором в этой работе не упоминается. Автор отмечает, что глагол داشتن – *иметь* – в настоящем времени употребляется без приставки می. Фактически этот глагол употребляется в форме *простого настоящего-будущего времени*. Надо отметить, что Н.З. Хатами в учебнике персидского языка называет эту форму и отмечает случаи ее употребления [Хатами, с.176]:

– в классической литературе:

از آن مار بر پای راعی زند که ترسد سرش را بکوبد بسنگ

Змея жалит пастуха в ногу т.к. боится, что тот разобьёт ему голову об камень (Саади).

– в пословицах и крылатых выражениях:

تیری که از کمان جست بر نگردهد.

Стрела, выпущенная из лука, не возвращается.

تو که چراغ نبینی با چراغ چه بینی

Ты же не видишь огня, что же видишь с огнем ...

– в современном языке:

چنان می‌سوزم از عشقت که بسوزد خانه هم از من

Я так горю от любви к тебе, что сгорает дом от меня (Лахути).

В последнем примере поэт 20 века Лахути использовал обе формы настоящего времени: می‌سوزم – настоящее-будущее и بسوزد простое настоящее-будущее времена. По структуре эти две формы настоящего времени отличаются наличием/отсутствием приставки می. При переводе на русский язык использованы глаголы *гореть* и *сгорать* в настоящем времени; оба глагола несовершенного вида синонимичны, так как согласно словарю С.И. Ожегова «сгорать – то же, что и гореть (в 1, 6, 7, 8 и 9 знач.)» [Ожегов 1983, с. 629].

Надо отметить, что при образовании конкретного будущего времени формообразующий глагол خواستن стоит именно в простом настоящем-будущем времени. Ю.А. Рубинчик в «Грамматике...» так и пишет: «будущее конкретное время образуется из личной формы настоящего времени вспомогательного глагола خواستن без приставки می». Такая трактовка относительно будущего-

го конкретного времени прослеживается и в других источниках, в частности в учебниках персидского языка Т.П. Белюн, В.И. Егорова, Б.А. Фролова [Белюн и др. 2002, с. 149] и В.Б. Иванова и Е.Л. Гладковой [Иванов, Гладкова 2004, с. 29].

В «Грамматике персидского языка» двух авторов Х. Анвари и Х. Ахмади-Гиви простое настоящее-будущее время определяется термином *مضارع ساده* и говорится, что это форма настоящего времени исторически употреблялось наравне с *مضارع اخباری* и в настоящее время сохраняет свою форму в некоторых сложных и префиксальных глаголах, а также в глаголах «*иметь*» и «*хотеть*»:

امروزه در برخی از فعل‌های مرکب و پیشوندی و نیز از مصدر
"خواستن" و "داشتن" به کار می‌رود

[Анвары, Ахмади-Гиви, с. 61].

В «Грамматике...» Ю.А. Рубинчика относительно форм прошедшего времени изъявительного наклонения даны простое прошедшее (*preterit*), прошедшее длительное (*имперфект*), прошедшее конкретное, прошедше-настоящее (*перфект*), прошедше-настоящее длительное, преждепрошедшее (*плюсквамперфект*) – т.е. всего 6 форм. Однако в иранских источниках, кроме этих форм, называются еще – *ماضی مملوس نقلی* – *ماضی ابعد* и *ماضی ابعد* – это перфектная форма преждепрошедшего и, как ее называет В.В. Мошкало в разделе «Персидский язык» в серии «Языки мира», преждепрошедший перфект [Мошкало 1997, с. 84-85]. В «Грамматике персидского языка» иранских авторов эта форма прошедшего времени объясняется как возможность описать действие, которое предшествует давнопрошедшему:

ماضی ابعد برای بیان وقوع فعلی که در گذشته‌ی دورتر اتفاق افتاده به
طریق نقل گفته می‌شود.

[Анвары, Ахмади-Гиви, с. 53]

Если исходить из того, что лексическое значение термина *ابعد* – это превосходная степень от слова *بعید* [Рубинчик и др. 1970, с. 38], а само указанное слово имеет значение «давнопрошедшее и преждепрошедшее время» [Рубинчик и др. 1970, с. 212], то персидскому термину *ماضی ابعد* точно соответствует термин «преждепрошедший перфект», или «перфект преждепрошедшего времени», введенный В.В. Мошкало. Ср.:

سیاح به چین رفته بود و از آنجا دو باره به ژاپن باز گشته بوده است

Путник поехал в Китай и оттуда вновь возвращался в Японию

В следующем примере наглядно демонстрируется последовательность событий, произошедших «давно» одно за другим через какое-то время:

این کتاب را پدر بزرگم به پدرم داده بوده است، پدرم آن را به برادر بزرگم داده بود، و برادرم آن را به من داد

Эту книгу дед даровал отцу (داده بوده است – перфект преждепрошедшего), отец подарил моему старшему брату (داده بود – преждепрошедшее) и мой брат подарил мне (داد – простое прошедшее).

Х. Анвари и Х. Ахмади-Гиви называют ещё *ماضی ملموس نقلی* – т.е. конкретное время длительного перфекта: *داشتم میرفته ام*; авторы указывают, что эта форма присуща разговорной речи.

عصر مثل هر روزه از مدرسه در آمده و با یک نفر دیگر از معلمها داشته میرفته است

Вечером, как и каждый день, вышел из мадрасы и шел с одним из учителей.

Такое употребление было характерно для русского языка XIX века: *хаживал, едал* – и указывало на действие далекого прошлого.

Вообще, как отмечают иранские авторы, все формы конкретных времен – настоящее конкретное, прошедшее конкретное и «конкретное время длительного перфекта» – употребляются чаще в устной речи. Однако, учитывая, что диалоги в художественной литературе приближаются к живой речи, названные формы встречаются и в современной художественной литературе.

Итак, в персидском языке, если действие происходит в момент речи, это выражается формами настоящего времени:

روم : простым настояще-будущим *مضارع ساده*

میروم : настояще-будущим *مضارع اخباری*

دارم میروم : настоящим конкретным *مضارع مستمر*

Из перечисленных форм настоящего времени самое употребительное в речи *مضارع مستمر* – настоящее конкретное, в художественной литературе – настояще-будущее *مضارع اخباری*, но в диалогах встречается и простое настояще-будущее время. Надо отметить, что эта форма больше наблюдается в 3-ем лице множественного числа, как в строках Ирадж Мирза:

گویند مرا چو زاد مادر پستان به دهان گرفتن آموخت

Говорят, как только меня родила, мама научила брать грудь.

Какая разница в этих двух формах? На первый взгляд, разница в способе образования – если простое настоящее употребляется без приставки *می*, то привычное нам настоящее время употребляется с приставкой. В переводе разница не прослеживается, хотя в приведенном выше примере:

چنان می‌سوزم از عشقت که سوزد خانه هم از من

– при употреблении обеих форм мы даем перевод «горю» и «сгораю». Последовательность двух действий, произошедших в результате друг друга и продолжающихся одновременно в настоящем времени, при переводе находит свои лексические соответствия.

Если события или действия произошли до момента речи и относятся к прошедшему времени, это находит выражение в следующих временных формах:

رفتَم: простое прошедшее (*претерит*): ماضی ساده

می‌رفتَم: прошедшее длительное (*имперфект*): ماضی استمراری

داشتَم می‌رفتَم: прошедшее конкретное: ماضی مستمر / گذشته‌ی مشخص

رفته‌ام: прошедше-настоящее (*перфект*): ماضی نقلی

: می‌رفته‌ام: прошедше-настоящее длительное: ماضی نقلی مستمر

دست کم از ده هزار سال پیش در نقاط گوناگون ایران مردم غارنشین،
بیابان‌نشین، و بعدها مردم شهرنشین زندگی می‌کرده‌اند.

Как минимум десять тысяч лет назад в различных краях Ирана жили пещерные люди, кочевые в пустыне, а позднее горожане.

رفته بودم: преждепрошедшее (*плюсквамперфект*): ماضی بعید

رفته بوده‌ام: преждепрошедший перфект: ماضی ابعید

در کشتی زوجه‌ی استاد بیمار شده بوده است و حاجی بابا به معالجه‌ی او
می‌پرداخته است

На корабле жена Учителя заболела, и Гаджи Баба приступил к ее лечению.

داشتَم می‌رفته‌ام: конкретное время длительного перфекта: ماضی ملموس نقلی

Надо отметить, что наличие многообразных форм для выражения прошедшего времени создает определенные трудности в изучении персидского языка. В последнем примере *است بیمار شده بوده* *заболела* глагол стоит в преждепрошедшем, а последующий глагол *می‌پرداخته است* *приступил* – в прошедше-настоящем длительном времени; однако в переводе невозможно точно передать эти фор-

мы, чтобы выразить давнопрошедшее действие и «длительность перфекта». Употребление этих форм ситуативно, и они довольно часто встречаются в классической литературе.

Действия, которые происходят после момента речи, выражаются будущим категорическим временем – مستقبل. Эта аналитическая форма образуется при помощи глагола خواستن в простом настояще-будущем времени в определенных лицах с усеченным инфинитивом основного глагола: خواهم رفت.

В современной художественной литературе все временные формы изъявительного и сослагательного наклонения (настояще-будущее и прошедше-предположительное) встречаются.

При таком разнообразии выражения событий во времени речь на персидском языке становится довольно красноречивой. Однако наши аудитории стараются ограничиться простыми временными формами. Это можно объяснить несовпадением временных форм в персидском и русском языках, отсутствием категории вида в персидском языке, что создает дополнительные трудности для понимания категории времени, особенно разнообразные формы прошедшего времени. К тому же глаголы بودن داشتن сохраняют свою индивидуальность в образовании временных форм, в частности эти глаголы не употребляются с приставкой می, хотя в литературе можно встретить такое употребление:

نگارنده در ضمن تدریس به شاگردانی برخورد نموده که نام کوچک یا نام خانوادگی آنها مایه ریشخند دیگران و اسباب شرمندگی خود آنان می بوده است
[Hoseyn-e Naha`i 1335, с. 7-8].

Составитель в период преподавания встречал учеников, фамилия или имя которых становилось причиной их высмеивания другими.

Интересно, что глагол بودن в данном предложении стоит в форме конкретного длительного перфекта и именно поэтому имеет при себе префикс می, что не характерно для этого глагола.

Сослагательное наклонение, в отличие от изъявительного, имеет две временные формы: настояще-будущее и прошедше-предположительное.

Грамматическое время — это глагольные формы, показывающие хронологию действий и их взаимосвязь с моментом речи.

Источники

1. Годратулла Солх Мирзаи. Последнее решение. Тегеран. 1371/1992. 24 с.
2. Хатами Н.З. Фарс дили. Баку, 1961. 482 с. (на азербайджанском языке).
3. Hoseyn-e Naḫa`i. Namname. Tehran, 1335.

Литература

1. Анвари Х., Ахмади-Гиви Х. Персидский язык. Тегеран. Вып. 1375/1996 – 384 с.; 1385/2006 – 256 с., 1386/2007 – 394 с. (на персидском языке).
2. Белюн Т.П., Егорова В.И., Фролова Б. А. Учебник персидского языка. Ч. II. М., 2002. 410 с.
3. Иванов В.Б., Гладкова Е.Л. Персидский язык. Ч. II. М.: Филаматис, 2004. 320 с.
4. Мошкало В.В. Персидский язык // Языки мира: Иранские Языки. I. Юго-западные иранские языки / Отв. ред. В.С. Расторгуева, ред. В.В. Мошкало, Д.И. Эдельман. М.: Индрик, 1997.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Под ред. В.В. Пчелкина. М.: Русский язык, 1983. 814 с.
6. Рубинчик Ю.А. Грамматика современного литературного персидского языка. М.: Восточная литература. 2000. 600 с.
7. Рубинчик Ю.А. и др. Персидско-русский словарь. В 2-х томах / Под ред. Ю.А. Рубинчика. М.: Русский язык, 1970.
8. Рубинчик Ю.А. и др. Персидско-русский словарь. В 2-х томах / Под ред. Ю.А. Рубинчика. М., 1983. Т. I. – 800 с. Т. II. – 864 с.
9. Хатами Н.З. Фарс дили (на азербайджанском языке). Баку, 1961. 482 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Аннотации

Шаляпина З.М. *90 лет со дня рождения И.Ф. Вардуля и Ю.А. Рубинчика.*

Кратко описывается жизнь и научная деятельность двух выдающихся отечественных лингвистов-востоковедов: И.Ф. Вардуля, работавшего в области японистики и общего языкознания, и Ю.А. Рубинчика – специалиста по персидскому языку. Приводятся основные публикации об их жизни и трудах.

Ключевые слова: *персоналии, японистика, иранистика*

Алпатов В.М. *Лингвистическая концепция И.Ф. Вардуля*

Рассматриваются языковедческие взгляды И.Ф. Вардуля как автора одной из последних общетеоретических концепций структурной лингвистики и его отношение к другим подходам, прежде всего к концепции Н. Хомского.

Ключевые слова: *персоналии, теория языка, языковые уровни, структурализм*

Дорри Дж. Ю.А. Рубинчик – *ответственный редактор и руководитель двухтомного персидско-русского словаря*

Автор вспоминает о своей работе в коллективе составителей двухтомного персидско-русского словаря под руководством Ю.А. Рубинчика.

Ключевые слова: *персоналии, лексикография, персидский язык*

Каменова М.С. Ю.А. Рубинчик – *исследователь-новатор*

Статья посвящена вкладу Ю. А. Рубинчика в персидское языкознание. Его работы широко известны как в России, так и за ее пределами. Они охватывают разные области изучения современного персидского языка – грамматику, лексику, а также его социолингвистический аспект. Талант Ю.А. Рубинчика как новатора-исследователя ярко проявился и в работе с учениками, в их становлении как ученых-иранистов.

Ключевые слова: *персоналии, иранское языкознание, научное наследие, персидская социолингвистика, ислам, академия персидского языка и литературы, формулы вежливости*

Розанова Т.А. *О практической ценности научного наследия И.Ф. Вардуля*

Статья посвящена двум проблемам японистики, освещавшимся в работах И.Ф. Вардуля: проблематике перевода и семантике составного именного сказуемого. Автор показывает, что в зависимости от семантических свойств именной связки *desu* может употребляться не только со вспомогательным глаголом *aru*, но и с *iru*. Разбирается ряд японских примеров, подтверждающих методологическую ценность подхода И.Ф. Вардуля.

Ключевые слова: *японский язык, перевод, глагол-связка, вид*

Хамрай А.А. *Феноменологическое измерение арабской грамматики*

В статье рассматривается приложимость феноменологических взглядов Гуссерля к описанию арабского языка и использования понятия феноменологической редукции при парадигматическом описании арабской грамматики. Предлагается рассматривать грамматические явления арабского литературного языка одновременно с онтологической и феноменологической точек зрения.

Ключевые слова: *арабский язык, философия языка, языковые уровни*

Шаляпина З.М. *Языковые уровни в их соотношении между собой*

Система лингвистических уровней рассматривается как языковое пространство, формируемое тремя осями: обозначения, членения и обобщения. Основные языковые уровни распределяются по этим трем осям естественным образом, и их трехмерная организация позволяет объяснить ряд специфических свойств языка: соотношение в нем словаря и грамматики, некоторые явления языковой избыточности, вариативность языковой деятельности при стабильной языковой компетенции и др.

Ключевые слова: *теория языка, языковые уровни, структура знака, языковая компетенция*

Быкова С.А. *Язык Токио и процесс фразеологической деривации в японском языке*

В статье рассматриваются пять из шести типов устойчивых фразеологических сочетаний, вошедших в литературный японский язык из диалекта Эдо (ныне Токио) и сохраняющих употребительность в наше время.

Ключевые слова: *японский язык, токийский диалект, фразеология*

Додыхудоева Л.Р. *Лексика арабского происхождения: семантический аспект (по материалам памирских и таджикского языков).*

В статье рассматриваются арабские заимствования в языках Бадахшана в сопоставлении с арабизмами классического и современного таджикского языка, а также значения, специфические для конкретных языков.

Ключевые слова: *заимствования, памирские языки, таджикский язык, арабский язык*

Кузьмина А.А. *Персидские фамилии (на материалах 2-й половины XX века)*

В статье дается описание персидских фамильных имен и их классификация по части речи слов-источников, по их семантике и по их происхождению (для заимствований). Каждый класс иллюстрируется многочисленными примерами.

Ключевые слова: *персидский язык, фамилии, ономастика*

Полищук А.И. *О необходимости создания персидско-русского и русско-персидского словаря общественно-политической лексики*

В статье рассматривается состояние научной, учебной и практической персидско-русской и русско-персидской лексикографии в свете задачи создания словаря по общественно-политической тематике.

Ключевые слова: *персидский язык, лексикография, общественно-политическая лексика*

Сейед Агаи Резаи С.М. *К названиям рыб в мазандеранском языке: русские заимствования*

В лексике населения севера Ирана имеется много русских заимствований, связанных с рыбным промыслом. В статье рассматриваются заимствованные названия рыб в мазандеранском языке, отмечаются изменения в их произношении и указываются их местные названия.

Ключевые слова: *заимствования, прикаспийские языки, мазандеранский язык, русский язык*

Якубович И.С. *К этимологии персидского *dāstur**

В статье предлагается этимология для персидского *dāstur* 'директива', возводящая его к согдийскому **dasta-* 'рука' по модели семантического развития, засвидетельствованной также в других языках.

Ключевые слова: *персидский язык, согдийский язык, этимология, историческая семантика*

Арманд Е.Е. *Выражение аспекта в современном персидском языке*

Для системы видовременных форм современного персидского языка в статье предлагается описание через две структурных оппозиции: по признакам длительности и завершенности действия.

Ключевые слова: *персидский язык, вид, время*

Белова А.Г. *К вопросу о типологии иракского диалекта арабского языка (багдадский диалект)*

В статье рассматриваются типологические особенности грамматического строя багдадского диалекта арабского языка в сопоставлении с другими диалектами и литературным арабским языком.

Ключевые слова: *арабский язык, словоизменение, изафет*

Гадиллия К.Т. *Особенности усеченного императива в современном грузинском языке (на англ.яз.)*

В статье рассматриваются фонетические и морфологические правила, по которым происходит усечение форм, используемых в современном грузинском языке в функции императива. Особое внимание уделяется случаям полного усечения значащей глагольной основы, когда лексическое значение глагола целиком определяется превербом, а также деривационным ограничениям на плюральные и вежливые формы, которые сужают возможности употребления этих форм по сравнению с полными императивными формами.

Ключевые слова: *грузинский язык, императив, словообразование, преверб, усечение, аорист*

Дёрин С.В. *Служебные слова в языке зороастрийский дари*

В статье дается описание системы служебных слов (предлогов, послелогов и союзов) в языке йезди, или зороастрийский дари. Указываются значения рассматриваемых единиц и даются многочисленные примеры их употребления.

Ключевые слова: *дари, йезди, предлоги, послелого, союзы, синтаксис*

Джафари-Дехаги М. *Глагольная система глагольных форм в диалектах юго-восточного Ирана (на англ.яз.)*

В статье дается описание системы глагольных форм в говорах округа Ларестан (ларские говоры) и района Башакерд (говоры башкарди) и отмечаются некоторые семантические и синтаксические сходства этих говоров.

Ключевые слова: *иранские языки, диалекты и говоры, глагольное словоизменение*

Иванов В.Б. *Персидский субсинтаксис*

Система описания синтаксиса, разработанная для персидского языка А.К. Арендсом, Л.С. Пейсиковым и Ю.А. Рубинчиком и с некоторыми оговорками применимая также к близкородственным языкам: таджикскому, дари и их диалектам, – охватывает синтаксические уровни от словосочетания до сложного предложения, но не уровень субсинтаксиса – связи клитик и незначительных частей речи с другими словами. В статье восполняется данный пробел и пересматриваются те части синтаксической теории, которые отвечают за стыковку субсинтаксиса с синтаксисом словосочетаний и предложений.

Ключевые слова: *персидский язык, служебные слова, синтаксис*

Комарова И.Н. *К типологической оценке морфонологии тибетского языка*

Тибетский язык обладает типологическими характеристиками агглютинативных и флективных языков в сочетании с некоторыми чертами изолирующего строя. В статье разбираются фрагменты его морфологической системы, где проявляются особенности каждого из этих типов.

Ключевые слова: *тибетский язык, словоизменение, словообразование, типология, морфонология*

Молчанова Е.К. *О структурной характеристике глаголов зороастрийского дари (или йезди)*

Статья посвящена структурным моделям глаголов языка йезди, или зороастрийского дари, в сопоставлении с родственными и семантически близкими им глаголами персидского и других иранских языков.

Ключевые слова: *иранские языки, зороастрийский дари, или йезди, морфология, глаголы*

Талыбова С.Э. *Категория времени в персидском языке*

В статье рассматриваются видовременные формы глаголов современного персидского языка, сопоставляются их определения в работах отечественных и персидских грамматистов и даются многочисленные иллюстрации их текстовых употреблений.

Ключевые слова: *персидский язык, глагольное словоизменение, время, вид*

2. Summaries

Shalyapina Z.M. *The 90-th Anniversary of I.F. Vardul and Yu.A. Rubinchik.*

The paper gives an outline of the life story and research activities of two outstanding Russian linguists and orientalists: I.F. Vardul known by his contribution to Japanese studies and linguistic theory, and Y.A. Rubinchik – an eminent specialist in Persian. Appended are the lists of publications on each of the scientist's life and works.

Keywords: *personalia, Japanese studies, Persian studies*

Alpatov V.M. *I.F.Vardul's Linguistic Conception*

The paper examines I.F. Vardul's stratificational conception of language as one of the last major theoretical results within the structuralist linguistic paradigm, and his views on other linguistic theories, primarily, N. Chomsky's one.

Keywords: *personalia, linguistic theory, linguistic strata, structuralism*

Dorri J. *Yu.A. Rubinchik – the Editor-in-chief and the Head of the Team Compiling the Two-volume Persian-Russian Dictionary*

The author recollects his work as one of the compilers of the two-volume Persian-Russian dictionary under the leadership of Yu.A. Rubinchik.

Keywords: *personalia, lexicography, the Persian language*

Kameneva M.S. *Yu.A. Rubinchik's Innovative Work*

The scientific works of Yu.A. Rubinchik, a famous expert in Iranian Linguistics, are widely known both in Russia and abroad. They cover a wide range of areas in the study of modern Persian language, from its grammar and vocabulary to its socio-linguistic aspects. Yu.A. Rubinchik's talent as an innovative researcher is also apparent in his work with his pupils helping their formation as Iranology scientists.

Keywords: *personalia, Iranian linguistics, scientific heritage, Persian sociolinguistics, Islam, academies of Persian language and literature, polite expressions.*

Rozanova T.A. *I.F. Vardul's Linguistic Legacy in Teaching and Translation*

The paper explores two topics in Japanese studies considered by I.F. Vardul – the problem of adequate translation and that of the semantics of the compound nominal predicate. The author shows that depending on the semantic class of the nominal group the copula can occur with the

auxiliary *iru*, not *aru*. A number of Japanese examples are examined showing the validity of I.F. Vardul's approach.

Keywords: *Japanese language, translation, copula, aspect*

Khamrai A.A. *Phenomenological Dimension of Arabic Grammar*

The paper considers the possibility of analysis of Arabic grammar phenomena using the principles of Gusserl's phenomenology and the phenomenological view on the language. The main conclusion is the expediency of "ignoring" the whole set of statements about grammar phenomena of the Arabic language using phenomenological reduction. The author still considers complex grammar phenomena both in ontological and phenomenological dimensions simultaneously.

Keywords: *Arabic, philosophy of language, linguistic strata*

Shalyapina Z.M. *Linguistic Levels and Their Interrelationship*

The paper suggests visualizing the system of linguistic levels as a linguistic space formed by three different axes: those of denomination, decomposition and generalization. The generally accepted levels can be distributed between the three axes in a natural way, which can be helpful in explaining some specific features of language, e.g., correlation of grammar and lexicon, phenomena of linguistic redundancy, variability of linguistic performance based on a stable linguistic competence, etc.

Keywords: *linguistic theory, linguistic strata, linguistic sign structure, linguistic competence*

Bykova S.A. *The Tokyo Dialect and Phaseological Derivation in Japanese*

The paper differentiates and examines five of six types of fixed expressions and phraseological units that came into the standard Japanese language from the dialect of Edo (present Tokyo) and continue to be used to this day.

Keywords: *Japanese, Tokyo dialect, Edo dialect, phraseology*

Dodyhudoeva L.R. *Arabic Loanwords: The Semantic Aspect (Based on the Data of the Pamiri and Tajik Languages)*

The paper gives an overview of Arabic loanwords in the Pamiri languages and Tajik dialects of Badakhshan. They are compared to their counterparts in the classic and modern Tajik, and meanings unique to particular languages are specifically noted.

Keywords: *loanwords, Pamir languages, Tajik, Arabic*

Kuzmina A.A. *Persian Family Names*

The paper presents a study of Persian family names as of late XX century, classifying them by the Part-of-speech of their source words, by

their semantics and by the source language (for loanwords). Each class is exhaustively illustrated.

Keywords: *onomastics, Persian, family names*

Polischuk A.I. *On the Need for a Persian-Russian and Russian-Persian Dictionary of Socio-Political Terms*

The current state of general, specialized and learners' Persian-Russian and Russian-Persian lexicography is reviewed, with special consideration given to the problems of compiling a new dictionary of socio-political terms.

Keywords: *Persian, lexicography, socio-political terms*

Seyyed Agai Rezaei S.M. *Russian Loanwords in Names of Fish in Mazanderani*

Russian loanwords connected with fishing are prominent in the languages of the Northwestern Iran. The paper focuses on the fish names of Russian origin in the Mazanderani language noting the changes in their pronunciation and the corresponding native terms.

Keywords: *loanwords, Caspian languages, Mazanderani language, Russian*

Yakubovich I.S. *On the Etymology for the Persian dāstur*

The Persian dāstur 'directive' is traced back to the Sogdian *dasta- 'hand' from which it is supposed to be derived according to a pattern of semantic shift documented in a variety of languages.

Keywords: *Persian, Sogdian, etymology, historical semantics*

Armand E.E. *Aspect in Modern Persian*

The paper presents a description of the temporal and aspectual verbal forms in modern Persian. The system is structured around two oppositions: continuous/bounded and perfective/imperfective.

Keywords: *Persian, tense, aspect*

Belova A.G. *On the Typology of the Baghdad Dialect of Arabic*

The paper focuses on the Baghdad dialect of the Arabic language, explores its unique typological features and its differences from other dialects and from the standard Arabic, with particular attention to two types of izafet constructions.

Keywords: *Arabic, inflection, izafet*

Gadilia K.T. *Features of the Truncated Imperative in Modern Georgian*

The object of the investigation is the truncated imperative in Modern Georgian, which results from reduction and deterioration of the verb stem under the influence of intensive stress. The paper examines the phonetic

and morphological rules which govern the process of truncation and describes the main characteristics of truncated imperatives, presenting an empirical basis for further and broader research into this area. Special attention is given to full truncation of the meaningful verb stem, with the lexical meaning of the verb conveyed completely by the preverb, as well as to the derivational constraints on plural and polite forms that restrict the environment of their usage in comparison with that of full imperatives.

Keywords: *Georgian, imperative, derivation, preverb, truncation, aorist*

Dyorin S.V. *Function Words in Yazdi*

The paper describes several classes of function words (prepositions, postpositions and conjunctions) in Yazdi, specifying their meanings and providing numerous examples of their usage.

Keywords: *Yazdi, preposition, postposition, conjunction, syntax*

Jaafari-Dehaghi M. *Verbal System in the South-Eastern Iranian Dialects*

The paper gives a detailed description of the verbal system in two groups of South-Eastern Iranian dialects, Laristani and Baskardi, specifying some semantic and syntactic similarities of the dialects in question.

Keywords: *Iranian languages, dialects, conjugation*

Ivanov V.B. *Persian Subsyntax*

The framework for syntactic description developed by A.K. Arends, L.S. Peysikov, and Yu.A. Rubinchik for Persian and applicable, with some reservations, to closely related languages: Tajik, Dari, and their dialects, covers the syntactic levels from word combinations to sentences, but overlooks the level of subsyntax – relations of clitics and function word classes with content words. The paper bridges this gap and revises those aspects of the syntactic theory that are responsible for the link-up of subsyntax with the syntax of word-combinations and sentences.

Keywords: *Persian, function words, syntax*

Komarova I.N. *The Typological Status of Tibetan Morphology*

The Tibetan language combines characteristics of fusional and agglutinative languages with some isolating features. The paper examines the characteristics of each of these types as they are manifested in derivation and inflection.

Keywords: *Tibetan language, typology, morphology, morphonology*

Molchanova E.K. *The Structural Characteristics of the Yazdi Verb*

The paper gives an overview of the structural classes of verbs in Zoroastrian Dari (Yazdi) in comparison to their cognates and semantically related verbs in Persian and other Iranian languages.

Keywords: *Iranian languages, Yazdi (or Zoroastrian Dari), morphology, verbs*

Talybova S.E. *The Category of Tense in Persian*

The paper reviews the temporal and aspectual verb forms of the modern Persian language, comparing their definitions by Russian and Persian grammarians and illustrating the forms in question by numerous text examples.

Keywords: Persian, verbal conjugation, tense, aspect

3. Сведения об авторах

Алпатов Владимир Михайлович – доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, директор Института языкознания РАН, главный научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН

Арманд Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и филологии Южной и Центральной Азии Института восточных культур и античности РГГУ

Белова Анна Григорьевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН

Быкова Стелла Артемьевна – кандидат филологических наук, зав. кафедрой японской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова

Гадилия Кетеван Тамазовна – кандидат филологических наук, доцент РГГУ, Москва

Дёрин Сергей Владимирович – аспирант сектора иранских языков Института языкознания РАН

Джафари-Дехаги Махмуд – преподаватель кафедры древнеиранских языков и культуры Тегеранского Университета, Иран.

Додыхудоева Лейла Рахимовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания РАН

Дорри Джехангир Хабибулович – доктор филологических наук, профессор Московского государственного лингвистического университета

- Иванов Владимир Борисович** – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иранской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова
- Каменева Марина Самуиловна** – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора Ирана Института востоковедения РАН
- Комарова Ирина Нигматовна** – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания РАН
- Кузьмина Алла Алексеевна** – кандидат филологических наук, преподаватель персидского языка Дипломатической академии, внештатный сотрудник Отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН
- Молчанова Елена Константиновна** – доктор филологических наук, заведующая сектором иранских языков Института языкознания РАН
- Полищук Александр Иванович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора Ирана Института востоковедения РАН
- Розанова Татьяна Анатольевна** – доцент кафедры восточных языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета
- Сейед Агаи Резаи Сейеде Моханна**. Мазандеранский университет, Бабольсар, Мазандеран, Иран; Тегеранский университет, Тегеран.
- Тальбова Севиль Энверовна** – кандидата филологических наук, доцент кафедры восточных языков переводческого факультета МГЛУ
- Хамрай Алексей Александрович** – доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения НАН Украины, Киев
- Шаляпина Зоя Михайловна** – кандидат филологических наук, заведующий Отделом языков стран Азии и Африки Института востоковедения РАН (Москва)
- Якубович Илья Сергеевич** – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН, научный сотрудник Института мировой культуры МГУ, ведущий научный сотрудник Института восточных культур и античности РГГУ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Персоналии	5
З.М. Шаляпина. 90 лет со дня рождения И.Ф. Вардуля и Ю.А. Рубинчика	5
В.М. Алпатов. Лингвистическая концепция И.Ф.Вардуля	10
Дж. Дорри. Ю.А. Рубинчик – ответственный редактор и руко- водитель двухтомного персидско-русского словаря	23
М.С. Каменева. Ю.А. Рубинчик – исследователь-новатор	25
Т.А. Розанова. О практической ценности научного наследия научного наследия И. Ф. Вардуля	31
Теория языка	38
А.А. Хамрай. Феноменологическое измерение арабской грамматики	38
З.М. Шаляпина. Языковые уровни и их соотношение между собой	49
Лексикология и лексикография	76
С.А. Быкова. Язык Токио и процесс фразеологической деривации в японском языке	76
Л.Р. Додыхудоева. Лексика арабского происхождения: семантический аспект (по материалам памирских и таджикского языков)	87
А.А. Кузьмина. Персидские фамилии (на материалах 2-й половины XX века)	107
А.И. Полищук. О необходимости создания персидско-русского и русско-персидского словаря общественно-политиче- ской лексики	155
С.М. Сейед Агаи Резаи. К названиям рыб в мазандеранском языке: русские заимствования	160
И.С. Якубович. К этимологии персидского <i>dāstur</i>	175
Морфология и синтаксис	187
Е.Е. Арманд. Выражение аспекта в современном персидском языке	187
А.Г. Белова. К вопросу о типологии иракского диалекта арабского языка (багдадский диалект)	193

K. Gadilia. Features of the truncated imperative in Modern Georgian	204
С.В. Дёрин. Служебные слова в языке зороастрийский дари . . .	216
M. Jaafari-Dehaghi. Verbal System in the South-Eastern Iranian Dialects	236
В.Б. Иванов. Персидский субсинтаксис	252
И.Н. Комарова. К типологической оценке морфологии тибетского языка	266
Е.К. Молчанова. О структурной характеристике глаголов зороастрийского дари (или йезди)	282
С.Э. Талыбова. Категория времени в персидском языке	291
Приложения	299
1. Аннотации	299
2. Summaries	304
3. Сведения об авторах	308

Научное издание

**Проблемы общей и востоковедной лингвистики 2013. Два выдающихся востоковеда:
К 90-летию со дня рождения И.Ф. Вардуля и
Ю.А. Рубинчика**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Верстка А.С. Панина, С.Д. Малышева

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом А. В. Сарабьев

Подписано к печати 10.12.2014
Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 16,0. Уч.-изд. л. 15,8 а.л.
Тираж 300 экз. Зак. №